

Тюменский научный центр
Сибирского отделения РАН
Центр прикладной этики

Фонд
защиты
гласности

Комитет Российской
Федерации
по печати

СТАНОВЛЕНИЕ ДУХА КОРПОРАЦИИ:

**правила честной игры
в сообществе
журналистов**

Консультативный опрос экспертов

Под редакцией
В.И. Бакштановского
Ю.В. Казакова
А.К. Симонова
Ю.В. Согомонова

ИЛЧЛЛЛ-ПРЕСС

ББК 87.715

С77

С77 Становление духа корпорации: правила честной игры в сообществе журналистов. — / Под редакцией В.И.Бакштановского, Ю.В.Казакова, А.К.Симонова, Ю.В.Согомонова. — М.: НАЧАЛА-ПРЕСС, 1995.— с.376

ISBN 5-88581-021-4

Книга представляет собой результат исследования состояния журналистского этиоса в переходный период развития России.

Проект, задуманный как гуманитарная экспертиза и консультирование одной из самых влиятельных профессиональных этик становящегося правового государства и гражданского общества, дает возможность впервые получить морально-значимую информацию о потенциале корпоративной этики журналистов.

Инициаторы проекта стремились прежде всего организовать два рода материалов, имеющих экспертное значение. Во-первых, наблюдения над моралью и размышления. Во-вторых — аналитическая рефлексия. Заочная переключка, а иногда и диалог этих двух позиций создают дополнительный эффект в диагностике и прогнозе становления духа корпорации.

Дополнительно экспертный потенциал книги усилен за счет материалов двух исследовательских подходов: социологических исследований и игрового моделирования, а также публикацией фрагментов практикуемых этических кодексов с комментариями их разработчиков.

В целом представляемая книга может иметь как самостоятельное значение, так и выполнять роль первого шага в мониторинге журналистской этики России, в том числе и быть предметом следующего шага — «экспертизы экспертизы».

Материалы ряда авторов представляют собой стенограммы интервью. Их заголовки предложены редакторами. Эти тексты помечены в оглавлении знаком *.

ББК 87.715

ISBN 5-88581-021-4

© Центр прикладной этики,
Тюмень, 1995
© НАЧАЛА-ПРЕСС, оформление,
1995

МИССИЯ И КОДЕКС ЖУРНАЛИСТИКИ: ИГРА ПО ПРАВИЛАМ ИЛИ ЧЕСТНАЯ ИГРА?

1. ПЕРЕПУТЬЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА

О «корпоративном начале», заложенном в журналистике как социопрофессиональном институте, достаточно громко заговорили теперь уже и в наших палестинах. И незамедлительно выяснилось – иначе, впрочем, и быть не могло, – что не только исследователи, но и сами журналисты понимают под корпоративностью нечто различающееся не только простительными оттенками смысла, но порой даже "знаком". Для одних само слово это звучит завораживающе привлекательно, и им готовы привольно пользоваться, беззаботно отложив на лучшие времена выяснение его значения. Для других то же самое слово оказывается глубоко чуждым, настаивающим, угрожающим каким-то профессиональным ценностям и вольностям, и без того сильно урезанным всевозможными инстанциями.

Одни на развитие в направлении корпоративности надеются как на естественный процесс, связанный с вхождением средств массовой информации в систему рыночных отношений, как на серьезный шанс для российской журналистики стать более информативной, менее ангажированной в политико-идеологическом плане. Другие, напротив, связывают тенденцию к корпоративизации прежде всего с воздействием внешних по отношению к самой журналистике сил. Главным образом, с угрозой монополизации средств массовой информации политической властью или отдельными финансово-промышленными группировками.

Характерно, что разномотивированные сторонники активизации корпоративных начал в отечественной журналистике достаточно дружно апеллируют к профессиональной морали журналистов. Возникла возможность обращаться те-

Предисловие редакторов

перь уже не только к сумме частных (как правило — негативных) прецедентов из газетно-журнальной и радиотелевизионной практики, но и к множющимся фактам морального нормотворчества, инициируемого самим цехом. Речь идет об этических кодексах журналистики.

При том что своды норм в российской журналистике последнего времени разрабатывались действительно активно (назовем только "Декларацию", подписанную в феврале 1994 года рядом известных имен, входящих в Московскую хартию журналистов, и "пилотный" кодекс тележурналиста С.Муратова), нам представляется, что полоса спонтанного развития этико-профессиональных начал на этом направлении близка к завершению, что практическая журналистика подведена к ситуации пороговой, ставящей фактически всех, профессионально в ней занятых, в ситуацию отнюдь не простого выбора.

Один из признаков такой ситуации — несомненно нарастающее давление на журналистов и их многочисленные организации со стороны властных структур. Не обсуждая здесь объективных и субъективных причин и поводов для подобного давления, заметим и зафиксируем сам политико-моральный "обертон" властных поползновений. Этот "обертон" хорошо слышен в многочисленных инвективах, когда речь ведется не просто о контроле над средствами массовой информации, но, как правило, о цене слова для общества и самой прессы, о необходимости сберечь ростки свободы массовой информации от заморозков, связанных с попытками превратить эту свободу в освобождение от обязанностей перед обществом.

Устами высокопоставленных должностных лиц власть фактически предлагает журналистам заново обдумать не только свои "властные" притязания, но и способы их выражения, дополняя прямое влияние на журналистику (соответствующее законодательство, правоприменение, установление норм и правил игры в экономическом пространстве) воздействием "установочным", ориентирующим на соответствие

представлениям власти относительно того, что считать порядочностью, а что пошлостью и непристойностью, наверху спущенный образ делового призвания журналистики, на указание, как ей надлежит служить духовному и нравственному возрождению России.

Другой, еще более серьезный, признак возникшей ситуации выбора — свод моральных норм, заложенный в основание так называемой профессиональной карточки (удостоверения) журналиста, которая может приобрести характер чуть ли не пропуска в тщательно оберегаемую зону профессиональных прав, льгот и привилегий, (отчасти реальных, а отчасти мнимых). По существу, может встать вопрос о допуске к профессии в целом и даже пусть пока только косвенно — о праве на профессию. Тому, кто сочтет данное утверждение преувеличением, напомним, что Кодекс профессиональной этики российского журналиста, одобренный Конгрессом журналистов России в июне 1994 года, начинается с констатации: журналист всегда обязан действовать исходя из принципов профессиональной этики, «зафиксированных в настоящем Кодексе, принятие, одобрение и соблюдение которого является неременным условием для его членства в Союзе журналистов России».

Вопрос о том, существуют ли в России реальные предпосылки для создания журналистской корпорации — в широком ли, общецеховом, смысле или в узком, ограниченном гильдией или конкретной организацией в виде издательского дома или отдельной редакции (компании), — отнюдь не праздный вопрос. Тем более не суесловным является вопрос о том, какого рода нормы и поведенческие правила должны закладываться в основы такой корпоративности самим цехом в качестве обязательных в одних, весьма ограниченных, случаях и рекомендательных — во всех остальных. И те и другие определяют характер поддержания устойчивых, продуктивных взаимоотношений цеха как с гражданским обществом, так и с политической властью.

В этой ситуации и был инициирован проект, название которого вынесено на обложку книги.

ЦЕЛЬ проекта: уловить дух современного журналистского сообщества и по возможности оказать влияние на процесс нравственной рефлексии этого сообщества с точки зрения становления журналистской корпорации.

ЗАДАЧИ проекта: исследование предпосылок и оснований формирования профессионально-нравственных кодексов журналистики; гуманитарная экспертиза прецедентов декларирования кредо и «правил игры» журналистской деятельности, вариантов кодификации этических норм профессии; наработка теоретических и теоретико-прикладных материалов для последующей работы сообщества по моделированию корпоративных кодексов и деятельности этических комитетов.

В самом общем виде диагностическую рабочую гипотезу авторов проекта можно изложить следующим образом. Людям, считающим себя представителями цеха, самое время задуматься о специфике нравственных оснований, лежащих в фундаменте профессиональной журналистской корпорации, задуматься над тем, как можно было бы определить, описать и выразить ее, корпорации, дух, попытаться выделить и систематизировать те базовые ценности, которые именно сегодня должны быть заложены в качестве побуждений (в первую очередь) и ограничений (по возможности — во вторую) профессиональной деятельности членов журналистской корпорации.

2. ПРОБЛЕМНАЯ СИТУАЦИЯ

Итак, возникшее вдруг моральное нормотворчество цеха — что оно означает? Внутреннюю потребность? Или ответ на какой-то внешний вызов. Вызов, приобретший характер «вызова на ковер» к начальству? Характер «вызова времени»? А может статья, это просто рудимент авторитарных устремлений профессиональной бюрократии? Или это все же естественная форма самоорганизации и самоуправления свободной профессии?

Возникает и другой, не менее существенный ряд вопросов: справится ли не некое идеализированное, а вполне реальное профессиональное сообщество российской журналистики с

задачей "опознания" в предлагаемых ему сегодня проектах кодексов затаенного недоверия к его, сообщества, нравственной свободе, обнаружит ли в них явственные следы административного упоения? Разглядит ли — и, собственно говоря, по каким признакам — в числе других те проекты, которые трактуют кодексы как ориентиры для нравственного самоопределения журналиста? Наконец, рассматривая варианты, откроет ли для себя не всегда очевидную связь каждого, из кодексов с такими понятиями индивидуального кредо, как призвание, служение, самореализация, ответственность? Притом не просто «перед кем-то», но и «за что-то»? Обнаружат ли журналисты скрытую зависимость между сводом норм и самоопределением сообщества относительно его социальной миссии, его социальной роли, высветят ли тем самым таинственный дух корпорации, от которого так много в деятельности именно к о р п о р а ц и и?

И в том же алгоритме вопрошания: не слишком ли рискованы вне такого открытия, вне подобных обнаружений даже самые благие намерения по развитию профессиональной солидарности? Не придется ли на практике принудительно собирать, сколачивать цех на таких основаниях, которые достаточно далеки от подлинной основы профессиональной морали? И не грозит ли такой подход парадоксальным эффектом — скачкообразным усилением раздробленности цеха? Или потерей и без того уж незначительного шанса на трансформацию духа "лицензированного" государством корпоративизма в дух свободной корпорации. Или — растяжкой этого мучительного по необходимости процесса до «греческих календ»?

3. РАБОЧАЯ ГИПОТЕЗА: ДИАГНОСТИЧЕСКИЙ ЭСКИЗ

Опыт создания кодексов, хартий, наборов профессиональных принципов и норм и т.п. вольно или невольно отражает различные представления, доминирующие в тех или иных сегментах или структурах профессионального сообщест-

ва о миссии и социальной роли журналистики в обществе. Такие представления, фокусируемые в широком диапазоне метафор от незабвенного «*приводного ремня*» до «*масс-медиа*», между которыми миссии «*носитель массовой информации*» и «*четвертая власть*», разумеется, редко проявляются в рафинированном виде. Очевидно, для переходного периода (если мы согласимся нынешний его инертный отрезок именовать именно таким образом) в развитии страны сосуществование различных представлений о миссии профессии вполне естественно. Показательно, что в разных моделях нормотворчества — а мы выделили три подобные модели — они сочетаются по-разному, как и по-разному соотносятся друг с другом.

Модель первая. Преобладающая тенденция к созданию собственно кодексов характеризуется пестротой, совмещением представлений о миссии журналистики, присущих и советскому, и постсоветскому периодам истории страны. С одной стороны, бесспорный факт повышенной социальной ответственности журналистики сегодня все еще на деле сводится к "мягкой" подмене гражданской ответственности ответственностью по вертикали — перед политической властью. В итоге декларируемая большинством из известных в настоящее время кодексов мораль настороженно настроена по отношению к своей собственной — *свободосозидающей* — природе, которая трактуется создателями кодексов, увы, лишь в запретительном ключе, как система сдерживающих, а не побуждающих факторов. Явно опасаясь непредсказуемости свободного морального выбора и самоопределения, создатели этих кодексов по опекунским соображениям предупреждают саму эту непредсказуемость, "перехватывают" ее с помощью сильной или слабой версии патернализма. Фактически современная профессиональная мораль журналистов в этом случае выглядит или как фрагмент морали традиционного общества, где она еще не успела отмежеваться от косных обычаев, не успела, собственно говоря, профессионализироваться, или проявляет себя как

мораль этатизированного общества советского типа.

В рамках этой же модели обнаруживается и иной подход. Он проявляет себя в виде стремления осмыслить этические кодексы как инструмент саморазвития и консолидации журналистского сообщества. Как правило, сторонники такого подхода осознают, что активно способствовать решению этих задач кодекс способен лишь в том случае, если он сам не навязывается извне и тем более не спускается сверху, а формируется цехом, когда кодекс в полном смысле приходит снизу, но не проводится «через низы» или «именем низов», с учетом того, как говорил сатирик, что «верхи» должны иметь достойные «низы».

Однако гарантирует ли сам по себе голос снизу преодоление бремени традиционализма и патернализма? Ведь за несомненным в этой модели *инструментализмом* обращения с нравственной свободой профессионалов через кодекс нельзя не увидеть определенных *оснований* — вполне отчетливых представлений о социальной миссии и роли профессии в современном обществе. Каковы же они?

Известно, скажем, что «четвертая власть» нередко воспринимается (в том числе и самими журналистами) как «власть» в буквальном значении равновеликая или уже однопорядковая первым трем, как составной элемент разделения властей в демократическом обществе. В реальных условиях современной России с ее еще неустоявшейся демократией, со сложнейшим конфликтом властных ветвей в центре и в регионах, средства массовой информации — зачастую поневоле — берут на себя роль не только морального судьи или же компаса власти (привычка, унаследованная еще из советского прошлого), но и роль прямого партнера или же противовеса власти, восполняя тем самым неразвитость как институтов власти, так и институтов гражданского общества. В этом направлении журналистику подталкивают и ментальность самих журналистов, и ментальность массового реципиента (читателя—слушателя—зрителя), которые, не отучившись воспринимать средства массовой

информации как орудия власти, приучились в первые годы гласности, в розовый, романтический период перестройки, воспринимать эти средства как главное орудие борьбы с властью.

Но оставляет ли такой подход надежду превратить журналистику из «еще одного» института окологосударственной власти в автономную корпорацию гражданского общества? И, кстати говоря, возможно ли признать такое превращение целью, полезной России, актуальной для нее? А для самой журналистики?

Очевидно, что миссия «четвертая власть» не идентична миссии «носитель массовой информации». Прописанное законом понятие «массовая информация» отличается известным объективизмом, акцентированной безидеологичностью, намеренным отклонением пропагандистских функций в том их виде, как это понималось в недавнем прошлом. Вправе ли мы пренебречь этими характеристиками? Можно ли, далее, и допустимо ли рассматривать в качестве основы и показателя независимости средств массовой информации ситуацию, при которой газеты, журналы, электронные средства стремятся выразить не общественное, а свое собственное мнение? И стоит ли ожидать изменения данного положения вещей до тех пор, пока не выработан своего рода общественный договор не только между обществом и средствами массовой информации, но и между обществом и государственной властью, призванной представлять и отстаивать его интересы?

Модель вторая. Журналистское сообщество, кажется, готово примириться с известным расколом в собственной среде. Во всяком случае существуют обновленческие проекты, адресованные не цеху в целом, а лишь отдельным группам сообщества. Не отказываясь от надежды дожить до времени, когда журналистика станет действительно свободной и демократичной, а правила честной игры будут не только провозглашаться, но и войдут в плоть и кровь всех отношений членов сообщества (разве что за отдельными исключениями), некоторые

Предисловие редакторов

журналисты создают "островки" выживания и даже развития профессиональной морали, небезуспешно практикуя именно *честную игру*.

Создаваемые в такой ситуации своды норм в стиле *хартий* могут включаться и в общецеховые кодексы. Пусть даже в этом случае создатели кодексов смогут достичь лишь внешнего освоения отбираемого "материала". Чаще всего хартия более продвинута в направлении реального самоопределения журналиста. Не претендуя на охват всего сообщества, она заведомо собирает моральных единомышленников, опираясь при этом на этику коллегиального товарищества. В границах таких малых групп без затруднений проявляется, а потому и не девальвируется честное слово профессионала. Соревновательность в тех же пределах не приобретает характера "грязной" конкуренции. Здесь вполне естественна неписаность правил честной игры: в отличие от общецехового кодекса ставка тут делается на неформальные санкции признания и осуждения, уважения и отвержения, на духовные элементы социального контроля.

Однако устранена ли в таком привлекательном типе нормотворчества та ограниченность доверия к моральной свободе профессионала, которая заметна в первой модели — общецехового кодекса? И не содержится ли во второй модели иной опасности — высокомерия и элитарности? Вникая в основания того типа нормотворчества, каким являются хартии, обнаруживаем в нем сочетание тех же двух миссий («четвертая власть» и «носитель массовой информации»), что и в случае с общецеховыми кодексами. В то же время первая миссия представлена в хартии не столько в виде псевдовластной структуры, сколько в версии, приближающей ее к роли «общественного рупора» или «mass media».

Модель третья. Авторам проекта известен и российский прецедент (единственный в своем роде) создания модели кодекса, осваивающего природу нравственной свободы и морального выбора с большей степенью адекватности, чем модели предыдущие. Речь идет о понимании кодекса как эталона,

по которому журналисты сами для себя, в своей корпоративной среде, смогут оценить этическое качество собственных поступков.

Особое значение в этом случае имеет органическая связь принципов и ценностей профессиональной морали с моделью социальной миссии журналистики, акцентирующей общественную потребность в информации и права личности на гражданское самовыражение. Гражданское общество здесь выступает и *субъектом*, и *объектом* информирования. Такая модель миссии журналистики более всего соответствует, как представляется, понятию миссии «mass media», отражающему ценности гражданского общества и роль журналистики как посредника между индивидами, общественными группами, движениями в их отношениях с государством. Именно на перекрестке этих отношений и "выращиваются" корпорации с консолидированными самостоятельными интересами, взаимодействующими с государством и с отдельными его институтами. Наиболее трудный вопрос, возникающий в связи с этим прецедентом: много ли реальных шансов на принятие и укоренение такой модели, если не поддаваться обаянию утопий?

4. ГУМАНИТАРНАЯ ЭКСПЕРТИЗА: МОРАЛЬ НЕ ИЗУЧАЮТ, А СТРЕМЯТСЯ ПОНЯТЬ

Среди множества возможных подходов к результатам предварительного диагностического анализа наиболее эффективным инициаторам проекта представляется методология *гуманитарной экспертизы и консультирования*. (Основные идеи методологии гуманитарной экспертизы и консультирования, разработанные Центром прикладной этики, см. в кн.: Гуманитарная экспертиза: возможности и перспективы. - Новосибирск.: Наука, 1992).

Работа с таким специфическим предметом как мораль безусловно ограничивает использование традиционного познавательного инструментария исследователя, приверженного поиску объективных истин, озабоченного ретушированием случайных личностных смыслов, не доверяющего расплывчатым

Предисловие редакторов

концепциям понимания, работающего с установкой на подающуюся формализации репрезентативность и т.п.

Фактически единственным более или менее адекватным природе морали вообще и профессиональной морали в том числе методом познания, а точнее — понимания нравственной жизни человека, группы, профессионального сообщества является метод *диалогического* общения исследователя и *эксперта* — независимо от того, ведут ли они очный или заочный диалог.

Выбор эксперта — сложная методологическая задача. Минимизация исследовательского произвола достигается в этой ситуации, во-первых, за счет конструирования *системы зеркал* для сообщества, позволяющих ему увидеть самого себя в рефлексивных статусных позициях руководителя редакции, журналиста, лидера профессиональной ассоциации, разработчика кодекса, аналитика журналистских нравов, этоса. Во-вторых, за счет представительства в корпусе экспертов центральной и региональной прессы (в нашем случае это авторы из Москвы и Тюмени). В-третьих — благодаря тому, что в выборе экспертов ставка делается на имя журналиста, его авторитет в профессиональных и общественных кругах. Разумеется, элемент случайности выбора редуцировать полностью невозможно.

Гуманитарная экспертиза и неразрывно связанная с ней консультативная функция проекта предполагают обеспечение диалога исследователя с экспертом через предъявление на консультацию основных модельных форм профессионального этоса, как они представлены в обыденном сознании и в стереотипизированных картинах аналитиков. Собственные научные пристрастия авторов проекта относительно «наиболее правильной» модели могут быть включены в предмет экспертизы и консультирования, но не должны быть выделены с помощью знаков предпочтительности.

Итак, гуманитарная экспертиза требует от авторов проекта инициировать моральную рефлексию самого сообщества — в отличие от, например, чисто социологического или

Предисловие редакторов

абстрактно-морализаторского подходов, которые менее всего нуждаются в партнерских отношениях с предметом исследования. Подразумеваемый нашим методом режим *консультативного опроса экспертов* несет в себе именно консультативный — не назидательный, не дидактический — потенциал, позволяющий профессиональному сообществу узнать (или не узнать) себя в системе зеркал, которые трудно отбросить, как это сделала капризная сказочная красавица-царица.

Исходя из рабочей гипотезы о ситуации становления корпоративного духа журналистского сообщества, инициаторы проекта решили обратиться к ряду профессионалов, которые знают, чувствуют этос сообщества изнутри («внутренняя экспертиза»), и одновременно, к тем, кто видит журналистов, их деятельность и нравы как бы со стороны, кто тесно соприкасается с ними в процессе собственной профессиональной деятельности (условно говоря, «дистанцированная экспертиза») с просьбой проконсультировать проект по всему диапазону изложенных выше вопросов рабочей гипотезы. Авторы представляют два российских региона: Москву и Тюмень.

Заметим, что не все из тех, к кому мы обратились, согласились на сотрудничество. Одним было просто некогда, другие не считали предложенную проблематику актуальной, третьи не приняли на себя предложенный статус эксперта, четвертые не хотели обсуждать тему, заведомо, с их точки зрения, обрекающую любого, кто ее касается, на лишнее вранье.

В обращении авторов проекта к тем, кто принял приглашение к диалогу, особо подчеркивался наш интерес к суждениям экспертов относительно предложенного набора моделей социальной миссии журналистики и взаимодействия этих моделей с тем или иным способом нормотворчества, а так же к их мнениям о том, как, в каком направлении эксперты полагают необходимым скорректировать предложенные модели.

Осязаемым итогом нашего проекта и стала книга, составленная из экспертных текстов, адресованная и самим

Предисловие редакторов

журналистам, и заинтересованным политикам, обществоведам, и студентам факультетов журналистики. Причем жанр консультаций (размышления, диалог, импровизация "на тему", эссе о нравах и т.п.) избирали сами эксперты. Но для того чтобы они могли ужиться под крышей единой книги, мы попытались разработать нечто вроде «рамочного сценария» для экспертов, который в основных чертах совпадает с данным предисловием. О том, что получилось из этого замысла, предстоит судить читателям.

РАЗДЕЛ 1

**ЖУРНАЛИСТСКОЕ СООБЩЕСТВО:
ВНУТРЕННЯЯ ЭКСПЕРТИЗА**

Р. С. Гольдберг

О ЧЕМ СКАЖЕТ ЦВЕТ КОШКИ НА СТОЛЕ

Давным-давно, по-моему, лет сорок назад, вышла в свет книга Алексея Аджубея о поездке в США. Она называлась «Серебряная кошка». Ничего не помню о ее содержании. Помню только авторское объяснение названия. Аджубей уверял, что у американских журналистов есть правило: поставят на стол серебряную статуэтку кошки — значит, обо всем сказанном за столом можно писать. Стоит черная кошка — писать нельзя.

Помню, как меня удивила простота решения: черная кошка или серебряная? И никаких санкций, штрафов, наказаний... Профессионалы договорились. И точка.

Начну с простого. «Делать журналистику по правилам честной игры» можно, если хотя бы две редакции разработают и станут соблюдать эти самые правила.

По крайней мере, первое из них должно заключаться в следующем: как можно меньше походить на классическую, изображенную Марком Твенем журналистику в Теннесси. Применительно к нашей практике это должно означать: как можно меньше развлекать публику журналистскими дразгмами. В провинции это особенно важно.

Почему в провинции?

Отвечаю.

Именно в провинции журналистов знают в лицо и по именам, и нередко они если не члены семьи, то соседи.

Именно в провинции большинство журналистов совсем недавно кормились в одной-двух газетах, на одном радио или все на одной телестудии. И все про всех все знают. Кто что пьет или не пьет? За кем ухаживал сорок лет назад, при каких обстоятельствах женился или был уволен из еще более провинциального телерадиокомитета... Тем самым информационное поле для сведения старых счетов представляется огромным, питательный бульон для него — неисчерпаем.

Раздел I

Надо ли делать читателя (он же — зритель, он же — слушатель) вечным дежурным по журналистской кухне?

Уверен, не надо. Уверен, этого можно избежать.

Наша газета не раз декларировала свое неучастие в таких столкновениях. А если и нарушала это правило, то обычно не по своей инициативе. (Совсем уж беззубыми перед читателем мы выглядеть не собираемся, а желающих приобрести капитель посредством унижения конкурентов пока еще достаточно.) В моем шкафу лежит довольно толстая папка с вырезками, в которых в том или ином контексте — а иной раз и без контекста — открыто бранят «Тюменский курьер». То коллегам приходит в голову поучить другие газеты языку, то прохаживаются относительно заголовков, то упрекают в близости к властям...

Между тем многие из «газетных войн» можно погасить еще до их начала.

Например, один из обозревателей нынешней общественно-политической газеты поделился с читателями своими впечатлениями об отдыхе в пригородном санатории. А через несколько дней в нашу газету приходит человек, предлагает опровержение и поясняет, мол, в «той газете» напечатать его отказались.

Я, как выяснилось позднее, поступаю несколько старомодно. Звоню заместителю редактора «той газеты» и спрашиваю: вы правда отказались?

«Пока нет, — отвечают мне. — Вот редактор выздоровеет, тогда и решим...» И тут же интересуются: как ко мне попало сие письмо и надо ли обращать на него внимание?

Поскольку мы (см. выше) когда-то работали вместе, я отшучиваюсь и говорю, раз вы намерены напечатать ответ сами, я этого делать не стану.

Недели через три «та газета» напечатала письмо. И с ним странный комментарий. Вот как воспринят мой предупредительный телефонный звонок: «если это не попытка оказать давление, то что?»

Нормально...

Видимо, по мнению моих бывших коллег, я должен был сразу выбросить письмо, без проверки. Либо печатать его. Тоже сразу и тоже без проверки. Честно говоря, первым чувством после прочтения комментария было: впредь печатать все, что захочется. Не оглядываясь. Но когда раздражение схлынуло, решил, что не могу принципами.

Я рассказываю об этом мелком, в общем-то, случае не для того, чтобы хоть как-то рассчитаться за обиду. Как ни странно, но в этой исковерканной по моим понятиям ситуации просматривается тоска журналистского цеха по каким-то канонам, по своеобразному моральному кодексу. Идет поиск. Поиск спонтанный, рефлекторный. Отброшены все прежние "-измы". Налицо попытка создания кодексов для каждого издания. Причем этот групповой индивидуализм не только не считается предосудительным, но и полагается очевидным достоинством. Является средством защиты и предметом гордости.

Кстати, ничего оригинального в этом нет. Насколько мне известно, собственные кодексы имеют многие зарубежные издания. В их числе «Уолл-стрит джорнэл» повелевающий своим сотрудникам ставить в известность руководство газеты о купленных журналистом акциях; очень жестко регламентирующая собственные «правила хорошего тона» «Вашингтон пост». Так что желание газеты «Красноселькуп инкуайер» разработать свой районированный кодекс очень естественно.

Но если бы мы не прокладывали свои журналистские тропы через пространство юридического безмолвия, если бы мы не казались себе слишком уж великими первооткрывателями континента по имени "Журналистика", то мы бы увидели, что большинство "индивидуальных" газетных кодексов на самом деле являются всего-навсего вариантами одного профессионального кодекса. И в принципе большого отличия между ними нет.

Именно наличие такого кодекса, ощущение своей причастности к журналистскому цеху создает явление, которого в России практически нет. Я говорю о корпоративности, как о силь-

Раздел I

нейшем и важнейшем журналистском качестве.

Правда, на западе чувство корпоративности служит средством защиты адептов профессии от общества. Ибо там журналисты командой играют против всех. И чувство общности позволяет им выстоять в неравной все-таки борьбе. Именно этот дух корпорации и породил определение журналистики как «четвертой власти». (В последние годы это определение широко используется в России, где, как все знают, журналистика не является властью. Ни четвертой, ни двадцать четвертой. Каким бы ласкающим этот звук не был для уставших журналистских ушей...)

Итак, чего же боится, от чего пытается себя защитить созданием собственного кодекса вымышленная нами газета «Красноселькуп инкуайер»?

Прежде всего от имиджа «приводного ремня». Даже газеты, учрежденные или соучрежденные органами власти, более всего пытаются избежать обвинения в услужливости. Мне не раз приходилось наблюдать, как прошлый областной Совет пытался поставить к ноге созданную по собственной инициативе газету «Тюменские известия», как устраивал общественные слушания и как скромно умолкал, не будучи в состоянии выговорить то, что осуждалось в посткоммунистический период: мол, я тебя породил, так ты на меня и работай...

В такой ситуации казалось совершенно нелогичным стремление органов власти создавать все новые и новые газеты. Я не раз задавал этот вопрос на самом высоком провинциальном уровне и только раз получил вполне определенный ответ. Бывший председатель Тюменского облсовета высказался в том смысле, что наступающая ему на ноги газета в какой-то степени является для него же гарантом, что он не перешагнет рубежа, за которым начинается беспредел, всевластие...

Хочу оговориться, что так сказал человек из Совета, легитимность которого сомнению не подвергалась. Подобные речи из уст администрации области слышать не приходилось. Хотя я не сомневаюсь, что и эти чиновники где-то в глубине души

Рефлексия главного редактора

воспринимают газету как некий датчик радиационной опасности, думая, что газетные вопли и разоблачения помогут им сохранить какие-то внутренние нравственные критерии. Правда, в последнее время на пресс-конференциях среди администрации все чаще слышишь призывы «писать о хорошем». Наверное, уже нет потребности в тревожащем колоколе или слух притупился?

Большинство газет — и этот факт уже ни у кого не вызывает сомнения — находится на краю гибели. Одни при этом теряют последний стыд, возвращаясь в своей официозности к лучшим образцам партийной журналистики. Другие меняют независимость от власти на зависимость от денежного мешка. Я спокойно воспринимаю и этот факт. Потому что полная продажность (точнее, проданность) еще не говорит о том, что газета превращается в карманное издание.

Из бесед с американскими журналистами мне удалось выяснить очень простую вещь. Продажная газета, как ни странно это звучит, совершенно невыгодна для того, кто ее купил. Как только читатель понимает, что газета куплена, он реагирует однозначно. Издание теряет читателя, а вслед за ним и рекламодателя и перестает приносить доход тому, кто ее купил именно с целью прибыли.

Однако эта проблема не современна. Сейчас все нормальные газеты убыточны. Но как только придет время стабилизации, наступит и час независимых газет. Не только потому, что этого потребует общество, но и потому, что независимость окажется экономически выгодной.

В условиях предложенных авторами анкет много факторов, которые как бы должны представить объемный портрет популярного, нравственного и, следовательно, экономически выгодного издания. Мне же кажется, что все это слишком высокий полет. Читатель — читатель провинциальный — уже прошел через многое. Через разоблачения, обещания, призывы. Мне кажется, что он, читатель, сегодня настолько опытен, что может оценить такую тонкость, как тональность газеты.

Раздел I

Вот мы говорим, независимость.

Что это такое, как определить наличие этого качества либо его отсутствие? Или: если написано «Независимая газета» — то она независимая, а если «Согласие» — то оппортунистическая?

Сегодня в обществе, а значит и в газетах, мерой независимости выступает грубость. И читатели, вероятно, должны думать так же: чем грубее тон, тем независимее издание. По-моему, в этом вообще нет независимости. Грубость — тон вчерашнего лакея, который ищет нового хозяина.

Я предложил бы другую единицу измерения. Чем спокойнее тон газеты, чем сильнее в ней выражено желание понять другую точку зрения, тем она более независима. И самое главное, независима не внешне, а обладает внутренней свободой. Прошу прощения за резкость, независимой газете нет нужды рваться с воплем с цепи, беспокоясь об одном: а вдруг хозяин не заметит такого рвения?

Может быть, нам стоит перестать ставить друг другу градусники, определяя независимость? Читатель все поймет сам...

Когда применительно к журналистике говорят «корпоративность», «корпорация», «корпоративный дух», я начинаю думать: журналисты — коллеги по цеху или... свора драчливых собак? И пусть журналистские «разборки» последнего времени склоняют меня ко второму мнению, все-таки хочется думать, что мы — коллеги. Потому что общие принципы нужны не только для борьбы с бумажниками, связистами, «Роспечатью», законодателями...

Цеховые принципы позволяют сохранить качество работы. В этом смысле профессия, конечно, допускает и поощряет состязательность. Я сделал хорошо, ты сделаешь лучше. Ты сделаешь лучше не для того, чтобы унижить меня (помните детскую дразнилку «Я-а больше тебя, а ты — меньше комара?»), а для того чтобы завтра я сделал еще лучше. Так развивается профессия.

Рефлексия главного редактора

Я понимаю, что говорю вещи, которые могут показаться смешными: в таком возрасте уже думают о вечном, а не о профессиональных соревнованиях. Вот коллега рядом со мной бормочет в диктофон: скажи, что ты своей вершины достиг! Но я не могу и этого сказать. Во-первых, я не вижу, где эта самая вершина. Во-вторых, мне по-прежнему интересно просто работать. Не только руководить газетой, но и составлять информации, разрабатывать газетные компании, придумывать новые подходы к читателю.

Меня недавно спросили: ну зачем я трачу столько сил и времени на свою, в принципе небольшую, газету? Я мог бы еще и сейчас достичь большего, такой известный журналист (в провинциальном, конечно, масштабе). Сказал это близкий мне человек, жизнь которого во многом зависит от моей.

И я ответил... Знаете, что ответил? Вот именно: что я живу собственную жизнь и мне хотелось бы хоть несколько лет пожить в свое удовольствие, получая это самое удовольствие от такого скучного занятия, как работа в газете. Если бы мне было на двадцать лет меньше, я бы тоже «за всеми повлекся».

Но при чем здесь корпоративная этика? Связь прямая. Поскольку я - часть корпорации. Я писал в своем тексте в книге «Апология успеха», что мне удалось повлиять на некоторые тюменские газеты тогда, когда я уже в них не работал, а работал в «Тюменском курьере». Так и здесь. Хочу надеяться, что, ведя себя так, как я хочу вести себя, я тем самым влияю и на корпорацию, точнее, на то, что мы понимаем под этим словом. Я влияю на корпорацию так же, как она влияет на меня.

Если бы я начал вместо информационной газеты выпускать порнографическую (люди зарабатывают на хлеб по-разному), уровень всей корпорации стал бы иным.

Но прошу прощения у корпорации за то, что я позволил вот так сформулировать свою роль в ней.

Итак, на одном полюсе корпорация. На другом, извините, — стая. А посередине? Клань, ассоциации, какие-то другие

Раздел I

формирования... Ну, где на этой оси место такой почтенной организации, как Союз журналистов?

Да, это готовая структура. Но я не воспринимаю корпорацию как структуру. Скорее это что-то вроде берегового братства с его неписаными законами. Свободный союз свободно собравшихся людей.

А союз журналистов — какая-то обязаловка. Надо за что-то голосовать. Вырабатывать линию. А сама организация - не то есть, не то нету. Я к журналистам отношусь корпоративно. Когда начинают ругать какую-то газету, у меня шерсть на загривке встает. Пусть это эротическая газета, которую я не читаю. Но считаю, что она имеет право на существование.

Настораживают ли меня какие-то обязательные нормы, присутствующие в СЖ? Или привлекает внешняя неформленность корпорации? Не знаю. Но в корпорации я сам принимаю на себя нормы, которые не чиновник, пусть даже и журналист-чиновник, выдумал. Они сложились естественно, свободно. Корпорация объединяет не структурой, а внутренним чувством цеховой принадлежности. Никто за меня не решает, состою ли я в корпорации, не зачисляет в ее ряды. Я сам чувствую общность с ней. И добровольно отвечаю — за все, что с этим связано. Я не могу, например, не гордиться тем, как наша корпорация (не СЖ), не сговариваясь, естественно восприняла чеченский конфликт. Может быть, впервые в истории отечественной прессы была продемонстрирована единая корпоративная модель поведения. Был проявлен единый дух.

О журналистском сообществе на тюменской территории. Да, формально оно раскололось на три структуры одного СЖ. Раздаются какие-то вопли, в которых нет ни слова о какой бы то ни было программе. А что я могу предложить? Есть ли у меня определенная программа вывода СЖ из тупика? Нет. Потому что я этот союз в тупик не заводил. Может быть, я придумаю хотя бы программу «круглого стола», которую обсудили бы тюменские журналисты и в результате создали бы нечто?

Рефлексия главного редактора

Опять нет. Потому что большинство моих коллег не придут: они еще не готовы исповедовать главный принцип корпорации, существующей, быть может, только в моем воображении, - терпимость. Я сужу об этом по тому, что эти коллеги пишут.

В корпорации необходима терпимость. Один из моих единомышленников, как правило, говорит в таких случаях: не нравится - не ешь. Если мне не нравится то, что пишет X, я не буду это читать. Может, станет читать кто-то другой. Я не в претензии. И не спрашивайте меня о X. То же - о газетах. Есть у газеты читатель? Соблюдает она закон о СМИ? Все. Никаких претензий. Остальное - дело вкуса. Но я не вмешиваюсь, не обсуждаю, не подаю реплик, не вступаю в дискуссии. Я всегда предлагаю коллегам: давайте не будем отвлекать читающую публику своими ссорами. Это только наше дело. И пусть оно не выходит за пределы редакций.

Если я показался читателю толстовцем, извините. Эта терпимость обращена внутрь нашего цеха. И уж конечно, если меня или мою газету кто-то несправедливо (на мой взгляд, конечно) заденет, я отвечу. С максимальным старанием.

Принципы корпорации нельзя ввести ни указом, ни законом. К ним приходят в результате собственных размышлений. Повлиять и ускорить? Только личным примером. Своими декларациями. Своими публикациями. Иногда и призывами, как кот Леопольд. А как иначе? Ввести закон и приставить палату по информационным спорам следить за исполнением? И наказывать повышением цен на бумагу?

Я понимаю, что мои коллеги устали ходить строем и им хочется почувствовать себя сверх свободными.

А пока мы стараемся соблюдать эти правила хотя бы в нашей газете. Об отношении к другим изданиям я уже сказал. Мы хотим уважать своего читателя. Давать ему информацию, а не читать мораль. Мы хотим, чтобы читатель чувствовал это уважение, даже позвонив в редакцию по телефону. Читатель может быть раздражен, но с ним будут говорить терпеливо

и вежливо. В конце концов платит-то он...

Есть много деталей, которые дополняют этот неписанный кодекс, правда, кто-то может предположить, что это просто придуманная мною не то плетка, не то уздечка для коллектива.

Мой вариант — школьный дневник. Наш коллектив образовался в основном из молодых, начинающих свой журналистский путь. И потому все эти «корпоративные штучки» — всего лишь надежда создать сегодня что-то такое, чего в журналистике еще нет или мало.

Вы можете начать смеяться, прочитав, что я пытаюсь сохранить непьющий коллектив. Смешно? Но я не видел журналистского коллектива без пьяниц. Я знаю немало талантливых профессионалов, которые сегодня либо перестали быть профессионалами, либо просто перестали быть вообще...

Наша газета не обладает комплексом безошибочного издания. Мы стараемся давать в одном номере противоположные мнения... Словом, есть масса деталей, которые известны профессионалам и уже привились в журналистике. Они и являются чертами той корпорации, которая, как мне иногда кажется, готова откристаллизироваться.

Конечно, вопрос о кнуте и уздечке еще открыт. Но я бы сказал так: я хорошо отношусь к сотрудникам газеты. Причем чем больше я их ругаю, тем лучше к ним отношусь и чем лучше отношусь, тем больше ругаю.

Что же мы исповедуем?

Просто не поучаем другие газеты, как им жить, как писать, как правильно будет (по-русски, по-китайски и т.д.) сказано то или другое слово.

С.Л. Корзун

МЕЖДУ ИСТОЧНИКОМ И ПОТРЕБИТЕЛЕМ*

Я не считаю, что слово "корпорация" применимо к журналистскому сообществу в настоящее время, и это – негативное следствие поведения Союза журналистов.

Фактически СЖ был, с одной стороны, прибежищем чиновников от журналистики, с другой – «приводным ремнем», с третьей – он манил журналистов (в том числе и независимых – по духу своему, потому что независим журналист может быть только по своему духу, а никак не по принадлежности к какому-либо изданию) льготами по жилплощади, например.

Я не считаю, что журналистов возможно объединить в какую-то структуру, за исключением конкретного средства массовой информации, на которое они работают. Кстати, проект Хартии московских журналистов я сначала не поддерживал. Единственное, что мне сразу показалось в Хартии приемлемым – кодификация того, к чему журналисты сами пришли за эти три-четыре очень бурных года, когда стала развиваться этика журналистов, ибо раньше эти моральные проблемы, казалось, и не возникали. Уже после того, как был написан этот проект, как мы его обсудили, пришли к какому-то решению, выяснилось, что те же самые пункты содержатся, скажем, в Хартии французских журналистов, которая была написана в конце прошлого – начале этого века. То есть мы прошли в развитии своего сообщества этот необходимый отрезок пути.

А дальше, как мне кажется, идти сейчас не готовы – по разным причинам, в том числе этического свойства. Хартия дает возможность кодифицировать какие-то простые вещи – как заповедь "не убий" для всего человечества: не бери деньги за свой репортаж от того, о ком ты пишешь; не бери в руки оружие; не вставай на одну из воюющих сторон; не ходи в политику, в министры и депутаты – иначе перестанешь быть журнали-

стом. Это элементарные нормы, но я не считаю, что все сообщество журналистов готово идти дальше.

На Западе проблемы корпоративной этики, естественно, вошли в плоть и кровь, а про нас нельзя сказать, что мы уже прошли весь необходимый путь для того, чтобы сообща решать эту проблему. Я знаю, что Хартию в принципе поддерживают многие журналисты, работающие в Москве. Решая для себя вопрос о том, присоединяться или не присоединяться, каждый знает, что добровольная принадлежность к Хартии не дает ничего плохого, ничего хорошего, просто они добровольно обязуются придерживаться некоторых этических норм.

Можно было бы поставить вопрос о корпоративном духе журналистов иначе: или через некоторое время журналистское сообщество найдет для себя некий общий дух — просто сегодня оно еще незрело, или в принципе журналистскому сообществу противопоказано — и вчера, и сегодня, и завтра — развивать в себе корпоративность?

Прежде всего, я не считаю, что у нас в стране есть журналистское сообщество как таковое. Журналистика у нас еще не выделилась как профессия. Если журналист позволяет себе быть одновременно еще и депутатом, а журналистское сообщество в целом это не осуждает, а иногда и приветствует, ссылаясь на то, что так проще защищать себя или решать какие-то вопросы, то я считаю, что мы просто не доросли до корпорации. Остается огромная группа журналистов, которые работают по принципу «приводного ремня». Правда, в провинции ситуация часто такова, что, когда непосредственно связан с местными органами власти, иногда просто не можешь не быть этим «приводным ремнем».

По каким же критериям можно будет судить о становлении корпоративной этики? Одно из ее проявлений я вижу в том, что подлинная корпорация объединяет не всех журналистов, а лишь тех, для кого это дело жизни. Кто-то сказал, что журналист - это человек удивительной профессии, человек, который добьется успеха в любой области, но... только если покончит с журналистикой. У нас журналистика часто выступает лишь как трамплин.

Многие журналисты, в том числе старших поколений, работают в неплохой, кстати, российско-советской традиции, не имеющей, на мой взгляд, ничего общего с журналистикой. Для них журналистика - это слово обучающе-поучающее. Задача журналистики для них решать реальные жизненные проблемы, помогать слабым бороться за справедливость. Мы знаем хорошие образцы этой традиции — скажем, Ольга Чайковская, в «Литературной газете» с ее публикациями на морально-этические темы. Но это я не считаю журналистикой. Это публицистика.

В нашей редакции мы работаем, отодвигая эту миссию в сторону — с самого начала мы базировались на иных профессиональных ролях. Конечно, гость станции «Эхо Москвы» может быть носителем любой миссии: журналист-публицист, -литератор, -писатель... Но собственно журналист - это не участник процесса, не советчик. Роль журналистики - это промежуточное звено между потребителем информации, с одной стороны, и источником информации, с другой.

Нейтрально ли это звено? В силу человеческого фактора оно не может быть абсолютно нейтральным, но мы стремимся стать таковыми. Саму роль журналистскую совсем исключить из информационного процесса нельзя. Цель журналиста, с одной стороны, подать информацию, с другой - ее в какой-то степени "разжевать", ибо все мы являемся как бы челюстями для старого дедушки. Поскольку "дедушки" по-разному сложены, по-разному думают, то все равно остается опасность, что потребитель не воспримет информацию таковой, какой она является на самом деле. Очень важно, как потребитель относится к информации, насколько доверяет источнику, через который информацию получает.

Как отнестись к такому корпоративному самоназванию, которое выражается в метафоре «четвертая власть»? Это отчасти правда, отчасти нет, как, может быть, и любое утверждение.

С одной стороны, страшно мне, как потребителю информации, что это власть, которую, собственно, никто не выбирает

Раздел I

и никто особенно не контролирует, кроме закона, а закон у нас контролирует ее не очень-то хорошо. Во многих ситуациях надо признать, что телевидение, как самое сильное из всех "медиа", действительно является «четвертой властью», и во власти телевидения, в общем-то, создать общественное настроение вокруг того или иного персонажа, той или иной ситуации и, в конечном итоге, повлиять на результаты выборов и на обстановку в стране.

С другой стороны, преувеличивать роль средств массовой информации нельзя. Правда, у нас еще осталось ощущение, когда то, что показывается на экранах, то, о чем пишут в газетах, говорят на радио, — все это вроде как заведомая правда и некое указание к действию. Но такое отношение проходит, и по мере того, как оно будет исчезать, по мере того, как читатели, слушатели и зрители станут относиться к средствам массовой информации просто как к источнику информации, а не как к указующему персту, эта опасность, может быть, станет менее значимой.

Я думаю, что для большинства моих коллег, абсолютно точно - для большинства работающих на нашей радиостанции, - совершенно ясно, что речь идет именно о власти общественного мнения. Мы прекрасно понимаем, что политические и общественные деятели имеют склонность в определенных ситуациях использовать средства массовой информации для достижения своих целей. Прямая информация или утечка информации о том, что произошло или могло произойти, тоже действует на чьи-то политические интересы. Мы стараемся избегать такого положения, но оно существует. И выступать в роли какой-то надинформационной силы мы совершенно не собираемся.

Морально-этические нормы не могут не смешиваться с профессиональными ограничениями, которые налагаются на современные средства массовой информации.

Так, телевизионный репортаж по всем стандартам восприятия не может длиться более чем минута-двадцать. В эту минуту-двадцать надо суметь втиснуть и какую-то

подводку, "бэкграунд" события, и разные позиции, и так далее. В силу того что телевидение в этом отношении самый жесткий жанр, на него, возможно, больше всего нареканий. На Западе внутренние ограничения, которые налагаются на телевидение, хорошо известны, у нас в хороших информационных программах их действие тоже заметно.

Уровень профессиональной подготовки журналистов, я не говорю об ангажированности, идеалах, морально-этических нормах, должен быть настолько велик, чтобы минимально исказить информацию (совсем ее не исказить невозможно) при передаче ее, при "укладке" в жесткие телевизионные рамки. Может быть, самый яркий пример - научная информация: никто из серьезных научных работников не отзывается хорошо о прессе, когда она затрагивает их сферу. Человек, погруженный в науку, видит все неточности, вольные или невольные искажения, которые допущены в коротком изложении. Но то, о чем будет ученый размышлять в обстоятельной статье или книге, интересно только достаточно узкому кругу специалистов, в то время как чуть "разжеванная" журналистом информация об этом может быть интересна гораздо большему кругу.

Вопрос о журналистике вскоре, может быть, сольется с другим вопросом всеобщей информатизации. Получение информации, скажем через электронные сети, по сути такой же процесс, как получение информации через радио, телевидение и газеты.

На Западе часто об этом задумываются: какие там будут посредники? Какой новый выбор возникает в этой ситуации? Если сейчас мы имеем в Москве возможность выбора из семи-восьми телеканалов, пятнадцати - двадцати радиостанций, то при объединении в общие электронные сети мы будем иметь все то же плюс возможность выбора из нескольких тысяч вариантов источников информации. Каждый сможет тогда отобрать для себя то, что нужно именно ему, ориентируясь на собственный уровень знаний. Тут существуют какие-то свои законы, и журналистике от них не уйти.

В. Т. Третьяков

ГАЗЕТА - «СОВЕТНИК ПРИ ЧИНГИСХАНЕ», ДАЖЕ ЕСЛИ ЭТО ЕЙ ОЧЕНЬ ПРОТИВНО

Я думаю, что в нашей сегодняшней России, как и во всяком нестабильном обществе, все непросто, все противоречиво: что с духом, что с корпорацией, что с правилами игры... В корпорации – по определению одна цель у многих людей. Можно, например, говорить о корпоративности российской армии, но не новой российской журналистики. Нет еще такой корпорации. На самом деле сейчас можно говорить лишь о протокорпорации, предкорпорации, квази-корпорации. И возможно, лишь меньшая часть тех, кто сейчас называет себя журналистами, войдет в собственно корпорацию.

Сегодня идет борьба за то, чтоб остаться или заново войти в такое объединение. И нам нужен кодекс поведения в ситуации жесткой конкуренции. А пока действуют (в неписаном виде) правила, которые применимы к современной российской действительности в целом. Когда на периферии страны идет война, когда перед населением встают вопросы о еде, о выживании, то и мораль иная.

Я не слышал о том, чтобы журналисты одной газеты убивали журналистов другой. В этом смысле поведение журналистов абсолютно морально. Но вот, например, ситуация (я об этом никогда не говорил, но в издании, посвященном корпоративной этике, это можно рассказать), когда группа журналистов уходила из «Независимой газеты».

Мы все были представителями одной корпорации. И именно поэтому меня удивило – в плане рассуждений о кодексах морали и правилах игры – не то, что люди ушли, а то, что они при этом говорили. И еще больше удивило то, что они начали говорить и обо мне, и о «Независимой газете» после того, как они ушли. Удивило только с точки зрения морали.

Рефлексия главного редактора

Я, например, считаю, что ругать факультет журналистики, на котором я учился, недостойно, тем более когда ты уже ушел из него. Я знаю все недостатки журфака, но я всегда говорил в широкой аудитории, если специально не разбирали проблем журналистики, что он дает одно из лучших возможных образований в гуманитарной области. Я никогда публично не ругаю АПН, где я 11 лет проработал, хотя я знаю все недостатки этой организации, и нынешние, и прошлые. Я никогда публично не ругаю «Московские новости» по многим причинам, но прежде всего потому, что я там работал. Хотя мне, работавшему заместителем главного редактора целый год, как никому другому известны и характер Егора Яковлева, и многое-многое другое, все проблемы этой газеты.

Поэтому меня и удивило, что ушедшие из «Независимой газеты» люди стали поливать грязью и газету, и лично меня, хотя именно в «НГ» все они получили свое имя.

Они поставили перед собой две цели. Первая — создать свою газету, такую, какую они хотели. Эту цель я не оспариваю, удалось или не удалось достичь этой цели — можно спорить, но цель безусловно моральна. Вторая цель — уничтожить «Независимую газету». Не «Правду» или «Известия», не «Советскую Россию» и не «Российский металлург», а именно ту газету, из которой они вышли. Только ли потому, что возникла конкуренция? Это, я думаю, проявление тех, может быть, вынужденных, развивающихся на определенных человеческих характеристиках, правил игры переходного периода.

Российская журналистика, как и всякая корпорация, которая только нарождается в нашем обществе — это корпорации финансистов, политиков и т.п., — возникает в самоедском обществе. Россия, к сожалению, была самоедской, уничтожала себя изнутри. Максимальное проявление этого гражданская война или сталинский тоталитаризм с лагерями. Вот от этого мы не избавились. Но если в те времена самоедство было заложено в идеологии, которая отвергала так называемые буржуазные ценности — демократию и прочее, то здесь и сейчас

Раздел I

самоедство почему-то накладывается как раз на жизнь якобы в условиях демократии.

Можно ли оправдать подобные «правила игры» тем, что нельзя безболезненно перейти в демократию? Я полагаю, что демократия и есть сбалансированная система разного рода корпораций с их интересами. Но многие утверждают, что только через авторитаризм или даже через диктатуру может быть развита демократия. И мы видим действие этого подхода в политике: классический пример - расстрел Белого дома, утверждение якобы демократии через расстрел собственного парламента. Тот же подход проявляется и в журналистике - конкретный пример я привел.

Я уже много подобного видел, и меня ничем не удивишь. Люди, которые иногда приходят увольняться, удивляются тому, как я спокойно на это реагирую. Казалось бы, и у газеты трудное финансовое положение, и у меня много своих проблем, поэтому я должен рвать на себе волосы, рыдать, стонать: как? куда? зачем ты меня покидаешь? Но я демонстрирую спокойствие. Это достоинство мое как человека и мое хладнокровие - тоже определенные правила, которые я для себя принял, потому что если дергаться по каждому поводу, то через три дня с инфарктом упадешь и все твои игры с формированием корпорации, лично твои, будут закончены.

Итак, мы лишь начали движение к корпоративному духу журналистского сообщества, а сегодняшние правила игры, если говорить коротко, скорее правила игры на выживание, и это не та ситуация, когда можно говорить о морали.

В понимании духа сегодняшнего журналистского сообщества есть несколько значимых моментов.

Во-первых, надо учитывать роль не корпоративных, а чисто личностных, дружественных связей. Да, друзьям в рамках этого жесткого, борющегося внутри себя мира, на сжимающейся - объективно - площадке прощается то, что не прощается незнакомым. За небольшой проступок незнакомого растопчут, а друга простят за гораздо более серьезный промах по отношению даже к тебе.

Но есть ситуации, когда и друга за очень незначительный проступок растопчут, сровняют с землей. Совершенно неадекватная, казалось бы, реакция, но если в ней разобраться, то увидишь опять... социал-дарвинизм в чистом виде. Для морали, для этики я, конечно, здесь вижу очень мало оснований.

Во-вторых, массовый приход в журналистику непрофессионалов, пусть даже талантливых, и их желание самоутвердиться.

В-третьих, нужно иметь в виду идеологические различия. Мораль как бы внеидеологична. Но христианство, мусульманство, буддизм все-таки дают разные образцы морали — чисто повседневной, поведения человеческого, образа жизни. В этом смысле идеология бросает свой отблеск на мораль, в том числе профессиональную. В качестве примера приведу случай, который произошел на днях в нашей газете.

Пришла ко мне с заявлением о переходе в другую газету наша сотрудница, способный человек, она у нас проработала полтора года. Я был потрясен ее ответом на мой вопрос о причине увольнения. Я не ожидал услышать того, чем она объяснила свой уход, потому что четыре с половиной года живу по правилам, как я себе определил, независимой прессы: кроме фашистов и с той стороны таких же радикалов, супернационалистов, шовинистов и так далее, все остальные имеют право высказываться на страницах «Независимой газеты». Пропорции, конечно, нужно соблюдать, но тем не менее.

Итак, она дает мне заявление, мой вопрос стандартный: «А куда?» Отвечает. «А сколько там платят?» — спрашиваю, ибо мне кажется понятным, почему переходят журналисты из газеты в газету — причина материальная. А она говорит: «Это неважно, примерно столько же». Я говорю: «А что ж тогда, по идеологическим причинам?» У меня выскочил этот вопрос совершенно произвольно, он как-то сорвался с языка.

И вот диалог. Она: "Да". Я: "Не понял". Глупо признаваться в том, что ты что-то не понял, но... Она: «Знаете, "Независимая" - газета, которая печатает Зюганова. Я не могу печататься

в этой газете». Я: «Мы печатаем Гайдара, Бориса Федорова, Явлинского. Зюганов — такой же лидер партии, лидер фракции, юридически зарегистрированной, вполне легально действующей и не призывающей народ к восстаниям». Она: «Я не могу. Зюганов, Аксютин... я не могу с ними в одной газете печататься». Я: «Вы серьезно?» — «Да». Я: «А вы, когда шли в "Независимую газету", понимали, что это та газета, где коммунист может печататься равно, как и антикоммунист, если только он не из тех, что расстрелять хочет коммунистов?» — «Да, но у меня уже давно на этот счет начались сомнения... В общем, не могу».

Казалось бы, сейчас любого, самого слабенького журналиста спросить, и он вам отбарабанит насчет "нейтральности", "независимости", «четвертой власти», «все мнения представлять», «давать объективную информацию» — весь набор штампов. Но вот, оказывается, для человека вполне конкретного, хорошо работающего в журналистике, — имя не громкое, но это один из тех начинающих профессионалов, который явно найдет здесь себя, — оказывается, что для нее существует эта проблема как проблема моральная.

Какой же кодекс правил, какой дух корпоративности у нас с ней может возникнуть в конце концов? Наверное, общий дух и может, и должен возникнуть, потому что предполагаю, что и я буду продолжать в журналистике и что она будет продолжать, профессиональные задатки и у того, и у другого есть. Но пока — полная нестыковка. Теоретически корпоративная платформа за мной, это официальная платформа: все имеют право, например, по телевизору выступать — коммунисты, социалисты, капиталисты. А для нее это моральная проблема.

К чему я веду? Может быть, сигнальная фраза. Моральный кодекс строителя коммунизма, конечно, списан с христианских заповедей, он недостижим был в реальной жизни для большинства людей, и отчасти коммунизм рухнул потому, что очень высокую цель поставил перед человеком и пытался каждый день заставить эту цель воплощать в жизни:

трудиться добровольно и безвозмездно для блага общества, то есть то, что люди не способны делать, поскольку надо семьи кормить и так далее, - над этим кодексом издевались, сравнивая с реальностью, издевались как над карикатурой на христианские заповеди, но никто не мог сказать, что «человек человеку брат» - это плохо. Никто не мог оспорить саму эту норму, строку этого кодекса, этот постулат, эту заповедь. И хорошо, что такого типа норма существовала. Это должно было существовать, это и существует — либо в виде религиозной догмы, либо моральных императивов. Так вот, нет сегодня этих единых ценностей в нашем цехе. И в нашем обществе нет.

Сейчас я не вижу в нашей корпорации таких очевидных для всех правил, которые пусть и не соблюдаются в жизни, но как идеалы их все же не оспаривают. И с нашей сотрудницей мы разошлись именно на таком основании: в газете, принципиально провозгласившей себя непартийной, она не чувствует себя комфортно, потому что в ней печатается один из руководителей десяти законно существующих партий. Странно?

«Независимая газета» — это внепартийная, надпартийная газета. Можно ли сказать, что она стоит над всеми миссиями журналистики или она к какой-то миссии себя относит?

Если говорить о ленинской триаде: организатор, агитатор и пропагандист, — то, конечно, не "агитатор", конечно, не "организатор", но вполне "пропагандист".

Речь идет о неких общетеоретических вещах: политическая терпимость, желание и готовность найти компромиссы, показать все точки зрения, позиции людей по разные стороны баррикад. Но это не просто призывы, а профессиональная практика газеты. Это лучше всего видно во времена предвыборных кампаний. У нас никогда не было: голосуйте за того или за этого. Лично я голосовал за Явлинского на выборах в декабре 1993 года, но ни одним призывом прямым или даже набором статей это не проявилось. В газете в этот период Шахрая

было больше, а не Явлинского. Так что "пропагандист" в широком смысле слова.

«Четвертая власть»? Да, безусловно, пресса — четвертая власть. Но конкретно к «Независимой газете» это не относится - потому что мы слишком маленькую аудиторию охватили. Очень важную, элитную, но она не может власти противостоять, разоблачать в глазах масс.

А что же может и должна сделать наша газета? В свое время Борис Грушин так объяснил свой уход из Президентского Совета - он тихо ушел, незаметно, а через пару недель мне сказал: «Не хочу быть советником при Чингисхане». А газета вынуждена быть советником, даже если это ей глубоко противно. Я, конечно, в своих статьях для публики не ставлю цели перевоспитать президента или дать ему такой совет, чтобы он обязательно прислушался и сделал так, как я хочу. Но неминуемо роль этого «советника при Чингисхане» или «воспитателя при будущем монархе» газета типа нашей играет.

При будущем. Воспитатель ведь обычно не воспитывает сложившихся людей, поэтому я считаю, что Ельцин не может быть демократом, поскольку раньше он им не был и трудно предположить, что в 60 лет люди меняются. От этой власти я уже ничего хорошего не жду, но есть надежда, что другие будут лучше. Газета - советник при «этом Чингисхане» и воспитатель «будущего монарха», чтоб он был менее "чингисханистым".

Эта - странная? - миссия «Независимой газеты» по счету все же вторая. Потому что главное для газеты, чтобы она была рассчитана на читателя. Какая бы элитная газета ни была, все равно есть еще более широкий читатель. Конечно, мы в первую очередь работаем на них и хотим очень немного: показать реальные проблемы и дать, по возможности, весь набор реально существующих мнений об этих проблемах и вариантах их решений.

Русская журналистика всегда будет беллетризирована - трудно различить, где у журналиста информация, а где - комментарий. Это стиль российской журналистики пришел

от Власа Дорошевича (и раньше) через советскую журналистику и сейчас существует. Но тем, кто очень увлекается комментариями, я говорю: не впадайте в этот idiotский грех. Это на самом деле глупость - думать, что ты знаешь ответ на все вопросы. Ты кто? Бердяев? Леонардо да Винчи? Я говорю им: нет гениальных журналистов, гениальными могут быть только писатели. Талантливыми журналисты могут быть - менее талантливые, более талантливые, но гений и журналистика - это несовместимые вещи. Абсолютно несовместимые. Гением журналист не может быть. Гения, родившегося в журналистике, обязательно отправят в музыку, в писательство, в кино, в телевидение (но не в телевидение журналистское), в театр. Поэтому не нужно иметь сверхпретензий. Нельзя принижать свое достоинство, но и нельзя его преувеличивать, надо быть реалистом по отношению к себе. А реализм по отношению к своей профессии мне подсказывает, что гениев в журналистике нет. Нет людей, которые могут дать ответы на все вопросы, тем более в сегодняшней России.

Но журналист может сделать одно: он может дать читателю набор информации и набор мнений, максимально широкий набор значимых мнений. Вот наша единственная цель.

Самое трудное - следовать не просто «правилам игры», ибо есть и правила игры в элементарное выживание, но правилам игры честной. Ведь дух корпорации и начинается со следования таким правилам. Самое трудное потому, что призывать сегодня к честной игре - значит фактически идти вопреки правилам выживания.

Итак, насчет выживания. Когда убили Владислава, собрались главные редакторы обсудить, что делать. Приехал Владимир Яковлев, глава "Коммерсанта", и предложил: «Мы должны создать объединенную службу безопасности для защиты журналистов». Я категорически выступил против: «Это самое опасное, что мы можем сделать. Обществу сейчас навязываются сверху, пусть даже под этим есть объективная основа, правила игры типа "каждый за себя", "выживут те группы, которые уничтожат других"».

Это сейчас «закон жизни». И профессия наша призвана не дать обществу скатиться в пропасть (к этому призывают газетные публикации коммунистов, демократов), мы, журналисты, примем сейчас эти правила игры, вооружимся и станем в оборону, пусть даже благородную, справедливую (убили одного из самых талантливых среди нас), в оборону и защиту от этого мира?! Вот это уже падение окончательное, это победа именно "закона": «Умри ты первый, а я последний».

А теперь по поводу миссии газеты как трибуны. Меня часто упрекают в позиции «над схваткой». Но, прежде всего, необходимость существования независимой газеты с такой профессиональной позицией, какая, я надеюсь, есть у «Независимой газеты», не абсолютна, она существует только относительно того, что у нас есть партийная печать. Мощнейшая сила, в широком смысле слова собственно партийная, партийная как государственная и партийная как принадлежащая разным финансовым группам, борющимся за власть. В этой ситуации «Независимая газета» исповедует и проповедует принцип дополнительности к тому, что есть. Такое необходимо и в нашей профессии, и в политике и, вообще-то говоря, в морали.

Давно уже идут споры, часто мне приходилось бывать на всяких закрытых встречах, где обсуждалось, кого поддерживать, кого не поддерживать, и еще года два с половиной назад я высказал свою точку зрения - и теперь часто подтверждаю эту позицию. То, что я вижу в реальной жизни России, достаточно очевидно: в авторитарную сторону события идут сами собой. И задача интеллигенции, а журналисты в какой-то степени часть этой интеллигенции, не в том, чтобы оседлать эту ведущую объективную тенденцию и оправдывать ее. К авторитаризму и жизнь приведет, и политики придут сами. Но если не призывать к альтруизму, к гуманизму, к демократии, тогда авторитаризм свернет уже на тиранию. Реальный необходимый авторитаризм получается тогда, когда проповедуют либерализм настоящий, не гайдаровского типа, когда пусть все

люди упадут в грязь и кто-то из них, возможно, возродится, а остальные помрут, - а либерализм как систему ценностей. Тогда кривая, тяготеющая к тирании, к диктатуре остановится на мягком авторитаризме, просто авторитаризме, а, может быть, в конечном итоге даст настоящую демократию, при которой тоже нет абсолютного либерализма.

Для этого нужна наша газета. Для того, чтобы постоянно даже и оправданную авторитарную линию хоть немножко пытаться отклонить в сторону нормы. Она как бы перетягивает за норму, но в результате получается норма. А если каждый говорит: мы - за Белый дом, а мы - за Кремль, - у нас и получается гражданская война в центре Москвы.

А можно ли такую равнодействующую выводить, если думать только о выживании?

Можно сколько угодно смеяться над христианскими заповедями, коль скоро в реальной жизни они никогда не воплощаются, или над моральным кодексом строителя коммунизма по той же причине, но необходимость существования и того, и другого в обществе безусловна. Профессиональное призвание и ответственность - и смысл, и условие исполнения нашей миссии. И желательно, чтобы кодекс существовал - пусть хотя бы тайно, ночью самый циничный и продажный журналист, прочитав его, обольется слезами оттого, что он не такой, что он-то бы хотел, но вот жизнь не дает или что-то еще, но хоть на какую-то секунду ему бы стало жалко себя за то, что он не может сделать шаг к этому идеалу, тем более два шага.

При этом у журналистов есть несколько достаточно грязных, связанных с публичностью, с политикой, с существованием нервических фигур в этой массовой профессии, площадок жизни. Политику лучше наблюдать снаружи, а внутрь не заглядывать. Это просто гадюшник - то, что я знаю. Так же как и в театре. Я когда-то давно начал писать о театре и перешагнул через рампу, зашел за кулисы. Через два месяца я уже совершенно

Раздел I

по-другому думал про театр. Как зритель на сцену из зала ты смотришь - это одно, а когда ты проникаешь внутрь, то видишь, что там не просто люди, там очень часто плохие люди. То же самое в журналистике в значительной степени.

Какие бы примеры на эту тему из жизни нашей газеты я не привел, все они могут встретиться и в самом стабильном обществе, при самой стабильной демократии. И после ста лет этой демократии человеческие судьбы будут разные и коллизии не исчезнут. Но в России сегодня моральные конфликты журналистского выбора - не исключение, а правило. Это каждый день случается в профессии - каждый день журналист решает какую-то маленькую нравственную проблему и вынужден часто, может, чаще, чем нужно, делать не моральный выбор, а какой-то другой. Это массовое сейчас явление.

К чужим политикам, к политикам, которые не нравятся, журналисты прикладывают максимальные моральные требования; к тем, кто им симпатичен по политической линии, - уже менее строгие требования, к себе лично - еще меньше. Журналисту дозволено то, что не дозволено ни одному политику, но "твоему" политику дозволено то, что не дозволено тому политику, который против "твоего". Это норма в сегодняшней журналистике.

И.Н. Голембиовский

РУССКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА ВСЕГДА ОТЛИЧАЛАСЬ НРАВСТВЕННЫМ НАЧАЛОМ

Проблема корпоративного духа, этики, правил честной игры для "Известий" возникла достаточно давно, примерно в конце 1992 — начале 1993 года, когда мы вошли в переходное состояние от государственного издания к изданию частному, к акционерному обществу. И возникла эта проблема прежде всего потому, что, занявшись частным предпринимательством в сфере информации, мы как бы вплыли в бурное море без жестких и понятных правил.

До этого времени все в деятельности "Известий" было регламентировано партией, от зарплаты до поведения, до того, что можно говорить, а что нет. У нас были очевидные правила игры, которые и соблюдались. А тут - безбрежное море, в котором журналист становится совершенно самостоятельной фигурой — со своими нравственными нормами, политическими убеждениями и профессиональными понятиями.

Мы столкнулись в редакции (я не говорю об "администрации" или "руководстве", а именно о "редакции" - нужно сказать, что в "Известиях" всегда был высокий градус демократического общения и многие проблемы обсуждались вместе) с тем, что некие ситуации в поведении наших коллег оказались для нас неожиданными и мы не готовы были оценить их. Самые простые примеры - из крайностей. Как отделить информацию от некоего рекламного содержания? Проблема деликатная, потому что обвинить человека в том, что он заведомо использует свое положение в газете "Известия" для того, чтобы получить какую-то мзду, - это очень серьезное обвинение, тем более для людей, которые давно работают друг с другом. И это лишь самый простой пример.

Раздел I

В некоторых известных зарубежных изданиях есть этические кодексы, в соответствии с которыми журналист не вправе принять предложение какой-либо стороны по оплате его расходов, транспортных и так далее, если он собирается писать материал об этой стороне. Все ясно и понятно, я двумя руками "за". Но в 1992 - 1993 годах, когда у нас на валютных счетах было ноль центов, отказаться от предложения действительно интересного для журналиста и попасть в какую-то страну на значимое событие, благодаря тому что они берут на себя расходы, было бы это правильно? Сегодня мы готовы к тому, чтобы к этой проблеме подойти реально и сказать: да, мы или не принимаем предложение, или принимаем, но при этом ставим условия. И наши люди очень много ездят в ответ на приглашения "Известиям" от разных организаций, которые сыплются как из рога изобилия, и мы их просто уже сдерживаем.

Другая достаточно серьезная, опять же исходя из опыта нашей газеты, проблема. Раньше была иерархия достаточно жесткая и четкая. Ранжир: главный редактор, назначенный ЦК КПСС, и исходящие от него ответственность, полномочия и так далее. В новой ситуации возникли новые отношения. А за ними - многообразные политические убеждения, профессиональные представления, значит, конфликты по самым разным поводам, начиная от содержания материала и кончая какими-то новыми проектами и настроением в редакции.

Ужасно трудно было привыкать всем, в том числе и мне, к тому, что мерилom нашей деятельности становится уже не мнение каких-то авторитетных людей, организации, а результат финансовой деятельности. К этой мысли до сих пор в редакции не могут привыкнуть, считают, что все то, что имеет журналист, скажем, в "Известиях", - это все-таки результат испокон сложившихся традиций, течения времени, сложившихся обстоятельств и так далее. Непросто внедрить в головы коллег простую мысль о том, что их благополучие и профессиональные возможности (подняться на определенный уровень вооруженности техникой, уметь быстро передать информацию,

иметь средства ее передачи) зависят от того, что каждый сам делает, от качества продукта, который он производит, от качества нашего общего продукта. Эту зависимость наши люди ощущают еще очень слабо. Когда экономика газеты стала выходить на первый план, возникали настроения вроде того, что деньги - это не самое главное, мы готовы работать за меньшую зарплату, но делать то, что мы хотим, что мы умеем.

Это вполне естественная сложность: в это время происходили изменения в шкале ценностей. То, что вчера считалось достоинством, сегодня оказывается абсолютно с другим знаком. Вспомним, например, о болезни советской журналистики, когда все были велеречивы, когда в принципе журналистика качественная и некачественная различалась манерой изложения. Это очень серьезная проблема, потому что сегодняшняя журналистика возникла не на пустом месте. Те люди, которые были успешны в советское время, представлялись столпами, образцом для подражания, сегодня оказались вдруг у разбитого корыта. Они не виноваты, они привыкли так работать. Это их мировоззрение, идеология.

Я с полной уверенностью могу сказать: можно взять любое имя в "Известиях" - или в любом другом издании - из тех, которые в советское время были лидерами советской журналистики, и обнаружится, что сегодня эти известные журналисты оказались в труднейшем для себя нравственно-профессиональном состоянии. А ведь всей редакции, без исключения, приходится подчинять возможности и устремления общей задаче, которая выражается совершенно просто и именно поэтому многими все еще воспринимается с трудом. Ведь я говорю, что мы производим товар, мы производим то, что может быть востребовано и продано; на вырученные деньги мы должны сделать товар еще лучший, чтобы опять-таки заработать деньги, чтобы опять создавать новый продукт и так далее. Если в прежние времена мы говорили: "наша газета", "наше издание", "мы", а сейчас пользуемся уже другим языком: "продукт", "товар", "конвейер", то это вызывает отторжение

Раздел I

у людей, воспитанных совсем в других понятиях.

Если можно было бы все новые моральные проблемы нашего цеха свести только к вопросам о том, должен ли журналист ужинать или не ужинать с сотрудниками паблик-рилейшнз, должен ли он принимать подарок или не принимать, я уже не говорю об оплате каких-то материалов, что можно рассматривать как взятку, уголовное дело. Нет, мы - я буду говорить только об "Известиях" - находимся в достаточно сложном морально-психологическом положении потому, что совершаем переход от предприятия государственного к частному предприятию, от общей безответственности к персональной ответственности. И нам необходимы ориентиры и нормы, которые должны разделяться всеми. Их невозможно ввести приказом, в итоге получится просто красивая бумажка, которую можно показывать гостям.

Почему мы до сих пор не создали, хотя собирались, свой кодекс? Потому, что находились в стадии преобразований, в стадии эволюционного перехода из одного состояния в другое. В этот момент кодекс был бы, наверное, преждевременным. А сегодня мы действительно готовы принять кодекс "Известий", готовы к тому, чтобы этот кодекс был регламентирующим документом, который позволил бы нам в конфликтных ситуациях обращаться не просто к моральным заповедям, но определенно отвечать на вопросы о том, что можно, что нельзя, не положено в нашей профессии, в нашей редакции.

Я знаком с некоторыми кодексами западных газет, знаю и то, что многие издания обходятся без кодексов, потому что есть стабильные неписанные нормы отношений средств массовой информации с обществом. Но я думаю, что нам этические кодексы нужнее, чем, например, американцам.

Простой пример. Когда-то, года два назад или три, я был в «Вашингтон пост». Мы обсуждали общие проблемы, в том числе проблему получения информации. Естественно, в российской журналистике это один из самых больных вопросов – для

нас было сложно получить хотя бы самую простейшую информацию.

Я сказал американским коллегам, что в России есть издания, которые в состоянии покупать информацию, и что мы тоже думаем об этом. «Но это же уголовное преступление» — возразили зарубежные коллеги. Итак, есть барьер, который не может перейти американский журналист. Возможно, он и переходит, но сама ситуация закреплена нормой. У нас же ничего подобного нет. И мы знаем прекрасно, как покупается информация.

Меня спрашивали: кодекс, который мы собираемся сейчас принять, - он больше нужен главному редактору или рядовому журналисту? Я отвечаю: он нужен редакции, всей редакции. Ведь у всех нас возникают стихийно некие дискуссии по поводу одного или другого материала. Сейчас в основном это связано с рекламными мотивами. В редакции объявлено - и это является волевой нормой, исходящей от меня, - что любая информация, дающая основание подозревать человека в том, что материал сделан по просьбе и за оплату, ведет автоматически к увольнению. Так же, как ведет автоматически к увольнению и попытка совместить работу в редакции с каким-то коммерческим делом. У нас были такие случаи, и мы расстались с весьма знаменитыми и уважаемыми журналистами.

И здесь возникла интересная моральная проблема, связанная с попыткой введения контракта журналиста. Мы наконец решили перейти на контрактную систему, которая логично и естественно опробована во всем мире. Редакция эту систему не приняла, причем не приняла по чисто нравственным соображениям — прежде всего, соображениям солидарности наемных работников. Я пытался объяснить: мы заключаем контракт, в котором изложены обязанности двух сторон, не только журналиста, корреспондента, но и руководства, которое в свою очередь несет их перед журналистами. И контракт дает наемному работнику куда большую свободу и уверенность в своих действиях. Контракт — это не способ бюрократически избавиться от людей, которые, допустим, не устраивают руководство

Раздел I

газеты, поскольку от тех людей, которые не устраивают руководство, можно избавиться и без контракта. Что, кстати, и было сделано в прошлом году, когда мы сократили порядка ста шестидесяти человек. Но настолько сильным было сопротивление людей, что я сам для себя решил: «Овчинка выделки не стоит».

Здесь надо вспомнить, что "Известия" долгое время были как бы элитной организацией, поэтому люди, когда сюда попадали заслуженно и незаслуженно, стоящие "Известий" и нестоящие, они всегда были неким образом причислены к клану. И вдруг идет покушение на этот клан. Я думаю, что многие люди, которые в конечном итоге от нас ушли, как раз и думали о том, что контракт их всех оставляет беззащитными. Ведь оценка упрощается: сделал, не сделал, обязался, нарушил. Все!

Не каждый пойдет на такой риск, не каждый уверен в своем профессионализме в свете этого подхода. Поэтому у нас и сложилась такая постсоветская смешная ситуация. На контракт пошли лишь собственные корреспонденты и репортеры. Собкоры — понятно, они разобщены, они не могут дружно выступить против новой системы. Поэтому-то мы решили на них попробовать контракт. И обнаружилось, что это не так страшно. Думали, что это поймут и в редакции, но редакция осталась при своем. А почему репортеры - 18 человек вместе с редактором - согласились? У них другой менталитет, для них в этом ничего нет ни оскорбительного, ни подозрительного. Репортер знает: будет работать - значит, преуспевать и через зарплату, и через гонорар, и так далее. А с людьми из редакции, уже поработавшими здесь достаточно, такое пока не проходит, и я думаю, что в этом случае насиловать волю не надо.

Поможет ли в этой трудной переходной ситуации кодекс?

Прежде всего, об известном соблазне для российских журналистов заимствовать зарубежный опыт, сделать такие аппликации и запустить их. Вообще-то весьма рискованное дело высаживать в необработанную почву любое растение.

Рефлексия главного редактора

Я думаю, что работа над кодексом должна происходить, но сознательно, а не в угоду тому, что есть богатый опыт западной журналистики и нам как бы негоже отставать. Это первое.

Второе: нам всем надо прийти к мысли, что создание кодексов не должно быть "внедрением", тем более оно не может быть регламентировано "сверху". Потребность в кодексе должна быть осознана и разделяема как можно большим количеством людей. И внутри редакции, и всем журналистским сообществом.

Вероятно, кодексы западных газет возникали по одному и тому же поводу: чтоб не попадала на страницы изданий, которые себя уважают, заказная информация. Это уж потом кодексы стали обрастать многообразием норм, сформировалась их архитектура. Но посыл, как мне кажется, заключался в этом и главное их содержание - не получать мзду, не использовать свое издание в целях личной наживы. Есть у нас эта проблема? Безусловно.

Более того. Система получения материальных средств, не обязательно денег, может быть, автомобилей, факсов, поездок на отдых и так далее, эта система общередакционная в некоторых изданиях. Мы знаем, что есть то, что мы сегодня называем скрытой рекламой, в виде статей. И я могу честно сказать, что у нас были любители такой информации, которая внешне невинна, за исключением последней строчки: контактный телефон и адрес.

Размышляя о журналистских этических кодексах, в том числе и о проблеме отношения к западному опыту в этой области, пора сказать об особенности российской журналистики.

Всем нам очень важно помнить, что в России есть свой замечательный опыт русской демократической прессы ("Колокол", "Современник" и так далее). Я сторонник того, чтобы не перенимать на сто процентов стандарты и идеалы западной прессы. Так же как, допустим, и в любой другой области - политической, общественной, экономической - Россия имеет свои особенности (я не говорю об «особом русском пути» -

это опасная позиция). Есть, если говорить о наших профессиональных проблемах, огромный опыт мировой журналистики. Но российская журналистика отличалась и должна отличаться.

Во-первых, неким нравственным началом, которое присутствовало всегда, даже в советские времена. Во-вторых, интересом к «маленькому человеку». Не надо думать, что я защитник советских очерков о «простом советском человеке». Эти очерки сегодня изгнаны со страниц "Известий", но внимание к жизни «маленького человека» должно остаться в российской тематике. В-третьих - чисто литературная сторона. Русская журналистика всегда отличалась очень высоким литературным качеством.

Но, как ни странно, очень болезненна проблема «писатель в газете». Никто на Западе писателя в редакции не держит. Ему могут платить только для того, чтобы он писал, но он не сидит в редакции. А у нас возникла особая прослойка - и в "Известиях" есть несколько таких людей, безусловно талантливейших, но как бы не входящих в рамки новой журналистики. Эта тема всегда была предметом спора. Безмерно уважая западную прессу за ее информативность, за ее настойчивость - информация, информация, информация, - я все-таки представляю в развитии русской журналистики возможность и другого направления.

Как главный редактор я должен конкретизировать наше представление о профессиональной этике.

Начать надо с простых вещей. Может быть, я покажусь наивным, но для меня очень важным является такое качество журналиста, как честность. Почему именно это требование?

Ведь мы выросли в системе, в которой, приняв правила игры, всегда находили оправдание своим компромиссам. Нас убеждали, что нечто пропагандировать очень важно и нужно потому, что полезно для общества. Мы знали, что это не так, но делали. Сегодня мы внеконтроля, мы свободны в своих

действиях и суждениях. Но...

Вот одно примечательное обстоятельство. 22 августа 1991 года, редакция стала независимой. Избран главный редактор, открылся широчайший простор для профессиональной работы, все получили возможность сказать то, что они как будто бы не могли сказать раньше. Прошли первые два-три месяца - расследование ГКЧП и так далее, - и вдруг оказалось, что нам сказать не о чем. Оказалось, что многие пришли с теми материалами, которые они приносили в газету и раньше. Это был достаточно тяжелый период в редакции, потому что мы вдруг поняли, что делаем то же, что делали прежде. Бросились в одну крайность, в другую. Потом постепенно начали выправляться.

Но мало быть честным, надо еще быть профессиональным человеком, то есть понимать суть события. Если даже ты репортер и описываешь то, что сам видишь, все равно, как бы ты этого не хотел, даешь оценку событию, факту, человеку. И в зависимости от того, как ты понимаешь событие, оценка может быть объективна (все относительно, конечно) или просто несостоятельна, неинтересна наконец (тоже важно).

В этом отношении Чечня открыла совершенно новую ситуацию в российской журналистике. Я был сначала удивлен, а потом понял, что происходит, когда вдруг начались события в Чечне. Мы очень много писали о войне и вдруг начали получать необычайные, весьма лестные оценки в адрес газеты - удивление мужеством и так далее. Для меня это было абсолютным нонсенсом: ведь это была естественная реакция газеты и людей, ибо в конечном итоге газета - это люди, которые ее делают.

Ни у кого даже не возник в голове вопрос о том, насколько позиция газеты соответствует стремлениям власти, желанию Президента, кого-то еще. Это нормально, и многие заметили, что в первое время чеченского конфликта, за исключением «Российской газеты», все газеты как бы оказались по одну сторону. Журналисты увидели, что случилось, и первое, что они сделали — они просто рассказали, что они видели.

Раздел I

Правда, потом начались расхождения внутри журналистского сообщества. «Российская газета» заняла определенную позицию, «Известия» остаются на прежней, у «Сегодня» - третья позиция. Считать ли этот факт развалом сообщества?

Но что мы понимаем под сообществом? Без аналогий не обойтись. Возьмем любую страну: хоть Францию, хоть Германию, - и легко найдем левые издания и правые, центристские, популярные и т. д. Допустим, коммунисты из «Юманите» и журналисты из «Фигаро» — совершенно разные люди по своим убеждениям. Но в чисто профессиональном смысле они дружно встанут на защиту своих прав, если возникнет такая необходимость. Это их не смущает, и нам, наверное, надо привыкнуть к этому.

Если мы говорим, что общество наше плюралистично или идет к такому состоянию, то тогда, наверное, и пресса будет плюралистична. Но у прессы есть общие интересы. Есть сообщество или нет, проверяется через его способность защищать свои интересы.

Принять действительно профессиональные нормы своей работы - самое простое: не брать взятки, не продавать рекламную информацию как информацию журналистскую.

Труднее - добиться от властей понимания, что информация, которой они располагают, является не их правом и приоритетом, а это информация, которую должно иметь общество. То есть согласиться с мыслью о том, что право на информацию - право не столько журналиста, сколько общества. А журналист выступает посредником. Его профессиональная миссия заключается в том, чтобы объективно донести эту информацию.

Сейчас ходит громадное количество всяких подметных документов. Возьмешь такой документ — начинают чесаться руки: «бомба», сенсация, а если разберешься (даже на логическом уровне), часто понимаешь, что это ошибка. Очень много доброхотов, которые хотят помочь редакции создать политическую кампанию. Начинаешь разбираться - видишь, в чем интересы той стороны, которая предлагает эту информацию.

Это сложное и неблагодарное занятие, но это работа журналиста: понять, что ты не играешь в чью-то чужую игру, - в этом заключается независимость любого издания.

Я хорошо понимаю, почему в названии проекта говорится не просто о «правилах игры», но о «правилах честной игры». Это особенно важно иметь в виду, когда журналисты вступают в пространство, где правила честной игры максимально затруднены, - в политическое пространство, о котором говорят как о поле только «грязной игры». Как быть в этой ситуации газете? Как быть журналисту?

Самое печальное для меня - что устанавливаются порядки и нормы прежнего тоталитарного режима, партийной власти. Или заведомое вранье или, наоборот, полное отчуждение. Не идеализируя западный опыт, мы все-таки должны признать, что там существуют нормы в отношениях власти с журналистами. И не потому, что там политики честнее или умнее, - в обществе выработаны эти требования. Ну, возьмем простые примеры. Возьмем историю «Московского комсомольца» с П. Грачевым. Сколько написано, сколько фактов приводилось о криминальном бизнесе в армии. В нашем обществе это не получило того резонанса, который случился в Бельгии. Бельгийский генерал назначен генеральным секретарем НАТО. И обнаружилось, что когда-то он нарушил закон. Об этом написали газеты. Тут же поднимаются парламент, правительство. А в нашей ситуации как бы существует две параллели: есть жизнь, которая отражается в газетах, и есть жизнь, которая развивается по законам, как их себе представляют властные структуры.

Если говорить абстрактно, то развитие журналистики должно двигаться с опорой на такой принцип: власть всегда должна быть подвергнута сомнению. Это самый здоровый принцип журналистики. Главное, сама власть должна к этому привыкнуть. Но до этого еще далеко. И есть два момента, которые этот процесс делают очень сложным.

Раздел I

Первый — это экономическое состояние прессы. Вот, пожалуйста, «Российская газета». Ей платят - она и делает то, что "надо". Завтра ей будут заказывать и платить другие - она будет делать другое. Есть "Сегодня" - более тонкая, более интеллигентная структура, но можно найти признаки того, что и она выражает чье-то мнение, а не собственное. Есть "Известия", которые несут на себе до сих пор бремя статуса пропрезидентской газеты.

С 1993 года экономика нашей газеты становится самостоятельной, мы встали на ноги, не получаем ни от кого с 1993 года ни копейки. Убедились, что может получиться, можем зарабатывать. И тут наша позиция по Чечне порождает вопросы: что это с "Известиями" случилось? Почему не поддерживают власть? Не понимают, что ничего не случилось, мы остались самими собой.

Второй момент - менталитет потребителя. В обществе есть определенный вид потребности по отношению к средствам массовой информации. Реагируя на эту потребность, газеты ищут свою нишу. Но дело не только в том, что "Известия", например, читают интеллигенты, а "Труд" - газета рабочих и служащих. В обществе под влиянием тех же средств массовой информации складывается определенное настроение, то, что мы называем общественным мнением. И общественное мнение весьма подвержено влиянию. На самом же деле человек всегда хочет услышать то, что он сам считает правильным. И тогда он выбирает издание.

Как футбольный болельщик. Он сидит, смотрит матч по телевизору, и при этом ему ужасно хочется, чтоб специалисты, которые будут оценивать игру, обязательно сказали то, что он сам думал. И если скажут то, что ему противно, болельщик назовет такого комментатора дураком. В отношениях газеты и потребителя то же самое. Может показаться странным, но само общество формирует облик и политическую направленность издания. Если бы газета "Завтра" не имела ни одного читателя или газета "Правда", то этих газет и не было бы. Сегодня это непреложный факт: если есть какое-то издание, значит, оно

имеет своего потребителя.

Вот мы закрываем старую "Неделю", вместо нее пытаемся создать новое издание. Почему закрываем? Она теряет все: читателей, деньги, приносит миллиард убытков. Она исчерпала себя. Объясняется это только тем, что появилось много других изданий, а "Неделя" пишет не так, как следовало бы, то есть не так поверхностно. Потребность в этом издании снизилась до минимума, оно исчерпало себя. Это очень жесткий и мучительный процесс, но мы пройдем через него.

Итак, как дожить до того времени, когда отношения с властью будут строиться на здоровой основе? Пока остается одно - стоять на своем! Это безусловно отразится и на отношениях прессы с властью, и на состоянии общества. Здесь, разумеется, нужно терпение. Терпение, с одной стороны, а с другой - полная уверенность, что только так можно разрешить эту ситуацию.

В. Г. Лошак

ТО ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР, ТО - ПРЕЗИДЕНТ КОМПАНИИ

Недавно, участвуя в одном «круглом столе» с группой помощников Президента — разговор шел вокруг чеченских событий, — я услышал упрек: пресса (и телевидение, но в большей степени пресса) сегодня выполняет роль партии.

Мы действительно — это не признание обвинения, а позитивная констатация факта — выполняем роль партии, но только до той степени, до которой собственно партийное строительство пока находится в эмбриональном состоянии. Видимо, нормальное, цивилизованное общество без партийных структур в любом их виде невозможно. По сути дела, газета, берущая на себя политические оценки, создает из своих читателей подобие партии, выдвигающей политические идеалы. Можно сказать, что, например, в чеченском конфликте «Московские новости», «Известия», «Московский комсомолец» выступили одной партией, а с другой стороны партией выступила «Российская газета».

Агрессивная среда и политическая неразвитость страны толкает нас к объединению. А чего бы я хотел в идеале от журналистской корпоративности? И чего я не вижу в структурах типа Союза журналистов?

В идеале надо бы иметь две структуры. Одна — это некий клуб, куда журналисты независимо от своих политических убеждений могли бы прийти и поболтать, выпить пива, почувствовать себя людьми с развязанными галстуками. Другая — абсолютно профсоюзного толка, защищающая права тех, кто продает свой труд (здесь я, казалось бы, ратую против себя как работодателя). Это и есть основные структуры журналистской корпорации.

Я не хочу сравнивать российскую корпорацию журналистов с западными аналогами. Наши союзы журналистов в условиях

несформировавшегося законодательства вынуждены заниматься политикой. Но в принципе это отмирающая структура: либо союзы журналистов как-то переориентируются (ясно, что не все те люди, которые занимаются «освобожденной работой», к этому готовы), либо их заменят те две структуры, о которых шла речь выше.

Проблему корпоративности можно рассматривать и с узкой точки зрения — корпоративность как взаимная поддержка внутри профессиональных гильдий: газетчиков, теле- и радиожурналистов. А эти гильдии, в свою очередь, состоят из локальных корпораций: «Московские новости», «Известия»...

Я полагаю, что каждый из этих коллективов корпоративен в значительно большей степени, чем сообщество журналистов в целом. Маленькая корпорация как бы прошита общим пониманием этики газетного дела, того, «что такое хорошо и что такое плохо» в этой профессии; что и как писать, как строить газету.

Есть разительно противоположные примеры корпоративной этики таких первичных ячеек журналистского сообщества. Если, скажем, в «Московских новостях» только намек на то, что представляемый на полосу материал каким-то образом мог быть стимулирован неким заинтересованным лицом, стопроцентно лишает журналиста рабочего места в газете (я не говорю о прямой рекламе, она возможна, но у нее открытый статус).

Но если это лежит за границей возможного в нашей газете, то, скажем, на телевидении человек, который не зарабатывает деньги, делая заказные передачи, не вставляет в программы необходимые заказчику словечки и так далее — в межличностных отношениях будет считаться ненормальным. Есть и газеты, где это принято, где говорят журналистам: «мы вам не можем заплатить столько, сколько вы должны зарабатывать, но если вы будете печатать платные материалы, на которых "наварите"...»

Я помню наш последний разговор с Владом Листьевым. Сидели рядом во время вручения годовых журналистских премий. Объявили имя — какого-то редактора отдела, который получал премию, Листьев повернулся ко мне и сказал:

«Я могу сказать, кто в его отделе и сколько берет за платную публикацию». Какие, выходит, разные установились рамки морали для разных первичных ячеек нашего профессионального сообщества!

Является ли сегодня цех в целом некой корпорацией? Безусловно является, потому что, как я сказал вначале, мы живем в агрессивной среде. Любое обсуждение в правительстве, в парламенте, в другой структуре власти острой темы так или иначе сбивается на действия прессы, выражая однозначно негативное отношение к прессе вообще. При этом даже не разделяют: "хорошая" пресса или "плохая". Она вся плохая: открывает секреты, не дает власти работать, искажает политические вопросы и так далее, и так далее. В этой агрессивной среде пресса не может не сбиваться в "стаю".

В последнее время пресса демонстрирует созревающую корпоративность. Примеры: ситуация после убийства Димы Холодова, обсуждение проекта закона, который предполагал создание Национального фонда печати... Все это очевидный корпоративный дух.

Показателен очень интересный пример подвижек во взаимоотношениях внутри журналистского сообщества. «Правда», «Московский комсомолец» и «Московские новости» провели общий «круглый стол» по поводу 10-летия перестройки. Как должна была измениться журналистская этика, чтобы мы, представители таких разных газет, нашли общий язык. Еще недавно мы ощущали себя такими политическими противниками, что друг друга видеть не хотели. Но это не просто изменения политической ориентации газет. Мы поняли главное: нам, людям разных взглядов, жить дальше вместе. Нам не уйти никуда друг от друга и через пять лет, и в следующем десятилетии. Два тезиса нас объединили. Во-первых, мы только по-мирному можем друг друга убедить: полками в магазинах, социальными гарантиями и т.п. Во-вторых: хватит стрелять, пора уйти с баррикад и увести оттуда своих читателей.

Это был первый, я могу утверждать, опыт дискуссии, или

слышания (если есть такое слово) друг друга популярными политическими силами. Ведь никогда Лигачев, Лукьянов и Рыжков не слушали спокойно и спокойно не полемизировали с Гайдаром, Явлинским, Гавриилом Поповым, Святославом Федоровым. И это был разговор нормальных людей. Может быть, от этого «круглого стола» — я не преувеличиваю нашу роль, можно нас вообще забыть и зачеркнуть — в России начнется какая-то Политика «Круглых Столов» — то, что есть в любой цивилизованной стране мира.

Не только политически, но и этически мы тоже должны были себя преодолеть. Идея такой встречи тяжело была воспринята в наших редакционных коллективах. Очень тяжело. Я, например, выдержал серьезные разговоры внутри редакции с людьми, с мнением которых считаю. То же самое произошло в «Московском комсомольце», в «Правде». Тем не менее прецедент создан.

Какую же профессиональную миссию выполняли три газеты в организации «круглого стола» о юбилее перестройки? Полагаю, что мы выполняли все главные миссии журналистики, которые в наше переходное время практически одновременно реализуются в России.

Мы были пропагандистами и агитаторами. Но пропагандировали мы не коммунистические, либерально-демократические, демократические или какие-либо другие взгляды, а мирный образ политической жизни в этой стране. Мы были и информаторами. На огромной газетной площади своих изданий мы рассказали о том, что произошло. Политическими информаторами, ибо мы рассчитывали на то, что материалы «круглого стола» обращены к огромной аудитории наших читателей, которая поймет мысль о том, что мирная жизнь возможна, что она естественна, что вполне возможен цивилизованный политический спор: не нужно ходить с камнями, не нужно танками давить своих противников, не нужно плевать им в лицо — можно вести именно цивилизованный политический спор.

О корпоративном кодексе. Мы несколько раз подходили к этому вопросу. Мы — это в данном случае акционерная компания «Московские новости», а не просто газета «Московские

новости». В акционерной компании объединены среди других две структуры: редакционный коллектив «Московских новостей», у которого такого кодекса нет, и «Радио-Максимум», совместное российско-американское предприятие, у которого есть кодекс, составленный руководством радио и американским партнером.

Начиная большую работу по переводу на договорные отношения творческого состава редакции, мы имели в виду создать этический кодекс, а сам договор свести к нескольким пунктам, регулирующим отношения между мною, президентом компании, и журналистом. Но то, что было приемлемо для российско-американской компании с ее деловой этикой, оказалось не вполне приемлемо для нашей политизированной газеты с ее историей и ее коллективом, с уже существующими рамками отношений между редактором и журналистами. В итоге мы заложили некие взаимные моральные обязательства в сам договор, создав таким образом лишь частичный кодекс.

Было бы большим практическим прорывом, если бы исследователи и лидеры цеха, во-первых, поняли, наконец, что никогда не удастся сделать общий корпоративный кодекс для «Российской газеты», «Коммерсанта», «Московских новостей», «Независимой газеты», «Сегодня» и т.п., и, во-вторых, попытались создать общецеховой свод принципов профессиональной жизни, который бы для меня как для работодателя стал основанием кодекса нашей конкретной корпорации, конкретно наших внутрикорпоративных отношений.

Не получится ли, однако, так, таким внутрикорпоративным кодексом, я лишь решу свои административные заботы, спроектировав дополнительный — особо изоциренный — механизм власти работодателя?

Сегодня каждая редакция независимой газеты находится в абсолютно безвоздушном пространстве, за которое мы как раз и бились — нет никого ни сверху, ни, и только снизу — читатель. Мы сами вырабатываем все свои правила.

У меня как президента и главного редактора в связи с этим

работа стала более сложной: каждого сотрудника нужно вводить в общее русло корпоративной этики. И если, приходя на работу или продолжая работать в редакции — теперь уже по договору, — каждый сотрудник будет заранее знакомиться совсем расшифрованным набором тех требований кодекса, который принят в корпорации «Московские новости», мне будет просто легче руководить, работать с коллективом.

Но это не дополнительные вожжи: кодекс — способ достижения общего понимания, как по очень меркантильным вопросам трудовых, финансовых отношений, так и по вопросам политических взглядов. Например, в договоре, который я заключил с сотрудниками, сказано: мы не являемся членами какой-либо партии, и, вступая в какую-либо партию и потому желая отстаивать ее интересы, журналист выходит из состава редакции. Я в отношении к кодексу занимаю прагматичную позицию: и мне, и моим сотрудникам будет проще работать, когда у нас будет общепринятый свод правил игры.

При этом разумеется, что кодекс этических норм будет действенным лишь в том случае, если он выращен изнутри коллектива, и потому всеми принят. Но еще лучше, если бы редакция попыталась освоить некие общие для цеха базовые принципы, своего рода модель профессиональной этики, разработанную сообществом, и на основе этой модели вырастила свой собственный, как бы от первого лица этой газеты, кодекс. Никакого другого способа принятия нашего кодекса я своим журналистам предлагать не буду, чтобы там ни предложили "сверху" — Союз журналистов, парламент, премьер-министр и т.д. Я даже могу подписаться в понимании общей миссии цеха: под, например, правилом, по которому журналисты не воюют ни на чьей стороне. Но для коллектива «Московских новостей» будут приняты только те нормы, которые вместе разработаны.

Кстати, потому же я не считаю целесообразной и некую общецеховую профессиональную этическую комиссию. Мне как главному редактору эта комиссия Союза журналистов не нужна. Да и внутриредакционная тоже. Есть суд — государственная структура, судебная власть. Есть информационный суд. Да и мне самому за что-то деньги платят?

Конечно, оформляя в виде кодекса «правила игры», по которым живет наша компания, мы начнем не с пустого места. Жизнь редакции началась не сегодня, и у нее уже существуют принципы.

Один из моих личных принципов, относящихся к любой стороне жизни: без революций! Разве можно сегодня допустить даже попытку р-р-р-эволюционного внедрения некоей сверхновой этики в жизнь «Московских новостей»? В жизнь коллектива, который прорастал из жуткой АПНовско-КГБшно-контрпропагандистской структуры в демократическую уже структуру "МН", выступавшую «знаменем перестройки», а потом начал и переход в предпринимательскую структуру — иначе не выжить. Менялись некоторые взгляды. Но все происходило очень пластично, методом эволюции, а не революции.

И в такой коллектив, так трудно эволюционирующий, вдруг втащить кодекс, самый идеальный, написанный или придуманный даже в «Вашингтон пост» или в «Нью-Йорк тайме»? Это окажется революцией, которая будет ломать сознание людей, которая многих вытеснит, которая будет все-таки баобабом в нечерноземной полосе России. Поэтому я считаю, что лучше подождать. Да, мы к такому кодексу жестких отношений придем безусловно, но не сегодня.

Сегодня же меня устраивают те отношения и то понимание норм в руководстве и коллективе, которые существуют. Мы их постепенно сдвигаем в сторону позиции, что "МН" — предпринимательская структура, что все мы пришли в компанию не для того, чтоб нести «высокие идеалы» и проч., а для того, чтобы зарабатывать деньги, делать счастливой и приемлемой жизнь тех, кто работает здесь. Разумеется, чтобы эта жизнь отвечала взглядам — моральным, политическим — тех, кто здесь собрался, чтоб им было комфортно политически, социально, чтоб им не было стыдно перед своими близкими, детьми за то, что они здесь делают.

Вот этот комфорт все мы пытаемся не разрушить. Может быть, потому, что те, кто работает сегодня в руководстве компании, бережно относятся к ее эволюции, у нас практически сохранился коллектив. У нас нет людей, которые были бы очень

нужны газете и из нее ушли. Есть отсев, ушли аутсайдеры. Но сказать, что у нас хоть одного журналиста перекупили, я не могу, хотя есть газеты, где зарплата выше.

Может быть, потому у нас коллектив сохранен, что в нем есть свой дух, своя атмосфера, своя, как говорят молодые ребята, тусовка. Здесь сегодня работают люди, которым по 65, и они здороваются за руку и обнимаются с мальчиками, которые заканчивают четвертый курс факультета журналистики. Идеальная возрастная амплитуда.

Существуют ли противоречия между предпринимательскими ценностями и профессиональными ценностями журналистики? Да, это дуализм, который разрывает прессу во всем мире. Мы должны зарабатывать на свое существование, делать деньги, но мы должны делать деньги так, чтоб нам было не стыдно.

Вернемся к моей теории комфортной работы: политический комфорт, социальный комфорт, моральный комфорт. Я понимаю под политическим комфортом то, что люди работают абсолютно открыто друг для друга, честно, защищая принятые внутри коллектива идеалы. Мы порой, защищая эти идеалы, теряем, кстати сказать, читателя. Это очень больной вопрос.

Посудите сами: выступив неожиданно для многих против силовых методов в октябре 1993 года, мы потеряли очень большую группу своих читателей из радикальных демократов. Мы получали почту, от которой я, наверное, частично поседел, потому что я очень ценю диалог с читателем, наверное, как и каждый редактор. Выступив через какое-то время первыми против чеченской авантюры, отозвав свою подпись под Договором об общественном согласии, мы потеряли другой отряд читателей, который к нам только прибыл, отряд с другого фланга — читателей «демократов-государственников» и просто демократов.

Бывает очень тяжело, когда собственное мироощущение коллектива, собственная политическая линия входит в разрез с

Раздел I

интересом части читателей. И это не смотря на то, что мы, в общем-то, газета достаточно плюралистическая, можем дать слово и Жириновскому, и Веденкину, и кому-то еще, но при этом у читателя не должно быть никаких иллюзий, какова позиция самой газеты в отношении этих людей по поводу того, что они говорят.

В заключение скажу, что сам чувствую известное противоречие в своих рассуждениях — то о кодексе, то о бизнесе. Кажется бы, надо говорить о Призвании, Служении, Ответственности, Профессиональном Долге и прочем из того, что принято писать с большой буквы.

Легче всего было бы успокоить и себя, и других простым аргументом: если я и компания не будут зарабатывать деньги, то не будет этой газеты, не будет возможности высказаться, не будет рабочих мест почти для полторы тысячи человек, которые работают в компании. Поэтому приходится осознать: для того, чтобы существовал наш комфортный климат, чтоб существовала именно эта газета, с ее местом в политическом и профессиональном спектре, для того, чтобы мы могли заниматься тем, что мы любим, а в это входят все те слова с большой буквы, мы должны все эти высокие понятия поставить на нормальный материальный фундамент. Без него мы сможем лишь пересказывать друг другу на кухне собственные взгляды.

Труднее реально совместить интерес предпринимательский и творческий. Тем более в одном лице. Ведь я отвечаю на тему проекта порой как главный редактор, а порой — как президент компании. Как человек, который смотрит на ситуацию становления духа корпорации с этих двух точек зрения.

И в идеале хотелось бы не дуализма, а соподчинения: зарабатывать деньги для того, чтобы выходило главное дело жизни этой компании — газета.

Е. В. Яковлев

ПЛЯСКА СВЯТОГО ВИТТА

Из двух основных вопросов, которые поставлены проектом — насколько журналистское сообщество можно считать становящейся корпорацией, несущей определенную миссию, во-первых и во-вторых, какую миссию исповедует конкретная газета, в данном случае "Общая", по каким правилам она играет или считает должным играть, — второй для меня, естественно, много проще.

Итак, прежде о миссии сообщества.

Я думаю, что, поскольку печать — дело партийное, она всегда была и останется таковым, то, потеряв единую для всех партию, мы потеряли и единую на все времена журналистскую корпорацию, потому что до сих пор корпорация формировалась по критерию причастности к КПСС — в той или иной мере, — и ничем другим. Сегодня о журналистской корпорации говорить трудно прежде всего потому, что в нормальном многопартийном обществе, наверное, нормально и то, что у журналистики много различных, не собираемых в единое, структур.

Потеряв государственную печать как таковую — практически от нее остался островок печати обслуживающей: есть «Российская газета», которая обслуживает Черномырдина, исполнительную власть, и есть «Российские вести», которые обслуживают Президента — мы и пришли к тому, что вся остальная печать распалась, как мозаика, на кусочки.

Как журналист я отрицаю понятие независимой прессы, считая, что таковой просто не существует. Хорошо помню, что как-то, когда Игорь Евгеньевич Малашенко только начинал НТВ, мы проехали по газете "Сегодня" по поводу того, что Остальский периодически вызывается "на ковер" Гусинским и Гусинский может читать нотации по газете. На что в интервью «Об-

Раздел I

щей газете» Малашенко заявил:

«А почему Яковлев считает, что нотации, которые читает Гусинский, делают газету "Сегодня" газетой зависимой, а нотации, которые сам Яковлев как учредитель читает сотрудникам "Общей газеты" оставляют его газету независимой?» И я должен сказать, что ничего не мог возразить, потому что он совершенно прав.

После 19 августа 1991 года, после путча, когда я пришел в "Останкино", мне стало казаться, что государственная компания может быть наиболее независима в условиях, когда все больше и больше органов средств массовой информации становилось или частным владением, или владением группы банков, или администрации на местах, "Останкино", которое живет на государственный бюджет (это было в условиях, когда действительно никто не давал мне каких-либо указаний, и если, например, Президент звонил, то звонил не для указаний, а по каким-то другим вопросам), мне казалось, может быть независимым.

Но я, как всегда, забегал вперед, полагая, что вопрос о демократии мы решили, что мы уже живем в демократическом правовом государстве. Но путь, который мы прошли к октябрю 93-го, к расстрелу Белого дома, не оставил ничего от этих прекраснотушных мечтаний, о том, что государственная компания может быть наиболее независимой. Поэтому сегодня я практически не вижу возможности объединения печати на независимой основе, потому что, как я сказал выше, корпоративность оформляется через партийность.

Я очень долго шел, но пришел ко второй версии. Корпоративность через независимость отпала, значит, остается корпоративность через оппозиционность. Наверное, такая корпоративность существует. Я думаю, что газеты «Правда», «Завтра» лучше понимают друг друга, чем, допустим, «Общая газета» и «Известия». Наверное, возможна корпоративность через оппозиционную коллизию, и другого пути я сегодня не вижу. Через профессию? Для того чтоб держать корпоративность через

профессию, в этой профессии должны быть хоть какие-то нормы. Ведь какая беда случилась с журналистами? Они агитируют за рынок, они больше всего сделали для того, чтобы рынок стал рынком, но сами оказались абсолютно не готовы к рыночному существованию.

В Италии, например, есть практика коллективных договоров журналистов с издателем. Когда-то, будучи главным редактором журнала "Журналист", я приехал в Италию на конференцию журналистов, где мне сказали: «Вы не должны были сюда приезжать потому, что вы главный редактор журнала, и потому предприниматель. Мы с вами боремся, и вам с нами нечего делать за одним столом».

Или возьмем пример с заработком журналиста. Я веду финансовые дела «Общей газеты». Сейчас, поскольку я занимаюсь «РТВ-пресс», я не имею здесь права финансовой подписи, я не ревизор. Но тем не менее оклады сотрудников проходят через меня. Кто меня проверяет? Я наживаюсь на сотрудниках? Если да, то в какой мере? В какой мере я их эксплуатирую? Насколько честно я оплачиваю труд? Ведь этого же никто не проверяет. Сегодня, когда вся печать находится в таком тяжелом положении — она может существовать только на каких-то дополнительных дотациях или взносах, если она не совсем бульварная, — работа с нормальным окладом в печати является, в общем, Божьим даром, за который журналисты держатся.

Началось новое течение в оплате журналистики (идет теми или другими путями — не будем уточнять, я в этом тоже не заинтересован): доплата журналисту в долларах, в валюте. Это делается совершенно произвольно, на глазок: это стоит столько-то, это столько-то. Я использую это чаще всего, и не только я, но и другие — для переманивания. Значит, идет нормальная торговля людьми.

Так что эта корпоративность несколько... своеобразная. Возвращаясь к теме журналистской миссии, прежде всего скажу о стереотипе «пресса — четвертая власть». Эта фраза пошла с «легкого языка» Хасбулатова и до сих пор, так сказать, крутится. Никогда пресса «четвертой властью» не была и,

наверное, не должна быть. Не должна быть потому, что если законодательная власть хотя бы в какой-то мере находится в зависимости от избирателей, если исполнительная власть находится в зависимости от законодательной власти, которая сама пришла в результате выбора избирателя, и от президента, который опять же избран гражданами, то «четвертая власть» абсолютно произвольна.

У меня есть сегодня деньги? Я открываю газету — и получаю рычаг власти. Завтра у Гусинского нашлись деньги, и он создал НТВ. И получил огромную власть. Дальше Березовский приватизировал "Останкино", сделал ОРТ — получил еще больший канал власти. Поэтому для безопасности граждан, для обеспечения демократичности общества лучше уходить от понятия «четвертая власть».

Но есть другая тенденция, полярная амбициозной роли «четвертой власти». И хотя я сам часто выступал против власти, сегодня меня беспокоит иное. Сегодня практически вся исполнительная власть — это президент, и своеобразный телефонный провод между ним и общественным мнением взяли и перерезали. Сегодня общество убеждается в том, что никакого влияния его мнение на поступки властей не имеет. Издание газеты превращается для меня во все более и более бессмысленное занятие, так как, что бы я ни написал в газете, это не только не изменит течение дел в государстве или обществе, но меня даже не привлекут к ответственности за то, что я написал. Властью избрана самая хитрая и выгодная позиция — не обращать внимания.

Да, не обращать внимания. Поэтому и получается, что глупо выпускать газеты — они не влияют на власть. Ну хорошо, на общественное мнение они влияют. Если его рассматривать как айсберг или как течение воды, то на подводные течения, конечно, печать влияет. Но все-таки есть и другие стороны жизни государства и общества, хотелось бы, чтобы и они менялись.

Я занимаюсь ситуацией с селом Самашки. Случайно получилось так, что мы ужинали с Говорухиным (у нас со Славой

старые, добрые отношения), и я заинтересовался работой его комиссии. Он мне рассказал о том, что собирается через комиссию вскрыть всю историю чеченского нарыва, чеченской драмы. Такая мессианская задача меня немного насторожила, и я подумал, что добром это не кончится. Мы опубликовали материал Шабата, которого я тоже знаю (не могу сказать, что я поклонник Шабата, я помню, как он дрался перед трибуной Верховного Совета). Шабат публикует у нас в газете сообщение о том, что в Самашках была карательная экспедиция, карательная акция. Говорухин выступает и говорит, что ничего подобного. Дальше звонит мне Ковалев Сергей Адамович и говорит мне, что карательная акция была. Грачев выступает и говорит, что это не так.

Понимаете, даже я, человек, проработавший в печати с 56 года, даже я не могу себе ответить: была в Самашках карательная акция или не было ее. Даже меня запутали. Что же говорить об обыкновенном обывателе, читателе, то есть нормальном потребителе средств массовой информации? Он составит себе хоть какое-то представление?

Почему я здесь говорю именно о Самашках? Для меня Самашки — эта та точка координат, по которой можно определить, где находишься. Если там была карательная операция — я живу в фашистском государстве, в котором правят просто разбойники и т.п., причем в осознанно фашистском государстве, потому что оно не только совершает карательные акции, но еще и ведет дезинформацию, скрывающую суть происходящего. И мы должны сегодня осудить тех людей, которые проводили в Самашках операцию. Поэтому я уперся рогом в эти Самашки и не могу дальше двигаться.

Ужас в том, что мы проскакиваем и скользим: то начало войны в Чечне, то штурм в Грозном под Новый год. Мы скользим по поверхности и не определяем свое местонахождение в политических координатах. Идет совершенно наглое, во всяком случае с момента войны в Чечне, оболванивание общества. Общество не может составить представление о происходящих

в его жизни явлениях, вещах, фактах.

Мы с Леном Карпинским долго говорили о том, что привыкли считать фашизмом поднятую определенным жестом руку, крест — фашистский знак на груди. Мне кажется, если искать формулу зарождения фашизма, то такое оболванивание общества при полной свободе надругательства над здравым смыслом, желанием узнать, что происходит, — это и есть фашизм. Это больше фашизм, чем что-либо другое.

При всем моем критическом отношении к сталинским временам я могу отметить, что тогда были заинтересованы в том, чтоб я имел какую-то точку зрения. Конечно, они меня заставили плохо относиться к Тито. До меня только потом дошло, что что-то не так с Югославией. Но тем не менее у меня хотя бы не было вот этого, совершенно деморализующего состояния неопределенности. Нет, мне лучше идти неправильным путем, чем вообще не идти.

Я оказался в вакууме, я ни о чем не могу составить представление, потому что по любому поводу получаю прямо противоположную информацию. Если бы академик Павлов этим занимался: в нервную систему поступают прямо противоположные сигналы! Наверное, это самое страшное — пляска святого Витта.

Теперь мы можем перейти к жизни конкретной редакции и попытаться выяснить: есть ли у нее определенное представление о миссии, которую выбрала и реализует газета, какие из этой миссии вытекают правила игры.

На днях я получил письмо от 85-летнего человека (он пишет именно мне, лично), который говорит, что в связи с приходом и уходом Яковлева из "Останкино", с тем, что сначала он был в фаворе у Президента, а потом потерял его расположение, произошло столкновение «гения и злодейства», и с тех пор Яковлев все время «пытается обрисовать этого злодея», и очень жалко, что Яковлев на это тратит свои силы». «Каждый четверг

я, старик с больными ногами, иду по грязи, чтоб купить «Общую газету», быстро пробегаю первую тетрадку, где Вы долбите Президента, но всю неделю нахожусь в упоении, читая вторую тетрадку, где Вы пишете совершенно другие вещи».

Он не первый и не последний, наверное, который говорит о том, что критические ноты в «Общей газете» против Бориса Николаевича Ельцина это результат того, что Ельцин меня снял из "Останкино". Но это не так. Во-первых, я не разделяю позиции, по которой оказывается, что если какой-то человек поступил в отношении меня несправедливо, то я якобы не имею права на него обижаться, а если я на него обижаюсь, то меня это унижает. Это неправильная позиция. Я считаю, что если человек поступил гадко по отношению ко мне, то я имею право на него обидеться, и, кроме этого, я должен предупредить других людей об этом: если он поступил гадко в отношении меня, а я продолжаю раболепно его любить, то я буду обманывать этих других.

Второе: дело не в том, обижен или не обижен на Президента, дело в том, что он мне мешает в тех демократических устремлениях, которым я служу всю жизнь. Поэтому я невольно зависим от Президента, и как бы я к нему лично ни относился, я буду всегда выступать против него, потому что он противостоит тому, ради чего я живу.

Газета рождалась в глубокой уверенности, что за периодом крайней политизации наступит период духовного поиска. Когда-то радовались уровню политизации, радовались, что от 85—86 годов пошла вверх кривая политизации. Но крайняя политизация народа и страны — это глубокое несчастье. Политика — все же вещь коварная. В условиях крайней политизации не может быть стабильности общества, поскольку политика — вещь, колеблющаяся постоянно, еще одна пляска святого Витта.

Кроме того, мы много говорим о том, во что обошлась перестройка: развалили Советский Союз... Но мы никогда не говорим, сколько мы потеряли как общество, сколько не написано книг, сколько не прочитано, сколько не сделано дел из-за того, что мы занимались митингами, и во что нам обошлась вот

эта политизация. Она обошлась, если говорить о национальной цене, в совершенно невероятную цену.

Поэтому газета рождалась в предчувствии, что наступит новый этап, когда люди захотят взглянуть сами на себя, подумать о своей жизни, вернуться к тем элементарным вещам, с которыми мы всю жизнь прожили. Я не ошибся, потому что такой возврат к себе идет по нарастающей, может быть, не так обвально, как мне хотелось, но тем не менее идет.

Первой идеей, когда газета нарождалась, было взять кусок мела и сделать «меловой круг», окружить им Кремль, Старую площадь, Белый дом: и мы за этот круг не переступаем, и вы сюда не выходите. Это, конечно, шутка, но тем не менее газета рождалась как газета неполитическая. И разговор о политике может вестись только во имя того, чтоб освободить себя от политики. Удалось это? Конечно, нет.

Но мы очень продвинулись, в разговоре с человеком, в обращении к тому лучшему, что в человеке есть, — на таких, например, полосах, как «Я Вас люблю», «Семейный альбом», и меня они увлекают все больше и больше, я с удовольствием этим занимаюсь.

Очень важная вещь для нас — это мировоззренческое направление. Потому что отсутствие какой-либо идеологии, отсутствие какого-либо мировоззрения — беда, общество не может существовать без мировоззрения. Если общество хочет собраться, как мы все собираемся в предчувствии чего-то, ему не обойтись без заботы о своих взглядах. Мы много этим занимаемся.

Хотя я пришел к выводу, что газета сегодня, когда мы все-таки из тоталитарного государства выскочили, от диктатуры партии избавились, газета не может быть посвящена только одной сверхзадаче. Это «Московские новости» прошлых лет могли быть полностью подчинены демократическим идеям — тому, что мы понимали тогда под демократическим движением, — они могли быть посвящены этому от первой до последней строки, они на этом и выиграли. Это не моя находка, меня все-

гда поражало, как в «Новом мире», который редактировался Твардовским, даже маленькие такие заметочки на последней странице — о вышедших книгах — были все равно подчинены идеологии журнала.

Бывают в ботанических садах деревья, у которых стволы срослись вместе. Может быть три ствола, которые переплелись. Первый ствол путь к себе, осмысление жизни, смерти, возможность выживания в сегодняшних условиях, возможность сохранения себя — самоуважение мне важнее, чем уважение или неуважение со стороны Президента. Второе — это путь к мысли. Это мировоззрение, это создание своей философии, по которой ты живешь. И третий — это путь к власти или путь во-вне, то есть выработка своего отношения к происходящему вокруг тебя.

Вот если бы наша газета эти три ствола очень хорошо переплела, все бы подчиняла этим трем задачам, она бы, думаю, могла быть более собранной, чем сегодня. А пока у нас получается, что примерно из 16 полос где-то 4 — 5 все равно политические. Никуда от этого не денешься. Не денешься не потому, что без этого нельзя: или кто-то заставляет, или читатель требует. Есть еще журналистская привычка. Нам удалось подобрать за последнее время удивительный костяк профессионалов. Есть, допустим, желчный, но умнейший человек, Костюков Анатолий Егорович, редактор отдела политики. Для него нет большего удовольствия, чем рассуждать, что значит вчерашнее заявление Черномырдина, куда это ведет и к чему приведет, что, видно, уговорили Ельцина и тот поставил на Черномырдина — впереди президентские выборы и так далее, и так далее. Этим людям просто нечего будет делать, они привыкли так работать.

Но это будет все больше и больше отдаляться от нас. И не потому, что мы хорошие. Дело в том, что я считаю, если Борис Николаевич (ничего плохого, естественно, не желаю) физически удержится — он останется на второй срок. Неважно — через выборы, через что-нибудь другое, не хочу задумываться, — я почти уверен, что он останется на второй срок. Меня спрашивают: будут или не будут выборы Президента, и я отвечаю,

что знаю одно: Ельцин просто так власть не отдаст.

Когда-то на одном из последних государственно-консультативных советов у Горбачева (это было одно из последних обсуждений — о проведении съезда депутатов СССР), Явлинский сказал, что «я лучше вас всех знаю Ельцина, и, когда зайдет вопрос о власти, Ельцин не будет разбираться, где демократ, где реакционер, будет определять одно: как сохранить за собой власть...». Я тогда посчитал, что Гриша горячится, но он был, к сожалению, прав.

Поэтому Ельцин остается — давайте исходить из этой позиции. Если Ельцин остается, его команда — неважно, будет Филатов или не Филатов, Иванов, не Иванов, а Ильюшенко, какая разница? Будет Батурин? Команда остается. Команда получает индульгенцию еще на пять лет или на время физического существования своего патрона. Она занимается дальнейшим ограблением России, завершая его, потому что года через два в России нечего будет грабить.

И таким образом политика кончается, потому что политика может быть там, где есть реальное противоборство, где есть конкуренция. Политика кончается и политизированная газета оказывается рыбой, выброшенной на сушу. Потому что как она может писать о политике, если политики на самом деле никакой нет, ибо она будет исходить равно из одного имперского центра — это вариант Брежнева, только чуть похуже, пострашней, жестче. Там умирающий режим был, а здесь режим, еще набирающий силу.

И тогда-то вопрос о мировоззрении человека, о его выживании, о его самосовершенствовании станет еще острее. Это очень точно отвечает менталитету русского человека. Я бы, например, хотел, чтобы у нас появились статьи из школьного сочинения «Спустя жизнь». Я не очень понимал Татьяну, почему ей надо было отказываться от Евгения Онегина, когда он приехал. Ее генерал старый, вышла она за него без любви, Онегина она любит, он блестящ. Ну, почему она: «...и буду век

ему верна»? А сегодня я бы увидел Татьяну более взрослыми глазами, чем в восьмом классе.

Поэт Корнилов написал нам очень интересно о Некрасове. Некрасова все считали русской болью, а у него «вечная хандра» — самый ноющий поэт. Мы в школе привыкли к другому: боль за железную дорогу, за несжатую полоску. А это обыкновенная хандра. Вот если бы могли влиять на умение не поддаваться хандре, умение выживать, на способность формирования полноценного человека...

И последнее — от ситуации в нашей газете к ситуации в обществе. Вряд ли можно сегодня говорить о том, что журналистское сообщество находится в благодатной моральной атмосфере: когда в самом обществе слишком сильна тенденция аморализма, то, наверное, и журналистике не легче от этого. Но не может ли журналистская этика повлиять на общественную этику?

Давайте исходить из того, что, когда мы пытаемся говорить о влиянии журналистской этики вообще, о влиянии печати вообще, о «четвертой власти» и т.д., надо помнить, что во все времена, лучшие или худшие, есть конкретные журналисты. Вот Толя Аграновский, который работал на своей порядочности, естественно со скидкой на время. А был, допустим, Федь — дрянь, который был дрянью и при тех условиях, во времена Брежнева, и остался таким во времена свободы. Я очень часто отстаивал мысль о том, что от 86 до 91-го был период удивительной свободы, когда все зависело от порядочности коллектива редакции. Я знал, что максимум, что могут со мной сделать — это снять из «Московских новостей».

Поэтому прогрессивность, порядочность отношения к происходящему, к тому же Вильнюсу 13 января 91-го — мы писали, что это преступление режима, — зависели от нашей порядочности, прежде всего редакции, потом моей личной. Я думаю, что, когда «Правда» писала абсолютную гадость или клевету в те годы, это зависело от их порядочности или непорядочности. Сегодня есть «Российская газета», которая пишет несусветицу:

«Падает снег» и так далее. Неприятная женщина сидит во главе этой газетки. И ее ничто не исправит, никакие свободы, никакие ограничения, она будет подличать в любом климате, в любой атмосфере, в любой час дня.

Конечно, моменты этики сегодня намного отошли назад по сравнению с еще недавними годами. Когда я пришел в "Останкино", я смеялся, вспоминая о том, что, когда работал в "Известиях" (с 68 по 86-й — почти 20 лет), стоило кому-то просто сказать где-то в буфете, что Яковлев написал статью за взятку, это был бы конец моей карьеры в "Известиях". В "Останкино" я увидел, что для человека, который делает сюжет не за взятку, — это тоже конец, ему никто руки не подаст, потому что он окажется «белой вороной». Момент покупки журналиста вошел в допустимые нормы — мы подаем друг другу руки.

Но я думаю, что все это происходит еще и потому, что, я повторяю то, с чего начал, мы не готовы к рынку.

Многие редакции сегодня внедряют этический кодекс. Будем ли и мы в «Общей газете» это делать? Я потратил очень много времени, почти месяц, и написал Заявление совета гарантов. Но это скорее кредо, чем кодекс. Я это периодически делал и в «Московских новостях» — концепция газеты все время должна обновляться и публично обсуждаться. Мы подолгу обсуждали это и с гарантами, и с коллективом, опубликовали, письма идут, дальше я снова собираю гарантов — обсудить с ними то, как дальше двигаться.

А.К. Омельчук

КАЖДАЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КАСТА СОЗДАЕТ О СЕБЕ МИФ

Каждая профессиональная каста создает о себе мифы, защищающие эту касту, корпорацию. Так как я сам нахожусь внутри журналистской касты, то сначала хотел бы говорить о другой.

Например, о касте педагогов, которая создала о себе впечатление неприкасаемой, учителей жизни, познавших истину бытия. То, что мы слышим об учителях, то, как они себя подают ученикам, может быть, и нужно. Но мы-то, когда прозреваем, видим совершенно обычных, со всеми недостатками и даже, может быть, с большими недостатками людей — и чаще всего диктаторского склада. Иногда это «пустое место», человек, которого вообще к детям нельзя подпускать на пушечный выстрел, но он огородил себя легендой: он учитель, он подвижник и поэтому отношение к нему должно быть изначально трепетным. Но разве не каста советских педагогов мешала обществу развиваться, укрепляла тоталитарный режим, низвергала свободный дух? Разве не в школе воспитывался раб — под мифом высокой миссии учительства?

То же самое, как ни прискорбно это говорить, конечно же, относится и к касте журналистов. У нее есть охранная грамота, свой обороняющий миф: журналисты — справедливые подвижники, бессребреники, журналистика — если и дело, то не бизнес, это потребность, высокое призвание, не служба, а служение обществу, самоотречение. Только в газете, у журналистов, человека, не нашедшего справедливости в высоких коридорах или в суде, вообще нигде, поймут, на его лацкан выльют слезы сочувствия, напишут о бедах, на несправедливого гонителя найдут управу, любого партийного чиновника поставят на место, приструнят, пристыдят.

Казалось бы, разве не так было совсем недавно? Но ведь это был выборочный обман — тоталитарной системе нужно было показать, что она гуманна, что у нее кроме меча справедливости — КГБ, есть и, скажем, плетка справедливости, журналистский корпус. Системе нужно было создавать видимость, что есть люди, которые позволят тебе сделать глоток свободы. Но этот частичный обман — самый крупный обман. Человек впадает в иллюзию, раб начинает чувствовать себя не рабом. Сидишь в камере и в принципе осознаешь, что сидишь именно в камере, а тебе создают иллюзию, что ты на воле. Разве многие не купились на это?

Поэтому я и говорю, что у журналистской корпорации есть свои оберегающе-охранные мифы и она их тщательно лелеет. А так как у этого клана есть доступ к общественному мнению — как ни у какого иного, скажем, тот же учитель влияет только на свой класс, да на бедных родителей, — то он имеет необъятные возможности создавать мифы о себе, и именно это мешает нравственному самосовершенствованию самого журналистского корпуса. Не успеет где-то кто-то сказать об ответственности журналиста, как тут же поднимается волна защиты: какое там «судебное следствие», не надо даже разбираться, пытаться понять — вдруг он неправ, нет, он изначально прав. Таков журналистский кодекс, неписанный журналистский кодекс в действии.

Может быть, как социальный класс, как профессиональное сообщество журналисты в недавние еще годы были гонимы, угнетены, и именно такой кодекс в свое время был нужен. Однако сейчас корпоративный кодекс, на мой взгляд, становится тормозом. Зачем сегодня требуется особый, кастовый кодекс журналистов? Есть Декларация прав человека, есть библейские, есть всечеловеческие ценности, которые необходимо во всех условиях, в жизненных ситуациях и мира, и войны поддерживать. И вдруг появляется кодекс журналистов. Что, у журналистов голова на другом месте?

Может быть, особого кодекса требует появление на страницах газет и экранах телевидения рекламы? Относительно рекламы у меня четкая позиция: вся деятельность журналиста —

это реклама, нет ничего, что нельзя было бы назвать — в той или иной мере — рекламой. А насчет того, что есть реклама оплаченная и неоплаченная, напомню, что плата бывает разная: можно наличными, можно по перечислению, а можно потом — дивидендами.

Например, я пропагандирую идеи тюменского философа, а он во всех ему известных научных кругах утверждает, что я величайший журналист современности. Ведь это стоит дороже всяких денег. Егор Яковлев в Москве читает книгу о журналистской этике, подготовленную этим философом, и думает: оказывается, центр журналистики в Тюмени, и Омельчук апостол этого центра. Или я в собственном репортаже рассказываю о художнике. Художник, понятно, творец, но кроме этого, он еще и продавец своего товара? Значит, говоря о художнике, о высочайших духовных ценностях, я рекламирую его картину, которую нужно бы продать. Не-рекламы нет.

Говорить о том, что что-то реклама, а что-то не реклама бессмысленно: просто есть честная реклама и — вся остальная реклама. Честная, прямая реклама — когда продавец говорит, что он продавец: мы каждый продаем идеи, товар. Возьмем телевидение. Отечественное телевидение: странная и страшная ситуация. Мы, телевизионщики, производим продукцию, но не производим товар, мы производим продукцию, но не продаем ее, и в этом — мы не сделали следующего логического шага — вся трагедия отечественного телевидения. Телепродукция должна стать товаром. Товар или купят, или не купят. У нас сохранится тупиковая ситуация до тех пор, пока не будет сделан следующий шаг: все нынешние разборки не влекут за собой никакого разрешения кризиса, потому что продукция телевидения не сделалась товаром для телезрителя. Поэтому бесполезно спорить о кодексе рекламы: она — производное от того, что мы не хотим сделать следующий шаг. Все общество со скрипом, с болью, зубным скрежетом делает шаг в товарно-рыночном направлении: чтобы моторный завод не госзаказ выполнял, а производил моторы, нужные как сингапурским летчикам, так и нашим.

По отношению к газетам вопросов нет — они сели "на щетки". Почему? Потому что газета стала настоящим товаром. Купил ее подписчик — все прекрасно. Над телевидением же государство совершает надругательство, не давая телепродукции стать товаром. Видимо, потому, что для государства ТВ — просто орган манипулирования обществом.

Теперь в поиске и анализе аргументов в пользу собственно журналистского кодекса перейдем от рекламы, регулирование которой, на мой взгляд, не требует особых норм профессиональной морали, ибо достаточно библейских норм, к другой проблеме. Пример из журналистской практики компании «Регион-Тюмень». Наши журналисты три года назад поехали в Югославию и сняли там фильм о тамошней войне. Какую миссию или, скромнее, задачу они выполняли в этой «горячей точке»?

О событиях в Югославии из Москвы телезрителю шла односторонняя информация — заметно невооруженным глазом. Очень часто нам пересказывали или показывали западные телестанции, а в их передачах наблюдалась совершенно однобокая, прокатолическая направленность. Поэтому задача нашей съемочной группы — посмотреть собственными глазами, увидеть: соответствует ли то, что нам показывает Москва, действительности, показать, как мы сами видим проблему.

Естественно, получилась ангажированная передача, потому что авторы защищали замалчиваемую сторону. Я не говорю, что наша съемочная группа ехала за истиной. Но она хотела разрушить ту информационную блокаду, которую создают определенные политики. В войне же, в любой войне, одной правды не бывает.

Недавно наша группа привезла материалы из Чечни. Лично я не согласен с автором привезенного фильма, но, когда начинаю анализировать причину собственного несогласия, открываю для себя, что знаю правду об этой войне совершенно с определенным уклоном. С геббельсовской настойчивостью меня, человека, который там не был, уже убедили в чьей-то неправоте. И вот туда едет корреспондент, он видит живую войну — так пусть выскажет, что он видел.

И роль его не такая, как у конфликтолога, скорее, как у киргизского песнопевца — «что вижу, о том пою».

Да, в нашей телекомпании этот материал был встречен негативно, но ведь никто не сказал в ответ: «Давайте я сам поеду и расскажу свою, настоящую правду». Материал был отторгнут на уровне вбитых в душу стереотипов, которые навязала массированная пропаганда. Поэтому мораль простая: давайте же — даже в суде выслушивают другую сторону, — давайте выслушаем другую сторону. И в этом нам послужит журналист. Но журналист не конфликтолог, не миротворец — это уже крест журналистики, потому что там, где он ведет себя как миротворец, он забывает о человеческом страдании, о боли, ибо начинает вести какую-то политику, забывая о своей изначальной миссии регистратора.

Он должен, как летописец, писать: «Шел дождь, потом ударил "Град"...» Летописец-журналист пишет: «...лежало столько-то трупов на этой стороне, столько-то — на этой». А журналисты, которые изобретают новый, не библейский, кодекс, говорят: «...на этой стороне лежало столько-то трупов, а на той стороне то, что лежало, нельзя даже назвать человеческой падалью». Разве так можно? Разве можно после этого вести речь о журналистской этике и кодексе? Ребята, которых мы послали в Югославию, в Чечню, они в любом случае провинциалы, неискушенные в политике, хотя они и политически ангажированы. И они удивились деятельности некоторых своих коллег, которых ничего не интересовало, кроме "жареного": трупа сегодня нет, значит, нет события. Понимаете? Боль — не событие, разрушенные дома, сожженное хозяйство — не событие, как человеку жить дальше — не событие, ибо редакция не интересуется таким материалом.

Я вспоминаю один снимок. Во время вьетнамской войны офицер "той" стороны, не нашей, не социалистической, сайгонский офицер убивает вьетконговца. Фоторепортер выхватил этот момент: чуть ли не пуля вылетает и сейчас прикончит вьетконговца. Что должен делать в этой ситуации фоторепортер? Остановить руку офицера? Броситься, закрыть грудью,

да? Библейская ситуация. Выступая регистратором, каким-то образом сумев передать боль человека, в которого сейчас войдет пуля, фоторепортер сделал больше для человечества, чем прикрыв одного. При этом остается извечный спор — всеобщая справедливость или боль одного человека? "Регистратор", тот журналист, который в данный момент оказался свидетелем, очевидцем событий, поступил профессионально. Кстати, он, может быть, тоже рисковал, потому что мог получить следующую пулю. Но это риск профессионала.

Как же совместить ангажированность и нейтральность в информационном поиске? Думаю, должна быть просто изначальная честность перед обществом. Возможна и необходима разная информация, но она должна подаваться с преамбулой — «это мои домыслы», «это мои представления», «хотите, согласитесь со мной».

Не существует объективного человека, нет эталона объективности. Стремиться к объективности возможно, но человек потом, кровью, происхождением, своими любовными связями и проч. так завязан в этом мире, что нет объективной информации. Объективность рождается, когда представлены три точки зрения, по крайней мере — две. Вот газета И. Голимбиовского: была замечательная газета, но сегодня она стала односторонней и потому начала уходить от объективности. Может быть, это хорошо — если я придерживаюсь ориентации "Известий". Но я должен отдавать себе отчет в том, что я хочу быть воспитан, ориентирован в том духе, в котором меня ориентирует газета "Известия".

Каждая газета должна изначально определиться в направлении, не делать вид, что она живет по идеальному кодексу и потому старается быть объективной. Иначе — только миф о моральности, а на деле вранье, ибо неустраним парадокс: чем больше врут, тем больше говорят об объективности.

А теперь вернемся на грешную Тюменскую землю — раз уж предложенный нам проект пытается представить и различить журналистские корпуса двух регионов России: Москвы и Тюмени. Насколько этот выбор произволен — выбор именно Тюмени?

Полагаю, что объективность вполне наглядна. Тюмень все-таки — географический центр страны, а Москва — и мистический, и официальный центр, и каким-то образом два этих центра должны взаимодействовать. Думаю, что в известной случайности выбора авторы проекта уловили глубочайшую закономерность.

Можно ли говорить о корпоративной этике журналистов Тюмени, города, области, двух автономных округов? Может ли быть и нужна ли какая-нибудь Тюменская хартия регионального сообщества журналистов?

Нравственность бывает только личная, коллективной она не бывает. А если изобретать не только корпоративный, но еще и регионально-корпоративный кодекс, то получим Московскую хартию журналистской честности, екатеринбургскую, тюменскую, а дальше по районам Тюменской области: хартия ишимская, исетская, заводоуковская и пр., особая автономно-окружная хартия...

Журналист — творец, и поэтому он изначально одинок, хотя и работает в редакции или на телестудии, предполагающей артельный труд. С моей точки зрения, журналистские творческие союзы, как они у нас организовывались в духе гениального изобретения Иосифа Виссарионовича Сталина, — это проявление творческого империализма. Двойной раб — хуже, чем раб однажды. Ведь если создается творческий союз, то он обязательно управляется из Москвы — считается, что там самые лучшие журналистские силы. Любой провинциальный журналист, может быть, замечательнейший профессионал, должен почувствовать свою провинциальность. Творческий союз — это союз равных, а у нас всегда существует и столичный журналистский бомонд, и бомонд провинциальный: тюменский, ялуторовский, и все творцы — чем дальше от центра — предполагаются качеством похуже. Может быть, и хорошо, что собирается столичный бомонд, если нужно тусоваться, пусть тусуются. Но от всяческих союзов, я считаю, нужно не уходить, а убежать. Союз — метод диктата, давления.

Да, наше общество журналистов травит, но оно травит не одних журналистов, которые за себя постоять могут, за журна-

листа постоят его коллеги, ибо они имеют доступ и к власти, и к общественному мнению. Но ведь наше государство травит еще и инвалидов, бедных пенсионеров, одиноких матерей, малолеток, бомжей, оно травит всех своих граждан. Почему заметно, когда травят журналистов только потому, что они кричат. Но бесправие — это проблема не только журналистов, а всего нашего общества. Поэтому говорить, что журналист живет в бесправном обществе бесправнее других — просто несправедливо по отношению к менее защищенным. И зачем же тогда создавать охранные союзы?

Закон о средствах массовой информации есть. Но мы не привыкли еще ходить по судам, не привыкли, честно говоря, нести ответственность за свои слова, нести профессиональную ответственность. Зря ли представители других профессий полагают, что, ежели журналисты добьются для себя какого-то правового суверенитета, это окажется бедой для общества, ибо они уже имеют изначально большую привилегию — доступ к микрофону и к печатной странице. Поэтому повторю: выбирать особый журналистский путь — значит сильно рисковать, ибо опасны чувствующие себя мессиями и жрецами. Они почувствуют себя выше этой бесправной толпы — так всегда бывает, как только человек получил какую-то привилегию. Журналисты здесь не исключение, это люди с обыкновенными желудками и аппетитами.

Чтобы меня не заподозрили в каком-то "антижурнализме", скажу специально: общество насилия не исчезло, и, конечно, журналисты должны бороться за возможность исполнения своих профессиональных обязанностей. Это безусловно и несомненно. Но в то же время ни в коем случае нельзя допустить такой ситуации, когда мы сплотимся, а другие группы населения объединиться не смогут, и, естественно, те, кто успешнее сплотился, могут подмять под себя других.

Для сравнения вспомним, чем был Союз писателей? Загон для бездарностей, которые выбивали для себя привилегии. Итак, была привилегированная творческая организация — Союз писателей. Мы что, стремимся к такой же цели? Что этот Союз дал для литературы? Истинную литературу создавали изгой, а не те, кто получал привилегии.

Да, журналистский труд тяжел, в нем пот и кровь, но из этого рождается настоящая журналистика, и задача не в том, чтобы получить особые права, жить по особому этикету или по особому кодексу. Разве Иисус Христос требовал для себя особого кодекса?

Разумеется, для телерадиокомпании Регион-Тюмень не безразлично то, какую миссию, скромнее — роль мы выполняем. Но трудно уйти от противоречия: мы до сих пор выдаем продукцию, которой телезритель не может дать решающую оценку. Трудно говорить о нашей роли, пока продукция нашей телерадиокомпании не станет товаром: залежавшимся, и тогда компания должна исчезнуть с лица земли, или покупаемым — и тогда она будет процветать.

В осознании своего предназначения наша компания исповедует три основополагающих принципа — информация, развлечение и размышление (осмысление или утешение). Третий принцип можно называть разное, но ни в коем случае это не воспитание. В свое время Ненашев произнес "утешение", но его все осмеяли, хотя наши передачи должны утешить растрепанную и взбудораженную душу человека, который трудно переносит сегодняшнюю обстановку. И нет ничего плохого, если, придя домой, он посмотрит спокойную передачу и заснет спокойно.

Мы не стремимся, конечно, быть властью, но в силу того, что пресса действительно является «четвертой властью», а власть над умами сильнее, чем первые три власти, мы должны давать достаточно объективную информацию, взвешенные передачи, с провинциальным российским основательным спокойствием.

Провинциальное телевидение было и будет до тех пор, пока будет живо стремление местного человека иметь местную информацию. В нашей области более 40 телестудий — это прекрасно, потому что в Лангепасе хотели бы слушать и смотреть свою информацию, в Новом Уренгое — три телестудии, потому что северяне хотели бы смотреть, как живет большой Уренгой. Их меньше интересует информация из Салехарда, еще меньше из Тюмени, из России, потому что принципы информацион-

ного империализма живучи, может быть, даже иногда превалируют: сначала нам стараются показать, что там происходит, в Москве-матушке, а потом уж в Уренгое.

Естественно, мы бы хотели — я говорю здесь о понимании политической задачи, проистекающей, может быть, и из позиции президента телерадиокомпании — все-таки сохранить ту уникальную духовную общность, какая есть в Тюмени. Нам бы хотелось сохранить информационное пространство вместе с житейской общностью, потому что складывалась эта общность веками, не надо ее разрушать, и так уже много разрушено. Разрушение малого дома начинается с большого или наоборот, разрушение большого дома начинается с малого. Поэтому нам важна эта миссия в очень сложной — трехсубъектной (три субъекта РФ в одной области) ситуации, нам бы хотелось оставаться спокойным, неназойливым (не Большим Братом) средством информации, которое объединяло бы житейскую общность под названием «Тюменская область». Для меня Тюменская область — это, прежде всего, живущие тут люди, а потом уже какой-то нефтегазовый комплекс.

Я говорю то от своего имени, то от имени всей компании. Но так ли отвечали бы на вопросы авторов проекта мои сотрудники? В чем обнаружались бы отличия их представлений от позиции президента компании?

Разница, естественно, просто обязана быть. Себя я вижу играющим тренером. Я приходил в компанию с единственным условием — если за мной оставляют право работать журналистом. Я действующий журналист, и как только у меня отберут это право, я оставлю пост. Как президент стараюсь помогать коллегам выживать в трудные времена, помогаю им создавать то, что они хотели бы высказать человечеству, но, как мне кажется, не исчерпал и своего журналистского потенциала. Надеюсь, что я ближе к журналистам, чем к чиновникам.

И.Я. Гецевич

**ПРЕССУ, КАК И ОБЩЕСТВО,
СПАСЕТ НЕ КОРПОРАТИВНОСТЬ,
А РАБОТА ДО СЕДЬМОГО ПОТА**

О «правилах игры» в нашей профессии я думаю уже давно. Более того, я на практике убеждалась, что необходимы прежде всего нравственные правила, необязательно даже, чтобы они где-то были прописаны.

Толчок к этим размышлениям был дан лет пять назад, когда проводились съезды народных депутатов. Один мой коллега, югославский тележурналист из Белграда, однажды после очередного заседания пришел в гостиницу, включил телевизор и был просто поражен увиденным. На следующий день, придя в Кремль, он сказал мне:

— Послушайте, коллега, у вас что, так принято?

— Что именно?

— Я вчера был на заседании, своими глазами видел и слышал, о чем депутаты говорили. Но когда в программе "Время" посмотрел репортаж со съезда, удивился: откуда этот сюжет? Ничего такого ведь не было в зале, об этом не говорили!

Долго общаясь с ним и со своими московскими коллегами, я интересовалась, почему у них такой странный способ подачи информации? Скорее всего потому, что уже тогда стал ощущаться доминирующий посыл «кто платит, тот и заказывает музыку». И вот уже который год мы зациклены на теме КТО платит? И КТО заказывает?

Один и тот же съезд можно увидеть по-разному разными глазами. Но речь может идти лишь о нюансах, а не об извращении правды. Можно просто показать по телевизору репортаж без всякого комментария, а можно с балкона, с ложи или вообще "вынуть" его из своей головы — и картина окажется искаженной до наоборот, как в кривом зеркале.

Раздел I

Сейчас многое не так, нас в университете вроде бы не тому учили. Поэтому первое, и самое главное, — вопрос чести. Вопрос правды. Вопрос честности. Он у нас не решен. Была партийная система и партийная печать, и как мне кажется, тогда было чуть больше правды — со всеми ее пропагандистскими штампами и нюансами. Сейчас слишком огромно расстояние между журналистом, его внутренним миром, его «что хочу написать, сказать» и тем, «что могу написать».

Лет 15 назад (еще в те времена) в университете нам говорили: «Сказать можно обо всем, надо только найти форму — КАК это сказать». Тогда вопрос правды стоял очень жестко: была и цензура, и партийное бюро... Но говорили! Сейчас говорить можно все (как будто бы) — цензуры нет, но мы зачастую говорим лишь то, что выгодно нам, какой-то группе людей, власти; готовя забойный материал, преследуем одну цель — произвести сенсацию, наделать шума. Но все это далеко от правды.

Вы заметили разницу между московской прессой и провинциальной? Нет, она скорее региональная, а не провинциальная. Многие наблюдатели, которые читают газету более внимательно, чем обыватель, замечали такую — странную, между прочим — тенденцию: чтобы лучше узнать правду о тех же политбоях на съездах Союза или России, нужно почитать провинциальную прессу — она в этом плане была честнее, чем московская. Выходит, есть не две, не три — есть много правд, и это, как мне кажется, губительно для нашей прессы. Можно допустить любые толкования, разнотемье, но в принципиальных вещах допустить ложь — просто бесчестно.

Можно ли говорить, что корпоративный дух был в те времена и развалился сейчас, вместе с журналистским сообществом, от которого остались кланы и тусовки?

В прошлом корпоративность прессы, безусловно, была и осуществлялась через союзы журналистов, отвечавшие за «творческие дела». Действительные задачи были не вполне таковыми — если не фискальными, то НАДсмотрящими. То есть, конечно, обсуждались и профессиональные проблемы,

и аттестовывалась гвардия журналистов (опять же по некоему набору условий, которые каждый должен выполнять). А с другой стороны, журналисты наказывались — не так часто, не так много.

Сейчас вообще этого нет. Нет Союза журналистов. Даже в Тюменской области он распался. Из-за чего? Да вовсе не по желанию самих журналистов. Он, наверное, необходим. Только не в виде профсоюза, о чем сейчас говорят, а в виде какого-то консультативного коллективного органа, которому я смогла бы доверить отстаивание наших общих журналистских интересов.

Проблем у нас много. Проблем сегодняшних, связанных с неуправляемой экономической системой, в которой мы живем. Наши проблемы — бумага, издательские цены, выход на рынок, связь, реклама.

Да, без рекламы не прожить. И тут мы опять упираемся в вопрос этики. Вот на этом уровне, наверное, больше всего нужна журналистская корпоративность: отношение к рекламе, как ее подавать. И второй уровень — отношение к политическим тенденциям, которые сегодня проявились в обществе: кого поддержать, как поддержать, как открывать правду жизни, как формировать общественное мнение?

Сейчас значительно сильнее, чем раньше, и даже активнее, чем на Западе, у нас манипулируют общественным мнением. Пресса — «четвертая власть». У прессы есть власть — это безусловно. Власть слова. И нам, как ни странно, верят, порой доверяют даже откровенной лжи, которая мелькает на страницах. Во время подписки для читателя важны два критерия: сколько стоит? Правительственная или нет (то есть, врет газета или не врет)? На местные издания подписка слабо, но идет; на центральные совсем вяло — кроме относительно нейтральных «Аргументов и фактов», общенациональные газеты теряют своего читателя.

Сегодня отношение к профессионалу, к коллеге, к газете, которую делаешь, меняется чуть ли не каждый день. Но непреложными должны быть одни правила — честность, неподкупность, обязательность, умение не навредить.

Раздел I

Всякий раз, закончив материал, я должна уяснить для себя одну важную вещь: я написала правду — и мне не стыдно. Рекламный поток массы изданий откровенно дезинформирует людей. Нашей газете всего год, и у нас много рекламы, но другой — опосредованной, текстовой. Мы намеренно отказались от рекламных листов, чтобы не быть смешными, а с другой стороны, глупыми: подобная простота хуже воровства. За рекламные статьи, которые пишут сами журналисты, газета несет ответственность. И в принципе, после годового опыта работы я не испытываю неловкости ни за один материал.

Существенная деталь: в своих политических публикациях во время предвыборных кампаний и съездов я придерживалась главного для меня правила — не хвалила людей, которым помогала стать депутатами Союза и России, а только представляла собеседников. В моих вопросах, порой провокационных, была заложена моя позиция, в ответах — их позиция. Моих оценок звучать не должно — много лет журналисты и без того навязывали чье-то мнение. Сегодня мы должны сказать обществу: вот информация, а вы сами думайте.

Я не стремлюсь к тому, чтобы мои публикации кого-то воспитывали, а хочу, чтобы, получив газету, человек не использовал ее в хозяйстве, перечитал бы несколько раз. Мы стремимся предложить человеку увлекательное чтение, и при этом не околпачивать его. Мы не стараемся забивать в чужие мозги свои мысли, суждения, свое мироощущение. Мы хотим, чтобы человек размышлял над важными, как нам кажется, вещами, возвращался к тексту еще и еще раз, по частям.

Зарабатывая деньги статейной рекламой товаров, мы делаем это так, чтобы потом нам не было противно, чтобы нас не упрекнули в обмане. Мы намеренно не рекламировали «пирамидальные структуры», хотя денег они платили бы много. Тем самым поле для зарабатывания денег для нас очень сузилось.

А если задуматься: есть газета, ее образ, представление об идеологии и миссии, — живи себе автономно, не слишком

Рефлексия главного редактора

заботясь о том, по каким правилам играют другие газеты и пресса в целом? Есть своя позиция, ее никто не ломает, не навязывает другой — живи сам по себе, ведь все так и делают? Но что тогда будет завтра? Тюмень — экономически непростой регион. У нашей газеты есть свои соображения, планы и притязания на определенное место в сообществе.

Считается, что в газете все должно быть определено от "А" до "Я": на кого работает, кто читает и кто должен читать, какую "пропаганду" она должна вести. Я против этого. Какую-то единую линию газете вырабатывать не следует. В ней должны быть представлены разные мнения.

В "Возрождении" мы пытаемся временно уйти от политики. Обратите внимание, все опросы общественного мнения, проводимые нашими социологическими институтами, дают один очень важный результат: верхам нужно, чтобы газеты писали о них, о политике, о доминирующих тенденциях, о борьбе и лишь потом об остальных насущных проблемах общества. А читателям все это совершенно неинтересно, они устали за 10 лет от политики и шумихи.

Я пытаюсь очень спокойно, медленно идти к тому, чтобы сначала газета обрела широкого читателя, завоевала авторитет — и только потом можно не диктовать вкусы, нет, а стать изданием, НА МНЕНИЕ КОТОРОГО ССЫЛАЮТСЯ. Мнение которого важно. Оценивая события, человек будет сверяться с тем, как «они написали» — обозреватели газеты, которая себя ничем не запятнала — раз, не конъюнктурна — два, высказывается независимо, дает много разных мнений и ставит их в равные условия — три. Если совсем просто: что газета не сплетница, а это самое главное, что может быть.

Одним существовать практически нельзя. Редакционный коллектив "Возрождения" состоит из 5 человек и впредь останется таким же. Но мы привлекаем журналистов из всех газет, что очень важно. Это разные люди и по таланту, и по стилю письма, и, между прочим, по политическим взглядам.

Раздел I

Всем дается возможность высказаться. Мы будем и впредь привлекать еще больше авторов из других редакций. Я против того, чтобы у журналиста вырабатывалось определенное ремесленное или аппаратное мышление. Чем строчить и строчить, лучше остановимся, переждем, а дальше пойдем на той же высоте, с которой начинали.

Распалось общество, и пресса распалась на отдельные кланы и группировки даже в пределах одного города. Теперь, кажется, и у общества есть потребность собраться, и журналистский цех осознает ответственность и необходимость быть силой, способной влиять на судьбу России. Кто же соберет прессу, какое доверенное лицо, которому захочется подчиняться? "Возрождение" само — возможно, интуитивно — пытается приглашать журналистов, ничего им не навязывая. Газета принимает на себя миссию современной трибуны прессы, которая позволяет говорить разным сторонам в цивилизованных рамках. Еще рано говорить, что мы вокруг себя собрали региональное сообщество журналистов — но мы к этому стремимся.

Мы не хотим быть в этом плане доминирующей газетой, упаси Боже! Чтобы в России сегодняшней снова родилась "Правда" — это неэтично, даже преступно. Мы все равны, есть только некое противоречие между московской и провинциальной прессой — и есть два подхода к истине и факту. Но есть не до конца осознаваемое желание собраться и что-то отстаивать. Мы должны определиться, что защищать — свободу прессы, так же актуальную сегодня, как и 10 лет тому назад, просто она была другой тогда и сейчас. Или жизнь каждого конкретного журналиста, которого стало незазорно убить при исполнении им служебного долга? Либо наше право работать так, как мы хотим, — а кто его даст, кроме нас самих? А экономические проблемы, которые мы "одинок" не решим.

И договоры о «правилах игры» должны быть заключены не между отдельными редакциями — отстоять их сможет только доверенный орган всех журналистских коллективов, — но

между журналистами, правительством и законодательной властью. Иначе нам не уйти, например, от абсурда — газеты платят такое же огромное количество налогов, как и коммерсанты, при этом исполняя очень важную миссию.

Продолжая тему корпоративности, скажу: я никогда не соглашусь, чтобы в журналистском союзе принималось решение для всех газет писать «вот об этом», о двух-трех приоритетных идеях. А если это не нужно, и моему сегодняшнему читателю неинтересно? Это снова хомут. Не на этой почве я представляю объединение. Западные личные карточки журналистов, подписание какого-то кодекса чести с обязательным исполнением — допускаю, хотя это опыт Запада, а не наш. У журналиста должно быть право, продиктованное не столько неким кодексом, сколько потребностью общества от этого журналиста что-либо узнавать.

Я должна оправдать ожидания. Мою газету покупают, потому что в ней я профессионально могу написать практически все. Для чего я должна это "все" добыть — и у меня должно быть то же право на информацию, как и у всех остальных. Но ненормально, если я буду подписывать какой-то протокол с обязательством поддерживать некие идеи, партии, круги — не могу и не буду подписывать. Не должно этого быть.

Составлять свои профессиональные кодексы из зарубежных заимствований нелепо. Каждый журналистский коллектив должен иметь свою философию — только тогда газеты будут отличаться. Ну, появится десяток написанных правил, с которыми я совершенно согласна, — а дальше что?

На самом деле, прессу, как и общество, спасет не корпоративность, не написанная на бумаге мораль, а, простите за банальность, работа до седьмого пота, выполняемая честно и во благо Отечества.

И.Б. Абакумов

**ЧТОБЫ ИГРАТЬ ПО ПРАВИЛАМ
"ЧЕСТНОЙ ИГРЫ", НАДО ИМЕТЬ ИГРОКОВ,
ПОНИМАЮЩИХ ПРАВИЛА**

Принимая в целом «сценарную версию» ситуации в российской журналистике, считаю, что авторами проекта не учтен ряд угроз изнутри и извне.

20 лет я в газетном деле. Когда после августа 91-го сам собой рассосался могучий СЖ СССР, полезный уже тем, что нас "отдыхал" и «ездил по миру», я не вступил ни в один из новых союзов профессионалов. Не было веских причин. Не появились они и сейчас. Хотя две рефлексивные попытки вступить в некие объединения были.

Первая попытка относится к 1993 году, когда собрались несколько редакторов с целью создать ассоциацию аграрной прессы. Пили пиво, произносили тосты друг за друга, а потом перед камерой ТВ пытались сформулировать цель своего объединения. Получилось — сколько людей, столько и мнений. Диапазон намерений таков: от соединения сил для издания учебников крестьянским детям (вечные искатели спонсора) до условного сложения тиражей аграрной прессы для давления на правительство перед выборами (идеологические экспроприаторы). Суть желаний в следующем: добыть деньги на свои издания любыми путями. Предел реальных действий: организатор встречи представил аппарату правительства убедительные доказательства (стенограмма) своего веса в кругах аграрной прессы и попросил себе денег на жизнь. Тем все объединение и закончилось. Больше мы не встречались. Не стало причин.

Вторая попытка — 1994 год, ассоциация главных редакторов. Тема: повышение цен на полиграфию с перспективой закрытия негосударственных газет. Предложения были разными, сошлись на одном: не выходить один день с

предупредительной целью. Против были «Российская газета», «Красная звезда», «Новая ежедневная газета». В результате премьер встретился с редакторами «крупнейших газет России» и угроза была на некоторое время отведена. Так в течение одних суток произошло зримое расслоение интересов «государственной», «крупной» и «прочей» прессы. Причем это расслоение было начато сверху и без заметных сомнений воспринято снизу. «Привычка свыше нам дана»...

Сейчас мало кто вспомнит, как быстро и профессионально была пресечена первая же попытка объединительных действий журналистских сил перед лицом экономической опасности. Властные структуры обладают колоссальным опытом расслоения оппозиционных формирований на мелкие фракции, для этого есть богатейший инструментарий. Причем сами приемы и инструментарий нуждаются в отдельном, самостоятельном исследовании, поскольку их детальное изучение поможет излечению самой профессии журналиста в нашей стране — в массе журналисты (осознанно или генетически) есть не что иное, как часть механизма власти (это еще предстоит осознать), направленного против неподконтрольных ей, самостоятельных профессиональных объединений, тем более по неким размытым, «нравственным» признакам.

Отсюда, на мой взгляд, и обильное явление пишущему люду различного рода «хартий» и «кодексов» чести. Когда мне на глаза попадает очередное из таких произведений, откровенно говоря, становится скучно. Скучно от того, что, с одной стороны, читаешь очень (слишком!) правильные слова, под которыми тебе предлагают подписаться, как под военной присягой. С другой стороны, скучно оттого, что знаешь заранее: ни одно из положений «кодекса» не будет иметь массового хождения в кругах коллег по перу. Причин тому немало. Основных, на мой взгляд, две.

Первая, я думаю, понятна всем, кто знаком с той ступенью «журналистского мастерства», которая именуется «спецпропаганда». Предмет, еще недавно изучаемый на

Раздел I

спецкурсах журфаков, более детально штудировали в различного рода партшколах и военно-политических вузах, откуда произошла значительная часть действующей политической элиты либо ее советников. Как узнать, в чьей приемной "обкатывались" тезисы очередной "хартии" или "кодекса"?

Я бы не задал такой вопрос, если бы не видел наброски подобных произведений в одном из высоких кабинетов, чей постоялец был озабочен "нужным" общественным признанием собственной персоны накануне выборов. Его пресс-секретарь (достаточно известный журналист) сделал проект кодекса чести для тех газет (газетчиков), которые планировали улучшить свое финансовое состояние за счет фонда выборной компании хозяина кабинета. Естественно, что непосредственным исполнителям (журналистам) идея кодекса была подана в восторженной упаковке «возрождения единства российских журналистов». Многими это было воспринято с видимым облегчением — наконец-то! А теперь — после паузы — вопрос: как коллегам, получившим реальные деньги за реальное дело, которое они сделали профессионально (как учили!), объяснить, нравственно ли то, что они наработали? Разве у кого-то повернется язык объяснить, что самое нравственное — денежки вернуть "заказчику", написав про него самое объективное? Такой «общественный договор» можно подписать лишь с тем обществом, которое платит больше. С кем же конкретно, если, судя по докладу на последнем съезде Союза журналистов, средняя зарплата в цехе составляет 150 000 рублей — ниже черты бедности.

С кем же заключать договор честному профессионалу? Это вторая причина. Не припомню случая, чтобы какой-либо элитарный клуб, имеющий внутренний устав, объединял людей, не способных заплатить большой вступительный взнос, обязательный годовой взнос, а также потратиться на всевозможные пожертвования и иные мероприятия. Политические партии не в счет. Нищету, в которой пребывает большинство российских журналистов, трудно представить.

Поэтому говорить о корпоративной нравственности человеку, не способному накормить своих детей, по меньшей мере негуманно. Можно, мягко говоря, натолкнуться на стену непонимания — неявного, негласного, но сопротивления любым попыткам создать кодекс чести профессионала, не основанный на перспективе улучшения его жизни. На этой почве и произрастают подложные, рожденные в пресс-службах хартии и кодексы.

Корпоративность естественна тогда, когда идет снизу. Но для этого нужны нормальные, здоровые экономические отношения для нормального существования СМИ, либо протекционистская политика со стороны государства по отношению к среде обитания журналистов. Если профессионал думает только о добывании денег — ему не до кодексов чести.

В жизни получается так, что питательной почвы для формирования слоя «успешных профессионалов» в нашей профессии маловато. Да и те, кто считается успешным сегодня, завтра могут пополнить список закрываемых «по независящим от редакции причинам» изданий. Сегодня от этого не застрахован никто.

Решение проблемы — сейчас самая нравственная задача для журналистского мира и общества. Все, что будет делаться потом... будет потом, но ни днем раньше!

Ю.И. Белявский

ОБЩЕСТВО КАК ОБЪЕКТ И СУБЪЕКТ ИНФОРМИРОВАНИЯ

Думаю, что попытки «морального нормотворчества», выразившиеся в создании кодекса Союза журналистов России, никак не являются выражением подлинной внутренней потребности нашего сообщества. Это, скорее, с одной стороны, попытка функционеров (прежде всего, из руководства творческих союзов) загнать СМИ в некие рамки, а рамки пусть, мол, сами журналисты для себя и придумают; а с другой — наивная попытка журналистов сформулировать правила игры с властью.

Предполагаю, что наше профессиональное сообщество в его нынешнем состоянии не «опознает» в феномене активизации такого кодифицирования скрытых (а то и явных) опасностей: духа корпорации, по сути, как не было, так и нет и дело, конечно, идет к принудительному собранию цеха.

Я, честно говоря, являюсь противником любых профессиональных кодексов и хартий. В наших условиях ни один активно работающий журналист и редактор не найдет времени (да и внутренней потребности), чтобы всерьез заняться их разработкой. Значит, заниматься этим станут или ангажированные функционеры, или некие ученые мужи, далекие от реальных цеховых проблем. На мой взгляд, вполне хватило бы для регулирования отношений внутри общества (в т.ч. и для прессы) Гражданского и Уголовного законодательства, а также одного нормального закона о СМИ, реализующего конституционные гарантии.

Журналистское сообщество уже примирилось со своим расколом, что совершенно естественно для расколотого общества. Временные объединения «моральных единомышленников» возможны, но скорее всего в виде некоего консорциума, то есть для достижения каких-то конкретных общих задач.

Я плохо представляю себе общий для всех журналистов "эталон", позволяющий оценивать этическое качество собственных моральных поступков. Если он и существует, то несомненно является сугубо индивидуальным.

Полагаю, что в поисках корпоративной миссии модель «гражданское общество — субъект и объект информирования» — предпочтительна. Думаю, что в отсутствии судьбоносных катаклизмов и по мере стабилизации демократического общества эта модель, в принципе, вполне реализуема и в России. Еще раз повторяю: я лично являюсь противником всякого рода профессиональных кодексов и хартий.

К сожалению, не могу привести примеры из нынешней газетно-журнальной жизни, где бы присутствовали успешные профессионалы, действующие по правилам честной игры. Надо наконец признать, что сегодняшняя пресса, более-менее успешно существующая, находится в прямой и жесткой зависимости или от власти, или от содержащих данное издание коммерческих структур. Система взаимоотношений: «хозяин — газета», по сути, абсолютно не имеет конкретно проработанной, четкой регламентации и каких-то более-менее законных каналов регулирования. В этих условиях любые кодексы и хартии будут носить не более чем декларативный характер и соблюдаться только в тех случаях, когда это будет выгодно и удобно для достижения каких бы ни было целей, в том числе и профессионального характера.

О. Б. Добродеев

ПОКА КОРПОРАЦИЯ НЕ СЛОЖИЛАСЬ

Вопрос становления корпоративного духа действительно очень существенный, и может быть, он особенно важен сегодня. Но для того чтобы представить себе нынешнее состояние журналистики и определить, являются ли журналисты неким корпоративным сообществом, я думаю, необходимо сделать экскурс в историю.

Абсолютно убежден, что журналисты в Советском Союзе корпорацией не были. Они были скорее беспредельно разобщены. От имени корпоративности существовала лишь некая атрибутика, в основном — внешняя. Формальный корпоративный институт — Союз журналистов, Дом журналистов, пиво с раками в Доме журналистов, Елино, несколько журналистских творческих домов. Несмотря на то, что такие слова как "корпорация" и "корпоративность" были тогда просто исключены, все-таки декларировалась некая журналистская сопричастность. Фактически же ее не существовало.

Каждое издание, каждая газета, телевидение, да и каждый отдельный человек в силу профессии, в силу того что профессия наша, к сожалению (я застал то), диктовала, жили по совершенно особым правилам игры, которые не допускали нормальных профессиональных — корректных, прежде всего, — внутренних взаимоотношений. Журналистика была одним из приводных механизмов колоссальной идеологической машины. И эта машина существовала, как мы прекрасно понимаем, исходя из принципа политической целесообразности.

Да, в той ситуации были отдельные примеры, мы часто о них сейчас слышим, которые выходили за рамки, но в целом все в нашей профессии развивалось по совершенно определенным законам. Практически ни одна статья, ни один телеви-

сионный материал не были свободны от этих законов. Уже сама верстка программы "Время" в те времена не была случайной. Соответственно, свобода самовыражения, будь ты журналист или руководитель журналистского коллектива, ограничивалась. Пока ты вписывался в рамки, которые в тот момент диктовали определенные правила игры, ты был членом этого сообщества. Как только возникали малейшие отклонения от принятых правил, тебя отторгало не журналистское сообщество, а идеологическая система, но ты прекращал быть членом сообщества. И реакция сообщества всегда была нулевой.

Мы прекрасно знаем истории с подписантами в Союзе кинематографистов, среди литераторов, композиторов. У журналистов такого практически не было, они были приводным ремнем идеологической системы. Личные взаимоотношения и взаимоотношения профессиональные были подчинены этому, строились на этих основах. Знаменитый установочный тезис о партийности журналистики, о том, что журналистики беспартийной не бывает, как не бывает, соответственно, негосударственной журналистики, тяжелым бременем ложился на всех журналистов и очень серьезно сказался на среде в целом.

В журналистике была воспитана традиция политической целесообразности и «что сегодня следует», «что сегодня надо». Люди, которые отвергались системой, заканчивали карьеру на радио ВДНХ, где вещали программы отдельных павильонов, или уходили совсем, некоторые уезжали на Запад. Судьбы их были печальны. Но ни одного слова из корпорации никто никогда не слышал, слова солидарности — как неопременного признака существования корпорации. И это, конечно, наложило отпечаток практически на все. Если мы сегодня говорим о том, что это моя точка зрения, корпоративного журналистского мышления как такового не существует до сего дня, что практически корпорация журналистов России не существует — причины и истоки всего этого надо, конечно, видеть в том времени.

Корпорация не образуется из ничего, ее законы не пишутся с чистого листа, а опираются на традицию. Прежде всего, от-

Раздел I

существование подобной традиции — причина того, что мы имеем сегодня.

Конкретный пример — последние судебные процессы, дело Поэгли и т.д. Робкие голоса, фактически один-два отклика в прессе, три-четыре журналиста на суде, не более того. А ведь дело не в том, симпатична ли тебе позиция этого журналиста, а в законе существования корпорации. Попробуйте сделать нечто подобное против любого уважаемого издания в цивилизованной стране, это будет что-то невероятное, неопишное, даже против здравого смысла, потому что в каких-то ситуациях, естественно, для корпорации важнее доказать свою силу, свою власть. Так часто бывало, примеры мы знаем. У нас же по-прежнему все по-другому.

Говорить о корпорации, о ее духе, я думаю, вернее было бы в таком стиле: «Надеюсь, что это сформируется». По крайней мере, ощущение престижности профессии — неминуемый атрибут корпоративного духа — появляется. Конечно же, оно появляется прежде всего у людей, которые занимаются электронной журналистикой. Газетная журналистика сейчас переживает не лучшие времена, трудно говорить о престиже профессии, когда постоянно приходится заботиться просто о хлебе насущном. Поэтому у электронных средств информации процесс становления корпоративного духа идет, с моей точки зрения, быстрее (в какой-то компании, может быть, немножко медленнее, но идет).

Должно пройти какое-то время, необходимый период, чтобы выросло новое поколение, которое элементарно не боится, для которого чувство собственного достоинства важнее профессионального достоинства, важнее, чем многое другое. У меня работает сейчас очень много молодежи, только корреспондентов порядка двадцати. У них этот процесс идет очень быстро: они полностью себя ассоциируют с профессией, они признают принятые правила профессиональной, честной игры, как во внутренних взаимоотношениях, так и во взаимоотношениях

вокруг компании. Они обеспокоены не только тем, как заработать деньги, они прекрасно понимают, что в журналистике главное — имя.

Если есть имя, то все остальное придет неминуемо. И эта ситуация для них сейчас важнее всего, потому что мы заботимся о своих сотрудниках и для творческого состава денежные вопросы совершенно не главное. Каждый день ко мне приходят люди, которые хотят срочно уехать в Чечню, в Боснию, в Таджикистан и т.д. Для них сейчас основная задача, они это прекрасно понимают, профессиональный рост. И когда сложится устойчивая группа телевизионных, газетных людей уже этой формации, сформируются своеобразные корпоративные островки, тогда можно будет говорить о становлении корпоративного духа всего нашего сообщества.

Откуда эти островки возьмутся? Вспомним, как традиционно учили журналистике в России. Если нет твоей авторской позиции, то это уже не журналистика. Просто фиксация деталей, ситуации, явления — это обезличенная журналистика, это самое последнее, что может быть. А если есть авторская позиция, тогда за этим текстом действительно что-то стоит.

Такой подход загубил уже не одно поколение наших журналистов. Именно поэтому сейчас очень многие не могут найти работу. Потому что перед тем, как ответить на классические вопросы — что? где? когда? — они заявляют: «Я здесь, я вижу это, с моей точки зрения...» Еще не дав сюжетной канвы, посылают свою личную оценку. Это большая проблема в становлении корпорации.

Приходится объяснить моим ребятам, что гораздо важнее, профессионально важнее дать четкую, развернутую картину происходящего без оценок. Оценки, конечно, всегда будут, как и всегда личная интонация, но не может быть готового рецепта. Трудно этот процесс идет, болезненно, но идет. Одновременно с этим идет все же общий процесс роста информационной, любой другой журналистики. И когда "островки" — первый, второй, третий — будут появляться, можно будет говорить о базе

для возникновения корпорации, корпоративного мышления и журналистского сообщества.

До сих пор мы рассуждали о потенциале корпоративности, содержащемся (или скорее пока еще не содержащемся) на уровне индивидуальной журналистской этики. Другой, на индивидуальный, аспект нашего рассуждения связан с необходимостью вспомнить о том, что все издания и все телевизионные каналы в России были ведомственными. Их интересы на горизонтальном уровне никак не совпадали и совпасть не могли. Да, были межличностные отношения, кто-то кому-то симпатизировал больше, кто-то меньше. Но это были связи отдельных людей. А проблемы, которые возникали в том или ином редакционном коллективе, воспринимались в любом другом как нечто, происходящее в заоблачных далях: отставка какого-то главного редактора, какие-то оргвыводы, связанные с той или иной крупной политической ошибкой и т.п. — эти события весь цех абсолютно не волновали.

Совпадают ли эти интересы сегодня? Формируется ли корпоративность следующего этапа — в отдельных редакционных коллективах? Скорее нет. У каждой редакции свои цели, у всех свои интересы. Если в начале ситуацию корпоративности обострили издатели, то потом встали новые вопросы: акционеров и акционирования — кто? где? Проблема разного статуса, разного материального положения — колоссальные ножницы здесь нельзя не заметить. И все это не позволяет сегодня говорить о том, что существует достаточно много общего между одной газетой и другой, между одним телеканалом и другим. Скорее размежевание, чем объединение.

Ненормально ли это или просто необходимый этап? Скорее необходимый этап. Все равно этого не избежать. Но главное, чтобы даже на этом этапе соблюдались правила корректных внутрицеховых взаимоотношений. О большем сейчас говорить трудно, но вопрос корректных внутренних взаимоотношений на этапе, пока не существует корпорации, с моей точки зрения, очень важен, это принципиальный вопрос. Пока корпорации еще нет, определение того, что можно, а что нельзя, что

Рефлексия главного редактора

допустимо, а что нет, необходимо для отношений между разными редакционными командами.

Я хорошо знаю все телевизионные каналы: возглавлял информацию и на первом канале, и в "Вестях", здесь, в НТВ, у меня как бы третий эксперимент. Соответственно, знаю людей, которые работают в информационной тележурналистике. И среди них — "Время", "Вести", "НТВ" — ни одного, кто позволил бы "наезд" на журналиста из другой компании. Я думаю, что все коллеги со мной согласятся: в нашей среде действуют правила корректности. На сегодняшний момент это прообраз некоей касты. От чего зависит эффективность этих правил? От разных обстоятельств.

Мы все прекрасно и давно знаем друг друга — в отличие от газетной и телевизионной журналистики в целом. Информационная журналистика стала самой престижной. Люди, которые здесь работают на сегодняшний день зарабатывают несколько больше, чем остальные, это и специфика работы и, если хотите, плата за риск. Рискует журналисты, которые ездят в горячие точки, рискуют операторы. Рисуем мы — очень часто — и в отношениях с властью.

Опыт нашего развития показывает, что нередко нам важнее помощь, предложенная и полученная внутри этой миникорпорации, чем какая-то мифическая помощь со стороны. Мы часто сталкивались с экстремальными ситуациями, в том числе и за последнее время, и можем сказать, что раньше таких корректных отношений не было. Я прекрасно помню время крайне конфликтного взаимоотношения информационных структур — когда еще только была организована программа "Вести" и существовала та старая программа "Время". Отношения были просто грубыми, если хотите, хамскими. Я возглавлял программу "Вести" на самых первых ее этапах, до августа 1991 года, и просто трудно было удержаться в рамках: когда другой канал ведет разговор в повышенных, некорректных тонах — ты смолчишь раз, два, три, а потом, естественно, ответишь.

Так и возникала эта чудовищная перепалка.

Это была и форма конкуренции. Но прежде всего — отражение жесткой политической борьбы двух центров: Горбачева и Ельцина. Союзный центр — первый канал, а Россия, Ельцин — "Вести", второй канал. Это продолжалось до августа 1991 года. Все журналисты, которые работают сейчас, в той или иной степени, с той либо с другой стороны принимали в этом участие. И никому возврата к старому, конечно, не хочется.

Не на телевидении в целом, а именно в среде информационной журналистики есть, помимо всего прочего, один простой аргумент в пользу корпоративного духа: у нас в руках самое страшное оружие — информация. Информация в необычайно политизированном, разогретом обществе. Кого-то манит погоня за сенсацией, громкой, но обоюдоострой? Но мы уже знаем, к чему это все приводит, это знают наши коллеги, знают, что, если что-то происходит у них, у нас или где-то в другой структуре, отвечать приходится всем вместе.

Кто не знает позицию власти, сохраняющейся и до сих пор: «а, это было в программе "Время"? Нет? В "Вестях"? Нет? В "НТВ"? Ну, неважно, все равно». И получается, что для власти мы выступаем как некий коллективный «все равно». Ведь информационные программы сейчас, вопреки тому, что часто говорят, по многим составляющим очень похожи. И возникает общий образ: в ситуации "прокола" власти хотят видеть ответственными практически всех.

Что лучше: чтобы нас в этом случае разделяли на разные информационные команды или, слава Богу, что они нас так не разделяют? Поскольку я действительно привязан, в том числе и лично, ко многим людям, которые работают сегодня на иных каналах, скажу, что, может быть, если бы мы были помоложе, в том числе и профессионально, наверное, главным было бы ощущение личного приоритета. С моей точки зрения сейчас важнее другое: то, что в целом информационные программы российского телевидения дают достаточно полную,

объемную картину происходящего. Думаю, что на данном этапе это существеннее, чем личные амбиции. Хотя и они, конечно, есть: мы стараемся — это закон информационной деятельности — дать информацию первыми, полнее, выдать сенсацию и т.п. И все это правильно.

Но сейчас в нашей жизни это не главное. Конкретный пример — Чечня. У нашей компании было самое тяжелое положение из всех — мы начали первыми давать информацию о Чечне, только мои корреспонденты, две группы, работали в Чечне в тот момент. Спустя какое-то время к нам присоединились "Вести" — закон информации: если есть картинка, и говорить ничего не надо, но если ты не даешь картинку, то теряешь все — лицо, аудиторию, рейтинг и т.д. Аналогичная ситуация чуть позже произошла и с первым каналом — они были в куда более сложном положении, это понятно. На каком-то этапе — условно говоря, спустя месяц — все каналы выравнялись. Могли быть какие-то нюансы, но все давали полную картину происходящего. На мой взгляд, наличие разных информационных структур, служб и каналов — это наиболее эффективный на сегодняшний день способ защиты гражданского общества, тех институтов, которые сегодня существуют, которые с таким трудом наработаны.

Нет ли противоречия в том, что, говоря именно об информационной журналистике, я отмечаю, что она выполняет определенную задачу по отношению к гражданскому обществу? Нет, никакого противоречия, с моей точки зрения, нет.

Дело в том, что в России буквально три-четыре года, всего-то, насчитывает традиция информационной журналистики (телевизионной). Раньше то, что называлось информационной журналистикой, на самом деле было публицистикой в чистом виде. Информационные программы были программами рецептов: на их основании можно было судить о том, что сегодня целесообразно, как поступить тому или иному региональному начальнику в зависимости от верстки программы "Время" — о

чем и сколько по времени там шел определенный материал.

Это совершенно особый жанр, требующий отдельного изучения, называемый «Программа "Время"». Это не информационная журналистика, но очень важная. Программа государственных новостей, на основании которой все — от Владивостока до Калининграда — знали, что происходит и как это видится "сверху". Наряду со всеми другими такая программа, наверное, нужна и сегодня. Это же нужно — знать, как представляется наверху наша сегодняшняя жизнь. Это конъюнктура, но это очень интересно, и я думаю, что такая программа имеет право на существование.

В силу объективных причин информационная журналистика с самого начала была поставлена в особые условия. Все кризисы последнего времени: августа 91-го, весь сложный 92 год, невероятно трудный, очередной конфликт — октябрь 93 года и т.д. легли самым тяжелым грузом на плечи прежде всего информационной журналистики. Самое трудное в нашем деле — это, с одной стороны, чтобы тебя не убили и, в то же время, сохранить лицо. И здесь уж сказать, что мы нейтрально-изолированы и не несем никаких функций по отношению к обществу, никак нельзя: сама реакция общества на то, что мы делаем, что мы говорим, как бы подчеркивает ту существенную роль, которую мы играем. Я думаю, что любой журналист, работающий в информационной журналистике, прекрасно понимает, что определенные общественные функции он, конечно же, исполняет.

Стесняется ли он такой роли, не боится ли оказаться воспитателем, партийным работником? Нет, думаю, нет, хотя это, как всегда в жизни, вопрос и вопрос, ситуация и ситуация. Здесь много нюансов, много полутонов, которые определяют весь спектр, начиная от еще не забытой роли «приводного ремня». Но, конечно, любая информация оказывает колоссальное опосредованное воздействие на общество. Дай Бог, чтобы это воздействие не было прямым, никто никогда этого не хотел и к этому не стремился. Но категория нейтральной информации,

особенно сейчас и в нашей стране, категория полностью объективистской и совершенно нейтральной журналистики пусть останется для студентов 2-го курса факультета журналистики. Такой не бывает и, кстати говоря, никогда не было. И кто бы из наших западных коллег об этом ни говорил, никто этого не отрицает. Посмотрим, допустим, на работу Би-Би-Си по Северной Ирландии — наглядный пример, очень конкретный.

Везде существуют — при всем при том — свои сложности, свои ограничители, в том числе и внутренние. Это еще один вопрос и очень большая проблема. Часто каждый из нас мог бы сделать что-то и по-другому, но... все мы из другого мира, из другого времени. Естественно, дух того времени, когда я был заместителем редактора программы "Время", в какой-то степени сохраняется и сегодня накладывает отпечаток на мою работу. Странно было бы, если бы это было не так. И неслучайно я говорю, что формировать настоящую профессиональную корпорацию, видимо, будут те люди, которые придут, сейчас уже приходят, нам это сделать сложнее в силу разных причин.

Признаки формирования корпоративного духа можно уловить по тому, как складывается и действует этический кодекс компании. У нас такой кодекс есть, но он неписанный. Почему? Мы делаем свой информационный выпуск еще только полтора года. Безусловно, мы прекрасно знаем все подобные документы, которые существуют в разных компаниях, в мировых компаниях, естественно, прежде всего кодексы информационных служб. Но нельзя создавать кодекс, устав и закон поведения для организма, который еще не только не сформировался, но еще не прошел даже начальную стадию своего развития. Это очень важный момент, я могу пояснить конкретным примером.

Скажем, существует один из принципов информационной службы, очень важный, — недопущение синхронных, способных спровоцировать эмоциональную реакцию, синхронных интервью с людьми в зонах чрезвычайных ситуаций, конфликтов и т.д.

Или, например, правила адекватного представления двух сторон, участвующих в конфликте. Желательно или обязательно — это зависит от ситуации, — чтобы синхрон и дополнительную информацию давали либо представители власти, либо представители правоохранительных органов, которые в этот момент находятся на месте и обладают всей полнотой не эмоциональной, а достаточно объективной информацией.

Таких принципов и норм очень много. Но применительно к тем нестандартным обстоятельствам, в которых сейчас находится наша страна, многие из этих норм — при общем к ним уважении и понимании — часто бывают просто неприменимы. Если бы наши представители власти охотно шли на контакт с журналистами, если бы у нас не было экстремальных ситуаций, вроде Чеченской, все было бы, наверное, правильно...

Конечно, на наших еженедельных редакционных собраниях мы говорим об этих принципах и нормах. Конечно, мы, как правило, стремимся использовать опыт международной информационной журналистики, который мы принимаем, уважаем. В каждой отдельной ситуации мы выпускаем внутренние инструкции, как, допустим по работе в ситуации избирательной кампании.

В этой инструкции всего несколько пунктов: паритетность представительства разных политических партий; редактор дня в течение дня и недели следит за хронометражом тех или иных партийных блоков, чтобы не было превышения; отсутствие эмоционально окрашенной информации, то есть ровность тона. Это все очень просто, ничего не надо вывешивать на стенку, текст инструкции зачитывается и дается ребятам. Но это не нечто раз и навсегда данное, потому что наша ситуация, еще раз повторяю, постоянно меняется: как наше общество меняется, точно так же меняется и журналистика. Создать нечто, раз и навсегда что-то закрепившее? Разорвет тут же.

Это, кстати, относится ко многим документам, которые

сейчас появляются в связи с кодификацией журналистской профессии. Документы должны быть предельно простыми и лаконичными. Вроде конституции Соединенных Штатов. Конкретные принципы, которые можно зафиксировать уже сегодня? Например: нельзя заниматься плагиатом; нельзя воровать чужие материалы; нельзя передергивать содержание слов интервьюируемого, нельзя заниматься явной подтасовкой; нельзя допускать перемонтаж снятого материала и т.д. Если эти принципы (нормы) не будут очень простыми и очень конкретными, они будут просто непонятными. Большинство же из этических кодексов, что я читал до сегодняшнего дня, носит достаточно абстрактный характер и к повседневной жизни прикладывается с трудом. Ведь жизнь в чем-то сложнее, а в чем-то гораздо проще: иногда возникает необходимость сказать человеку, почему этого нельзя делать: «Нельзя согласно пункту №3 внутренней инструкции». Этот пункт №3 должен быть самодостаточным для человека, который в данный момент пришел к тебе.

В заключение — о том, как журналистская этика влияет на становление гражданского общества. Но уже не просто выполнением своей миссии и соблюдением правил честной игры, а теми ценностями, которые приоритетны в корпоративном духе. Речь идет о ценности успеха в нашей профессии, о том, культивируется ли она в цехе, в каких этических аспектах приживается.

Успех — один из самых важных побудительных мотивов любой журналистики, а уж про телевизионную я и не говорю. Именно стремление к успеху порождает те этические проблемы, которые чаще всего возникают в журналистских коллективах: во взаимоотношениях журналиста и журналиста, журналиста и редакционного коллектива, журналиста и общества в целом. Причем смею утверждать, что категорию успеха можно трактовать — применительно к нашей стране, применительно к журналистике — в большей степени как категорию самоутверждения — чисто материальная сторона отнюдь не является приоритетной.

В силу обстоятельств люди, в том числе и молодежь, но не только молодежь, могут сейчас делать то, что они не могли делать годами, десятилетиями. И это принципиально важно, это характерно, видимо, для любого времени на изломе. Вспомним послереволюционное время: несмотря на все проблемы, на все сложности, на появление каких-то несуразных памятников и т.п., это было время необычайного, фантастического взлета. Я не беру сейчас все остальное, мы знаем историю, все прекрасно понимаем... Специфика нашего времени: те, кто не могли что-то сделать, чего-то добиться в традиционное время игры по тем правилам, которые существовали, сейчас вырвались, и они могут очень многое. Конкретный пример: один из лучших моих журналистов, Володя Лусканов, был признан неудачником в журналистике, в газете «Московские новости» в конце 80-х годов.

Этика успеха? Установка на успех приводит к разным последствиям. С одной стороны, это безусловно хорошо. С другой — иногда такая установка уже начинает мешать, входит в конфликт с редакционными возможностями, а иногда и в конфликт с обществом. Поэтому в каждой отдельной ситуации проблема решается по-разному.

Другой вопрос, что ориентированная на этику успеха журналистика мне импонирует гораздо больше, чем та традиция реп-тильной журналистики, которая существовала еще совсем недавно. Когда журналист, который приезжал на московский завод «Кристалл» и которому давали ящик водки, чувствовал себя обязанным заводу «Кристалл» по гроб жизни. Когда можно было купить журналиста билетами в два конца на любую авиакомпанию. Когда можно было за бесценок просунуть любой материал в любую газету. Аналогичная ситуация была и на телевидении, когда за смешные деньги можно было поставить в эфир любую программу, от «Тибета» — акционерного общества — до чего-то подобного. Время отшелушило многое. Ни на одном телеканале сейчас не осталось так называемых купленных опосредованных сюжетов; мы были первыми, но сейчас этого нет

практически нигде — ни на общественном российском телевидении, ни в "Вестях".

Возможно, успех послужит одной из ценностей, которая собирает вокруг себя корпорацию, как большую, так и мини: ведь объединяются не только ради какой-то цели, но и вокруг одухотворенной идеи? Не буду говорить про весь цех, но успех может и должен быть философией нашей компании. Здесь, по большому счету, я вижу одну из основ достижения того корпоративного духа, о котором рассуждал выше.

Ощущение корпоративности, причастности начинается с малого. В нашей компании у каждого сотрудника есть свой значок, лучшие материалы постоянно награждаются отдельными памятными призами, мои сотрудники ходят в майках компании. Допустим, это мелочь, есть вещи существеннее — помощь в том или ином вопросе, — но ощущение того, что ты являешься составляющей этого организма безусловно присутствует. Противоречие: журналист — волк-одиночка, каждый — личность? Вся жизнь пронизана отчуждением, все, что создается руками человека, моментально отчуждается.

Мы не знаем, что будет через год, через два, через три. Мы можем говорить о балансе интересов компании и интересов отдельного человека применительно к тому отрезку времени, на котором мы сейчас живем. Мы прекрасно понимаем, что сейчас отдельная творческая личность, ощутившая себя «способной на все», может разрушить что угодно, включая компанию. В этом-то и состоит задача — понять, что этот человек может вести программу, тот — делать свою программу, а этому человеку надо сказать: «Вася, иди в большую политику, рамки нашей компании для тебя уже тесны, тебе хочется быть депутатом, журналистика и депутатство несовместимы, с мессианскими идеями — в дом на Охотном ряду».

Для меня риторичен вопрос об актуальности этической проблематики для развития журналистского сообщества. К тому,

что уже сказал, еще один аргумент. В журналистике до сих пор допустима форма политического доноса, и никого это особенно не задевает, не удивляет. Форма доноса политического, какого угодно — сплошь и рядом присутствует в сегодняшней прессе, возьмите, например, «Российскую газету». Это просто форма, тут не важно кто, не важно про кого, не важно как, но это в чистом виде то, что уже давно было, это схема, отработанная тем временем, — указать, приклеить ярлык, затравить и т.д. И все это в нашей среде, эти люди бывают на тех же приемах, что и мы. Они ходят в тех же коридорах, что и все мы. Я с ними не здороваюсь, но они-то считают себя составной частью корпорации. И никого это не смущает.

Сейчас, в условиях неразвитого гражданского общества, отсутствия традиций, очень многие будут готовы сделать все, что угодно. И это особенно касается журналистики. Сколько людей приходят и сами спрашивают: «А как вам надо, чтобы я написал? А что надо сказать здесь? А, скажите, мы за этих или против этих, за тех и против других?». Такая черта есть в некоторых журналистах, и сразу от этого никуда не уйдешь. Сейчас можно дать любую заказную статью, направленную "против" или "за" того, другого и т.д. И для очень многих это нормально и в том случае, если им ничего не заплатили, так происходит само по себе. Потому что так учили, так надо, это вполне вписывается в те рамки, нормы, которые «всегда с тобой».

Колоссальная проблема. Где-то она более ощутима, где-то — менее. Скажем, редакционные коллективы газет всегда складывались по принципу лидерства. Главный редактор — это лидер, который отбирает, определяет и олицетворяет издание: это — издание Егора Яковлева, это — издание Голембиовского, это — Лошак и т.д. В телевидении другая ситуация, здесь в любом журналистском коллективе работают все. Да, сегодня время все смешало, а еще недавно в одном коллективе были коммунисты, демократы, анархисты — кто угодно, и каждый делал то, что он хотел.

И вот, рассуждая о ценности успеха, мы должны понимать, что для кого-то из этих людей традиционна та модель, о кото-

рой я говорил применительно к нашей компании. Но вспомним о палитре моделей, которая была, скажем, после августа 1991 года, в огромных журналистских коллективах. Для кого-то успех — это только деньги; для кого-то — политическая карьера на гребне изменений; для кого-то, наверное для немногих, — это журналистика; для кого-то — просто сведение личных счетов, что тоже было. Все это было.

Сейчас, по-моему, тина осела, не вся, не везде, но осела, это видно, например, по газетам. И потому можно с уверенностью сказать, что мы переживаем промежуточный период, для которого, соответственно, нужны какие-то промежуточные формы сосуществования. Если институты гражданского общества будут крепнуть, если все у нас будет нормально, я абсолютно убежден, что тогда-то можно будет говорить о корпорации в том смысле, какой в него вкладывают в цивилизованных странах.

Ю.И. Пахотин

НА ПРИЗЫВ «ЖУРНАЛИСТЫ ВСЕХ ИЗДАНИЙ - ОБЪЕДИНЯЙТЕСЬ!» Я СПРАШИВАЮ: «ЗАЧЕМ?»

Помню, как в школе мы учили «Моральный кодекс строителей коммунизма» (так, по-моему, назывался). На уроке каждый ученик выходил к доске и бубнил пункт за пунктом этот документ, над которым, наверное, трудились лучшие умы партии. В классе висела тоскливая кислая тишина. Только слышен был голос очередного потенциального строителя коммунизма, скучно перечисляющего правила этого строительства, да иногда бесцветный голос пожилой нервной учительницы подсказывающей: «Человек человеку друг, товарищ и брат».

Почему-то чаще всего забывали именно эту строчку, и поэтому, наверное, она единственная и отложилась в моей голове. Вот с тех давних пор слова «Моральный кодекс» ассоциируются у меня с нудным тоскливым до судороги, оторванным от реальности документом.

Сегодня я слышу, что съезд Союза журналистов России собирается принять этический кодекс и будет рассматривать согласие с ним как необходимое условие получения профессиональной карточки. Думаю, проще всего с любыми условиями согласится человек, не задумывающийся об этике и готовый подписать что угодно, лишь бы получить профессиональную карточку. Но это к слову, попутно.

А вообще меня всегда мучил вопрос: почему, ради чьего спокойствия рождаются подобные бумаги?

Почему не создают этических или моральных кодексов парикмахеры, кактусоводы, доярки, художники, композиторы? Почему кодексы нужны только при строительстве коммунизма и при работе в средствах массовой информации?

И наконец, если есть никем не оспоренные нормы христианской морали, зачем придумывать еще что-то свое? А если свое, кто поручится, что это нравственней, чем заповеди Христа? Или речь идет о некой инструкции под названием

«этический кодекс»? Это о теоретической стороне вопроса.

А теперь о суровой реальности земных будней журналистики. Сегодня, когда существует широкий спектр газет — от эротических, бульварных, до ортодоксально-коммунистических и религиозно-мистических, — говорить о неких нормах этики, морали, нравственности, объединяющих всех журналистов в единую корпорацию, на мой взгляд, просто наивно. Какое издание — такая и мораль. Или полное ее отсутствие. Какие-то средние нормы, на основе которых могли бы объединиться профессиональные журналисты, может быть, и можно сочинить, но тогда в чем смысл объединения?

Вот конкретный пример, ярко, мне кажется, иллюстрирующий суть нынешних отношений. Формула «"Гермес" плюс средство массовой информации» на протяжении последних нескольких лет не смогла прижиться в Тюмени. Сначала еженедельник для деловых людей «Сибирский посад» со скандалом отказался от "Гермеса" как учредителя, затем не смогла выжить образованная им другая газета — «Новая Сибирь» и наконец в полном составе ушел коллектив популярной радиостанции "Европа" плюс "Гермес".

По крайней мере, два вывода можно сделать из этой ситуации. Во-первых, журналисты не приемлют диктата, от кого бы он ни исходил: от властей или новых капиталистов. Тем не менее, во-вторых, имея большие деньги, можно всегда набрать команду и открыть газету, радиостанцию, телеканал. Во всяком случае "Гермес" находил замену ушедшим журналистам без особого труда.

Парадокс? А по-моему, ничего парадоксального здесь нет. Каждый журналист-профессионал, оказавшийся по каким-либо причинам без работы, естественно будет ее искать и примет любое предложение, исходящее от любого издания. Могут быть исключения, но они редки. В основном отвергаются предложения, поступившие от изданий с ярко выраженными политическими пристрастиями. И идет журналист, не задумываясь о том, кто заказывает и оплачивает музыку, лишь бы платили,

идет с полной уверенностью, что будет писать так, как может, и о том, о чем хочет. И как только ему начинают внушать, что тот, кто платит, заказывает совершенно другую музыку, журналист (тоже за редким исключением) говорит «гуд бай» и снова ищет работу. Споры о том, какую роль сегодня играет журналистика — «четвертой власти», «второй древнейшей», «носителя (разносчика?) массовой информации», «mass media», — идут, на мой взгляд (и шли), среди политиков, чиновников, руководителей всевозможных организаций, учреждений, контор, а также теоретиков в области средств массовой информации.

Проработав почти два десятка лет в различных газетах, я не слышал подобных споров в редакционных коллективах. Не слышал и дискуссий на тему объективности журналистов. Любое творчество субъективно и тенденциозно. Мне кажется, меньше всего журналиста гложет вопрос о том, кто он: «приводной ремень», «общественный рупор» или «четвертая власть»? Единственное, о чем он задумывается, — как найти интересную для него лично, для издания, а значит, и для читателя тему, факт, событие и ярче и быстрее конкурентов подать материал. Сам поиск и отбор информации очень субъективен и зависит от миллиона факторов, начиная с личных убеждений и принципов и заканчивая погодой, настроением и случаем. И это совершенно нормально.

А вот как будет расценена публикация, какие последствия она вызовет, чьи интересы затронет — это уже не касается редакции. Но именно те, кто так или иначе реагирует на выступления средств массовой информации, дают свои определения и конкретным журналистам, и изданиям, и роли журналистики в целом. Так что и здесь все оценки весьма субъективны.

Хочу подчеркнуть, что речь идет о тех публикациях, в основу которых заложены неоспоримые факты и дискуссия касается только целесообразности, тенденциозности, субъективизма и так далее. В то время как ложь, подтасовки, искажения, оскорбления и прочее рассматривает суд. Вот почему в этих рамках мне кажется совершенно некорректным вопрос о том,

является ли показателем независимости газеты ее стремление выразить не общественное, а свое мнение.

Для начала пусть мне дадут методику отличия общественного мнения от редакционного и объяснят, что считать общественным мнением в каждом конкретном случае. И бывает ли оно единым и однозначным? И не следует ли отменить поговорку «Сколько голов — столько умов» и назвать ту "голову" (раньше это был генсек КПСС), которая выражает несомненно правильное мнение.

Редакция — это не монолит, а сумма индивидуальностей, поэтому газета не может не отражать общественного мнения. Я не знаю другого выражения «мнения газет», кроме официальных обращений или комментариев от имени редакции, что бывает крайне редко и по определенным поводам, требующим именно мнения редакции.

Ну, а теперь вернемся к названию проекта: «Становление духа корпорации: правила честной игры». Уверен, что в подавляющем большинстве профессионалы-журналисты действовали, действуют и будут действовать «по правилам честной игры». Иначе у нас вообще не было бы профессионалов, тем более преуспевающих.

Я уже не говорю о том, что любой журналист сразу чувствует, насколько честен его коллега — сегодня (как, впрочем, и всегда) это очень тонко ощущает и читатель. Поэтому "успешным" не может быть журналист, следующий по иным правилам. И я думаю, что ему не нужны никакие кодексы, хартии и другие высокоморального содержания документы. Нет надобности и во всяких комитетах, судах чести и прочей чепухе, придуманной теми, кому некуда девать силы и энергию, теми, кто не может реализовать себя в профессии, поэтому активен в околожурналистской деятельности.

Меня не пугает отсутствие сплоченной организации, раздробленность нашего цеха. Несколько лет, например, совершенно бездействует и Союз журналистов России, и практически все областные, городские организации СЖРФ. И что же? Вряд ли кто заметил их отсутствие.

Раздел 1

Тем не менее и без специальных организаций и кодексов журналисты связаны такими крепкими канатами корпоративных интересов, которые даже не снились какому-нибудь ордену меченосцев. Это заметно и по отклику всех средств массовой информации на попытки ущемить свободу слова, и по реакции на расправу с журналистами. А в любой редакции вам расскажут историю, как вынуждены были уволиться журналисты, нарушившие этические "цеховые" нормы. Такие люди оказываются как бы в вакууме. Никто перед ними не потрясает хартиями и декларациями, никто не устраивает журналистских судов — просто создается такая моральная атмосфера, при которой "отступник" не может больше работать.

Что все-таки может объединить журналистов? Конечно же, не этический кодекс. На мой взгляд, Союз журналистов как творческая, но управляемая, с вертикальной иерархической структурой организация изжил себя полностью. Оживить эту структуру не сможет ни грядущий съезд, ни царь, и ни герой. Собрать журналистов сегодня сможет только профсоюз — профсоюз работников средств массовой информации. Сегодня социально-экономические, а не морально-этические интересы могут объединить наш цех. А вот в рамках профсоюза будут возникать (и возникают уже — тому масса примеров) всевозможные локальные, региональные, межрегиональные ассоциации, клубы редакторов, журналистов, освещающих те или иные проблемы, издателей и т.д.

И я уверен, в таких объединениях соблюдение этических норм будет главным условием приема, именно эти организации создадут в широкой журналистской среде городов и весей нравственный климат, с которым должны будут считаться все творческие редакционные коллективы, все профессионалы.

Почему я пишу "будут"? Об этом, видимо, следует говорить особо. Не секрет, что сегодня журналист, особенно "звезда", становится объектом пристального внимания множества людей. На него прямо или косвенно пытаются воздействовать и читатели, и бизнесмены, и политики разных уровней, и представители общественных организаций, разных религиозных

конфессий, руководители других изданий и т.д., и т.п.

Выдержать это крайне тяжело. Прежде всего, тяжело душевно. Журналисту приходится почти ежедневно в одиночку решать очень сложные морально-этические задачи. Чтобы не теоретизировать долго на эту тему, приведу несколько конкретных примеров. Допустим, поступает журналисту предложение — сделать рекламнопропагандистский материал о кандидате в депутаты представительного органа власти. Как известно, подобные материалы оплачиваются как рекламные. Журналист готовит публикацию, она проходит в газете. А через какое-то время к тому же журналисту обращается представитель соперника этого кандидата и просит подготовить материал о своем претенденте на тот же пост, причем обязательно указать такие-то и такие-то факты, которые очень сильно подрывают престиж соперника.

А затем приходят представители партий, организаций и несут открытые письма, обращения "за" и "против" и того, и другого кандидатов. Кто думает, что журналисту легко с этим справиться, тот просто никогда не бывал в подобной ситуации. Те же коллизии возникают после публикаций (независимо от того, с каким они знаком — "плюс" или "минус") о коммерческих структурах, о руководителях регионов, партий, организаций.

Кроме того, журналист получает заманчивые предложения от конкурирующих изданий. А еще его просят поработать по совместительству в пресс-службах, пресс-центрах, пресс-группах власти и всевозможных учреждений. И если газетчик соглашается, то это состояние внутреннего разлада, когда правая рука против того, что делает левая, а носитель обеих рук должен заглушать свои нравственные терзания. Но их замечают (это, в принципе, для коллег несложно) окружающие и, естественно, дают понять, что замечают. Результат можно увидеть в отчетах медстатистики: неврозы, инфаркты у работников средств массовой информации случаются чаще, чем у шахтеров, сотрудников милиции, летчиков и у людей других профессий, относимых к группам повышенного риска.

Безусловно, журналиста толкает на «моральное самоедство» самая тривиальная причина — нищета.

Можно миллионы слов наговорить о высоком долге, чести, достоинстве, ответственности прессы и журналистов, но это будет пустой болтовней и фарисейством, пока работники средств массовой информации (во всяком случае, большая их часть), служа только одному изданию просто физически, биологически не могут жить на одну зарплату.

И прежде чем рассуждать об этике и о моральных кодексах, надо бы решить проблему экономического положения прессы. Я, например, с чувством глубокого отвращения наблюдаю, как уже год с лишним «пробивается» и все никак не может «пробиться» закон (или указ) о государственной поддержке СМИ. А не принимаются, а волокитятся эти документы именно потому, что никому, кроме журналистов, не нужна независимая пресса. Это же так приятно — иметь в руках мощные экономические рычаги и с их помощью управлять «общественным рупором». А если какой-либо рупор выйдет из подчинения, его тихонечко пустят по миру. Редактору издания сегодня — при монопольно высоких и постоянно растущих ценах на бумагу, полиграфию, услуги связи — ничего не остается, кроме как идти на поклон к властям или к денежным структурам. Вот почему мы получаем потрясающий феномен — есть независимые журналисты, но нет независимых изданий.

Как только издания встанут с колен на ноги, обретут хотя бы относительную экономическую самостоятельность и сумеют обеспечить своим журналистам возможность зарабатывать достойные их статуса деньги, уверяю — все этические проблемы решатся мгновенно.

А изобретать свой собственный путь решения этих проблем через духовные принципы, моральные кодексы, этические суды и прочие идеологические погремушки — занятие увлекательное, но очень далекое от реалий земной жизни.

А.В. Минкин

О КОРПОРАЦИИ ЖУРНАЛИСТОВ МОЖНО СУДИТЬ ПО КРИТЕРИЮ СОЛИДАРНОСТИ

(ответы на вопросы)

Вопрос, поднятый авторами проекта «Становление духа корпорации», очень важен для журналистского сообщества. Но я печально взираю на окружающую действительность. Не вижу журналистской солидарности — она не больше чем солидарность бизнесменов. Бизнесмены приканчивают друг друга физически, а журналисты — на бумаге, или по радио, или по телевизору.

Говорю это не умозрительно, не раз на себе испытал отношение братьев по перу. Сам я тоже грешный человек. Есть эпизод, который я бы хотел вычеркнуть из своей биографии именно из этических соображений. Прочитал в газете то, что сам же написал, и был страшно огорчен.

Это была заметка про Виталия Третьякова, главного редактора «Независимой газеты». Ничего не вычеркиваю сегодня из смысла того текста, но я употребил выражения, которые лучше было не употреблять. Я очень сожалею. Добавлю, что те люди, которым нравятся такие оскорбительные вещи, — мне неприятны, а те, которым такое не нравится, большее отвращение испытали ко мне, чем к моему персонажу. Так что даже с точки зрения «выгодно — не выгодно» — я проиграл.

Это было сразу после мятежа 93 года, 5 или 6 октября, когда я прочитал в «Независимой газете», что на той стороне, на стороне Белого дома, «погибали немногочисленные защитники демократии». Это Руцкой и Хасбулатов — защитники демократии? Это Макашов, Анпилов — защитники демократии?! Давайте согласимся: да, Ельцин нарушил Конституцию, упразднил парламент, но стрелять первыми начали они, они перевели

Раздел 1

конфликт в военный. Он их загнал в эту ситуацию, но стрелять начали они.

Прочитав в «Независимой газете» целую полосу в защиту Белого дома, я был возмущен совершенно искренне. И сел писать о «Независимой газете», о В.Третьякове, желая написать что-то очень изящное, остроумное, ироническое, колкое, но... легко. Семь часов вечера, восемь, полночь, два часа ночи... — ни одной строчки! Потому что в голове у меня только мат. Мат и кувалда. Надо учесть, что только-только кончилась стрельба в Москве. Я под ней был, а Третьяков, думаю, нет. По нему не стреляли, и вообще мне кажется, что он никогда не попадает в горячие точки, а сидит здесь и раздаёт ярлыки — кто хороший, кто плохой: учит нас жить. И вот я в два часа ночи (надо в девять утра положить текст) сдался и стал писать так, как у меня в голове звучало. И последняя фраза была недопустимой. За нее мне было очень совестно потом.

Что касается миссии прессы — считаю, что мы должны информировать общество. Заниматься информацией, а не партийной работой. Но, с другой стороны, я не знаю человека, который мог бы быть совершенно объективен. Человек субъективен. То ли ему нравится, скажем, Шахрай, то ли ему нравятся деньги Шахрая, но что-то двигает человеком, если он хвалит Шахрая.

Моя миссия... Не я первый употребил по отношению к себе такое слово, это мне человек один сказал укоризненно и насмешливо: «Вы же не журналист, вы же миссию выполняете». Я задумался: в какой-то степени — да. Я давно бы бросил это дело, потому что мне оно глубоко опротивело, мне не интересно, я не получаю удовольствия.

Я для себя как-то решил: до лета 96 года я кое-как дотерплю. Состоятся выборы президента России или не состоятся — хватит с меня. Я совершенно сознательно выбрал себе газету, у которой самый большой тираж. В Москве — абсолютно, но даже и в России это один из самых-самых больших тиражей,

мало кто может с нами конкурировать. В Москве нас читает все взрослое население — от самых верхов до самых низов.

Пусть мою газету кто-то называет "желтой"...

Поначалу я боролся против "желтизны", выступая на летучках в редакции, уговаривал убавить количество "сисек", "писек", "геев" и прочее. Я пытался воззвать не только к эмоциям, но и к разуму. Подписчик для меня по определению консерватор. Человек, который за полгода вперед платит за газету — консерватор. У него есть семья, квартира, куда будет приходить эта газета. Хочет ли наш подписчик, чтобы его 11-летняя дочка или 12-летний сын бесконечно читали про забавы лесбиянок, гомосексуалистов, специфические объявления? Все это в специальной литературе должно появляться. Тем не менее, нашу газету читают все, в том числе пенсионеры. Приходят мешки писем, и очень многие из них написаны стариками.

Итак, я пришел в максимально тиражную газету, чтобы нечто говорить тем, кто далек от власти. Меня мало интересует правящая элита. Сейчас они решают, кому дать квоту на нефть, кому дать еще что-то, но приходит день, когда голосовать идут низы. Вот ради этого дня еще стоит работать, потому что в тот день все решать будут мои читатели.

Не Ельцин, не Черномырдин, а мои читатели. Простые люди. Единственный день за четыре года, когда они могут что-то изменить. Ради этого дня — все. Журналистика так же не может быть «четвертой властью», как не может быть автомобиль на одном колесе. Первые две воруют, а третья, судебная, не существует. Если человек должен ждать тысячу лет очереди в суд — значит, суда все равно, что нет. Если уголовные дела лежат без движения и никак не доходят до суда — значит, нет судебной власти. Закон бессилен перед высокопоставленными гангстерами — что же может пресса?

Я напечатал несколько таких статей, что, выйди они в цивилизованных странах, уже несколько правительств ушло бы в отставку. Скажем, генерал Лебедь в Тирасполе ловит с поличным торговца оружием при попытке продать 14 автоматов

Раздел 1

Калашникова, арестовывает его, автоматы конфискует и сообщает в ФСК Степашину. Степашин передает это дело Молякову, начальнику военной контрразведки, а Моляков Лебедею говорит: «Отпустите его потихоньку». Оружие шло в Москву. Этот арестованный на допросе показал, что сотни стволов уходили в Москву перед мятежом 93 года. Как же не выяснить, кому продавали, откуда деньги? Это же очень интересно, если общество не хочет повторений. «Отпустите его потихоньку», — говорит Моляков, начальник военной контрразведки ФСК, Лебедь рассказывает это мне, я это печатаю прямо диалогом, то есть называю фамилии. И ничего!

Где «дух корпорации»? Почему корпорация не поддерживает? У меня есть ответ. Он открыто высказывается некоторыми редакторами. В приступе откровенности они говорят: «Мы не будем поддерживать газету, у которой полтора миллиона тираж, когда у нас двадцать тысяч».

Происходит невероятное событие: Грачев, министр обороны, просит Илюшенко, и.о. генерального прокурора, и тот по просьбе Грачева возбуждает уголовное дело об оскорблении против журналиста "МК" Вадима Поэгли. По закону все дела об оскорблении — это дела частного обвинения. Грачев должен был бы обратиться в суд и там доказывать, что журналист — уголовник. Нет, из любезности к Грачеву прокуратура затевает дело, ведет следствие, отвлекая людей от более важных дел. Пытаются нас, рассказывающих о безобразных проделках генералитета, превратить в уголовников. И никто же не говорит, что мы неправду написали. Претензии предъявляются к тону, претензия этическая или эстетическая скорее. Понимаете? Эстетическую претензию к нам предъявляют в виде уголовного дела.

Но где хоть одно слово из журналистского цеха в нашу поддержку? В "Известиях" появляется одна заметка, в которой говорится: «Правильно, что журналиста держат под подпиской о невыезде». Чтоб держать под подпиской о невыезде нужны основания: рецидивист, особо опасен, убьет, убежит, уклоняется

от дачи показаний. Ничего этого нет. Суд без Грачева кончиться не может, Грачев не является, и журналист так и будет сидеть в пределах московской кольцевой дороги, пока... Черт его знает сколько! А с какой стати?

Можно, конечно, сказать, что у нас есть росток корпоративного духа и он обнаруживается, когда власть нас всех обижает, — мы тогда все едины. Почти все приводят пример с Чечней — когда журналистское сообщество проявило известную корпоративность.

Есть какие-то зачатки корпоративности, но корпоративность не может строиться на конфронтации с властью. Тогда получается, что мы корпоративны с Жириновским, Зюгановым, Анпиловым и всеми, кто против сегодняшнего режима, который ведет себя безобразно не только в Чечне.

Нас, журналистов, конечно, страшно оскорбили высказывания о том, что мы "дудаевцы", что мы за дудаевские доллары пишем о Чечне. Эти обвинители даже не понимают, что если они бомбят собственный народ, то не нужны никакие доллары, чтобы сказать им: «Вы преступники». Я нашим властям пытался даже в газете объяснить: ну хорошо, нас, московских журналистов, купил Дудаев, но откройте западные газеты: все пишут точно то же самое. Что, Дудаев купил всю мировую прессу, кроме Невзорова, да?

Цех возмутился, но потому, что оскорбление было нанесено не Минкину и не Голембиовскому, а всему цеху. А если бы сказали не о «московской прессе», а о том, что именно Минкин куплен, — уверен, не возмутились бы.

В свое время я принимал активное участие в создании журнала "Столица", и первый год его существования в нем работал. Через год после моего ухода там стали появляться заметки, где написано про меня, что я — «вороватый лакей», что «он хочет быть русским, а русские так не делают». Это про меня-то, который всюду выпячивает свое еврейство. (И делаю я это, собственно, только на зло обществу "Память" и тому подобным

антисемитам.) Так вот, вдруг в журнале "Столица" люди, которые меня знают, пишут, что я — «вороватый лакей», что я «хочу быть русским, а русские так не делают». Мне хочется спросить: ребята, а как делают русские? Ну, допустим, я — такой гад, что делаю не как русские. А как делают русские?

Когда эту мерзость напечатали, никто не заступился. Честное слово, в тот момент я ждал какой-то помощи. Сам я ни к кому не обратился. Я думал: ну, может быть, кто-то заступится? Нельзя же самому написать: меня в "Столице" назвали «вороватым лакеем», а это неправда — я не вороватый лакей.

В «Российской газете» Полторанин называл меня «продажным наймитом», который «за банкирские деньги мочит, кого ему укажут». Я спросил главного редактора: «Почему вы не заступились за меня, прочитав вот это? Чего вы ждете? Если вы считаете, что это возможно, как вы можете держать меня на работе?» Я подал в суд, возбудил уголовное дело о клевете, этот разговор у меня с Полтораниным не кончен и не может быть кончен до приговора суда, но ни в тот момент, ни позже никто из журналистов не вступился, и наши союзы смолчали, и "МК" смолчал.

Про себя каждый точно знает: продается он или нет. Про себя уж точно каждый знает, кто он — «четвертая власть» или проститутка. И различить очень просто: если ты берешь деньги — ты проститутка, а если ты не берешь деньги — ты «четвертая власть».

Да, я страшно огорчился, когда никто не заступился за меня, когда меня в "Столице" назвали «вороватым лакеем». Но это прошло.

Насколько это важно для цеха?

Есть цех банкиров, но если они стреляют друг в друга, убивают друг друга физически, можно ли их назвать цехом? Можно — по профессиональному признаку. И нельзя по отсутствию настоящей солидарности. Когда мы начнем защищать друг друга, и не по решению Союза журналистов, а сами по себе, по доброй воле, тогда и можно будет говорить о корпоративном духе.

Конечно, можно к кому-то прийти, показать эти мерзкие обвинения и сказать: заступитесь. Но я не должен об этом просить. Я так думаю, что не должен.

Не очевидно ли, что по поводу разного рода союзов и кодексов я держусь в стороне. Сначала тебя вышвыривают, а потом удивляются: а почему ты не с нами? Да потому.

Нужен ли какой-то кодекс или «правила честной игры»? Правила такие необходимы, потому что мало ли кто в каких понятиях воспитывался, и потому есть, например, журналисты, считающие возможным называть по имени женщину, которая сделала себе подтяжку лица. Скажем, брать интервью у врача, который говорит, что такая-то (имя и фамилия) сделала у него подтяжку лица. Или кто от кого сделал аборт. Эта певица — от такого-то менеджера. Я одному такому журналисту в нашей редакции сказал: если б ты про мою жену написал такое, я б тебя убил. Физически. Я считаю, что нужны правила, которые запрещают журналисту лезть в чужую личную жизнь.

У врача есть кодекс. Он должен соблюдать врачебную тайну. А если врач нарушил свой кодекс и рассказал эту тайну журналисту, то журналист должен соблюсти свой профессиональный кодекс и не печатать имен, потому что это неприлично. Это потакание изменным страстям людей.

Я одного швейцарского журналиста спросил: у вас в приличном журнале печатаются брачные объявления, но под это могут быть спрятаны и чисто сексуальные интересы. Он говорит: «Это нас не касается. Мы печатаем брачные объявления: хочу выйти замуж, рост такой-то, возраст такой-то», Я говорю: «А есть какие-то пределы?» Он говорит: «Да. Если будет написано так: сорокалетний мужчина ищет тринадцатилетних мальчиков для совместных прогулок в лесу, — мы ни за что это не напечатает. Где только пахнет малолетними — не будет».

Я мало верю в действенность профессиональных кодексов. Десять заповедей не остановили ни одного убийства. Я думаю так: человеку, который вырос сволочью, никакой кодекс не

Раздел 1

поможет. После пяти лет уже трудно кого-то перевоспитать. Можно только улучшить или ослабить то, что уже есть, но переделать личность к пяти годам уже невозможно. А когда мы говорим о тридцатилетних?

Ну, пусть будет журналистский кодекс. Вот ты, парень, видишь кодекс? Здесь написано: так нельзя — а ты так сделал. А он говорит: «Да. И пошел ты со своим кодексом». Кодекс не может влиять, он только фиксирует нечто: что такое хорошо, что такое плохо. Ну, давайте еще раз зафиксируем.

Знаете, когда для меня Невзоров стал преступником? Еще вся страна его целовала во все места, в уста сахарные. Я никогда не смотрел «600 секунд» (у меня тогда телевизора не было), только слышал — вот Невзоров, Невзоров, Невзоров... И вдруг читаю в «Комсомольской правде» интервью с Невзоровым, где он рассказывает об удачном моменте своей творческой биографии. Какому-то ленинградцу при попытке вступить в интимную близость собака откусила член, и Невзоров снял этого несчастного и показал. У человека произошла трагедия. Какое право имел Невзоров выставлять его на всеобщий позор и насмешку?

Вернемся к правилам. Сознательно употребляю грубости, слова, которые должны вызвать сексуальную ассоциацию, с единственной целью: пронять персонаж и читателя. Скажем, у нас был председатель Центрального банка Матюхин. Я напечатал несколько статей под общим заголовком «Недобитый Матюхин добивает Родину - мать», там еще был подзаголовок: «Опомнись, сынок, она и так при смерти». Это — самое настоящее хамство, но ведь они в совершенно носорожьей шкуре. Они же ничего не слышат. Грубости в адрес Матюхина? Я привожу документы, подписанные им. Криминальные документы, которые всю нашу финансовую систему отдают американцу, не имеющему ничего, кроме номера паспорта.

Когда Жириновский выиграл выборы, я написал: «Не успели избавиться от "Х", как попали в "Ж"!» Дело в том, что это я

придумал назвать Хасбулатова "X". И сделал я это очень научно: «Руслан Имранович Хасбулатов (далее — X.)». Это подхватили все наши культурные газеты, по-моему, в том числе и "Известия". Я писал: «мудрый X». Но мы же понимаем, что у русских людей буква "X" однозначна. Так вот, я пишу: не успели избавиться от "X", как попали в "Ж". Все подхватили, и все стали писать статьи, называя Жириновского "Ж". И больше ни разу я не писал о нем "Ж", хотя очень хочется. Но именно потому, что это подхватили все, я этого делать не буду.

Моя эстетика протестует против моей похабщины. Но я говорю ей: эстетика, отдохни до лучших времен, эти люди не воспринимают вежливую речь. В Азии вообще вежливость воспринимается как слабость.

Парад на Поклонной горе. С одной стороны от Ельцина сидит Коржаков, а с другой — Клинтон. Я и пишу: конечно, американский президент не очень популярен у себя на Родине, но так-то опускать зачем? "Опустить" — термин уголовный. Я намеренно употребляю не "унизить", а "опустить", потому что общество наше криминальное. Вся улица разговаривает на фене, да и парламент, да и советники президента говорят: «У нас кремлевские разборки». Так что все общество перешло на язык гангстеров — разборки, бабки, наезд. И раз вы так — ну, и хорошо. Раз вы только этот язык понимаете, значит, будем на этом языке разговаривать.

Важно понять цель автора. Приведу в пример Петрушевскую. Когда мы читаем пошлейшие фразы, произносимые персонажами Петрушевской, нет мысли, что это пошлость самой Петрушевской. Когда я похабщину и пошлятину пишу, я очень надеюсь, что читатель отделяет меня от этой похабщины. Это не моя суть, а мое оружие. Это мой способ проникать в мозги.

Возвращаясь к теме проекта, прокомментирую само его название. Можно ли говорить сегодня о становлении духа журналистской корпорации? Для корпорации нужны свободные сознательные граждане, в данном случае — свободные созна-

тельные журналисты. Мы же попали в рынок совершенно неподготовленными, деньги крутятся огромные, и "заказных" статей море, и это море становится все глубже и ширше.

Через сто лет заходите, как Маяковский говорил. Не будет сейчас корпорации. Сегодня корпорация может быть только очень узкая — тогда какой в ней смысл? Я был бы рад, если бы такие люди, как Юрий Рост, Геннадий Жаворонков пригласили меня в свой клуб. Но в клуб, где есть Щекочихин, я не пойду. Я не хожу в Пресс-клуб. Только ради коржаковских дел я пошел и горько пожалел.

Для финала рассуждений о корпорации — подходящий случай. Недавно было заседание Пресс-клуба на тему «Служба безопасности президента». Приглашен был, конечно, Коржаков, но он, естественно, не пришел, и все, как всегда, вылилось в обмен репликами и попытками остроумно что-то такое сказать и себя показать. И где-то ближе к финалу член ЛДПР Митрофанов говорит: «Вообще-то, Коржаков хороший, а все эту свистопляску против СБП раздувают Минкин и НТВ, потому что им (Минкину и НТВ) почему-то перестал нравиться президент», Вот такая фраза. Она подлая насквозь.

Я попросил микрофон и сказал, что члены ЛДПР и здесь, в Пресс-клубе, занимаются тем же, чем и в Думе, — провокациями и гадостями. Потому что это — провокация-донос: «Борис Николаевич, это ваши враги пугают людей Коржаковым».

Через два дня смотрю Пресс-клуб по телевизору. Митрофанов говорит: «А вообще Коржаков хороший, а все это затеяли Минкин и НТВ, потому что им почему-то перестал нравиться президент». И конец, пошли титры. Уж не говорю, что отрезали мой ответ, о том, что это — провокация и гадость. Но, как Штирлиц говорил, запоминается последняя фраза. Дать финальную фразу ЛДПРовцу и никак на нее не ответить?! Сделать ее итогом?! Малкин, Малкин... Почему ты это сделал? Потому что ты так не любишь НТВ и так ненавидишь Минкина (хоть и приглашаешь). Готов даже жириновцу отдать финал, потому что больно уж хорошая фраза: в масть пошла.

Ну какая же корпорация? Это самая настоящая подлость. А какая этика? Отдать финал жириновцу, финал провокацион-

ный, в котором говорится для Бориса Николаевича: Ваши враги — это Минкин и НТВ — Коржакова хотят убрать, а вообще-то мы все с Вами...

В теории все безупречно, все говорят о любви к Родине, о пользе Отечеству, о борьбе с коррупцией, о том, что десять заповедей надо соблюдать, о журналистском кодексе и о журналистской этике, и Невзоров тоже скажет, наверное, про журналистскую этику. Он же говорит о себе, что он самый крутой журналист в России...

Рассуждая теоретически и говоря о себе, никто не скажет: я — плохой, я — предатель, я беру деньги. Опросите тысячу журналистов, и никто не скажет: да, я беру деньги, пишу заказные статьи. А мы знаем, что их тысячи, этих журналистов.

Остается Библией руководствоваться: «по делам их узнаете», «по плодам».

О.Г.Лобызова

ГОТОВЫ ИГРАТЬ ПО ПРАВИЛАМ

Случайно нашла в своем архиве «Устав Союза журналистов СССР», изданный 50 тысячным тиражом в 1987 году. Повеяло чем-то до боли знакомым, но, оказывается, за эти бурные годы уже и порядком подзабытым. Заидеологизированный, схоластический, коммунистически окрашенный свод прав и обязанностей журналистов страны рассыпан в прах.

Вместе с водой, как у нас водится, выплеснули и ребенка. От тьмы внешних цензоров и редакторов и самого страшного из них — рефлексирующего и несговорчивого "внутреннего" редактора, самоцензуры, преодолевающейся с трудом, ринулись к тьме же вседозволенности всех уровней, когда пошатнулись не только элементарные, незыблемые основы ремесла, но и вершины профессионализма, духовные, интеллектуальные и этические априори.

Центральные газеты, по сути переставшие быть таковыми, по количеству опечаток не уступают нам, провинциалам. Даже с размахом делающаяся международная газета «СПИД-инфо», любимица масс, позволяет себе публикации без ссылки на источник (№1, 1995), а ведь это без устали перечитываемый массами В.Пикуль. Фривольностей, откровенных заигрываний с читателями, безвкусицы, кондовой рекламы не гнушаются даже когда-то наглухо застегнутые на все пуговицы издания. «И нашим и вашим за копейку спляшем».

Даже сохранившие — в буре повальных переименований — прежние названия газеты и журналы уже не те. Под привычной вывеской — совершенно другая сущность, в которой традиционного ровно столько, сколько необходимо, чтобы не оттолкнуть хотя бы читателей - апологетов. Трансформация некоторых изданий свершалась за короткий срок не один раз. То же и

со многими представителями нашей одной, из древнейших, профессии. Кроме того, на смену уходящим со сцены мастодонтам пера, приравненного к штыку, приходят супервооруженные, компьютеризированные, пресыщенные свободой слова и безнаказанностью "новые" работники СМИ, в основе деятельности которых не служение, призвание, ответственность, а непонимание глубинных движущих сил, социальной роли журналистского сообщества, ориентация исключительно на личные амбиции и интересы.

Предлагаю лишь беглые мазки, фиксирующие качественно новое состояние российской журналистики. Констатация негативных явлений, сопровождающих этот нормальный, в общем-то, процесс выхода из стагнации, — в постановлении секретариата Союза журналистов России «О фактах злоупотребления в ряде российских СМИ свободой слова и о порядке введения в действие Кодекса профессиональной этики российского журналиста, создании системы общественного контроля за соблюдением норм Кодекса» от 29 ноября 1994 года.

Итак, постсоветская пресса достаточно долго находилась в свободном плавании. Без руля и ветрил она дрейфовала от ультраправых направлений до откровенно анархических или рассчитанных на чисто биологические потребности читателей. Но такое растекание, аморфное состояние долго продолжаться не может. Определив свою нишу на рынке прессы, издания различных ориентаций, сначала абсолютно стихийно, стали выработать основы взаимовыживания, сосуществования и взаимодействия. Необходимость этого очевидна: профессиональные цели других видов особо значимой для общества человеческой деятельности в России в настоящее время более структурно и организационно оформлены, лучше защищают корпоративные права и интересы, четче ориентированы на развитие и объединение.

Кодекс профессиональной этики российского журналиста, одобренный Конгрессом журналистов России (23 июня 1994 года) в лаконичной, сжатой форме сформулировал основные

”табу”, прописал ”канву”, обрисовал подводную часть айсберга журналистской деятельности. Разрешено все то, что не запрещено, но то, что запрещено, — запрещено абсолютно, четко обозначено не только внутри цеха, но и для общества в целом, что позволит ему с большим доверием и уважением относиться к процессу и результатам нашей работы. Существенным дополнением Кодекса поэтому становится положение о принципах и системе общественного контроля с соблюдением его положений.

Возникнув не на пустом месте, Кодекс вобрал в себя часть положений «Московской хартии», а та, в свою очередь, — аналогичных документов международных организаций (ФИЕЖ). Ассоциированное членство России в ФИЕЖ предполагает двойное значение Кодекса: не только в качестве инструмента морального нормотворчества журналистов внутри страны, но и для нашей идентификации с мировым журналистским сообществом; подразумевает перенесение опыта и практики разработки в развитых странах норм и принципов профессиональной этики журналиста, условий, обеспечивающих их соблюдение, на нашу почву.

Безусловно, пройдены лишь первые шаги на долгом, еще неизведанном пути. Скажем, говоря о недопустимости плагиата, Кодекс, естественно, оставляет этот запрет целиком в поле этических норм — детального юридического обоснования интеллектуальной собственности и ее защиты, тем более в СМИ, у нас, по-моему, не существует. На Западе же правовыми нормами подтверждено право журналиста на свободу совести: в случае изменения ориентации издания, политической или идеологической, и невозможности в связи с этим дальнейшей работы в нем журналиста он имеет право уволиться из него, получив компенсацию. В Испании, например, журналисту это позволяет сделать так называемый «закон сознания».

Появление Кодекса свидетельствует о том, что после крушения советской журналистики, раздробленности и разобщенности СМИ создана первоначальная система координат,

заложены основы журналистских традиций, код профессионального поведения.

Первоначальное — это, конечно, для сегодняшнего времени. Определенные корпоративные правила существовали и в предыдущие эпохи развития журналистики, скажем, в русской журналистике конца XIX — начала XX века. Основные из них, трансформируясь, видоизменяясь, остаются, по сути, скелетом, основой основ предлагаемого сообществу профессионалов пера документа. Нравственный императив и в нашей профессии достаточно жесток, несмотря на внешнюю словесную шелуху, шокирующее публику кокетство, проявляющееся, например, в сравнении ее со «второй древнейшей». И абсолютно ясно, что такие сравнения появляются не без основания, поводов к ним на практике более чем достаточно и станет ли их меньше, когда Кодекс будет принят? Вряд ли, ведь это не законодательный акт, а факт проявления доброй воли, своего рода возможность сказать коллеге: «Мы с тобой одной крови — ты и я, поэтому давай играть по правилам».

Успешной журналистикой может быть только нравственная журналистика, она и выживет в дальнейшем, как выжило человечество, стремясь вольно или невольно, осознанно или спонтанно, следовать библейским истинам «не убий», «не укради». И то, что все-таки убивали или воровали, ничуть не умаляло самих этих истин.

Российской журналистике отпущено совсем немного времени, чтобы встать под знамена Кодекса — приближающаяся предвыборная кампания станет серьезным испытанием эффективности его постулатов, заставит каждого журналиста, каждое издание сделать свой выбор. А потом выбор сделают читатели.

Однозначно определить социальную роль журналистики в современном, еще достаточно эклектично организованном российском обществе вряд ли возможно, не уверена, что это будет возможно и в дальнейшем. Можно говорить о тенденциях, доминантах, но борьба за свободу слова никогда не кончается, она лишь видоизменяется.

Раздел 1

Когда акцентируется внимание на миссии прессы, как «четвертой власти», то, по-моему, желаемое выдается за действительное. Не обладая достаточным терпением и временем, чтобы «выдавливаться из себя по капле раба», воспитанного условиями предшествующей эпохи, журналистика примеряет маску «властелина», забывая об опасности: маска может прирасти и скрыть навсегда истинное лицо. Вероятно, это болезнь роста, не более. Но нельзя не сознавать, что для иных соблазнов стать «серым кардиналом» и оказывать существенное влияние на властные структуры велик и в моральном, и в материальном плане.

Роль средства массовой информации, отводимая журналистике законом и государством, трактуется последним как более безопасная. Для него по сравнению с предыдущей, а потому — предпочтительнее. Это тоже один из переходных этапов развития нашего сообщества, его трансформации, причем гораздо более распространенный на практике, чем принято думать.

У журналистов новой волны зачастую затушевано, скрыто или вовсе отсутствует личное отношение; избегание оценки описываемых фактов, событий проявляется даже в выборе жанра — информация, интервью, где автор намеренно уходит в тень собеседника, «доверяя» читателю часть своей работы — думайте сами, решайте сами... Чем и обескураживает читателей с традиционно сложившимся взглядом на прессу как на мессию. Что это, сознательно выбранный метод, своего рода уход от действительности? Или нежелание, неспособность сказать что-то свое, неординарное, нестандартное, когда, идя по линии наименьшего сопротивления, ограничиваются нейтральным, фиксирующим, констатирующим взглядом на описываемое? Бывают ситуации, когда подобная индифферентность преступна, может ввести в заблуждение читателя, но порой она и во благо. Нужно только не путать исходную посылку: не то чтобы «не смей свое суждение иметь», а «нам не дано предугадать, как слово наше отзовется». Мы вооружены словом, как врач скальпелем, поэтому должны разделить с ним запо-

ведь: не навреди!

Скажем, у нас на Крайнем Севере, где в процессе нового освоения и так много дров наломали, существуют то хронически тлеющие, то внезапно вспыхивающие национальные, экологические, экономические, политические проблемы, как локальные, так и глобальные. Стоит ли журналисту брать на себя роль эксперта, последней инстанции, третейского судьи, когда и специалистами еще не все сделано для постижения истины? Так ли уж обязательно наше резюме?

Еще Честертоном было сказано, что хорошая газета — зеркало общества, в которое оно на себя смотрит. «Неча на зеркало пенять, коли рожа крива», — твердим мы в который раз грубоватую народную мудрость в качестве основного аргумента, отражая очередные атаки власти после публикации злободневной, разоблачающей, бичующей за злоупотребления статьи. Но ведь это не наше право, а наш долг публиковать всю информацию, все разоблачения. Насколько долгим будет путь от «себя, как в зеркале, я вижу, но это зеркало мне льстит» до изображения реального, но и аналитического, прогностического в то же время?

Журналистика в условиях диктатуры полностью отличается от журналистики в условиях демократии, и пережить это конкретному индивидууму на себе — все равно что поменять профессию. Расслоение в среде журналистов — идеологическое, социальное — как и во всем обществе, а возможно, и резче. Тем важнее при этих и других различиях скорейшая выработка законов совести, профессиональных норм поведения. Через оздоровление отдельных профессиональных сообществ — к постепенному, мозаичному, но стремящемуся к охвату целого, очищению всего общества. При демократии главная роль в этом деле принадлежит прессе. Мы — санитары леса, если под лесом понимать именно общество.

И все же отражение, на мой взгляд, процесс несколько пассивный как для субъекта, так и для объекта отражения. Может быть, мы больше посредники, проводники, связующее звено

Раздел 1

в отношениях власть — человек, человек — власть во всей полифонии их проявлений. Право на информацию принадлежит не газетам, не издателям и тем более не учредителям, а читателям. Социальная функция прессы — осуществлять это право. Газеты не могут изменить историю, но они могут стать рупором общества.

Миссия «mass media» наиболее близка журналистике в современных условиях развития общества. Ситуация, когда «верхи» с помощью СМИ спускали «низам» тенденциозно подобранную информацию, давно исчерпала себя. Борцами за свободу и гласность, навязчиво демонстрировавшими свой взгляд на происходившее и происходящее, СМИ тоже уже побывали. Чтобы строить новый социум, правительство и народ должны и слышать, и слушать друг друга.

Доказательство от противного. Наглядный, злободневный пример — война в Чечне. Полагаю, что мои коллеги из различных СМИ заблаговременно, еще до начала военных действий, рассказывали о происходящем там, призывали правительство, ссылаясь на мнения различных людей, социальных групп, принять решительные меры, чтобы остановить эскалацию насилия. Власть не внимала, а потом вдруг, будто в какой-то морозе, заварила кровавую кашу, отправляя туда на гибель и беду мальчиков — будущих женихов, мужей, отцов, губя генофонд народа, позоря нас перед всем миром, нравственно и экономически обессиливая. На протяжении всего времени с начала военных действий и по сей день СМИ и нейтрально, и страстно, и документально, в лицах и цифрах знакомят «верхи» с мнением «низов», приводят результаты общественных опросов. Абсолютно никакой реакции, кроме привычного обвинения нас в предвзятости, очернении, субъективности, поверхностности и т.п. «А Васька слушает, да ест».

А с выбором какой миссии СМИ связаны факты политического терроризма, насилия и угроз в отношении журналистов? Всех все равно не перестрелять, и всегда,

уверена, найдется кому сказать: «А у царя Мидаса ослиные уши...»

Вообще-то существует мнение, что плохие отношения прессы с правительством — симптом демократического выживания, и все же лучшего посредника в том, чтобы слышать и слушать, чем разветвленная до мельчайших изданий-капиллярчиков структурированная система СМИ, не придумать. При желании Центр может оперативно ознакомиться с мнением любого человека или группы людей из самой глубинки, при желании.

Насколько правительству, Думе, партиям, различным общественным институтам требуется не на словах, а на деле такое посредничество? В ответе на этот вопрос залог осуществления нашим сообществом миссии «mass media».

Пока же совершенно ясно, что Центр Россию не знает и, кажется, не очень-то и хочет знать. 60 процентов ее занимают северные территории — конгломерат проблем, уникальные регионы, источник стратегических запасов, залог выживания страны на ближайшие годы. А власть затевает то возню с отменой северных надбавок, то предлагает экономические, финансовые условия, перенесенные из средней полосы, то неуклюже заигрывает с малочисленными коренными народами, игнорируя русское, татарское и прочее старожильческое население, то дает заведомо не выполнимые обещания, выигрывая время для решения сиюминутных, личных вопросов.

То же с региональными СМИ. Относясь к электронным СМИ еще с каким-то уважением — за их потенциальную массовость и доступность (опять же если подходить с мерками средней полосы, а не Крайнего Севера с его сложной транспортной схемой, отдаленностью, бездорожьем, жуткой инфраструктурой, полярной ночью и суровым климатом), серьезные люди — в лице М.Н.Полторанина еще в бытность его министром печати или проректора Всероссийского института печати и массовой информации И.М.Дзялошинского — с каким-то маниакальным упорством хоронили региональную северную прессу,

считая ее в основной своей массе обреченной на исчезновение в современных условиях.

Да, на Севере у прессы особые отношения с властью, без ее поддержки, материальной подпитки не выжить, ибо себестоимость каждого номера газеты, его доставка читателям чрезвычайно высоки. Но, на мой взгляд, именно в регионах мог бы пойти успешнее процесс осуществления миссии «mass media». Именно здесь мог быть создан прецедент новых отношений в триаде народ — журналист — власть, ибо здесь нет такой глубокой неодолимой пропасти меж теми и другими. Хотя и никакой идиллии нет — возникают и конфликты, и непонимание, и противостояние. Но ведь, по выражению того же М.Н.Полторанина, будущим президентом России станет тот, кому это позволят сделать регионы. Исходя из сказанного, региональные СМИ могут успешно сыграть свою важную роль в этом процессе, точнее, профессиональнее и оперативнее апеллируя от народа к власти и наоборот, проводя политику согласия во что бы то ни стало, ибо худой мир лучше доброй ссоры. Шансов на такое развитие событий достаточно.

Образованный в феврале 1995 года Союз журналистов Ямала, вошедший на правах субъекта в Союз журналистов России, одной из первоочередных задач считает создание Устава Союза журналистов Ямала, законов о СМИ округа, о льготном налогообложении периодических изданий — определяя тем самым материальные и правовые условия для оптимальной, профессиональной работы журналистов. Определение состава и скорейшее начало работы регионального общественного Совета по профессиональной этике — неотложное дело, так как конфликтные ситуации возникают повсеместно и, наделенные полномочиями и авторитетом, люди призваны дать им нравственную и профессиональную оценку, провести этическую экспертизу, предложить приемлемые пути их разрешения. Требуется также провести обсуждение и принятие Кодекса профессиональной этики российского журналиста работниками СМИ округа. Целесообразно создание на основе Кодекса редакционных уставов, где более детально и

конкретизировано были бы прописаны нормы внутреннего поведения сотрудников издания, профессиональные секреты, специфика местных условий, подготовка и переподготовка кадров, работа с авторами и т.д. Лиха беда начало.

А начинать необходимо уже сегодня. Северная журналистика находится, на мой взгляд, в состоянии серьезного кризиса. Длинного рубля на Крайнем Севере у журналистов и раньше не было, за «запахом тайги» в наше весьма неромантическое время охотников ехать нет. Газетчики-ветераны уезжают с Севера, и их опыт, канув в Лету, остается лишь в редакционных архивах газет. А как бы нужен был именно сегодня своеобразный «совет старейшин», когда в нашу профессию усилился приток людей самых разнообразных специальностей и жизненного опыта, порой весьма противоречивого в нравственном отношении. В постоянной текучке, больших и малых проблемах создания и производства очередного номера, теряются или вовсе не приобретаются элементарные этические нормы и навыки ремесла.

Взять, к примеру, работу с письмами. При их публикации нет никакой гарантии, что будет соблюден один из основных пунктов Кодекса, утверждающий, что «журналист распространяет и комментирует только ту информацию, в достоверности которой он убежден и источник которой ему хорошо известен. Он прилагает все силы к тому, чтобы избежать нанесения ущерба кому бы то ни было ее неполнотой и неточностью. Журналист обязан четко проводить в своих сообщениях различия между фактами, о которых рассказывают, и тем, что составляет мнения, версии или предложения».

Легковесно, несерьезно у новичков отношение к письмам. Потому и выясняется, порой после публикации, что автор — вымышленное лицо, факты искажены, а само письмо уже отправлено вместо архива в корзину. Порой молодой журналист в погоне за строчками готов предоставить газетную площадь личностям, которых близко к СМИ нельзя подпускать. Причем он наивно полагает, что если «прокол» все же произошел, опуб-

Раздел 1

ликован ложный или искаженный материал, достаточно дать возможность высказаться противоположной стороне и инцидент будет исчерпан.

Видимо, первые шаги вновь созданного Союза журналистов Ямала должны заключаться в постижении профессиональных этических истин новичками и молодыми работниками газет, радио, телевидения, в своеобразном тренинге, рассмотрении конкретных примеров, комментировании спорных ситуаций. Тут важен системный целенаправленный подход, чтобы убедить не на словах, а на деле в том, что Кодекс профессиональной этики российского журналиста — это не кодекс «Коза Ностра», а скорее клятва Гиппократов, где основная заповедь — «не навреди».

Здесь, конечно, возникает риторический вопрос: «А судьи кто?» Неземных существ в белых одеждах среди нашей разношерстной братии явно не наблюдается. Но ведь и не ошибается только тот, кто ничего не делает. Поэтому арбитром конфликтов в сфере профессиональной нравственности будет этический совет, состоящий из наиболее авторитетных, опытных, культурных — в широком значении этого слова — представителей нашего сообщества, чьи человеческие качества не подлежат сомнению. Возможно, что для диагностики наших моральных проблем наша региональная организация СЖ прибегнет к помощи психологов, и тогда в форме деловых игр мы оценим качественное состояние окружных СМИ. От такой работы во многом зависит их будущее.

Л.А. Радзиховский

КОРПОРАТИВНАЯ ЭТИКА СООБЩЕСТВА ЖУРНАЛИСТОВ

Вначале я хотел бы поделиться некоторыми общими соображениями относительно корпоративной этики.

Введем такие обозначения:
Плотность сообщества — П.
Прочность сообщества — ПР.
Рисковость сообщества — Р.
Конфликтность сообщества — К.
Надежность сообщества — Н.

Теперь дадим пояснения.

Плотность сообщества — это частота связей между его членами, количество их контактов друг с другом за единицу времени, количество реальных или внутренних (мысленных) контактов с коллегами. Таким образом, П = П реальное (П_р) + П идеальное (П_и). Например, токарь, который работает на большом заводе, имеет сотни контактов с коллегами каждый день, а математик, работающий в провинциальном колледже, почти не встречается с реальными коллегами, но ведет с ними постоянный и напряженный внутренний диалог. В итоге плотность сообщества математиков выше, чем плотность сообщества токарей.

Рисковость сообщества также имеет реальную (Р_р) и социальную (Р_с) составляющую. Р_р — это физический риск, связанный с профессией (пожарник). Р_с — это фактически степень отвержения данного сообщества окружающим миром. Поэтому у того же пожарника Р_с близок к нулю — пожарник вполне одобряемая в обществе профессия. А скажем, у безопасной работы палача, стукача или собаколова очень велик Р_с.

$P_r + P_c = P$.

Раздел 1

Очевидно, чем больше P , тем прочнее связано сообщество. Риск (равно как и отверженность во внешнем мире) сплачивает профессионалов. Однако риск может быть связан и с другой категорией — внутренней конфликтностью самого сообщества.

Вообще всякая структура имеет две противоположные тенденции — прочность, связанность, которая выделяет эту структуру во внешнем мире, и внутреннюю конфликтность (диссоциацию, если угодно), которая изнутри размывает, разрушает эту структуру. Так вот, в структурах с максимально высоким P эта внутренняя конфликтность крайне высока.

Возьмем классический пример сообщества такого рода — мафию. Мафия имеет едва ли не самый высокий из всех известных нам форм людского объединения P . Исключительно высоки и P_p , и P_c . Следовательно, по их сочетанию сообщество рискующих и отверженных действительно образует особый мир в куда большей степени, чем сообщество математиков, каскадеров или палачей.

Однако когда те же отношения представлены внутри сообщества, это делает в нем также максимально высокой и конфликтность. Собственно, именно за пределами высокий уровень внутренних конфликтов (кровавых) и создает основной физический риск (P_p) мафиозного сообщества. Наша статистика убедительно показывает, что на одного преступника, убитого милицией, приходится несколько убитых своими. То же самое характерно и для этнических сообществ, внутри которых часто проходят криминальные нити. Бизнесмены чаще всего становятся жертвой преступников своей же национальности — так обстоит дело и с итальянцами, и с грузинами.

Однако внутренняя конфликтность не уменьшает прочность сообщества. Даже бандит, боящийся других бандитов, не теряет корпоративной морали и этики. И пойдя на контакт с милицией ("ссучившись"), он, как правило, все равно продолжает оценивать окружающий мир в категориях своего сообщества, психологически остается по ту сторону решетки.

Внутренняя конфликтность в сочетании с прочностью позволяет оценить другое измерение профессионального сообщества — его качество, его надежность (Н). Надежность преступного сообщества очень невелика, хотя прочность огромна. А надежность мирной профессии врача-стоматолога куда выше, хотя прочность соответствующего рыхлого сообщества, члены которого могут вообще очень мало общаться друг с другом, — ничтожна.

Я думаю, что даже эти элементарные логико-семантические соображения могут помочь упорядочить чисто описательный эмпирический материал, связанный с проблемами профессиональной этики.

Теперь вернусь к своей исходной теме.

Давайте в предложенных выше категориях проанализируем работу и профессиональное сообщество журналистов. Здесь необходимы еще некоторые дополнения.

Есть сообщества более или менее изотерические. Это связано с направленностью их деятельности, с оценкой их результатов.

Например, максимально изотерическое (И) сообщество — те же математики. Их результаты понятны только им самим. Вне своего сообщества математик не найдет ни судей, ни потребителей своей продукции. Есть сообщества с минимальной изотеричностью — скажем, политики. Их деятельность не просто предельно публична, публична она и у спортсмена. Но если о секретах спортивного мастерства судить могут немногие (возьмем те же шахматы, да и футбол в его настоящем понимании), то о деятельности политика судить может практически всякий. И, исходя из своего знакомства с политиками, я бы не сказал, что это несправедливо, не сказал бы, что «мне не смешно, когда маляр ничтожный при мне уродует полотна Рафаэля». Не такие уж эти интриганы Рафаэли. Ведь элемент политики есть в любой профессии. В политике этот элемент даже не более изошрен, чем политические игры внутри сообщества тех же математиков или пианистов. Разница чисто негативная: у политиков не больше политики (интриг),

Раздел 1

но меньше (или, точнее, вообще нет) всего остального, собственно позитивного содержания.

В любой деятельности есть интрига-ради-власти (денег), но есть дело-ради-результата. Но у политика-то единственный результат — эта самая власть (если, конечно, не считать демагогии про "Благо..." для народа, страны, человечества, гуманизма и т.д.). Таким образом, собственно "чистый", содержательный, позитивный элемент из деятельности "выпаривается". Поэтому политику и называют грязным делом. Но в ней не больше грязи, чем в другом деле, вообще говоря. В ней куда меньше чистоты — вот в чем правда. А из-за этого и меняются пропорции грязи и чистоты. (Соответственно, Г/ч.)

Вот теперь у нас готов основной набор категорий, в которых мы можем описывать нелегкий труд журналиста.

Как у представителей любой творческой профессии, у журналистов велика Пи. Журналисты достаточно много напрямую общаются друг с другом (Пр) — для этого придуманы и редсообщения, и бесконечные "тусовки". Но в большей мере можно ощутить свою цеховую принадлежность в минуты идеального общения с коллегами — когда читаешь их творения, смотришь ТВ и т.д. Здесь чаще (и чище) проявляются профессиональные критерии, «что такое хорошо, что такое плохо».

Но означает ли это высокую изотеричность сообщества (И)? Разумеется, нет. Журналистское сословие по своей открытости, по не слишком сложным секретам мастерства стоит где-то рядом с политиками. Это, кстати, легко определить даже чисто формально: журналисты все «учились понемногу, чему-нибудь и как-нибудь». Конечно, Пушкин написал это про благородную — и достаточно изотеричную — профессию поэта. Но поэт в отличие от журналиста все-таки в огромной мере существует в воображаемом мире. Журналист орудует в куда более грубом мире реальном. Поэтому образование поэта, как любую потустороннюю материю, измерить трудно (нечем просто), а образование журналиста — куда легче.

Малоизотеричное сообщество с очень высоким соотношением Г/ч. Пожалуй, у журналиста оно не ниже, чем у политика.

”Г” — много, почти сплошное ”Г”, зато ”ч”, прямо скажем, негусто.

Про нашего брата, «акробатов пера и гиен фарса» Грибоедов метко заметил:

«... И крепко на руку нечист;
Да умный человек не может быть не плутом;
Когда ж о честности высокой говорит,
Каким-то демоном внушаем:
Глаза в крови, лицо горит,
Сам плачет, и мы все рыдаем»

Как известно, непосредственным праобразом этого персонажа послужил граф Ф.Н.Толстой - ”американец” (Лев Толстой так гордился этим своим легендарным родственником, что описал его в сильно романтизированном и разукрашенном виде как Долохова). Так вот, про Толстого-американца рассказывают, что он однажды играл в карты с Пушкиным. Александр Сергеевич заметил ему, что он передергивает. «Сам знаю про то, сударь мой, — грозно отвечивал граф, — да не люблю, когда мне об этом говорят!» Пожалуй, в этой великолепной фразе — основа профессиональной чести и этики представителей нашей профессии.

В самом деле. Когда-то журналистов называли «сердца беспокойные». Станешь беспокойным — надо и власть (деньги) имущим угодить, и гражданскую доблесть продемонстрировать! Стресс, да и только.

Если журналист не будет бить себя в грудь, говоря «о подвигах, о доблести, о славе», то кто ему поверит, кто, соответственно, заплатит? Но актер, скажем, изображает благородного отца только на сцене и вовсе не стремится быть им по жизни — ведь он всего лишь актер. Он произносит текст не от своего имени, а от имени персонажа. Только самый наивный зритель не видит разницы. Журналист — дело иное. Он должен «ударить по сердцам с невиданною силой» от своего имени.

Раздел 1

Конечно, многие пытаются "отмазаться" хотя бы от этой части обдуривания публики, говоря, мы не морализаторы, мы всего лишь даем информацию. Отчасти это действительно снижает моральную планку, которую журналист-резонер возносит выше крыши. Но и дающий информацию, по меньшей мере, молчаливо намекает, что его осетрина — первой свежести. В жизни это, мягко говоря, далеко не так — информация часто заказная. В общем, выдавить из своего ремесла элемент морализаторства журналист не может — без этого только прогноз погоды. Сколько ни старайся прятать глаза и оценочность, она все равно проявится, не здесь, так там.

Риск. Журналисты всячески стараются раздуть Рр и уменьшить Рс. Наш брат из кожи лезет, чтобы объяснить, что «наша служба и опасна, и трудна». Конечно, здесь срабатывает закон, описанный Хемингуэем. Великий любитель боя быков точно определил вещь, относящуюся ко всем рискованным профессиям.

Есть, писал Хемингуэй, реальный риск, а есть его имитация. Матадор может стоять на территории быка, где всякое движение, действительно, смертельно опасно. Вот там эта точная, жесткая и экономная игра со смертью красива и всякое движение полно внутренней логики, а значит, великолепно. Но есть имитация того же самого — матадор стоит в каком-нибудь миллиметре за территорией быка. Это значит, что на самом деле он рискует уже на порядок меньше, а изображает все тот же великий риск. Турист из Алабамы, приехавший в Испанию, все равно заходится от волнения, но для настоящего знатока эти движения матадора отвратительны — лишены всякого внутреннего оправдания, постыдны.

Почти все журналисты постоянно работают на «территории матадора», а вид делают, будто рискуют шкурой «на территории быка». Прошу понять меня правильно — я не осуждаю коллег и уж тем более не выделяю себя из общих дружных рядов. Аплодисменты слушать приятно — и хотя бы по этой одной причине не хочешь, чтобы тебя по-настоящему поддели на рога и перебросили через голову. Ведь в этом случае больше аплодисментов не услышишь.

Поэтому техника безопасности — штука необходимейшая. Другое дело, что довольно смешна имитация "гражданских" и всяких прочих страстей для оболванивания почтеннейшей публики. Некогда этим активно пробавлялись Политковский, Любимов, Мукусев. Надо сказать, что Листьев (не потому что он мертв и принято хвалить, а просто потому, что он был куда талантливее) героя из себя не корчил, не пытался показать, как он лихо орудует на «территории быка». Из нынешних журналистов вот такое мужество постоянно демонстрирует А.Минкин. Я неплохо отношусь к нему, но не могу не заметить, что слухи о его героизме немного преувеличены, а слухи о его «неполном бескорыстии» даже если и преувеличены завистливыми коллегами, то, во всяком случае, ходят среди московских журналистов более чем упорно.

Впрочем, все это уже частности, переход на личности, что не вполне справедливо. Ведь люди, над которыми иронизируешь, ничуть не хуже своих коллег — их вина, пожалуй, лишь в том, что они более известны, что их имена на слуху. Впрочем, может, это действительно вина или, по меньшей мере, удовольствие из того разряда, за который надо как-то платить — хотя бы выслушивая некоторую критику в свой адрес?

Как же можно в целом охарактеризовать нашу профессию?

Довольно высокая плотность. Очень высокая конфликтность. Низкая надежность. Реально низкая (для большинства), но изрядно преувеличенная рискованность. И высокий коэффициент Г/ч.

А в целом — вполне почтенная профессия, не хуже многих других. И оплачивается неплохо.

Ю.А. Сальникова

МОЖНО ЛИ НАШУ ЖУРНАЛИСТИКУ ДЕЛАТЬ ПО ПРАВИЛАМ ЧЕСТНОЙ ИГРЫ?

Журналистское сообщество всерьез занялось установлением четких моральных норм своей деятельности. С одной стороны, это можно определить как превентивную меру, принимаемую цехом во избежание навязывания правил игры сверху (что ни говори, голым ходить вроде как непристойно, а уж если выбирать рубашку, то предпочтительнее своя) через предъявление вразумительной альтернативы, а с другой — как инициативу отдельных элитарных групп, осознавших и вербализовавших на уровне своей "тусовки" определенные правила честной игры, существовавшие до того в виде неписаных законов. Таким образом, это и ответ на внешний вызов, и естественная форма самоорганизации элиты свободной профессии.

Говорить сегодня о принятии общекорпоративных кодексов или иных подобных документов можно с тем же успехом, с каким рассуждать о наличии журналистской корпорации вообще. Такое сообщество если и существует, то на самом поверхностном уровне, отличаясь, скажем, от общества садоводов-любителей или компании обиженных МММ вкладчиков инвентарем, сленгом и чисто профессиональными ухватками. Внутри того микросоциума, который можно было бы считать зарождающейся корпорацией, наблюдается и завидное разнообразие, и иерархичность.

"Чистых" журналистов сегодня один-два и обчелся, зато подавляющее большинство их — либо "политики" с явными пристрастиями и антипатиями, лоббирующие вполне определенные политические силы, либо (ассимилированная форма) «парламентские корреспонденты», посещающие по выходным далеко не те сауны, что, к примеру, журналисты, пишущие об искусстве, либо бизнесмены, общающиеся в своем кругу, либо

просто общающиеся и при этом ничего не пишущие и так далее.

Под иерархичностью же здесь подразумевается не только понятная дистанция между руководством и персоналом, но и дифференцированное отношение к разным группам журналистов как внутри сообщества, так и со стороны окружающего мира. В качестве таких групп можно обозначить центральные и периферийные издания, известные соответственно всей стране и нескольким тысячам человек, "солидные" и "бульварные", "красные" и частные (которые если и оказываются на одном банкете, то, как говорится, рядом не сядут, а сядут так, непременно повздорят) — вариации бесконечны.

Но в любом случае существует такое понятие, как профессионализм, умение работать с людьми, информацией и текстом, и, видимо, на основании этих критериев можно разделить журналистов на состоявшихся и не состоявшихся и рассматривать первую категорию как объект настоящего исследования и "базу" для дальнейшего формирования корпорации.

Как люди любой другой творческой профессии — да и не только творческой, — журналисты могут объединиться против общего врага — а таким врагом на текущий момент является бедность. Если некоторые группы общества решают эту проблему в частном, эксклюзивном порядке, не исключено, что остальные группы неосознанно объединятся против них. Но это уж вопрос не морали, а выживания — кому продаваться и чем платить.

Продаться можно государству и гордо идти по жизни с протянутой рукой, время от времени или постоянно поругивая кормильца из соображений хорошего тона (насколько продашься, настолько часто придется демонстрировать приверженность хорошим манерам). Можно — коммерческой структуре и тогда уж костерить власть имущих направо и налево, не опасаясь мести при дележе бюджетного пирога. Можно — никому, то есть всем сразу. Общественности, которая оценит непредвзятость суждений и повлияет на тираж, а вслед за ним на рекламодателя, который и даст в результате на кусок хлеба с маслом. Но это скорее "там", а не у нас — наш человек

любит, чтобы побойчее да позабористее было написано, а о чем — уже не важно.

Таким образом, модель "непринадлежности" конкретной группе (будь то властная структура или частный банк), ориентация на массовый успех в современных российских условиях обречена, как представляется, на аморальность — успех (тираж) и мораль пока что малосовместимы. В то же время существуют исключения, лишь подтверждающие правило: редакции, в которых функции руководства издания и спонсора совмещены, или чисто рекламные газеты, не особо отягощенные авторскими текстами.

Дальнейшей раздробленности цеха не произойдет в том случае, если правила игры, принимаемые успешными — и в то же время порядочными (с точки зрения общечеловеческих этических норм) — группами, будут наглядным образцом для всего цеха. Но прежде надо убедить «своим достойным примером» собратьев по оружию (читай, перу) в том, что игра стоит свеч. Попытки принять какой-либо документ, не отвечающий требованиям реальной профессиональной практики, будут провалены, а потому не стоит опасаться принудительного собрания цеха на основаниях, далеких от морали вообще и профессиональной морали в частности.

Некоторые наблюдения о пользе западного опыта. Англоязычный журналист просто не может понять и тем более разделить радости русских коллег, прилюдно и азартно обсуждающих успешное завершение операции по внедрению на полосе родного издания очередной "скрытой" рекламы. Допустим, "прилюдно" — сильно сказано. Но во всяком случае не шепотом. И с нескрываемой гордостью за профессиональную ценность в собственных глазах и деловых кругах. Гордость хоть и убогая, но вполне объяснимая — на службе платят мало, жить на что-то надо, значит, сами и виноваты. Или вот: несочетаемость журналистской этики с подарками и прочими привилегиями со стороны тех, о ком пишешь. Да, в истории русской журналистики 1990 годов особый параграф стоит посвятить «Профессиональным халявщикам». Это лица, исповедующие стойкое убеждение: «Минимум усилий — максимум

удовольствий». Вот где существует подлинный дух корпорации и неистребимое чувство профессиональной солидарности — узнал, где "халява" (презентация, фуршет, увеселительная поездка, etc.), поделись с другим. Оттого и удивляются иной раз западные фирмачи: вроде приглашали на открытие выставки несколько десятков человек, а явилось две сотни, о большинстве из которых организаторы знают лишь то, что у них хороший аппетит. Опять же не понять западному человеку редакционное напутствие перед презентацией: «Иди поешь, только ничего не пиши!»

Далее. О правдивости.

Показателен опыт существовавшего когда-то в Москве еврейского информационного агентства. Когда не о чем было писать, корреспондент шел к ближайшей станции метро и громко призывал население бороться с еврейским засильем. На шум охотно собиралась толпа агрессивных настроенных пенсионеров — повод для заметки был обеспечен. Или ранняя практика некоего весьма популярного ныне московского издания: как-то раз во время застолья кто-то высказал мнение о том, что бурятский народ по духу и сути чистые монголы. Соответственно, на следующий день вышел текст с «опровержением бурятскими властями широко распространившихся слухов о возможном присоединении Бурятии к Монголии». Комментарии, как говорится, излишни.

Авторы проекта «Становление духа корпорации: правила честной игры для журналистского сообщества» выделяют в современной российской журналистике четыре так называемые миссии: «приводной ремень», «четвертая власть», посредническую («mass media») и собственно информационную. На основании идеи об одновременном существовании множества миссий предлагается дискуссия о моральных кодексах для каждой из них.

Функция СМИ как «приводного ремня», официоза властных структур, скомпрометировала себя как таковая еще при коммунистах, а потому вряд ли жизнеспособна. В лучшем случае подобные печатные и непечатные органы могут дать информа-

цию о том, что думают власти, — но вряд ли выдержат конкуренцию с изданиями, которые наряду с официозом предоставляют своей аудитории беспристрастный и аргументированный анализ происходящего.

Миссия или скорее позиция «четвертой власти» неоднородна по сути: можно исходить из тиража (в этом случае «четвертой властью» запросто окажется любое бульварное издание), а можно — из приблизительного состава аудитории, то есть на какие общественные группы ориентируется издание, каково влияние этих групп и авторитет самого издания. В любом случае, спорным остается вопрос о том, насколько СМИ могут формировать и направлять так называемое общественное мнение — многие эксперты сходятся на том, что никакого общественного мнения нет, а повлиять на принимаемые частными лицами (гражданами) решения СМИ не в состоянии, если граждане сами не готовы к принятию таких решений. Это объясняется отчасти тем, что частная жизнь граждан сегодня менее зависима от состава кабинета министров, а потому они (т.е. граждане — по крайней мере нормальные) не столь бурно реагируют на различные пертурбации в «высших эшелонах», как раньше, в первые перестроечные годы. С другой стороны, эффект разоблачений уменьшился — чрезмерное увлечение СМИ сенсациями, версиями и т.п. выработало у народа своего рода иммунитет, представления о чиновниках как о «стоящих друг друга мошенниках, разница между которыми лишь в том, что один попался, а другой пока нет».

Таким образом, реальная «власть» СМИ представляется чрезвычайно ограниченной: народ может прислушаться, иногда обсудить, но вряд ли принять всерьез. К тому же лучшим подтверждением любого слуха является его опровержение через СМИ — если теледиктор объявит, что, согласно чьим-то там заключениям, «никакой эпидемии в стране не будет», обыватели воспримут это как разрядку «сверху» «не нагнетать панику». Российский чиновник же волен просто пропустить мимо ушей все, что скажет свободная пресса, поскольку ему, чиновнику, от критики ни жарко ни холодно, разве, что бесплатная реклама.

”Посредник” или «mass-media». Представляется, что сторонники подобной дефиниции миссии журналистики склонны видеть в журналистах обычных участников жизни общества, наделенных к тому же возможностью высказываться громче других. Позиция реальная, но опасная, поскольку не все материалы отвечают обязательным требованиям, то есть содержат четкую аргументацию, безукоризненные доказательства, веские доводы в пользу сказанного. Журналист как часть народа имеет право высказаться и быть услышанным, но, если говорит человек с улицы, долг журналиста — прокомментировать высказывание, создав необходимый противовес тому, что можно определить как «разжигающее рознь», «возбуждающее ненависть» и т.п., а вот если от имени народа говорит журналист, не отягощенный не то что соображениями морали, но и элементарным образованием, ситуация сложнее.

Потому представляется, что будущее — за информационной журналистикой, уделяющей максимум внимания фактам, их проверке, исчерпывающему расследованию и взвешенным, рациональным итоговым комментариям и минимум — собственным домыслам и впечатлениям.

В этом плане показательна практика одной столичной газеты образца 1992 года, когда в редакции была распространена памятка о том, что считается заметкой. В указанный период все материалы вне зависимости от содержания и объема назывались именно заметками, нарушая тем самым привычную традицию газетных жанров. Содержание памятки умещалось на сигаретной пачке, и значились в ней от силы 7 пунктов, обязательных к исполнению. В том числе изложение сути конфликта, интервью со всеми сторонами, версия автора — причем «свежая и остроумная». Последний пункт не ограничивал читателя в предположениях, а скорее стимулировал его размышления, предоставляя возможность самому определиться в происходящем. Но, заметим, обязательным условием было изложение версий всех действующих лиц.

По моему мнению, именно информационная миссия журналистики наиболее полезна современному российскому

читателю (зрителю) и поэтому превращение второй древнейшей профессии из еще одного института государственной власти в автономную корпорацию гражданского общества (или даже фабрику по производству исчерпывающей информации) представляется целесообразным и оправданным.

Исходя из этого идеала, рассуждения о правилах игры становятся более конкретными. Это, в первую очередь, профессионализм, включающий образовательный ценз; добросовестность — максимальный анализ конкретной поставленной задачи (исчерпывающая фактура и стилистически безукоризненное изложение материала); в более широком плане — чувство ответственности за свою организацию (редакцию) и ее престиж, а потому интуитивное понимание того, что может повредить этому престижу и, следовательно, подорвать репутацию самого сотрудника.

В связи с этим западные кодексы особо отмечают один нюанс — насколько репутация сотрудника (его действия, не связанные с профессиональной деятельностью) могут повредить имиджу издания. В большинстве заморских (точнее англоязычных) кодексов профессиональной этики журналиста оговариваются довольно жесткие принципы вневедомственного времяпровождения репортеров. В то же время представляется, что подобное требование «быть всю жизнь как на сцене» несовместимо со специфическими особенностями русской души. То есть «сделал дело — гуляй смело». Желательно при этом, конечно, не под следствием.

Должны ли кодексы нести в себе карательные функции? С одной стороны, мораль предполагает возможность свободного выбора и самоопределения, с другой, «нельзя поддерживать существование сообщества с точно определенными функциями без ограничителей типа тех, что сформулированы в кодексах, имеющих целью обеспечить соблюдение кодексов» (Клиффорд Кристиане, университет шт. Иллинойс). Согласно версии другого американского эксперта в области этики, Дэвида Боуйинка, «выдвигались разнообразные механизмы подотчетности (лиц, облеченных властью, в том числе журналистов, обществу, которому они служат. — Ю.С.), но наиболее часто для этого используются этические кодексы». При этом о реаль-

ном воздействии кодексов на мотивацию поступков американских журналистов известно не так уж много — как правило, это разрозненный набор инструкций в документе общего характера, никто о нем не знает и поэтому на принятие решений он не влияет, а этический климат в редакции определяют неписанные кодексы.

При этом многие эксперты отмечают то обстоятельство, что кодексы являются все же документами внутрикорпоративного пользования и наивно было бы ожидать от них действенности во взаимоотношениях с прочими субъектами — властью и общественностью.

Из всего сказанного следует, что наиболее эффективным институтом разрешения этических конфликтов не внутривнутриредакционного, а более широкого плана (когда задеты интересы общественности или властей) может быть названа Судебная палата по информационным спорам, функционирующая ныне при Президенте Б. Ельцине. Практика этой организации показывает, что в ситуации, когда масса спорных моментов не решена на государственном уровне, в роли третейского судьи должна выступать группа независимых экспертов, специализирующихся именно на правовой базе СМИ — традиционная «третья власть», как правило, весьма неполно информирована о законах, принимаемых в адрес «четвертой власти».

И еще раз: этические кодексы журналистики должны включать в себя перечень приоритетов, но вовсе не обязательно должны быть наделены карательными санкциями и ответами на все случаи жизни, поскольку грань между правом и моралью оказывается зачастую весьма прозрачной и кодексы в этом случае вынуждены будут превратиться из документов нравственного в документы правового регулирования.

А.С. Политковская

СНАЧАЛА ЭТИЧНОЕ ГОСУДАРСТВО, ПОТОМ ЭТИЧНАЯ ЖУРНАЛИСТИКА

Все чаще и назойливее с самых разных трибун звучат слова о том, что надо-де журналистам быть поэтичнее, вроде бы мы слишком разнузданны. Так постепенно внедряется в головы обывателей, что, например, неэтично говорить правду о президенте, потому что он — избранный президент, неэтично дурно отзываться о парламенте, потому что он — избранный парламент, неэтично ставить на место зарвавшегося чинушу, если его кресло расположено достаточно высоко, потому что... Так почему же неэтично?

Сколько ни старалась я узнать ответ на этот вопрос у тех, кто говорит сегодня о дефиците этики у журналистского корпуса, — все бесполезно. Нет четкого и ясного ответа. Во-первых, потому, что этика — сфера деликатная и четкой регламентации вовсе не подлежит. Во-вторых, потому, что давать четкие ответы никому не нужно. Создается ситуация, при которой сотни "неэтично" можно услышать от всех мало-мальски социально значимых людей России, а ничего более того они сказать не в состоянии. Обвинения висят в воздухе как тяжелые металлы в продуктах: не пощупать, не извлечь, не ухватить, а смириться невозможно. Ясно: идет поиск очередного хомута для СМИ, поскольку журналисты крайне надоели. Подчеркну — идет поиск именно хомута, а не пряника и кнута, поскольку пряники давно розданы, нужные журналисты прикормлены. С кнутами, впрочем, ситуация та же: процент получающих кнута от властей определен, баланс соблюдается.

Не хочется даже анализировать, почему произошло именно так — пошло, когда общество, столь нежно относившееся к

журналистам и даже одно время отдававшее им пальму первенства социальной деятельности в «организации дела перестройки», теперь разлюбило свое самое шумное дитя. Не хочется, потому что это только кажется, что общество разлюбило СМИ. На самом деле, общество в последнее время разлюбило не журналистов, а только самое себя. Причем до такой степени, что не желает больше слушать ни горькую, ни смешную правду о себе. Бросая журналистов, как, впрочем, и самое себя, на произвол судьбы, общество открывает властям те ворота, за которыми любимая властная шоколадка — издевательства над журналистами за те грехи, которые совершают власти, а СМИ только лишь описывают, не более. Этика же в качестве обвинительной аргументации приговора выбирается только потому, что выбрать больше нечего. Да еще — приятно податлива она: куда дунь, оттуда и плевков.

Прекрасный журналист ИТАР-ТАСС Лариса Кислинская — отважный человек. Уже почти десять лет она пишет об организованной преступности. Материалы берет у сыщиков, которые ее уважают. Перу Ларисы принадлежит серия сенсационных статей, потрясших общественное сознание, например, о связях Иосифа Кобзона с «авторитетами» преступного мира. Будучи специальным корреспондентом информационного агентства, Лариса еще и очень много печатается в газетах и журналах.

Нынешней зимой в еженедельнике «Голос» появилась ее статья о странной тенденции в правоохранительной практике 1994—1995 годов, не могущей не беспокоить равнодушных людей. Дело в том, что почти у каждого «вора в законе», которого с большими трудностями сыщикам удается препроводить в тюрьму, через некоторое время после заключения под стражу обязательно появляется влиятельный покровитель из властных структур. В Генеральную прокуратуру летят обращения за подписями не последних людей Государства Российского, и в них речь идет о том, чтобы «нашли возможность» пересмотреть дело или смягчить условия содержания. В связи с этим Лариса привела в своем материале свежий пример: о том, как депутат Государственной Думы от фракции «Выбор России» заступил-

Раздел 1

ся за 56-летнего знаменитейшего «вора в законе» Павла Захарова по кличке Цируль. Когда Цируль оказался в тюрьме, запрос о нем депутата Томчина оказался в Генеральной прокуратуре. Томчин просил об особых условиях содержания, мотивируя это тем, что Цируль немолод и нездоров.

Лариса так все и написала. Запрос видела, многочисленные проверки и ответные письма оперативников по нему — тоже. Однако каково же было удивление, когда через некоторое время ее вызвали в Судебную палату по информационным спорам при Президенте РФ, куда на Кислинскую пришла жалоба из Госдумы. Депутат Томчин оказался крайне возмущен поступком журналистки — по его мнению, она не имела права опубликовать историю о его запросе.

Вот тебе на! Но почему же?.. И тут оказалось все перевернутым с ног на голову! Во-первых, скорее сам депутат Томчин — именно так подсказывает здравый смысл — не мог позволить себе писать подобные бумаги! Да и при чем тут Кислинская — всего лишь передатчик информации, не более? Оказывается, очень даже при чем.

Судебная палата в одном из своих заседаний долго и весьма странно обсуждала «дело Кислинской». Председатель Палаты профессор права Анатолий Венгеров с пристрастием допытывался, почему стрелы журналистские полетели именно в Томчина... Вроде бы ясно, почему: ничего бы не летело, если бы не злополучный запрос. Дозаседались же «информационные судьи» до того, что стали спрашивать у Кислинской, почему-де она не проверила, прежде чем публиковать, подлинна подпись Томчина на запросе или нет... Когда Кислинская попыталась разъяснить Палате, что не ее это дело после оперативников и Генеральной прокуратуры, — была обвинена в неэтичности. И еще дальше — в низком профессионализме.

Постоянно фигурировал в ходе заседания Судебной палаты еще один эпизод, на который Кислинская просила обратить внимание судей, если уж они столь озабочены этическим

обликом журналиста. Дело в том, что после заключения Цируля под стражу, его единомышленникам удалось за несколько десятков тысяч долларов опубликовать в одной из центральных газет положительный о нем материал — проданную статью проданного журналиста. Однако судьи упорно не замечали эпизода. Долго возмущались члены Палаты тем, что журналисты теперь не утруждают себя перепроверкой фактов, и ни слова не было сказано о том, что по просьбе или даже официальному требованию редакции, которую представляет журналист, ни один компетентный орган не посмеет назначить графологической экспертизы депутату Госдумы. Более того, что заботиться об этом надо не журналисту, а самому Томчину...

Вздыхали судьи: неэтичны журналисты. Была даже прочитана некая мораль. Кислинская, один из лучших отечественных журналистов, уходила из зала заседаний как оплеванная.

Подобные примеры из нынешней практики российских СМИ можно приводить бесконечно. Общество больно, серьезно, нудно, надолго — и не хочет даже лечиться. В тени этого наплевательства люди, от которых хоть что-то зависит в этой жизни, не могут отказать себе в праве указать журналисту на его якобы неэтичность, если указать больше не на что.

Расчет прост: когда тебе говорят, что ты поступаешь неэтично, нормальному человеку и ответить-то нечего. В самом деле, не говорить же просто: «Нет, я поступаю этично». Это почти одно и то же, что ответить: «Я не лгу», когда тебе говорят: «Лжешь». Парадокс заключается в том, что человек, обладающий чувством собственного достоинства, своим собственным внутренним этическим кодексом, просто не станет влезать в дальнейшие пересуды на эту тему. Государство наступает на СМИ в России со всех сторон, но тень «неэтичности» витает столь явственно сегодня, что заставляет нас шархаться в умолимом предчувствии беды.

С другой стороны, усиливаются голоса функционеров от журналистики: давайте вводить этический кодекс.

Раздел 1

Надо, надо, надо! Унифицировать, подогнать под ранжир, а всех остальных — отсечь?...

Как известно, только в Союзе журналистов России сейчас состоит около 120 тысяч человек. Все — разные, все — личности, все — с прошлым, все — с настоящим, все — тихо ужасаются своему непонятному будущему, все понимают, что оно вполне может пройти вне любимой профессии. И вот тут как раз, когда каждый из коллег мечтает о стабильности и покое, об уверенности в завтрашнем дне, видит все эти чудеса во сне, тут начинается небывалое общественное возбуждение: давайте-ка срочно принимать этические кодексы журналистов!

Первое впечатление: здорово! Вот и мы — цивилизованные! Второе: а что за это потребуют? Третье: ой, лучше сейчас не надо... Согласитесь, тупичок, еще один и, кажется, не последний. Итак, что же происходит?

Мы живем в обществе фантастической лжи. В обществе, где лгут все — от президента до опустившегося бродяги. Приходишь на пресс-конференцию какого-нибудь ответственного высокопоставленного правительственного чиновника, депутата — и на тебе, ложь рекой. И ты, дело которого сличить то, что человек говорит сегодня, хотя бы с тем, что он сказал вчера, — ты перед дилеммой, писать все-таки или нет, что сегодня, именно сегодня, чиновник солгал?

Дилемма, доложу, непростая, потому что, решив ее неверно, ты вполне можешь обрести тьму неприятностей. Если ты в своей газете начнешь писать, что ложь и есть ложь, то завтра тебе обеспечен отвратительный — по собственному внутреннему состоянию — иск или опровержение в том, что это ты, оказывается, лгал, неправильно поняв или неудачно интерпретировав слова "честного" чиновника. Чиновник еще и отправит своего адвоката в суд, в Судебную палату по информационным спорам — и тебе обеспечена мрачная череда хождений по ним, когда даже в собственной редакции на тебя начинают смотреть подозрительно.

Сжать зубы? Терпеть? Пройти все круги, чтобы доказать свою правоту? Но, простите, зачем?.. Это же все страшно

мешает работать, уводит в сторону от ежедневной работы, в которой, как правило, не бывает перерывов и даже week-end-ов.

Еще: журналисты газеты "Сегодня" имеют сегодня одну этику. Коллеги из «Московского комсомольца» совсем другую. "Правдисты" — третью. "Известия" живут - поживают по пятой системе моральных принципов. "Завтра" и вовсе выпадает из всяких рамок... Как нас унифицировать? На какой всеобщей платформе? Часто можно слышать: общая платформа одна — не лги. И лучше платформы не сыскать. Однако без толики лжи многих сегодняшних изданий просто не будет. Они потеряют тираж и сопыются. И не надо делать большие глаза: так и есть! Возможно, так будет еще достаточно долго, чтобы нынешнему поколению журналистов успеть вымереть как классу.

Время от времени поборники журналистской этики предлагают образовать некий общественный совет из маститых, пользующихся огромным авторитетом грандов журналистики, и им выдать право судить всех остальных и рядить, заседать и решать, этично тот поступил или нет. Уверена, это очередная глупость! Нет такого числа незапятнанных грандов, физически нет. Да и что одним гранд — другим сегодня ноль без палочки. Еще: кто сказал, что кто-нибудь, даже крайне талантливый из газеты "Известия", сможет непредвзято рассудить ситуацию, в которую попал корреспондент, к примеру, газеты "Коммерсантъ"?.. Боюсь, сам принципиальный подход к сбору информации — началу начал в журналистике, у "Известий" и "Коммерсанта" теперь разный. Их этики не совпадают диаметрально. А кто сказал, что они должны совпадать?..

Так вот, кто это говорит, тот, на мой взгляд, и желает возвращения агитпроповских времен, скучает по ним, ностальгирует до слез крокодиловых. Ему противны новшества, которые приближают нас к современной западной журналистике.

Дайте самоутвердиться всем! Дайте выработать спокойно свои собственные саморегулирующие принципы!

Раздел 1

Оставьте нас в покое! Агитпропа уже не будет, как бы сегодня его не обозвали — слишком далеко зашли.

Да и как себе представляют работу практикующего корреспондента в соответствии с кодексом моральных устоев, каким бы совершенным он не предстал публике? Неужели так: вечером читаю на ночь кодекс, запоминаю и вникаю, утром повторяю перед завтраком, после чего выхожу на тропу войны — а только так, а не иначе называется ежедневный труд пишущего журналиста по сбору информации, тем более эксклюзивной. На тропе войны действуют тем временем военные же принципы общежития. Врага — носителя информации — надо обвести вокруг пальца, усыпить его бдительность, выкрасть у него секретный пакет и доставить пакет в свою часть — в редакцию. Справа и слева — минные поля, иногда они взрываются прямо под ногами. Хоть раз, но каждый из нас на этом поле подрывается.

Не гремят взрывы, пожалуй, только где-нибудь в еженедельнике "Семья", с завидным упорством продолжающем писать о том, как выйти из трудной семейной ситуации, как и где сделать аборт, как вести себя, если муж ушел к другой, молодой, что сказать детям, когда они вконец разболтались и перешли все грани дозволенного. Все остальные журналисты, существуя в поле тотальной лжи, нет-нет да и станут ее жертвами. А значит — подсудны этическим законам...

Пример Ларисы Кислинской сверххарактерен. Сегодня КАЖДЫЙ выбирает свою собственную этическую систему координат. И никто не вправе советовать другому в профессии жить так, как живет лично он. Возможно, это не очень хорошо. Возможно, это вообще сплошная анархия, недопустимая в демократическом обществе, к которому мы так рвемся и все же так удаляемся. **НО ИМЕННО ТАК ЕСТЬ.**

Уверена, до конца нынешнего тысячелетия российская журналистика не созреет до унифицированных представлений об этике. И не надо нас насиловать, собирать на конференции и съезды по этому поводу. Нам ничего не надо навязывать извне.

Все этические нормы корпорации, как и сама корпорация, должны родиться САМИ из себя, сами по себе, без чьей-либо посторонней помощи. Никаких щипцов, акушерок и прочего. Только — каждому отдельная палата и полный покой. Если роды не завершатся благополучно и в приятный обществу срок — значит, так надо. Значит, суп еще не проварился. Не сформировались, не смогли.

Это доказывают и печальные события, случившиеся в нашем цеху. Точнее, то, что последовало за ними. Журналистское сообщество образца 1994—1995 годов - это прежде всего борьба за выживание. Причем собственное, и каждый это делает в одиночку. Нет искренности в цеху. Нет доверия друг к другу. Сплачивает только чья-то шумная смерть, как страшно это кому-то ни покажется. Лишь на некоторое время сплотила журналистский корпус гибель военкора «Московского комсомольца» Дмитрия Холодова. Потом — трагедия Владислава Листьева.

И то сплоченность эта получилась какая-то полуискусственная, полуистеричная. У большинства, скорее всего, болела душа не за профессию, а за что-то совсем иное.

Увы, но регулярная гибель журналистов в Чечне не беспокоит так сильно, как эти две московские смерти: столица живет тусовкой. А когда есть тусовка, этика отдыхает. По крайней мере, та, при которой кричим, когда погибает "свой". Как рыдал Павел Гусев при телекамерах и при всем честном народе, когда не стало Дмитрия Холодова! Как убивался Леонид Ярмольник над гробом Владислава Листьева! Да, они страдали, видимо, искренне, но в то же время были из своих тусовок. Не убивался так Гусев по Листьеву, а Ярмольник по Холодову - это точно.

И Ярмольник, и Гусев, есть уж такое подозрение, не слишком бурно реагируют на сообщения по телевидению о пропаже или гибели очередного коллеги в Грозном. Не трогает, и все тут. И не надо приставать к ним — ничего другого обществу они предложить сейчас не могут. Все борются за выживание.

Е.Н. Полякова

НАДЕЖДА НА ОБЩУЮ ИГРУ И ВЫРАБОТКУ ЧЕСТНЫХ ПРАВИЛ ЕСТЬ

Не знаю, насколько уместно в качестве участника обсуждения корпоративности журналистики выступать человеку, который не имеет журналистского образования и никогда не состоял ни в одном профессиональном журналистском союзе. Но в какой-то степени я оправдываю свою дерзость тем, что имею более чем трехлетний опыт наблюдения изнутри сообщества журналистов (а лучше сказать — трудового коллектива). Это во-первых, а во-вторых, среди пришедших работать в радиожурналистику, встречаются люди разных специальностей. Следовательно, моя судьба — не исключение. И надеюсь, попытка размышления найдет понимание.

Я работаю в коллективе, который четыре года назад почти полным составом перешел из одной государственной радиостанции на вновь созданную, государственную же. Но не в истории дело, а в том, что за годы работы рядом с опытными журналистами со стажем в десятилетия я наблюдала провалы самых разнообразных попыток объединить коллег в коллективном творчестве.

Казалось бы — работа над общей публицистической программой с многомиллионной аудиторией предполагает совместно продумываемые концепции, стратегии, причем без ущерба индивидуальным способностям, которые свободно могут проявляться при воплощении. И все-таки идея объединения постоянно проваливается, за исключением ситуаций крайней опасности или чрезвычайной сложности (конечно, имеются в виду события не внутриредакционные). Почему?

Решение задачи, можно ли нашу журналистику конструировать по правилам честной игры, предполагает прежде всего ответ на вопрос, а можно ли говорить об «общей игре»

там, где царит закон «кто смел, тот и съел», где индивидуальное соперничество предпочтительнее ценностей коллективного труда, где свои — пусть случайные — удачи выгоднее успеха творческого сообщества? Причем справедливости ради надо отметить, что перечисленные свойства — не благоприобретенные свойства постсоветского времени.

Так вот. Несмотря на пессимистическое начало, ответ я даю положительный (по моему убеждению — положительный), то есть корпоративность работы журналистов считаю наиважнейшим условием существования «четвертой власти». Надежда на общую игру и выработку честных правил есть. И не только потому, что появились некие молекулярные сообщества — молодые коллективы, конкурирующие друг с другом на новой, рыночной основе, новые по принципу работы, целям и по профессиональным средствам выживания. Существует стимулятор роста эмбриональной корпоративности более любопытный, чем рыночные условия. Причем этот «реактив» работает на подсознательном уровне, но все равно приведет в конечном итоге к тотальному пониманию необходимости играть по общим (предполагается — честным) правилам и созидать корпорацию (или — пока — корпорации по системе профессиональных союзов, потому что существует специфика критериев разных жанров журналистики).

Прежде чем этот стимулятор роста назвать, я проведу демаркацию двумя крайними примерами. Пример первый: гибель корреспондента Димы Холодова (кстати, тоже непрофессионального журналиста). Несмотря на то, что сами журналисты «МК» — сознательно или бессознательно — довольно банальными версиями отвлекают внимание от основной причины, она, на мой взгляд, очевидна многим. Дима погиб потому, что в редакции «МК» не было и намека на корпоративность, коллективную подстраховку. Убийство — «вакцина» серьезная, а время предъявляет к журналистам жесткие требования, все важнее становится коллективная ответственность за каждого (как я уже сказала — подстраховка). Сейчас в полный голос заговорили

об опасности, и надо ждать следующего хода — разговора об объединении.

Конечно, пространство журналистского творчества — не всегда минное поле в прямом смысле. Но если принять во внимание самую главную примету профессии — а журналист всегда работает на аудиторию и у него в руках возможность манипулировать ею, — то тогда образу «минного поля» полное право на существование дает постоянная вероятность социального взрыва в нашем нестабильном обществе.

Теперь настало время следующего примера: в большой степени провокации мая 1993 года и беспорядки в Москве сентября—октября того же года (кончившиеся, кстати, штурмом "Останкино" — то есть прямым посягательством на средства массовой информации) обеспечила пропаганда — целенаправленная и многомесячная, — которую вел «Парламентский час» на телевидении и на канале «Радио России».

Эти примеры иллюстрируют мой немудреный вывод: стимулятор роста корпоративности — это опасность, которая пока активно возбуждает лишь зону инстинктов. Причем, с одной стороны, инстинкт самосохранения "соматический", а с другой — "гражданский". И страх за жизнь, и опасность провокации социальных конфликтов как бы с разных сторон подталкивают к объединению ради безопасности. И безопасность работы каждого журналиста, которую во многом обеспечивает коллективная ответственность за каждого, и гражданская безопасность (защита общества от игры по нечестным правилам), которую во многом обеспечивает индивидуальная ответственность — все это существенные поводы для объединения на корпоративной основе.

Но поводы поводами... А между тем появляется еще один вопрос, требующий ответа при решении задачи о правилах честной игры. Честно говоря, я не представляю себе, какая же сила может проявить волю к объединению и стимулировать его. Насколько я знаю, ныне действующие организации на этом пути терпят поражение, пытаюсь объединить журналистов не во имя поддержки и безопасности друг друга, а на почве конфронтации с властями.

Наверное, здесь можно рассуждать о негативном опыте прошлого, но мне он неизвестен в силу моей неопытности. Да и разве журналистика единственная область, где осуществляются попытки наладить жизнь по - новому, действуя старыми способами?! Я бы не возражала против честных правил и благородной корпоративности и в области политики, и в экономической сфере. Однако везде одно и то же, и по специфической российской формуле «гром не грянет — мужик не перекрестится» существуют и мужик-политик, и мужик-журналист. Угроза, опасность — питательный бульон для роста клеток корпоративности.

То, что многие называют беспределом, я определяю как естественные процессы, связанные с входением в систему рыночных отношений и считаю их благодатными для желаемого объединения. А главное — неизбежным этапом "очищения" от тех негуманных качеств, которые до сих пор способствовали разобщенности — в журналистской среде, в частности.

В.С. Гуревич

СОВРЕМЕННАЯ ЖУРНАЛИСТИКА И ПОИСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ

Вопрос о миссии журналистики, в годы, которые мы называем переходным периодом, является нечетким по определению. И осознание самими журналистами собственной миссии, и то, какую роль объективно будет играть в обществе сфера масс-медиа — все будет серьезно меняться до того момента, когда сформируется некий сбалансированный общественный организм. Миссия журналистики сегодня сильно искажена по отношению к тому, чем журналистика может быть в более или менее здоровом, нормальном обществе.

Прежде всего я имею в виду тот факт, что, выпрыгнув из социалистического состояния, когда пресса была официальным пропагандистом и агитатором, наша пресса эту функцию не утратила. Между прочим, в том обществе эта миссия на самом деле выполнялась. Пресса не просто была официально наделена такой функцией — она и выполняла ее, обслуживала совершенно определенную идеологию. Я говорю не столько о том, что делали и как понимали свою миссию отдельные журналисты, сколько о том, что корпорации, профессиональному сообществу была придана такая функция — пропагандиста и агитатора, и корпорация ее более или менее исправно выполняла.

И не утратила ее сегодня по двум причинам. Во-первых, уже потому, что само остаточное явление еще сохранилось — так быстро от всего нельзя освободиться. Во-вторых, потому, что сегодня у нас в стране утрачена официальная идеология, возник вакуум, нет реально лидирующих партий, которые формируют идеологию. По этой причине журналистика, хочет она это-

го или нет, берет на себя эту миссию. Занимается кристаллизацией политики и идеологии, задачи определения классовых, простите, интересов.

В нормальной общественной ситуации журналистика в очень малой степени «пропагандист, агитатор и организатор», она прежде всего средство информации, в определенной мере — политической борьбы, всегда — средство зарабатывания денег и наконец средство популяризаторства в общезначимом, общекультурном смысле. До того как и наша журналистика придет к такому естественному состоянию, она еще вынуждена будет играть роль организатора, пропагандиста или агитатора. Когда мы все время призываем самих себя или своих коллег: не нужно бы журналистике вмешиваться в политику, нужно брать более нейтральный курс, зеркальный, фактологичный, какой угодно — такого на самом деле не может быть, ибо наша современная журналистика не может уйти от помощи обществу в поиске национальной идеи. Она заменяет здесь те институты, которых нет или которые только появились.

Я приведу пример из относительно близкой мне экономической сферы. Сегодня банки в нашей экономике на самом деле играют гипертрофированную роль — по сравнению с их ролью в нормальной экономике. Но это неизбежно для переходного периода, для реформ, начатых при высокой инфляции: банки оказались самым гибким и наиболее быстро реагирующим рыночным организмом, и в этой ситуации, естественно, лидируют.

Говоря о миссии журналистского сообщества, попробуем разобраться в основаниях, позволяющих говорить о корпоративном духе этого сообщества. Чтобы здесь не было путаницы, важно учесть, что здесь есть по крайней мере два законных смысла. Корпоративный дух — это, во-первых, характеристика, издательского дома, компании издательской, газеты. И во-вторых, это характеристика в целом журналистского сообщества, сферы СМИ, «четвертой власти». Есть профессия, есть интересы журналистского цеха. Цеховые интересы и корпоративные интересы — это одно и то же.

Раздел 1

Корпоративный дух профессионального цеха наиболее очевидно проявляется при внешних угрозах, когда возникает опасность и оказывается, что это угрожает самым разным ветвям, секторам, политическим сегментам журналистского рынка. И сразу формируется некое единение, если не всех, то подавляющего большинства изданий. Сразу оказывается, что они имеют в этом вопросе близкие интересы.

Например, когда встает вопрос о возможности введения авторитарного, тем более диктаторского правления, то как бы ни различались по своим политическим устремлениям либерально-демократическая пресса и левая пресса, я не беру самые эстремистские крылья, они проявляют обеспокоенность по поводу одного и того же явления, по поводу одной и той же угрозы.

Хотя, казалось бы, левая пресса, или, скажем, прокоммунистическая, или национал-патриотическая — по идее должна была бы приветствовать такой ход событий. И она действительно, может быть, приветствует это, но на определенном отрезке, пока не оформилась на самом деле такая власть. Такое впечатление, что они ждут: какая диктатура будет? А вдруг будет «пиночетовская диктатура» — политически жесткий режим, но с либеральным, допустим, отношением к рынку. На это, кстати, не только часть органов печати, но и часть интеллигенции еще недавно соглашались. А если это будет диктатура прокоммунистическая или национал-шовинистическая, то, конечно, этот сегмент газетного рынка будет против. А если взять другую часть газет, то там все то же самое, только наоборот, почти зеркально. Левоцентристская пресса боится или боялась того, что вырастет из правления Ельцина — что это будет демократическая диктатура. И они против нее. А если это будет неоккоммунистическая, то они на самом деле не против — по идее это то, к чему они призывали, за что боролись.

Тем не менее, несмотря на все это различие интересов и корней, подоплеку этих опасений, на самом деле мы

видим: все-таки интерес общий для цеха, и восприятие опасности общее.

Пресса в условиях рынка. Когда дико растут все виды тарифов на все виды ресурсов, которыми пользуется печать, либеральная пресса должна была бы говорить, что «это рынок, ребята, мы сами к этому призывали», но тем не менее все вместе начинают просить, чтоб снизили или вообще убрали налоги с печати. И это, кстати, правильно. В то же время, когда аграрии просят, чтобы с них убрали налоги, кредиты не зачитывали, давали их под льготный процент и т.п., тогда либеральная пресса выступает против этого.

У нашего журналистского сообщества, несмотря на разное отношение к рынку, к политике и так далее, есть некие общие правила игры. Сам факт наличия или хотя бы зарождения таких правил — важнейший признак корпоративности.

Думаю, что, например, 99 процентов журналистов подпишутся под тем, что в соответствующем Законе о свободе слова, печати должен быть пункт, по которому журналист имеет право не называть источники информации. Это чисто профессиональный момент, и он устраивает всех журналистов, где бы они ни работали — от коммунистической до самой либеральной прессы. Он родовой, этот момент. Без этого не сможет развиваться журналистика.

Еще один, недавно появившийся, родовой момент — взаимоотношения с рекламой. Правда, под правилом, согласно которому реклама должна питать прессу, подпишется, полагаю, уже не 99, а 89 процентов журналистов. Потому что на отношение к этому правилу игры больше влияют взгляды цеха на организацию экономики, социальную справедливость. Некоторая часть коллег скажет, что реклама — это банки, это хозяева, это зависимость от рекламодателя, это капитализм чистой воды, это тоже диктат, раньше была партия, теперь рекламодатели, финансовые воротилы. Здесь корпоративный дух не будет стопроцентно единым.

Раздел 1

Можно и продолжить перечисление тех моментов, признаков, по которым проявляются контуры корпорации. Я считаю гиперболой распространенное представление о цехе как об абсолютно хаотичном, расколотом на кланы сообществе. В то же время я не утверждаю, что если все журналисты соберутся на свой съезд и там будут действительно представлены все кланы и все осколки прежнего сообщества, то они могут договориться и выработать некий единый и непротиворечивый Кодекс. Умение договариваться, умение контактировать с "противником" (поставим это слово в кавычки) — с политическим противником, ибо пресса расходится по политическому принципу, — в живом непосредственном контакте нашему цеху еще только предстоит развить. Разведите же кланы и группировки по отдельности и спросите: сможете ли вы выработать общий Кодекс, — наберете по большинству правил и норм более 50, а может, и более 90 процентов. По этому основанию можно судить и о потенциале духа корпорации. Публичное же совместное обсуждение общих правил игры противоположано, если вы хотите добиться итогового формального результата.

Чечня — это важный критерий в нашей действительности. Совершенно ясно, что анализ мотивов и выводов из ситуации будет различным. Но совпадение интересов даже в этом, суперостром вопросе, где, казалось, никакого совпадения не может быть, — оно произошло. Пресса в вопросе отношения к Чечне еще более консолидирована, чем общество. Условно говоря, если войну в Чечне в обществе поддерживают (или не возражают) от 20 до 30 процентов или от 20 до 40 процентов, а 60 - 70 — против, то в прессе пропорции иные: примерно 10 на 90 процентов.

Я думаю, что причина проста: пресса увидела, кроме всего прочего, ущемление своих профессиональных позиций и интересов. Во-первых, она увидела в Чечне призрак диктатуры. Во-вторых, на прессу стали давить: и НТВ угрожали закрыть, это с одной стороны, а с другой — левая пресса тоже увидела, что критика ею власти может повлечь за собой угрозу закрытия

левых газет. Ощувив угрозу интересам, пресса оказалась более единой, чем общество...

А теперь я попытаюсь порассуждать о корпоративном духе журналистов на конкретном примере Московской хартии.

В книге материалов экспертного опроса об этике успешных профессионалов «Апология успеха» (Тюмень — Москва, 1995 год) Ю.В. Казаков, анализируя этические мотивы создания хартии, применил термин Юрия Трифонова «друзы». С его точки зрения, давно распавшиеся, взаимонепересекающиеся — кроме экстремальных ситуаций — крылья цеха, привыкшие ощущать себя монолитными, начали «атомизироваться». Не желая довольствоваться своей формальной встроенностью в большие группы, такие, скажем, как Союз журналистов России, «пассионарии», пишет Ю.В. Казаков, начали собираться в небольшие образования по принципу личной приязни, интереса, взаимного доверия: форма, определенная когда-то Ю.Трифоновым как «друзы». По мнению автора, «формула» образования «друза» была именно цеховой: профессия в понимании членов хартии начинается там, где соблюдаются пусть немногие, но базовые нормы и правила.

Действительно ли Московская хартия может рассматриваться как мини-корпорация, не слишком ли романтична применительно к ней характеристика «друз»? То, что в хартии сошлись люди весьма близких представлений о жизни — это совершенно точно. То, что мы достаточно близки в своих взглядах на журналистику, на ее миссию, на ее правила, писанные и неписанные законы — это тоже правда. То, что мы почувствовали некоторую потребность произносить эти правила вслух в условиях постоянно маячащей угрозы в отношении журналистов и журналистики — это тоже правда.

Может быть, Московская хартия больше похожа на клуб. Правда, одновременно наша задача — собрать определенные финансовые ресурсы с тем, чтоб помогать журналистам.

Их вообще-то разделили, эти функции, финансовую, функцию защиты и функцию Кодекса. Поэтому в одном случае принимается решение о помощи семьям погибших журналистов или о покупке бронжилетов для репортеров при освещении военных событий, о защите от рэкета и т.п. И другое дело, если происходят какие-то события политические, которые затрагивают интересы журналистского корпуса — тогда хартия делает свое заявление.

Естественно, что клубу как маленькому сообществу легче наблюдать за исполнением выработанных им правил и легче реагировать на их нарушение. Любой союз, общенациональный, общероссийский, московский, — гораздо более бюрократический механизм, не столь гибко реагирующий на динамику профессиональной жизни и ее конфликты. Кроме того, такие маленькие сообщества будируют весь цех. Они и сами не засыпают и не дают спать другим. Мы проделали какую-то работу, написали свой кодекс, и оказалось, что всему Союзу журналистов России есть возможность что-то позаимствовать. Активность немногих вдохновила, втянула и более серьезные структуры.

Я знаю о гипотезе, согласно которой Союз журналистов должен выращиваться, собираться из такого рода сообществ, что сначала должно образоваться много-много хартий, а потом они сами захотят и скооперируются. Должен сказать, что здесь на самом деле большие сложности. Вспомним, как собиралась Московская хартия. Во-первых, она московская и по названию, и по членству. Это не значит, что ее не могут подписать коллеги из любого региона. Но многие "основатели" знали друг друга еще до того, как учредили хартию. Тридцать процентов, может быть, друг с другом были не знакомы.

А как же будут собираться другие, не московские хартии? Они могут собираться по региональному признаку. Но их общение между собой, конечно, затруднено. Кроме того, пока так и не слышно, чтобы в регионах журналисты таким образом объединялись — помимо каких-то официальных структур, например, бывших областных отделений Союза журналистов СССР.

При этом в регионах, на мой взгляд, положение журналистов более сложное. Они в гораздо большей степени зависимы от местной власти, в некоторых местах — от мафии. Московские журналисты в этом смысле в привилегированном положении: они представляют более крупные органы печати, их имена известны, они могут стоять в оппозиции к власти, по крайней мере, так себя мыслят.

В частности и поэтому появление таких хартий, товариществ вероятней всего в столице. В регионе же, могу себе представить, выступит в прессе такого рода неформальная группа, и реакция властей может быть намного острее, болезненнее.

По крайней мере, сам факт, что это свободное волеизъявление, свободная инициатива хартии пока имели только в Москве, означает, что такой потребности или такой возможности в других местах еще нет. И гипотеза о том, чтобы общенациональный союз журналистов возникал на базе многочисленных неформальных инициатив, пока не находит подтверждения.

Я.Б.Юферова

КАЖДЫЙ ПИШЕТ, КАК ОН ДЫШИТ

Пресса, ставшая «четвертой властью», как и три остальных, крайне не любит посторонних глаз, умных советов и беспардонных ревизий собственной деятельности. Журналист всегда прав. Но быть всегда правым — это высший профессионализм, помноженный на ответственность и информированность, осененный Божьей искрой таланта и освященный негромкой совестью.

На нашей профессиональной кухне побывали в эпоху гласности все, кому не лень. В пылу цеховых или партийных разборок, перетягивания каната общественного мнения часто обнажалась не истина, а белье. Хотя, говорят, народ не должен видеть, как делаются две вещи — сосиски и политика. Журналист скорее рабочий сцены, чем ее «звезда», поэтому претендовать на особое место и роль в обществе декларациями и заявлениями — дело амбициозное и зряшное. Кислород не замечают, но без него задыхаются. Без свободы слова в цивилизованном сообществе гибнет все живое, но каждый день фокусировать внимание общественности на проблеме «пресса и власть» безнравственно по отношению к другим гражданским архиважностям.

У нас полная свобода писать, что думаем, у власти полная свобода не замечать даже самые скандальные расследования. Проблема «работающего общественного мнения» и влияния его на политический климат в стране — это важнейшая стратегическая задача после обретения свободы слова. Но это иная глобальная тема. Речь же хотелось бы повести о том, что должно оставаться неизблемым при любом политическом режиме и в любое время суток — о профессиональной репутации. Это наша проблема, которую не стоит увязывать ни с очередными парламентскими выборами, ни с революционным

президентским указом.

Аргументы типа — сейчас не время для создания этического кодекса, ибо сама пресса участвует в переделке власти и собственности — не совсем убедительны. Это то же самое, что начать возмущаться десятью заповедями Христа, они ведь тоже были вроде некстати: сколько грехопадений предстояло совершить человечеству за две тысячи лет. Но ведь вечная простенькая задача — жить не по лжи надо на земле, а не в раю.

Я вывела бы за скобки разговора вопрос: существуют ли в реальной России, допустим, 1995 года предпосылки для корпоративности журналистов в широком общецеховом смысле и можно ли нашу журналистику делать по правилам честной игры? Потому что не знаю другого ответа кроме нужно и можно уже вчера, а не завтра.

Мы так часто звонили в колокол и говорили, что нам должны, поэтому хоть раз в своем профессиональном кругу давайте спокойно поговорим, что мы должны и задолжали обществу, да, возможно, и друг другу.

Следует сразу оговорить, что мне более симпатичен способ строительства небоскреба с фундамента, а не с крыши, хотя оба способа в мировой практике имеют уже право на жизнь. Какими общественными институтами не декларировалась бы мораль, а человек усваивает ее через конкретную систему отношений в семье или коллективе.

Пресса сейчас удивительно разная — независимая и партийная, частная и государственная, развлекательная и рекламная, купленная "на корню" и самокупаемая с первыми победами: музыку заказывает не "спонсор", а коллектив тружеников-учредителей и его верная партия — партия читателей. Трудно вывести общий знаменатель, хотя без него и шага нельзя ступить. Идеальная ситуация: журналист не работает по заказу, не является ничьим подручным и не служит никому «приводным ремнем». Независимость элементарна, как таблица умножения, если редакционный коллектив имеет возможность декларировать лишь одну фразу: за все платим сами! Тогда легко продолжить логический ряд: журналист служит идеям,

а не личностям. Демократическое гражданское общество, где приоритетны права и свободы человека — его профессиональная цель. Объективное информирование читателя — его главная задача. Однако на знаменитое «без гнева и пристрастия», на мой взгляд, возможно внутреннее эмбарго, когда речь идет о сохранении достоинства личности и обеспечении безопасности личности в реальном государстве. Сделав эти принципиальные оговорки, давайте присмотримся к методам работы друг друга. Самоконтроль и совесть журналиста практически остаются единственным цензором, когда все можно и обо всем можно писать.

Мы так дружно анализируем ситуации, когда речь заходит о взаимоотношениях власти и прессы, государства и печати, что хочется сойти с большой затоптанной дороги и пройти по тропинкам, где впору лишь разминуться с одним-единственным человеком, которого мы так часто забываем, хотя во имя его, единственного, работаем.

Когда «экзотические» темы только начали появляться на страницах газет, японский собкор «Комсомольской правды» предложил репортаж из женской тюрьмы. Разрешение от властей на право посетить любую из четырех женских тюрем, имеющих в Японии, он получил без проблем, правда, при одном условии: у журналиста не будет с собой фотоаппарата, а в блокнот он не запишет ни одной фамилии заключенной. Все просто: когда они выйдут на свободу, ничто не должно им мешать начать новую жизнь, случайно напомнить о драматическом прошлом.

Аналогичная тема в нашей печати: фоторепортаж (!) из женской колонии — сдача выпускных экзаменов. Редкая тема, крупный план. О том, что когда-то в жизни это может аукнуться им самим или их детям, подумать некому. Просто нет никаких, даже приблизительно сформулированных табу: этого нам нельзя. «Можно все, что не запрещено законом»? Тут уж каждая газета проводит линию, за которую она не переступает

и не вторгается в частную жизнь, как бы соблазнительно это порой ни было.

По библейской версии, когда после потопа остался только Ной с тремя сыновьями, произошел весьма примечательный эпизод. Ной начал возделывать землю, насадил виноградник, выпил вина и опьянел, и лежал обнаженным в шатре своем. Хам увидел отца обнаженным и туг же живописал братьям. Те же спиной подошли к нему, одежду рядом положили и не видели наготы отца своего. Ной, когда проспался от вина и все узнал, проклял детей насмеявшегося над ним Хама.

«Посторонним вход воспрещен» — это не столько символ закрытого тоталитарного государства, сколько граница свободы личности отдельно взятого индивидуума. Недаром говорят, свобода одного человека кончается там, где начинается свобода другого. Как не хочется, а надо бы признать, что свобода слова должна иметь сдерживающие моменты в ситуациях, когда речь идет о частной жизни человека, то есть о свободе гражданина на собственный образ жизни. В погоне за "клюквой", даже не сенсацией, многие журналисты перестали пользоваться внутренними тормозами. Что делать оскорбленному гражданину?

В крайнем случае, он обратится в суд и получит материальную компенсацию за нанесенный моральный ущерб (довольно распространенная практика последнего времени), хотя здесь тоже многое относительно. Одна казусная, имевшая место ситуация: известный человек в последнюю минуту передумал обращаться в суд с иском по поводу оскорбления, напечатанного в одной массовой газете по простой причине: если бы иск был признан действительным, то печатное опровержение должно было бы звучать примерно так: он — НЕ дурак.

Если в медицине разбираются только медики, то в журналистике разбираются все. Наша профессия публична, но это не значит, что она площадна. Все-таки хор художественной самодеятельности не может быть оперной труппой Большого театра. Говорю об этом не для того, чтобы возвысить, а наоборот,

Раздел 1

заземлить нашу профессию. Журналиста долгие годы путали с адвокатом, священником и психотерапевтом, когда ни первый, ни второй, ни третий не был доступен рядовому гражданину, в отличие от любого цивилизованного государства.

Безоговорочная вера печатному слову — это пережиток нашего постсоветского общества или завоевание отечественной печати? Сотни писем-исповедей о том, что не доверяют даже самым близким людям, — это атавизм или высокий дух? У нас особый читатель и зритель, и предать его в одночасье переходя в рыночный кому рай, кому ад, было бы профессиональным преступлением. Мавродизация сознания масс ведь проходила на фоне простецко-бесперывной рекламы, втиравшей в доверие народа, при редком экономическом и публицистическом анализе сути пирамид. Мы делали свое дело гораздо хуже, чем обычно, раз допустили такое массовое поражение общественного сознания. Реклама — это другая, иная профессия, и она не должна диктовать правила журналистской этики. Можно купить рекламное место или время, но нельзя купить редакционное мнение, позицию журналиста, призванного объективно и беспристрастно информировать читателя и зрителя.

Это — другой, отдельный, остающийся горячим, разговор. Мы берем отсюда лишь зарубку на память: бросать в бушующее море разной, в том числе и недобросовестной, недостоверной рекламы отдельно взятого гражданина, самим оставаясь сухими на берегу, а ему даже не крикнув, где находится спасательный круг, не милосердно и аморально по отношению к преданному потребителю нашей информации.

По духу мне близок тезис, что ни один журналист, если он нормальный человек, не поставит под угрозу жизнь людей или безопасность нации ради сенсационного материала. Еще один японский пример. Собкор "Известий" блестяще сработал, рассказывая о преступлении секты «АУМ синрике» в токийской подземке. Масса деталей и подробностей, людей и обстоятельств. Уникальная информация о русском следе японской

секты. А также технологический абзац о том, как легко произвести отравляющий газ зарин и использовать его для массового отравления. Сектанты скорее всего использовали одну брошюру, изданную гражданской обороной СССР в тысяча девятьсот таком-то году. Журналист демонстрирует высокий профессионализм — он передает в редакцию всю имеющуюся на этот час у него информацию по поводу зариновой трагедии, потрясшей мир.

Редактор тоже должен продемонстрировать свой профессионализм и убрать технологический абзац о том, как легко отравить несколько тысяч человек. Главлита нет, цензора нет. Журналиста и читателя разделяет — или сближает — только здравый смысл.

Однажды в "Комсомолке" был бесхитростный материал «Когда зацветает мак», про который специалисты говорили, что он послужил пособием для появления массовой токсикомании среди подростков страны. Статья была на темы морали и рассказывала, как некие отрицательные дети во времена сухого закона, чтобы забалдеть, брали клей такой-то марки, надевали целлофановые пакеты и дышали. После выхода газеты 18-миллионным тиражом с инструкцией, как забалдеть, когда ничего нет, многие попробовали "рецепт", были случаи с трагическим исходом. На чьей они совести? Нет ответа на этот вечный вопрос: как надо знать зло, чтобы его искоренить, а не умножить.

Лучше всего исходить из тезиса, что мы живем в нормальной стране среди нормальных людей, а злонамеренный человек — это редкое исключение, который в эпоху техногенных катастроф, увы, способен поставить мир на дыбы. Должен ли журналист в своей работе учитывать этого одного, ненормального, злонамеренного человека? Думаю, да.

Однажды мне была предоставлена возможность проинтервьюировать компьютер с одной уникальной программой в Московском штабе по гражданской обороне и чрезвычайным ситуациям. Уникальность в том, что специалисты из НИИ информационных технологий собрали и систематизировали все известные человечеству катастрофы и пожары, войны и

революции и их жертвы за последние 150 лет. На основе ретроспективы компьютер теперь может выдать экспресс-анализ любой нештатной, вновь возникнувшей ситуации. Жизнь стала подтверждать, что эти прогнозы имеют лишь 10—20-процентную погрешность.

”Заказываю” Москве шестибалльное землетрясение. Компьютер пискнул и высказался: «Большие жертвы маловероятны». Город застроен с большими интервалами на хороших сейсмоустойчивых подушках...

Что будет, если выйдет из строя один из девяти, ”мой” атомный реактор на Верхней Красносельской улице? Сопровождавшие специалисты не удержались от снисходительной улыбки: на вашем придворном реакторе работают специалисты мирового класса. Лучше опасайтесь слесаря Петрова, который на хладокомбинате закручивает гайки компрессора, работающего на аммиаке. В Москве 66 предприятий пищевой промышленности отнесены к особо опасным производствам. Зачем надо было штурмом брать Останкино, когда в этом районе столько... Они рассказывают мне все с психически нормальной уверенностью, что я об этом не напишу, ибо хлор и аммиак в Москве могут в одночасье сделать мертвым город, вернее, один сумасшедший, который может случиться среди девяти миллионов населения. Значит, надо непременно писать и писать о системе многоступенчатой защиты и контроля в техногенно опасную эпоху.

Любимое газетное дело, за которое никто и никогда не несет ответственности: борьба и призыв на баррикады до победного конца, кажется, остается в прошлом. Самоценность человеческой жизни, права человека, главенствующие над правами нации — эти сложные истины начинают потихоньку овладевать нашими умами. Пишу об этом, чтобы привести потрясший меня факт из того самого компьютерного интервью.

«Хотите знать самый страшный вид бедствия для Москвы?»
Странное дело, хочу. Пытаюсь упредить компьютер: тайфун, наводнение, холера... Ждала все, кроме ВИД БЕДСТВИЯ: ПОЛИТИЧЕСКАЯ НЕСТАБИЛЬНОСТЬ. КОЛИЧЕСТВО ПОГИБШИХ: 7991 человек. ТРАВМИРОВАННЫХ 11786 человек.

МАТЕРИАЛЬНЫЕ ПОТЕРИ: 800 миллиардов условных рублей.

Совершенно неожиданно бесчувственная машина классифицировала митинг с мордобоем, переходящий в путч или революцию, для этой точки земного шара как самый страшный вид стихийного бедствия.

Я приведу сейчас фразу, которая, уверена, звучит в любой редакции: это плохо (о трагедии), что случилось, но это хорошо — нам есть что дать на первую полосу, открыть выпуск новостей. Новости — наша профессия. Никто при этом не думает: хорошие новости — наша профессия. Чрезвычайщина — наш исторический хлеб. Ну да, кому война, кому мать родная. Конечно же, объективистская, зеркальная журналистика возможна и у нее есть целый шлейф оправданий. Акыновский принцип: что вижу, о том пою, в основе своей верен. Журналист может писать о том, что произошло в жизни или реально может случиться. Но сверхзадачу я непременно оставляла бы и за новой журналистикой — люди должны жить лучше и быть лучше. Недаром говорят: свобода без культуры — это день открытых дверей в зоопарке. А в зверинце, даже хорошо информированном, жить не хочется. Я не говорю о возврате старой морализаторской функции печати, но жить в обществе, где существуют безусловные нормы, предпочтительнее, чем без таких.

Мой личный опыт связан с работой в «Комсомольской правде», а с недавнего времени — с «Известиями». Что в обеих редакциях объединяет понятие профессиональной этики, какие факторы влияют на прочность неписаных законов? Думаю, прежде всего личность главного редактора, система отношений, принятая в редакции и, безусловно, личное воспитание журналиста, полученное им в семье или на улице.

Линия поведения главного редактора, декларация азбучных истин по будничным поводам, степень наказания за должностной проступок — эти прецеденты быстрее всего усваиваются в коллективе и не требуют подробных комментариев.

Раздел 1

Один журналист некой газеты подрабатывал в одной конторе помощником по связям с общественностью и, пользуясь своими профессиональными возможностями, опубликовал проблемный материал по поводу прогрессивных начинаний конторского босса. Когда об этом стало известно главному редактору, тот пригласил журналиста и сказал лишь одну фразу: после этого случая мы не сможем работать с вами вместе.

Служение истине исключает корыстные мотивы. Сотрудники "Известий", придерживаясь определенной политической линии, принятой в газете, тем не менее должны избегать политической рекламы партиям и их лидерам. Журналисты не имеют права писать статьи о коммерческих компаниях, если они или их родственники являются их акционерами.

В "Известиях" не принято писать рецензии на книги, спектакли, фильмы своих родственников.

Журналисты не должны использовать редакционное удостоверение для получения особых привилегий в обществе.

Эти тезисы остаются голыми сентенциями, если в коллективе не существуют взаимозависимые и взаимоответственные горизонтальные связи. Счастье, если в редакции работают «моральные авторитеты», «великие старики», которые все помнят, все знают, выступая на летучке, могут без обиняков сказать, что за всю историю газеты не было такого легкомысленного отношения к своим обязанностям. Что стыдно, потрясая удостоверением, требовать к себе особого отношения от властей или новых структур.

Репутация и честь газеты — это величайшие моральные, а в итоге и материальные ценности. Как правило, они создаются не только принципиальностью на страницах газеты, но и обычным поведением всех журналистов в реальных житейских, не контролируемых ситуациях. Если в массовом сознании появилась фраза: нет журналиста, которого нельзя было бы купить, это значит, не один и не двое коллег дали тому повод.

Я знаю, во многих газетах крайне ужесточились наказания за косвенную рекламу, выдаваемую за информацию, вплоть до увольнения с работы. Журналист не имеет права принимать деньги, подарки, услуги, привилегии за оказанные информа-

ционные услуги. Да и никаких услуг он не должен оказывать, это сфера коммерческо-рекламного отдела. Он должен писать, что по уму и совести думает сам. А если он так не думает, то уж ни за какие коврижки его не заставишь по-другому расценивать факт или явление.

Система ценностей, принятая одним конкретным профессионалом, имеет, в конечном итоге, определяющее значение для всей профессиональной корпорации. На театре военных действий в Чечне побывали сотни, если не тысячи журналистов. Но именно о профессионалах из НТВ сохранилась благодарная память, что они первыми приходили на помощь коллегам, демонстрировали высокий уровень взаимной ответственности, хотя прежде всего выполняли свое редакционное задание.

Мы можем оказаться в одном газетном окопе, можем и в разных. Но мы должны, как в былые времена борьбы за демократию и свободу, чтить инакомыслие. Если появится одна газета (увы, есть такая), которая считает своим долгом всем указывать, как жить правильно, плохи дела в нашей компании. Газеты разные важны, газеты разные нужны (я оставляю за скобками то, что выходит за рамки конституции).

Я люблю две строфы старого стихотворения Якова Полонского:

Господи! я нынче все бранить готов — /Я не в духе — и не в духе потому, /Что один из самых злых моих врагов /Из-за фразы осужден в тюрьму...

Что же делать? И кого теперь винить? /Господа, во имя правды и добра — /Не за счастье буду пить я — буду пить /За свободу мне враждебного пера.

Нашу журналистику можно и нужно делать по правилам честной игры.

Если не мы, так кто же?

Н.В.Вайнонен

СТЫДЛИВОЕ СЛОВО ЛУЧШЕ БЕССТЫДНОГО

Недавно на парламентских слушаниях, проходивших под эгидой думского комитета безопасности и ведомых С.Говорухиным, прозвучал некий заказанный Думой доклад некоего ученого центра проблем информационной безопасности (или что-то в этом роде), коим руководит некий Шершнеф. Он же и произносил доклад. В нем скрупулезно подсчитывалось, сколько в той или иной газете (назывались ведущие издания), в той или иной передаче (РТВ, Останкино, НТВ...) содержится сюжетов и эпизодов, способных, по мнению авторов доклада, побудить зрителей и слушателей к антиобщественному поведению. Это — показ насилия, убийств, драк и т.п. Что любопытно, с арифметической точностью подсчитывалось также соотношение слов «положительной окраски» и «деструктивной лексики» (что сие значит, оставалось предполагать) — и выходило, что "деструктивная" решительно преобладает. Вывод: пресса представляет из себя ныне одну из главных общественных опасностей. А посему нужен-де закон об информационной безопасности общества, где, в частности, предусматривалась бы аттестация журналистов, работающих в государственных СМИ, на предмет их умения и готовности оную безопасность блюсти.

Думается, опасность такой "заботы" о безопасности ясна без объяснений. Примитивность и безграмотность подобного чиновного рвення (на парламентском уровне!) не просто антидемократична. Главная беда в том, что воинствующая дурь начисто перекрывает возможность нормального, грамотного решения действительно существующих проблем: ведь в прессе и в самом деле многовато (мягко говоря) и безответственности, и непрофессионализма, в том числе по части статьи 4 Закона о

СМИ, да и по части элементарной этики тоже.

Корпоративность, стало быть, полезна, необходима и неизбежна для, так сказать, борьбы на два фронта: с корыстью и глупостью политиков, продолжающих думать, что только они («государство — это мы») способны правильно руководить прессой, и со всяческой бессовестностью в собственных рядах. Сколько раз я говорил Севе Богданову: давайте заведем профессиональный суд чести! Не хочет. Мы-де не прокуроры, не следователи, не судьи. Но это отдельный разговор...

...С другой стороны, у корпоративности, как у всего на свете, есть недостатки, которые суть продолжение достоинств. За неимением времени вынужден отвечать кратко по ходу поставленных авторами проекта вопросов, невольно что-то упрощая, поскольку они, мне кажется, поставлены хотя и очень интересно, однако в чем-то слишком уж "глубоко"...

Справится ли с этической задачей наше нынешнее профессиональное сообщество? Легче всего ответить: нет. И оснований для такого ответа много. Я, например, весьма сомневаюсь в этической безупречности недавнего съезда СЖР: сегодня он принимает резолюцию с осуждением "обидевших" его своим отсутствием представителей власти, а завтра, выслушав их, принимает их предложение о совместной комиссии, которая могла бы решить наши проблемы, но... забывает отменить вчерашнее решение. А сколько фрондерства, сколько фанаберии едва ли не в половине выступлений! Одному из немногих толковых ораторов (Е. Прохорову с журфака МГУ) так и не дали сказать все, что он хотел. Съезд (точнее, зал его заседаний) показал, как легко нами манипулировать, нажимая на слабые места, льстя и подыгрывая преобладающим интересам и настроениям. Оказаться перед этическим судом такого "сообщества" было бы не очень приятно. Довериться ему, согласиться с тем, что его моральные суждения и приговоры разумнее, объективнее, авторитетнее моих собственных, я бы, к примеру, не смог.

Но ждать, пока корпорация как-то сама собой станет этически безупречной — еще большая ошибка.

Раздел 1

Этого, понятное дело, не будет никогда. Мы такие, какие есть, и надо браться за дело, учиться ему, а не рассуждать: "готовы", "не готовы"... Не приведет ли корпоративизация, в частности, профкарточка как условие допуска в посвященные, с одной стороны, к огосударствлению ("лицензированию") профессии, с другой — к излишку противостояния, потачке злоупотреблениям свободой слова, усилению раздробленности и т.д.? Конечно, может привести и к тому, и к другому. Вопрос совсем в другом: как свести к минимуму неизбежные нежелательные последствия.

Остановлюсь лишь на одном, часто высказываемом сомнении: профкарточка может обернуться чем-то вроде запрета на профессию для тех, кто ее не имеет, а это, мол, — почва для всяческой корысти профессиональных верхов. Но мы все-таки живем не в средние века, когда верхушка ремесленного цеха и впрямь "володела" и правила. Куда нам до них! Карточка была бы отнюдь не индульгенцией, тем более не удостоверением на право заниматься журналистикой, имеющим некую юридическую силу. Все профессиональные права по закону давало бы по-прежнему редакционное удостоверение или поручение, и только оно (как это и записано в Законе о СМИ). Это карточка не "на предъявителя" в профессиональных ситуациях. Главное ее предназначение — свидетельствовать о праве на те особые профессиональные условия труда и существования, которыми журналист в нормальном обществе должен обладать: страховка, медпомощь, правовая защита, все виды корпоративной взаимоподдержки и т.д. Без карточки ты этих прав не имеешь. Только этих! Все юридически узаконенные профессиональные права при тебе. Если у карточки будет эта практическая основа (то есть реальная возможность предоставить ее обладателю известные блага) — только тогда она сможет и будет иметь определенное нравственное значение: коллеги признали тебя достойным их солидарной поддержки — приняли в союз.

Не принятые — не изгой! Возможно, они не хотят связывать себя соответствующими обязательствами — их право.

Но, конечно, хотелось бы, чтобы за карточку боролись не только ради благ. Что ж, это никаким этическим кодексом не предусмотришь. Вес этой карточки в целлофане будет равен моральному весу сообщества. Поэтому в писаном статусе карточки говорить о ее этической роли, мне кажется, не следует: эта роль появится или не появится сама, "уставная" бюрократия здесь только навредит.

И последнее: о «четвертой власти». Это, конечно же, только метафора. Быть властью в полном смысле слова для журналистики и прессы губительно. Это как у Козьмы Пруткова: хочешь быть счастливым? Будь им! Хочешь властвовать над умами? Никто не запрещает. Вопрос: сумеешь ли? Что же до писаного кодекса профессиональной чести, то весь мировой опыт существования подобных «гражданских договоров» говорит, что пользы от них может быть все-таки больше, чем вреда, но при одном условии: если не нарушается грань между добровольностью и принуждением в соблюдении правил.

Принуждения морального не должно быть! Вернусь в связи с этим к идее суда чести. Авторы проекта относятся к ней скептически, считая такие суды и иные подобные образования в виде этических комитетов «дисциплинарными институциями». Действительно, в качестве "дисциплинарного", то есть наделенного карательными функциями, такой суд был бы только вреден. Более того, вряд ли вообще профессиональное сообщество, тем более какие-то избранные им авторитеты, могут иметь право выносить некие категоричные суждения о коллегах, их материалах, поведении и т.д., формализуя и распространяя эти суждения в виде неких решений или приговоров.

Речь идет о другом — о свободном и гласном обмене.. . такими суждениями, об их соревновательности, о создании, если хотите, «банка прецедентов» различных этических ситуаций и их оценок. Это именно суд, а не какие-то этические комитеты или консультативные комиссии, как предполагают авторы проекта. От комиссий вообще за версту разит чернилами,

Раздел 1

а если они еще проводить "экспертизу" и «распространять точные в профессиональном и этическом смысле представления об основах...», то... кто же этой тоске зеленой будет внимать?

То ли дело судебное заседание. Встречные иски: публициста Кивы к публицисту Минкину и, соответственно, Минкина к Киве. В их статьях (в "РВ" и "МК") о чеченской войне — глубокое взаимное оскорбление двух взаимоисключающих подходов и к этой войне, и к нашей профессии, и этике как таковой, и еще ко многому. У каждой стороны свои защитники и обвинители, дискуссия идет по строгим правилам судебной состязательности, исключая (карающим — вот тут это уместно!) взаимные оскорбления, удары ниже пояса и т.д. Роль "судьи" только одна — следить за соблюдением этих правил. Роль "присяжных" — отдать предпочтение не той или другой позиции, а нравственной высоте одной из сторон. Роль "публики" — быть субъектом общественного мнения (в том числе корпоративного) по данному поводу.

Легче всего сказать, что это нереально. Но можно быть уверенным, что стоит нашему союзу провести хоть однажды нечто подобное — и такие суды могут стать весьма притягательными для общего внимания. Неявка на них стала бы невозможной, победа и поражение (или "ничья", что тоже возможно) много значили бы для журналиста, его имени и влияния. Или пусть бы попробовали журналисты, солидарные с министром обороны и прочими в нападках на Сергея Адамовича Ковалева, отстаивать свою этическую правоту! Я уж не говорю о поборниках национализма или фашизма, о принципиальных защитниках допустимости заказных статей и т.д. и т.п.

В сотнях, тысячах ситуаций журналисты дают друг другу поводы для вызова на дуэль, но дело кончается грубой и недостойной перебранкой, нагнетанием вокруг своих персон общественной злобы и раздражительности. И все попытки выяснить истину, а главное — помочь продвинуться к ней тем, кто нас слушает и читает, тонут в этой нечести.

Журналистский суд чести — это способ и форма спора по правилам. Но это не аморфная "дискуссия" или «круглый стол», это именно суд, где есть победитель и побежденный, где сторонам есть чем рисковать — и это гарантирует серьезность, непустячность, непоказушность действия. Не говоря уж о том, что это отличная профессиональная школа. (Инициатором могла бы стать любая местная организация СЖ.)

Далее. Авторы проекта просят оценить, справедлива ли их гипотеза, что наше этическое нормотворчество должно соотноситься с четко осознанным представлением о профессиональной миссии журналиста. Ну что за вопрос? Конечно, должно. Только я бы не стал говорить о миссии. Не потому, что это слишком возвышенно — немножечко поднабрать растроченной высоты нам не помешало бы, — а потому, что "миссия" звучит слишком неконкретно. Предпочтительнее, думается, говорить о социальных функциях прессы.

Последний съезд СЖ, причем отнюдь не "снизу", а явно с "верхней" подачи, вступил в полемику с определениями роли СМИ, данными в президентском послании Федеральному Собранию. Неверно, мол, акцентировать информационную функцию прессы, за этим-де стоит принижение ее роли как самостоятельного оппонента властям, как средства общественного контроля за ними. Главное для прессы, по мнению разработчиков соответствующего документа съезда, — быть в оппозиции.

Да, к сожалению, в наших условиях пресса действительно остается едва ли не единственным социальным институтом, функционирующим, пусть урезанно и неполно, однако все же по законам демократии. Так что в названных документах съезда есть большая доля истины. Но истины горькой, а отнюдь не той, на которой надо принципиально настаивать как на некоем идеальном предназначении прессы. В нормальном обществе она — и информатор, и партнер, и оппозиция властям, и их сотрудник, и контролер их действий — все вместе, и между этими функциями существует баланс, а также есть разделение ролей между разными средствами информации.

Раздел 1

В таком, нормальном, обществе настаивать на чем-то одном как на ведущей и главной миссии журналистики никому не приходит в голову. И если уж на то пошло, то надо бы честно признать, что в нашей нынешней реальной ситуации "оппозиционности" (а точнее, того же фрондерства) в прессе много больше, чем "информативности". Больше того, гипертрофированная политизированность, мода на нее, престижность независимой позы крайне мешают действительно полному и объективному информированию общества. Человек, выписывающий одну газету (а кто сейчас выписывает больше?), фактически лишен конституционного права на информацию, потому что вынужден питаться плодами ее, информации, одностороннего отбора и комментария, диктуемого позицией только одной редакции и стоящих за ней сил. Конечно, ситуацию в какой-то мере смягчает вещание, где выбор пошире, но в целом наш информационный долг перед обществом огромен и продолжает расти.

Чем отличаются, к примеру, предвыборные программы партий и движений — не декларативно, а реально, то есть в методах решения главных кризисных проблем? Что предлагают и в чем расходятся Черномырдин, Гайдар, Явлинский, Зюганов, Лужков?.. Ответить на этот, казалось бы, простой вопрос хотя бы приблизительно не в состоянии подавляющее большинство населения. А это значит, что на предстоящих выборах общество неспособно сделать действительно сознательный (то есть сделанный со знанием) выбор собственной судьбы. Ну, и кто виноват? Не в последнюю очередь мы, журналисты. Рейтинги, сенсации, разоблачения властей, нагнетание страстей, гадания вокруг шансов партий и политиков и прочая, и прочая решительно преобладают над действительно нужной, жизненно важной информацией...

Да, это неизбежные издержки реального положения нынешней российской прессы, вынужденной заботиться о выживании, отбиваться от новых претендентов на роль фельдфебелей-вольтеров. Но, сколько помнится, даже в тоталитарные

времена неизбежная зависимость от партийно-советской власти не освобождала коллег, честно преданных профессии, от ответственности перед обществом и собственной совестью. Кто хотел и не боялся в предложенных обстоятельствах делать то, что можно и нужно было делать, — тот делал. Теперь же, при значительно большей свободе, нормальное, честное журналистское слово, мне кажется, заметно обесценилось.

Да, в условиях, когда журналисты не являются реальными собственниками средств производства информации, а само это производство обходится много дороже (мировые цены!), что можно выручить от продажи плодов своего труда (зарплата у читателя никак не "мировая"! — в этих условиях журналист вынужден оставаться наемником. Но само наемничество стало другим.

Раньше лик нанимателя был размыт (государство вообще, партия вообще), его требования деперсонифицированы (программа партии вообще, пятилетка вообще), и можно было даже поспорить, кто лучше эти требования понимает. Журналист, хотя бы формально, хотя бы в некоей идеальной возможности служил идее, делу, а не лицам. Сегодня служение делу, тем более — идее представляется пережитком, а наниматель обрел вполне различимое лицо, точнее множество конкретных лиц, имеющих частенько довольно жесткое выражение и весьма твердую руку.

При таком раскладе, думается мне, независимость каждого журналиста (и журналистского коллектива), его объективность, мера ответственности перед обществом и т.д. наиболее надежным основанием могут иметь только личные качества «субъектов информационного процесса», то есть наши собственные моральные и профессиональные достоинства. Цена этих достоинств повышается многократно... Точно так же, как многократно возрастает вред профессионального цинизма и тщеславия: раньше дурные плоды этих малопочтенных свойств почти не влияли на общественную ситуацию, составляя лишь «информационный шум», то есть макулатуру. Теперь влияют...

Раздел 1

Я плохо знаком с существующими вариантами кодексов и хартий. То, что доводилось читать (например, в "Журналисте"), не вызывало у меня возражений. Все очень верно, очень благонамеренно. Сомнение всегда возникало одно: что конкретно, какие реальные рычаги, механизмы, стимулы можно поставить против того, чтобы все эти благопожелания не разбились о грубую прозу профессии? Корпоративная мораль, как и любая другая, держится только традицией, привычкой, коллективным приговором, будь то «малая референтная группа» или общество в целом.

Авторов проекта, как мне показалось, заботит качество самих кодексов и хартий: будут ли они акцентировать ответственность перед обществом или перед властью, в какой мере окажутся подвержены патернализму, влиянию старых этических представлений, замешанных на страхе перед свободой морального выбора, на «презумпции виновности», на охранительности и пр. Авторы беспокоит и противоположная возможность, при которой моральное одобрение могла бы получить ситуация, когда газеты стремятся выразить не общественное, а свое мнение.

Интересен «апологетический прогноз», особенно идея насчет «успешных профессионалов», а также мысль о том, что кодексы не будут противоречить природе журналистской этики только в том случае, если окажутся точно сориентированными на ценности профессионального успеха. Все это очень важно и заслуживает, несомненно, отдельного разговора. Однако меня, надеюсь, правильно поймут, если я скажу, что эти вопросы для становления правил честной игры, по моему мнению, сейчас второстепенны.

Наисовершеннейшие, наисовременнейшие кодексы и хартии повиснут в воздухе, если не будут опираться на такую, к примеру, осязаемую вещь, как программа приватизации средств производства информации. Я не принадлежу к людям, полагающим, что с голодным журналистом бессмысленно говорить о честности. Может быть, он потому и голоден, что честен.

Не надо его обижать. Тем более что сытость — тоже не лучшая гарантия честности. Не гарантирует ее и положение собственника средств производства информации. Но такое положение — единственное, которое способно устранить парадоксальную ситуацию, когда журналист должен быть честным, объективным, независимо мыслящим и т.д. ... вопреки своим жизненно важным интересам. Становление противоречащих интересам привычек и традиций тем более проблематично.

Положение собственника СМИ приводит насущные потребности и этические достоинства журналиста в "гармонию" или по меньшей мере открывает для такой гармонии реальную возможность, отсутствующую при любой другой ситуации. На этом, мне кажется, и должны быть сосредоточены первоочередные заботы корпорации.

Замечу кстати, что экономическая самостоятельность прессы или хотя бы осознание ее необходимости, начало движения к ней многое дополняют и даже многое меняют в правилах честной игры. Мне кажется, проект напрасно проходит мимо этого. Но касаться здесь столь сложной материи я не буду — тут нужен специальный разговор. Скажу только, что любые кодексы и хартии должны быть рассчитаны "на вырост", учитывать не только существующие условия, но и те, которые подсказывает нормативный прогноз.

Ну, а пока мы живем так, как живем, нам бы, думается, стоило специально позаботиться о том, чтобы из всех качеств, одобряемых профессиональными заповедями, не утратить хотя бы два спасительных чувства: чувство стыда и чувство фальши. Стыдливое слово лучше бесстыдного. Почувствовал, что фальшивишь, — ты на грани лжи. Остановись, оглянись! Тем более если тебе хорошо платят...

Д.А. Юрьев

НОВАЯ КОРПОРАТИВНОСТЬ КАК ФОРМА СТАРОЙ НОМЕНКЛАТУРНОСТИ

1. Специфика проблемы формирования новой корпоративной этики журналистского сообщества связана сегодня прежде всего с особенностями самого этого сообщества и его взаимоотношений с окружающей социально-политической средой. Эта специфика порождена прежде всего переходным состоянием российского государства, отсутствием — даже в зачаточном виде — навыков функционирования информационного истеблишмента в условиях демократии, несостоятельностью тех структур, которые претендуют на роль составных частей российского гражданского общества.

Создается странное впечатление: страна погружена в такую информационную блокаду, которой не было с давних брежневских времен. Особая опасность этой блокады в том, что она носит самоподдерживающийся характер. То, чего раньше нужно было добиваться от журналистов запугиванием и угрозами, сегодня достигается исключительно тем, какими словами они положили сами себе возможным пользоваться. Старый партновяз на глазах сменяется своеобразным многопартновязом. Во всяком случае, роль этого многопартновяза как одной из причин исхода выборов декабря 1993 года огромна.

Даже самые приличные аналитики всерьез рассуждали о партиях и силах, будто не знали о том, как и каким образом формировались «партийные списки», предназначенные и примененные исключительно для того, чтобы под прикрытием многопартийности и в поводу у нескольких известных имен проташить — по секрету от избирателей — в парламент агрессивных и сплоченных представителей аппаратной касты. Помногу рассуждали о правых и левых (причем иногда понимали под пра-

выми национал-социалиста Жириновского, а под левыми — национал-шовиниста Зюганова), о «непримиримой оппозиции» и «оппозиции, способной на диалог» (понимая под последней основных инициаторов кризисного развития событий в 1993 году — группу Вольского-Липицкого).

Все это оказалось усугублено тем, что обновленная власть очень быстро и эффектно указала прессе на ее новое место, начисто отринув не только идеологию, но даже и видимость поддержки свободы информации как таковой. Нерешительно и вяло отбиваясь (или делая вид, что отбивается) от явной угловщины коммунистических и фашистских изданий, новое информационное руководство, как представляется, сосредоточилось на мелочных, но вполне действенных мерах по обеспечению производственной дисциплины среди более или менее цивилизованных журналистов. Неприличная возня с дающимся-берущимся взад-вперед подарком с «царского плеча» — здаaniem дома российской прессы — как нельзя лучше отразила новое отношение к «четвертой власти» со стороны власти первой и единственной — власти номенклатурной.

Навязанные этой властью правила игры и речи могли быть и не приняты. К сожалению, российская журналистика оказалась предельно восприимчива и легко пошла на сотрудничество с «министерством Правды» во всех его проявлениях. Это не удивительно. Прежний новояз насилывал творческую личность. Когда основная масса газетного текста не содержала ни информации, ни ее эмоционального осмысления и когда за разглашение информации можно было вполне получить срок, угнетенные творческие личности искали способ дать выход своим не востребуемым эмоциям. В результате открывались разные пути имитации смысла. Поэт-лирик, чуть не плача, всерьез требовал «убрать Ленина с денег», журналистка посвящала огромные серии отчаянных статей разоблачению ею же выдуманных молодежных «группировок» (каких-то там хайлафистов).

Формой существования относительно приличных людей стала своеобразная творческая истерия: имитация протеста и правды на основе чисто бытовой, "кухонной" псевдоинформации. Результатом этой многолетней истерии стало характерное для определенного поколения журналистов умение не верить надписи "слон" на клетке слона, умение, порожденное десятилетиями лубянского страха и стремлением не погибнуть физически (и при этом, по возможности, если и погибнуть нравственно, то не до конца). Понятно, однако, что такая «не до конца гибель» возможна только под мощнейшим тоталитарным давлением.

На воздухе свободы некоторые глубоководные устрицы с пренеприятнейшим звуком и запахом лопались. Целая генерация газет — "Независимая", "Новая ежедневная", "Общая" и др. — оказалась продолжателем худшей кухонной традиции 70-х — эмоционально, разоблачительно и исключительно смело говорить бездельцы, — традиции, в условиях отсутствия цензуры и террора властей превращающейся в своеобразный, довольно циничный, информационный балаган.

Другая тенденция — более честная и более молодая — возникла в конце 80-х на волне отрицания новой порослью журналистики вышеописанной традиции бессодержательного камлания отцов. "Сыновья" в явной и неявной форме объявили своей идеологией чисто феноменологический, описательно-информационный, "западный" подход, основанный на «уважении к читателю, который должен сам делать выводы на основе полученной им информации». Однако логика феноменологов, логика развитой свободы слова не сработала, потому что оставались не решенными многие задачи гласности. И в момент, когда многие основные вещи еще не были принародно названы своими именами, «новая журналистика» оказалась исключительно удобным подспорьем.

Феноменологов тут же задействовали. Им непрерывно "подбрасывали" языковые штампы, носящие замаскированный

политико-пропагандистский характер, и они, отказываясь от собственных интеллектуальных прав трактовки и версификации текста, становились разносчиками подмененных понятий, исподволь впечатывающими в общественное подсознание опасную иллюзию того, что в стране якобы произошла победоносная анти - номенклатурная революция и что якобы наступила демократия.

Вспомним, с какой настойчивостью Хасбулатов, откровенно провозглашавший свою приверженность чисто советской "соборности", называл себя спикером, а ВС — парламентом. Вспомним, как удачно получилось летом 1992 года навязать разговору о преступлениях КПСС язык "конституционности", тем самым уведя этот разговор из действенной и содержательной области уголовного правосудия в область чистой и ни к чему не обязывающей схоластики. Вспомним, с какой паранойяльной серьезностью обсуждали и продолжают обсуждать карликовые "демократические" псевдопартии вопрос о том, в оппозиции ли они к президенту или "условно" его поддерживают, как будто можно быть в оппозиции к должности самой по себе, когда ее занимает политик, меняющий содержание своей политики по несколько раз в месяц.

В результате обновленный политический словарный запас общества, формируемый, естественно, прежде всего прессой, радио и ТВ, оказался с самого первого дня "реформ" устроен так, что описывал совершенно иную, не существующую на самом деле, вымышленную "реальность" — и, следовательно, исключал возможность адекватного анализа подлинной реальности, а главное, адекватных политических действий. «Новый новояз» становится таким же, как и "старый", мощным оружием в руках номенклатурной «внутренней партии» — он связал обществу руки, залепил глаза и затуманил мозги.

Все это получилось претворить в жизнь так незаметно и удачно потому, что "дети" оказались, как и следовало ожидать, детьми своих отцов. Отрицая присвоенное партией право на безусловный моральный авторитет, право объявлять

добром или злом все, что ей (партии) угодно, они невольно приняли на вооружение основной тезис партии — ее веру в то, что добра и зла на самом деле не существует, что добро и зло, убийство и неубийство, воровство и неворовство равны и что различие между ними лежит в сфере оценок, а не фактов. Чикатило всего лишь имел свою точку зрения на проблему воспитания молодежи. Сталин всего лишь подчинялся требованиям сурового времени. Противоречия между полицией и бандой гангстеров-убийц должны решаться за столом переговоров.

Между тем Вольтер, чьи слова о готовности отдать жизнь за право высказывать мнение, которое лично ему, Вольтеру, ненавистно, стали любимой цитатой бывших функционеров Главлита, — Вольтер вовсе не собирался отдавать жизнь за право людоеда публично отстаивать людоедение. Он ненавидел совсем другие материи — республику или монархию, религию или атеизм, поэзию или прозу, — но осмелюсь утверждать: право на людоедение, на Освенцим, на Карлаг, на отмывание окровавленных сапог в Индийском океане, право Гитлера, Сталина, Пол Пота, Проханова, Жириновского и Баркашова на их людоедские мнения Вольтер в виду не имел.

А превращение общедоступного информационного обслуживания общества в бессодержательную игру в бирюльки — будь то семидесятническая активная жизненная позиция Третьяковых—Говорухиных, их бурная эмоциональная реакция на вымышленные ими же "факты" («это бяка-закаляка кусачая, я сама из головы ее выдумала, я ее боюсь...»); будь то восьмидесятнический беспристрастный анализ ситуации в терминах, не имеющих к этой ситуации никакого отношения, — это прежде всего защита людоедения. Это дымовая завеса, посредством которой — очень хотелось бы верить, что по недомыслию, — нынешние Васисуалии Лоханкины и их дети обеспечивают коммунистам и фашистам путь к власти, к крови и к гражданской войне.

2. Другим важным аспектом, ответственным за спе-

цифическое развитие новой журналистской корпоративности, аспектом несколько более частным, но от того не менее значимым, является политическая активность некоего информационно-политического лобби вокруг формирования законодательства, регулирующего функционирование СМИ в России. Дебаты вокруг законопроектов «О государственной поддержке СМИ», «О телевидении и радиовещании» и о множестве других подобных проектов идут с весны 1993 года. Интересно, что кто бы ни породил эти проекты — от Михаила Полторанина до Сергея Бабурина — и кто бы против них ни выступал, совершенно параллельно дебатам система законодательно-распорядительных мер о переустройстве информационного пространства на территории РФ неостановимо движется к своему осуществлению.

Основное содержание всех пакетных и внепакетных, полторанинских и бабуриных, законопроектных и иных «информационно-политических схем» сводится, как можно вкратце сформулировать после тщательного и небрезгливого анализа, вот к чему. Все они порождают в той или иной форме совершенно специфическую — неправительственную, внегосударственную, надидеологическую — структуру, монопольного монстра, осуществляющего полный контроль над всеми СМИ.

При этом схема контроля и управления СМИ предлагается следующая:

— создается, например, национальный фонд поддержки СМИ (НФП), который: аккумулирует все средства, направляемые государством на поддержку СМИ, а также всю материальную базу и финансовые ресурсы, предназначенные для обеспечения независимости прессы; получает право заниматься предпринимательской деятельностью; наделяется полномочиями и функциями одновременно органа гос. управления, федерального внебюджетного фонда и банковского учреждения;

— создается, например, наблюдательный совет, который назначает правление фонда во главе с председателем; имеет полномочия (через правление) решать вопросы инвестиций, выделения кредитов, реализации госзаказа, учреждение бан-

Раздел 1

ков и др. коммерческих структур;

— создается, скажем, федеральная комиссия по телевидению и радиовещанию, которая: фактически наделяется контрольно-распорядительными функциями; контролирует соблюдение многочисленных требований, в частности, распространение информации гос. телерадиокомпаниями; налагает штрафы (осуществляет функции судебной власти); выполняет иные задачи (какие, не уточняется); а вдобавок — учреждает региональные комиссии.

Все вышеизложенное способно привести к одному результату — ликвидации де-факто свободы слова и независимости СМИ. Полный контроль за распределением финансовых средств, материальных ресурсов, лицензий переходит к какому-нибудь НФП (с непонятным правовым статусом) и прочим широко указанным структурам. При этом все СМИ (включая ТВ и радиовещание) становятся жестко зависимыми от НФП, так как определенное в проекте закона бюджетное финансирование комиссии по ТВ и радиовещанию, видимо, будет осуществлять все тот же НФП («аккумулирующий все средства для поддержки СМИ»).

Анализ этих информационно-политических схем невольно вызывает ассоциации с создававшимися и планировавшимися к созданию в 1992—1993 годах информационными структурами. Во-первых, это созданный и многократно упраздненный ФИЦ, основными задачами которого были: «координация (читай, управление) государственной политики в области периодической печати, информационной деятельности, телевидения и радиовещания», который должен был в глобальном плане подчинить СМИ исполнительной власти. Во-вторых, как бы с другой стороны, многократно пытавшийся создаться «Федеральный совет по обеспечению свободы слова на государственном телерадиовещании», предназначенный для решения тех же задач в интересах верховносоветской камарильи.

Каких задач? Очевидных — уничтожить одно из наиболее радикальных завоеваний демократического процесса в

России: законодательство о СМИ, впервые в российской истории реализующее в полном объеме принципы свободы слова.

Все в комплексе действия информационных политиков направлены, как представляется, на подчинение СМИ монополярной государственной структуре, формирующейся под непосредственным контролем Федерального Собрания, но рассчитанного на лидирующее положение бывшего главного антипарламентского информационного политика — Михаила Полторанина. Именно его политическое лицо внезапно оказывается сливающимся с другими лицами, требовавшими создания цензурных комитетов с целью недопущения цензуры. Все это дает хорошие шансы для принятия рано или поздно — указанных законопроектов в Госдуме (и даже квалифицированным большинством голосов) с последующим восхождением на пост начальника СМИ все того же самого лица. Но даже если в отведенные этому составу Думы сроки конкретный результат достигнут не будет, это заведомо не окажет никакого влияния на тенденцию — причем вне зависимости от конкретных лиц, ответственных за претворение тенденции в жизнь.

3. Дело в том, что метастазы «информационной политики» в номенклатурном понимании — в силу вышеуказанных причин — легко проникают в журналистскую среду и находят в ней благодарный отклик. В «номенклатурном пространстве» российской жизни все — самые оправданные, справедливые и этически допустимые — формы журналистской самоорганизации мгновенно выворачиваются наизнанку и приобретают отчетливый оттенок спецраспределителя.

Например, 27 октября 1994 года вице-премьер Сергей Шахрай разослал заинтересованным лицам полученные правительством от спикера Совета Федерации Владимира Шумейко важные документы — предложения Союза журналистов России. Председатель СЖ Всеволод Богданов информирует своего адресата, г-на Шумейко, о том, что «Союз журналистов России проводит большую организаторскую работу, связанную

Раздел 1

с введением в практику профессиональных карточек и созданием синдиката (профсоюза) журналистов», что, в итоге, «позволит укрепить социальное положение журналиста, повысит его ответственность перед обществом и коллегами за результаты профессиональной деятельности...». Указав, что «в связи с этим уже подготовлен Кодекс профессиональной этики журналиста, Положение о профессиональной карточке», г-н Богданов подчеркивает: «Успешная работа будущего синдиката журналистов, разумеется, невозможна без некоторых гарантий и льгот, которые может обеспечить Правительство РФ».

Право на «гарантии и льготы», по предложению г-на Богданова, обеспечивает «профессиональная карточка, выдаваемая сроком на два года... аттестационной комиссией, состоящей из представителей СЖ России, Комитета РФ по печати и Федерального ведомства по телевидению и радиовещанию». Эта карточка, выделяющая неких «профессиональных журналистов» — вопреки закону о СМИ — из сообщества обычных журналистов, предоставляет им следующие «дополнительные» права и льготы: «право на защиту и обеспечение личной безопасности сотрудниками внутренних дел; право на получение от органов юстиции и прокуратуры бесплатных юридических консультаций и право на оперативную судебную защиту; право на дополнительное ежегодное страхование жизни и возмещение ущерба... специализированным журналистским страховым обществом "Графо", которому на эти цели ежегодно выделяются из федерального бюджета необходимые средства; право на бесплатное санаторно-курортное лечение; право на 50 - процентную скидку с квартирной платы, в том числе и за коммунальные услуги, электроэнергию и т.д.; право на льготные кредиты в государственных российских банках на приобретение жилья... строительство дач, покупку земли, автомашин, мебели; право на 50-процентную скидку при покупке автомобиля, необходимого для выполнения профессиональных обязанностей журналиста; право на льготное пенсионное обеспечение по образцу кадровых работников Министерства внутренних дел, а также на аналогичные выплаты и пособия, действующие в системе этого министерства; право на бесплатный проезд по

предъявлении профессиональной карточки, на скидки при посещении театров, музеев, выставок...».

Как же регулируется возможность обретения всех этих радостных возможностей — олицетворенной мечты ущемленного советского псевдоинтеллигента номенклатурных времен? Понятно как — профессиональной карточкой, аттестацию на право владения которой осуществляет некая комиссия, положение о которой и состав которой «утверждаются на Съезде журналистов России». Решения же этой комиссии по вопросам «выдачи и лишения профессиональных карточек» рассматриваются «Третейским судом при Союзе журналистов России».

Анализ хотя бы одного этого документа заставляет нас с особой тревогой отнестись к перспективам формирования журналистской корпоративности. В любом государстве существуют, возникают и исчезают всевозможные корпорации. Государство, в котором корпорации присваивают функции государственной власти, причем не стесненные законом, становится государством корпоративным, сиречь фашистским. Именно таким, корпоративно-фашистским, и было государство СССР в течение семи десятилетий своего существования. Не удивительно, что любые корпоративные навыки бывших советских людей остаются навыками фашистской солидарности.

Важно подчеркнуть, что при этом «корпорации» в корпоративном государстве сами по себе оказываются извращены, лишены прежней самостоятельности, прежних цеховых функций, превращаясь в «приводные ремни» правящей привилегированной касты. Жалким вознаграждением за такую роль оказывается их включение в единую систему номенклатурных льгот и привилегий, в борьбу за место в которой — причем, скорее всего, не по злему умыслу, а по глубоко укорененному инстинктивному стремлению — включаются сегодня некоторые журналисты, именно таким, подноменклатурным, образом понимая свои корпоративные интересы.

РАЗДЕЛ 2

ЖУРНАЛИСТСКОЕ СООБЩЕСТВО: ДИСТАНЦИРОВАННАЯ ЭКСПЕРТИЗА

В.Л. Богданов

КОРПОРАЦИЯ ЗАЩИЩАЕТ ИНТЕРЕСЫ ЦЕХА И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Как ни называть наше сообщество — корпорация, цех, просто сообщество — речь все равно идет о профессиональной солидарности. Я думаю, наиболее четко этот подход выразил в последние месяцы Егор Яковлев, который неожиданно — при всей демократичности своей натуры, при вечном своем бунтарстве, при всей неуправляемости (как редактор, как журналист, как личность) — вдруг начал неистово говорить о солидарности журналистов, о солидарности, которая крайне необходима. И понимает ее Е.В.Яковлев не так, что колонна журналистов идет с флагом, демонстрируя, протестуя, требуя, — он говорит о защите профессии, цеха, идеи журнализма в целом.

То, что в последнее время происходит в стране вокруг журнализма, журналистики, прессы, крайне тревожно, опасно. Тревожно, опасно не только потому, что могут пострадать сами основы профессии или, предположим, многие журналисты станут терять работу. Речь идет о великой опасности, которая подстерегает и общество в целом, и журнализм, — о том, что разрушен рынок прессы.

Мы как-то легкомысленно к этому относимся — ведь газеты выходят. А на факты статистики — лет пять назад у московских, или центральных, как принято говорить, газет ежедневный тираж был 240 миллионов, а сейчас 22 и даже меньше — реагируем просто: ну и что? Может быть, даже лучше. Никто не знает, хорошо это или плохо, когда много газет. А может быть, это хорошо, что из Москвы только одна газета на 10 жителей России доходит?

Или, к примеру, простая реакция на то, что все чаще миссия, роль СМИ трактуется в самом примитивном смысле — как

средства передачи информации. И все. Дело не только в том, что в этой трактовке забываются истоки российского журнализма, традиции, сложившиеся еще в прошлом веке. И не в том даже, что наша журналистика была всегда иной, чем, предположим, в Америке. Наконец, не в том, что качество журналистики резко ухудшилось. Трагедия, на мой взгляд, в потере духовности.

Наш народ всегда стремился к духовности, этого нельзя отрицать. Большевики лишили огромный народ церкви. Сейчас якобы она восстановлена, но в это трудно верить, потому что нельзя церковь восстановить переворотом, по указу — так не бывает. И потому место церкви заняла журналистика. Советская журналистика была разной, и можно осуждать какие-то ее направления, но в целом она давала то, чем жил весь народ. Он верил ей, доверял, и журналистика была своеобразной церковью. Я не утверждаю, что так и должно быть. Я говорю о том, что влияет на духовность народа. Мы люди определенного склада и не можем без этого жить, а журналистика лишилась прежней роли в жизни общества.

В общественном сознании журнализм занимает особое место, примерно такое, как наука, как искусство. Журнализм тоже исследует жизнь. У него общий с наукой предмет исследования — человек, его мир. С другой стороны, он исследует мир своими методами, подобными методам искусства — моделированию. Он моделировал жизнь, моделировал личность, и это была очень полезная, созидательная работа по обустройству общества и отдельного человека. А сегодня такое представление о журнализме отмечается как не нужное, несовременное, утверждается, что роль СМИ совершенно иная.

Поэтому, если говорить о корпоративности или о солидарности, как говорит Егор Яковлев, то я вижу очень важную, просто крайне необходимую работу журналистского цеха в том, чтобы, во-первых, защитить или заново построить, обустроить рынок прессы, телевидения, радио и рекламного пространства. Обустроить его таким образом, чтобы газета, телерадиограмма зависели только от своих зрителей, слушателей, читателей и ни от кого другого.

Для этого надо построить рынок так, чтобы газеты было вы-

годно выпускать, чтобы было выгодно заниматься газетным бизнесом. Действующие сегодня законы и регламенты позволяют выпускать газеты только за счет спонсоров или за счет дотаций. При большевиках это был очень выгодный бизнес, он давал огромные доходы в кассы ЦК КПСС. А сейчас газетное дело возможно только на дотациях или спонсорских деньгах. В результате — ангажированность или коррумпированность прессы. Корпоративность нашего цеха, отстаивание интересов состоит в том, чтобы обществу сохранить независимую, поистине свободную прессу.

Второе направление развития корпоративности заключается, конечно, в отстаивании принципов российского журнализма, которые были всегда достаточно высоки нравственно и, я бы сказал, просто красивы. Красивые принципы помогали человеку выжить в самый трудный момент, а наше общество всегда живет трудно. И если мы журнализм выхолостим, если мы сделаем его прагматичным, примитивным, то нанесем гигантский ущерб обществу. Здесь нужна корпоративность.

В-третьих, то, о чем надо говорить, может быть, даже в первую очередь, — это профессиональные интересы. Я имею в виду и права, и социальную защиту журналистов, и заработную плату, и отстаивание интересов журналиста перед работодателями, чем на Западе занимаются все союзы журналистов. И мы тоже к этому идем сегодня — внутри Союза уже появились и ассоциации издателей и редакторов газет (и работодателей на телевидении) и наемных журналистов. Мы говорим журналистам: все, кто получит профессиональную карточку, смогут защищать свои интересы наемного журналиста.

Итак, мы говорили о становлении журналистской корпоративности и в узком плане — последнее направление, и в самом широком, выделяя корпоративность как нечто важное, необходимое для защиты интересов общества. Чтобы было здоровое общество, нужна здоровая журналистика, здоровая пресса, нормальный рынок, если говорить современным языком.

Рассуждая о том, как должно было бы быть, надо сравнить это должное с сущим: есть ли сейчас основания говорить о

том, что корпоративность уже присутствует в нашем сообществе? Думаю, что какие-то элементы, черты корпоративности есть. Сравнивая с тем, что было несколько лет назад, можно найти позитивные сдвиги.

Когда я только пришел в Российский союз, в него не входили Московский союз журналистов, Санкт-Петербургский, Союз журналистов Башкортостана и так далее. Сегодня практически все союзы на территории России вошли в Российский союз — последней в наш Союз вступила Чечня. И это важный показатель, потому что после всех страшных испытаний, которые выпали Чечне, чеченские журналисты пришли сюда. Кроме того, практически все ассоциации и лиги, даже книгоиздатели пришли в Союз, потому что фронт защиты рынка един. Все испугались за рынок, многие еще не понимают, чего испугались, но экономическая независимость, если Союз ее добьется, — это вопрос вопросов. А за нами и Этический кодекс, и саморегулирование, и так далее.

Итак, собрались в Союз. Но для того чтобы наш корпоративный дух был достаточно ярко выражен и стал реальной силой, теперь понадобилось разделить сообщество на "кланы" — корпоративность предполагает клановость. И у нас теперь созданы ассоциация издателей и редакторов газет, лига телевидения, объединения парламентских корреспондентов, пресс-секретарей, лига молодых журналистов (в эти дни проходит фестиваль детской прессы в Артеке, мы финансируем это мероприятие), ассоциация преподавателей и ученых журналистов и так далее.

Теперь наша корпорация может выступать широким фронтом, защищая журнализм, рынок и все прочее. А может выступать и в конкретном направлении, например, в защиту уровня заработной платы. У разных журналистов зарплата колеблется от 20 долларов до 6—7 тысяч долларов в месяц. Когда я рассказываю об этом кому-нибудь на Западе, меня спрашивают: а почему вы не заключите договор с работодателями? Я отвечаю, что мы еще не созрели для договора. Сейчас очень трудно выйти на общий договор со всеми хозяевами-работодателями — обстановку нашу знаете, — но мы к этому идем. И в этом плане корпоративность еще себя не проявляет

как следует.

В сообществе журналистов сейчас как грибы после дождя вырастают различные организации: Фонд защиты гласности, Московская хартия... И я в этом не вижу ничего дурного: ради этого развивается свобода прессы, чтобы стремиться решать различные задачи, отстаивать многообразие интересов. Фонд защиты гласности, например, занимается учетом всех пострадавших журналистов, издал об этом специальные сборники. Роль фонда очень прогрессивная, они труженики, я бы так сказал. Но это частный фонд. Я, например, счастлив с ними сотрудничать. Но у нас другие задачи. Фонд не может защищать нашу корпоративность. Он защищает гласность — в широком смысле слова, то, что необходимо для общества. А мы, Союз, и заботимся о ветеране, кормим его, материально помогаем, хороним, извините, и ведем переговоры с правительством. На последнем съезде вышли на такие условия, что правительство согласилось подписать с Союзом соглашение — это прецедент, — поскольку мы представляем все сообщество.

Совершенно, на мой взгляд, замечательная организация — Московская хартия. Отличные ребята, каждый из них сам по себе прекрасный профессионал. Но у хартии тоже другие задачи и принципы. Они — лихие наездники на белых конях, им можно позавидовать: сильные журналисты, талантливые, естественно, на них обращают внимание. Напомню о большой дискуссии среди журналистов в связи с тем, что американский фонд дал Московской хартии грант в 400 тысяч долларов. Наш Союз своим горбом, с таким трудом зарабатывал деньги, чтобы по воскресеньям кормить ветеранов, помогать им, отправить в круиз журналистов-ветеранов бесплатно! А здесь 18 человек получили 400 тысяч долларов. В этой дискуссии у меня своя точка зрения: я считаю, что это, как говорится, их большое счастье. Раз они привлекают чей-то интерес — надо просто порадоваться за них. Но не забудем, что у хартии другая, по сравнению с Союзом функция. Они, как «эскадрон гусар летучих», носятся в нашем информационном пространстве, а если говорить о нашей работе, то она более тяжелая, более рутинная, но она необходима. Должен же быть какой-то институт в

сообществе, который бы отражал интересы именно всего цеха, всего журнализма. Удастся Союзу стать прогрессивнее, сильнее, дай Бог...

Иногда для понимания степени корпоративности сегодняшнего журналистского сообщества пытаются сравнить ее с той корпоративностью, которая была в советское время. Но проблема в том, что тогда корпоративность, по сути, и не нужна была. Можно лишь вспомнить о некоей формальности. Удостоверение Союза журналистов СССР, красная книжка, которую мы все хранили, по которой ходили в ЦДЖ, ездили в Варну, на Балатон. Но сегодня корпоративность нужна по сути и она приобретает очень жесткий характер, иной общественный темперамент. Наша корпорация должна быть силой, которая может противопоставить себя в полном смысле этого слова властям — правительству, парламенту, может быть, президенту.

Она не может противопоставлять себя обществу, не должна, а к властям она всегда должна быть в оппозиции. В письменном послании президента парламенту, есть очень интересная фраза: по всем канонам журналистики пресса должна помогать властям, а не быть в оппозиции. Я не знаю, где такие каноны журналистики откопали, ибо пресса всегда и везде находится в оппозиции к правительству. Она всегда досматривает за властями, за правительством, она — глаза и уши общества. Это не «четвертая власть», мне не нравится этот термин. Но это власть общественного мнения, институт общественного мнения.

Журнализм в целом — это сфера общественного сознания, которая моделирует будущее. Незаметно, исподволь, он моделирует будущие отношения на самые высокие нравственные и интеллектуальные уровни. И корпоративность должна защитить эти функции нашей профессии, нашей работы. Разумеется, если рынок прессы не обустроен, нет экономической независимости, то эти принципы не защитить, пресса будет ангажирована, коррумпирована и так далее.

При этом корпорация объединяет сторонников разных социальных ролей, миссий прессы: воспитательной, информационной и т.д. Пресса такой и должна быть, совер-

шенно разной, как жизнь. Она не должна жить по одним принципам, даже нравственные принципы могут быть разными. Но можно ли в этом случае жить в одной профессиональной корпорации?

Когда мы принимали Этический кодекс на Конгрессе российских журналистов, возник конфликт. Половина участников сказала: да, мы будем жить по этим нормам, другая половина возразила: нет, как же мы будем жить по этим нормам, если по Кодексу исключаются из числа профессиональных журналистов те, кто пишет заказные статьи, занимается скрытой рекламой, берет в руки оружие. Они говорили: мы живем этим, ибо, занимаясь скрытой рекламой, спасаем газету, пишем заказные статьи — поднимаем заработную плату. Это реальность. Зачем же нереальные нормы подписывать? Что же, мы подпишем и будем лгать самим себе, глядя друг другу в глаза?

Я думаю, что в Кодексе мы не должны признавать права журналиста писать заказные статьи или заниматься скрытой рекламой. Не должны. Но следует осознать, что эти явления пока неустранимы. Сообщество должно иметь этические критерии для того, чтобы представлять, что есть газеты и журналисты, которые не пишут заказных статей, и есть газеты и конкретные люди, которые пишут заказные статьи, занимаются скрытой рекламой. При этом продукт, в котором скрыта реклама, может быть высочайшего качества, и он будет иметь успех на рынке. И есть газета, как мы говорим, бульварная, "желтая". И я не уверен, что, например, такие газеты или электронные компании останутся в одном Союзе. Может быть, "желтая" пресса не попадет в журналистское сообщество, поскольку те, кто предпочитает честную игру, не захотят объединяться с ней именно по этическим убеждениям.

Этический кодекс должен быть у корпорации — это вне сомнения. Кодексы, пусть и неписанные, есть у любой корпорации: корпорации банкиров, корпорации рекламодателей. Из этого не следует, что ты не можешь быть банкиром, если не соблюдаешь этических норм. Ты можешь их не соблюдать, но тогда ты можешь оказаться вне этой корпорации. Здесь и начинается саморегулирование прессы не законами, не указами, а через

этические нормы.

С другой стороны, когда мы собирали свой Союз, то объявили, что мы вне политических течений, вне политических конфликтов, мы занимаемся только защитой профессиональных интересов. И это нас собрало. Я, например, испытал чувство высшего удовлетворения, когда в Клубе главных редакторов вдруг Игорь Голембиовский, Паша Гусев, Егор Яковлев — три таких разных человека, но все они демократы — говорят: «Почему сегодня здесь нет главного редактора "Правды"? Если это Клуб главных и мы именно по профессиональному признаку собираемся, то должны быть все». У меня это вызвало чувство удовлетворения потому, что мы не поддались закону политических джунглей, а проявили дух корпоративности, объединились в интересах защиты цеха для обустройства рынка — чтобы все СМИ были на равных условиях, чтоб только читатель, слушатель, зритель выбирал, определял в конечном счете экономический успех издания и даже зарплату журналиста. В цехе все равны. Политические взгляды, убеждения — это другой вопрос.

Я очень уважаю лорда Мак Грэгора, он возглавляет в Лондоне очень важную для английских журналистов организацию — Бюро жалоб на прессу. Это тот институт, функции которого у нас выполняет Судебная палата по информационным спорам. Бюро — орган высочайшего авторитета. Мак Грэгор однажды сказал, что Бюро не занимается вопросом о том, пишет ли пресса правду или неправду. Оно решает один-единственный вопрос: соблюдает ли пресса права человека.

Пресса может заблуждаться, она может иметь свою собственную позицию. Мы, когда не согласны с прессой, сразу кричим: а на чьи деньги она работает? Но, возможно, она просто заблудилась в ориентациях, в мнениях, отразила неизбежную субъективность журналиста. Объективно — это когда «Информбюро сообщало» или «ТАСС уполномочен заявить». Чего сегодня не хватает, кстати, в нашей жизни — официальной позиции, точки зрения правительства, парламента. А точки зрения прессы должны быть разнообразными — читатель или зритель сам создаст мнение о том, кому из них верить.

В этом смысле пресса может все: писать правду, неправду и так далее. Но она не может нарушать права человека.

И здесь, мне думается, единственно верный и точный подход в духе корпоративности: мы должны, с одной стороны, защитить профессиональные интересы цеха, с другой стороны, мы должны помнить о главном — пресса всегда охраняет права человека. Права человека она никогда не может нарушить. Это должно быть для нее табу. Человек может быть любым — простой, великий, подонок, — но его права пресса должна защитить.

Особый вопрос для обсуждения — этическая комиссия журналистов. Я понимаю настороженность тех, кому, возможно, предстоит в ней работать, и тем более тех, кто, возможно, станет предметом ее внимания. Если бы меня стали приглашать для работы в комиссии, я бы подумал прежде: а вправе ли я взять на себя такую роль, выносить свои суждения и оценки? Я очень редко берусь публично судить о чьей-то нравственности — это не очень благодарное занятие. Тем более мне было бы очень трудно убедить работать в этической комиссии другого журналиста или ученого-этика.

Но такая комиссия нужна: вопрос связан с профессиональной карточкой. Необходимы два условия, чтобы эту карточку получить. Первое — зарабатывать на жизнь журнализмом, а второе — соблюдать этические нормы. Точнее, принципы, ибо мы склоняемся к мысли, что собственно Кодекс должен быть у газеты, компании, редакции.

Комиссии предстоит исследовать и создавать прецеденты: почему, например, общество не получило в той или иной ситуации объективной информации, истины. Поэтому, если бы я стал убеждать кого-то в необходимости решиться на такую работу, я бы сказал: «Вас ведь никто не делает судьей. Вы лишь должны будете разобраться в прецеденте, чтобы на этом опыте любой журналист мог решить для себя, как бы он поступил. Речь идет не о преследовании за то, что ты нарушил этическую норму, а об исследовании, которое показало бы, к каким по-

следствиям для общества привело то, что переступили через какую-то норму».

Прообраз заседания такой будущей комиссии я вижу в нашей работе с Главным управлением по организованной преступности. Они заявили, что многие журналисты пишут заказные статьи от бандитов. Мы позвали этих журналистов в Мраморный зал с круглым столом, и они пришли, хотя я думал, что не придут. Оказалось, что это не какие-то темные люди, а совершенно нормальные журналисты, были и молодые люди. Логика их была такая: мы живем в условиях рынка...

Конечно, они не говорили, например, так, что «я взял от банды такую-то сумму денег». Разговор протекал в другой тональности — мы ведь не следствие вели. Они говорили таким образом: «А что плохого, если я написал заказную статью? Да, возможно, я так поступил — а что в этом плохого, если я, журналист, живу в условиях рынка. Ко мне пришли, сказали, покажи свое искусство журналиста и сумей из этой ситуации сделать такую-то. Я ее сделал». То есть по всем законам древнейшего дела, древнейшей профессии.

Итак, журналист с наивными, чистыми глазами спрашивает: а что я сделал плохого, можете объяснить? Один из них, он мне очень потом понравился как человек, он считал, что прав в том, что таким заказом защищает себя, свою семью, свою газету. И он как мог, в меру своих способностей выполнил работу, которую ему заказали.

Кстати, когда Российско-Американский прессцентр проводил совместно с нашим Союзом и Ассоциацией издателей семинар по этике, там тоже возник вопрос: а не рано ли сегодня вводить этические нормы в вашу прессу? Даже термин возник совершенно парадоксальный: этическая вменяемость. Достаточно ли этой этической вменяемости в нашей прессе, чтобы сегодня с осуждением говорить, например, о такого рода заказах. Это очень опасное сомнение. И потому этическая комиссия очень важна. А в ее задачах самое главное — не наказать, а показать, к каким общественным последствиям такого рода си-

туации приводят.

То, что я говорил выше о цехе, корпорации, уже навязло у меня в зубах. И эти темы я мог бы обсуждать целый день — я все время об этом думаю и этим занимаюсь. И говорю об этом. Но... не все слышат. И главные редакторы, и просто журналисты... Эйфория и самонадеянность? Главный редактор считает (особенно в Москве), что он куда-то сходит, кого-то уговорит, как-то устроит, получит деньги, и все будет у него в порядке, в одиночку выживет, подумаешь, немножко подставится, кому-то угодит, это все не так уж страшно, один-два раза. С другой стороны, журналист тоже думает: еще ведь не дошло до массовых увольнений. Поэтому и к Союзу журналистов такое отношение: это организация, которая должна бы дать путевку куда-то поехать, обеспечить вход в Дом журналистов, какие-то мероприятия проводить.

А роль Союза в развитии корпоративной этики, в заботе о главном принципе прессы — в отношении соблюдения прав человека, воспринимается как декларативная, далекая от практики, от жизни. Это большая ошибка. Я очень люблю своих коллег, я сам всю жизнь работал в газете, в областной, в центральной, на телевидении, и у меня иногда такое ощущение, что я всех уже знаю, из всех 100 тысяч журналистов нет того, кого бы я не знал в лицо. Отношусь к ним с глубоким уважением, зная их труд. Но цех наш ведет себя иногда по-детски. Вот, например, последний съезд. Все время такая тональность: пусть нам дадут денег, пусть о нас кто-то побеспокоится и что-то сделает, пусть... Это еще и чисто российское.

Никто нам ничего не даст, в том числе денег, надо явочным порядком самим все обустроить. И то, что мы все-таки всем съездом заставили вице-преьера прийти и сказать, что правительство предлагает нам: а) заключить соглашение между правительством и журналистским сообществом по обустройству рынка; б) создать трехстороннюю комиссию по обустройству рынка, куда бы вошли журналистское сообщество, правительство и парламент, — я считаю достижением, которым надо воспользоваться для создания фундамента корпоративности.

А. К. Симонов

ПРАВИЛА ЧЕСТНОЙ ИГРЫ - ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ

Потребность в создании некоего свода правил честной игры велика, но насущной я бы ее не торопился назвать. Будет ли этот свод правил именоваться этическим кодексом или вообще этикой и правилами — это как бы две параллельные прямые (или кривые), не обязанные пересекаться, но находящиеся тем не менее в постоянном удалении или, если хотите, постоянном приближении друг к другу — этот вопрос остается для меня открытым.

До тех пор пока отсутствует понятие контракта, пока в государственных СМИ действует прежняя или похожая на прежнюю иерархия отношений и ценностей, когда в акционированных СМИ взаимоотношения акционеров и властная вертикаль, присущая любой организации, никак не увязаны друг с другом и либо права акционеров игнорируются, либо царит постоянный беспорядок — следствие неумения культурно владеть и совладеть чем - либо; до тех пор пока любого нашего журналиста можно соблазнить стрингерством или просто негритянской работой на иностранную компанию; до тех пор пока взаимоотношения владельца частной компании и его наемной редакции вообще носят пионерский неустановившийся характер — до тех самых пор неясность, несформулированность всех этих отношений будет стоять на пути создания сколько-нибудь серьезных, т.е. внутренне принятых, служащих опорой в профессиональной деятельности правил этического порядка.

Год назад нам удалось внести некоторое замешательство в ряды сторонников жесткого этического законоуложения. Они

сегодня не так уверены в качестве своего Кодекса, но, боюсь, уверенности в его необходимости они не потеряли.

Одним из главных недостатков этого Кодекса является абсолютная неизбежность органа, который возьмет на себя оценочные и (куда денешься) репрессивные функции. Это — непреодолимый на сегодня недостаток, ибо все мои попытки предложить сторонникам Кодекса составить такой орган из имеющихся в их памяти имен приводили к плачевному результату: ни один не мог назвать даже трех фамилий. Взывая к их исторической памяти, я напоминал, что и в былые времена те, кто брался судить других, сами имели, как правило, подмоченную репутацию, а те, кто был совестью профессии, тем и отличались, что не решались судить коллег. Ситуация патовая, и это наводит на мысль (поскольку жизнь все-таки не шахматы), что решена она может быть волевым путем и подобный орган все-таки возникнет. Из этой перспективы и надо исходить, с моей точки зрения, а значит, и стратегию внедрения духа корпоративной этики строить лукаво, не отвергая самой возможности принятия Кодекса, но всеми силами отделяя этот «роковой, но восхитительный миг» (Ги де Мопассан). Это что касается практики, стратегии и тактики.

Теперь несколько соображений, связанных с конкретными проявлениями корпоративного духа у журналистского сообщества, каким оно предстало передо мной за четыре года отстраненных наблюдений (ибо я, по большому счету, не могу считаться журналистом), однако наблюдений с очень близкого расстояния, через каждодневное общение с журналистами.

Одна аналогия. Мне довелось видеть разнообразные профессиональные корпорации, четко ощущавшие внутреннее единство: геологи, летчики, писатели, востоковеды, кинематографисты... Наиболее близким с журналистским кажется мне сообщество актеров, обладающих сильным, но очень трудно поддающимся определению единством. Лживое, честолюбивое, завистливое, истеричное, ненадежное в дружбе и непостоянное во вражде, оно, кроме всего прочего, разделено на разные школы — провинцию и столицу, разной престижности

театры, я уж не говорю о разного уровня талантах и востребованности.

Есть и еще одно, может быть, самое главное сходство, которое едва ли присуще журналистике как профессии, но советской журналистике — безусловно. Актер — это и художник и материал для творчества, — в одном лице. Советский журналист в этом смысле безусловно сродни артисту, ибо большую часть своей продукции он извлекает не из окружающей жизни (факты), а из собственного мироощущения, приправленного воображением. Почему это так существенно? Да потому, что гораздо легче установить этические нормы в отношениях с объективными фактами (информационная журналистика), чем при самокопании, самовозбуждении, самоедстве и самотрактовании, каковые состояния и присущи журналистике эмоциональной (постсоветской).

Вообще этическое нормотворчество легче и естественней возникает из обязанностей, чем из прав. А на нынешнем этапе обретения всеобщих прав груз, казалось бы неизбежно сопровождающих их обязанностей, оказался сброшенным. Признаваясь или отрекаясь теоретически, на практике журналистика внутренне исходит из представления о себе как о «четвертой власти», совершенно забывая, что в этой расхожей формуле есть очевидная подмена: «четвертая власть» — это общественное мнение, обслуживая которое на входе и на выходе журналистика становится неотъемлемой частью, но никак не подменяет, а уж тем более не заменяет его.

К сожалению, традиционный мессианский дух, присущий в России человеку с пером, журналистика переняла, как будто надела чужое пальто, принадлежащее поэту или, на крайний случай, прозаику. Эта метаморфоза не так невинна, как может показаться на первый взгляд, ибо, если для поэта «не дорожить любовью народной» — позиция, то для журналиста это прямое нарушение его профессиональных обязанностей, а отсюда и зыбкость границ между этичным и не этичным. Мне, на-

Рефлексия лидера профессиональной ассоциации

пример, представляется, что единство в обретении прав значительно легче достижимо для сообщества журналистов, чем единство в отношении к обязанностям. Интересно было бы провести небольшое социологическое исследование на эту тему.

Мне представляется, что укрепление права на доступ к информации поддержало бы абсолютное большинство, а вот обязанность использовать не менее двух разных источников информации разделило бы сообщество едва ли не пополам.

Важнейшим представляется вопрос о сообществе: можно ли вообще говорить о нем как о действительно существующем? В том, что мы его называем таковым, есть, как мне представляется, последствие советского времени, где все работающие в газетах и журналах, стадом загнанные в единый Союз, были обозваны журналистами и таковыми требуют себя считать не в силу наличия профессионального единства, а в силу стадности. Попробуйте сегодня сказать кому-либо из главных редакторов газет, что он не журналист, даже если иногда пишет редакционные комментарии или берет престижные интервью у президентов. Ведь они сожрут тебя с потрохами, ибо это управляемое и направляемое ими сообщество, где они чувствуют себя дважды комфортно: как коллеги и как начальники. А ведь это две разные не ипостаси, а категории, с разными критериями профпригодности и с различными, уже в силу этого, этическими постулатами.

Возвращаясь к аналогии с сообществом актеров, хочу отметить, что актер играющий и актер, ставящий спектакль, все-таки разведены в две профессии, совмещение которых возможно, даже в пределах одного спектакля или фильма, но тем не менее более отчетливо отличаются друг от друга, хотя много меньше разведены на социальной лестнице, чем журналист и пишущий редактор. Например, невозможно представить себе юного главного редактора, пришедшего отредактировать один или несколько выпусков газет.

Признание сообщества реальностью ведет нас к макси-

мальной обобщенности этических критериев и, в конечном итоге, должно, если следовать логике, привести к признанию десяти заповедей этической альфой и омегой журналистики, как и любой другой профессии. Попытка добавить к ним одиннадцатую или двенадцатую заповедь, может привести к вытеснению какой-либо части сообщества за пределы профессиональных рамок. Кстати, я не уверен, что и десять заповедей не окажутся слишком просторными для современной журналистики и что она в целях сохранения единства не захочет вычеркнуть еще одну-две. Особые сомнения вызывают: «Не сотвори себе кумира» и «Не свидетельствуй ложно».

Мне представляется, что потребность именно в Кодексе, то есть установленном своде правил, сегодня возникает от внутренней несвободы, от отсутствия готовности к вольному выбору, от неверия в правоту и важность делаемого дела. Вот несколько примеров. Последнее время наибольшее, во всяком случае внешне, раздражение вызывает у журналистов полное отсутствие реакции властей на наиболее разоблачительные публикации. Мы напечатали (по предложению одного известного журналиста) в «Известиях» призыв к коллегам составить «скорбный реестр бессилия прессы», собрав и заново опубликовав факты, когда должностные лица обвинялись прессой в административных и уголовных преступлениях, но не опровергали их через суд и не становились объектами интереса властных или правоохранительных органов. За месяц мы не получили ни одного отклика, в том числе и от предложившего эту идею журналиста.

Другой пример. В «Российской газете» от 30 марта некто Янченков опубликовал донос на своего коллегу по редакции, голословно обвинив его в сотрудничестве с дудаевской разведкой. Никакой реакции со стороны коллег (во всяком случае на страницах печати или на экране ТВ) не последовало.

Природа этих случаев разная, а вот суть реакции — одна: отсутствие профессиональной солидарности. И это лишнее подтверждение моих сомнений в возможности единения на основе общих этических норм. Нормы вырабатываются сообществом, озабоченным вырабатываются сообществом, озабоченным единением, или хотя бы потребностью оно, но трудно

себе представить, что сообщество образуется или даже преобразуется на основе предварительно выработанных условий. Не случайно же ни в одном из читанных мною уставов творческих союзов доперестроечного времени этические нормы, одинаково тускло прописанные, не отличались друг от друга. Да и кто и когда читал этот устав, охотно вступая в круг избранных, что было безусловно охраняемой привилегией и шагом вверх по социальной лестнице? Вспомним, первые еще только входившие в моду визитные карточки пестрели престижными определениями: «член Союза...» А многие и по сию пору гордятся этим статусом как высшим жизненным достижением.

Мне представляется, что в свете всего вышесказанного главными этическими проблемами сообщества является отсутствие истинной корпоративности и недостаточно осознанные обязанности журналиста перед обществом. Только с решением этих проблем можно реально приблизиться к вопросам кодификации профессиональной этики. Причем к обсуждению, а не к решению этих вопросов. Пока же и теоретически, и практически возможным представляется только одно: максимальное расширение круга профессионалов, интересующихся этикой своей профессии, готовых обсуждать эти вопросы. И не отчаивающихся, а, напротив, радующихся наличию разных, но приемлемых для многих, точек зрения по каждому из них.

Размышление о профессии, споры о природе ее этики и возможностях ее нормирования приближают нас к повышению статуса профессии намного больше, чем наличие жестких норм, по которым легко разделить коллег на "овец" и "козлиц".

Ю.И. Переплеткин

ОБЫКНОВЕННОЕ ЧУДО

Начну с сугубо личного.

Журналистика всегда представлялась мне явлением сложным, многомерным и в чем-то непостижимым, не поддающимся четким определениям и градациям. Это удивительное занятие, предполагающее, с одной стороны, знание простых и строгих законов ремесла, а с другой — неперемнное наличие столь эфемерных категорий, как вдохновение, чувство слова, «божья искра».

Журналистика, на мой взгляд, постоянно находится в некоей переходной зоне, всегда где-то "между". Между тяжестью изнурительного, порой рутинного труда — и радостным ощущением причастности к высокому искусству. Между всегда индивидуальной трактовкой автором тех или иных событий — и широким общественным резонансом газетной публикации. Между такими диаметрально противоположными определениями, как уничижительное «вторая древнейшая профессия» — и почтительное «четвертая власть».

Попытка исследовать проблему корпоративности в журналистике, проанализировать «правила честной игры» оправдана уже хотя бы тем, что в последнее время в газетном цехе произошли существенные перемены. Два-три десятка лет тому назад не только резко возросло число многотиражек, но и появилась масса всевозможных подразделений при главках, объединениях, трестах, заводах — вроде как для обобщения и распространения передового опыта, пропаганды достижений коллектива, популяризации имен лучших производственников и т.д. Назывались эти подразделения по-разному, но суть их деятельности сводилась к одному: как можно полнее и шире знакомить общественность с жизнью "своего" предприятия через

Рефлексия лидера профессиональной ассоциации

средства массовой информации.

Вполне понятно, что тут сложно было обойтись без профессионалов — и вот тогда в сообществе «просто журналистов» (представителей газет и журналов, телерадиоредакций) образовалась прослойка коллег, выполняющих несколько иные функции. Ныне это уже не прослойка. Армия работников пресс-служб и служб «паблик рилейшнз» неизмеримо выросла. Пресс-центры, пресс-службы, информационные агентства, комитеты и управления по связям со СМИ и общественностью появились в самых разных структурах. О некоторых речь пойдет впереди.

Мне довелось работать в районных, областных и центральных газетах, непосредственно в аппарате редакции и представителем (собственным корреспондентом) в том или ином регионе; вот уже два года возглавляю информационное агентство (по сути, пресс-службу) администрации Тюменской области. Разные задачи приходилось решать, разные выполнять функции. Что касается «правил честной игры», то процесс их разработки мне представляется непрерывным — и идет он на всех уровнях.

Вообще говоря, всякая группа людей, объединенных по каким-либо признакам, создает для себя определенные нормы поведения — вспомним столь не похожие друг на друга документы, как армейский устав, клятва Гиппократы или «Моральный кодекс строителя коммунизма».

Журналисты исключения не составляют. Понятно стремление пишущих сплотиться, защитить свои корпоративные интересы, выработать такие правила поведения и условия работы, которые позволили бы каждому максимально реализовать личные творческие возможности и в то же время своим вкладом наиболее полно соответствовать целям всего газетного цеха (в широком смысле этого понятия, включающего в себя специалистов радио, телевидения, журналов, издательств и т. д.).

Достаточно долгий период главным и, по существу, единственным документом, регламентирующим жизнь и творчество

газетчиков, оставался Устав Союза журналистов СССР. Но не стало прежнего государства, творческий Союз год за годом пребывает в состоянии мучительных поисков подходящей организационной формы. Многие, не выдержав испытания перманентной неопределенностью, вышли из его рядов. А свято место, как говорится, пусто не бывает. Журналисты объединяются на новой основе и утверждают новые кодексы — с учетом тех грандиозных политических, экономических и социальных перемен, которые происходят в России. И с учетом новых, ранее малоизвестных или не известных вовсе специализаций, присущих нынешним работникам пера.

В Москве в минувшем году прошла теоретическая конференция с характерным названием: «Пресс-секретарь — чиновник или журналист?» Вопрос не праздный, если учесть, что огромное количество профессионалов, получивших образование на факультетах журналистики госуниверситетов, трудится сегодня не в редакциях, а в мэриях, министерствах, краевых и областных администрациях, коммерческих структурах.

Конференция получила неожиданное продолжение: в результате дискуссий участники решили учредить специальную Гильдию работников пресс-служб и служб «паблик рилейшнз» России. И она была вскоре создана. Минюст зарегистрировал ее в качестве межрегионального общественного объединения. В документе, разосланном на места, указывалось, что первыми членами Гильдии стали пресс-секретари, руководители и специалисты пресс-центров, служб по связям с общественностью органов государственной власти и управления, армии, спецслужб, политических партий, общественных организаций, банков и фирм... Первые региональные отделения Гильдии открылись в Москве, Московской области и Санкт-Петербурге. Первыми партнерами Гильдии в реализации ее проектов и программ стали Союз журналистов России, Федерация независимых профсоюзов, Фонд защиты гласности, Международный пресс-центр, МГУ, Всероссийский институт печати и массовой информации...

И конечно же, появился — не мог не появиться! — проект «Этического кодекса» специалистов пресс-служб и служб «паблик рилейшнз». Его представили журналисты Санкт-Петербурга. Это очень любопытный документ, истинный продукт времени. В части, касающейся общих положений и принципов профессионального взаимодействия со средствами массовой информации, значатся пункты, мало чем отличающиеся от привычного журналистского устава. Здесь идет речь о свободе слова и печати, об интересах общества, о профессиональных стандартах. Сказано о недопустимости пропаганды насилия, расовой, национальной или социальной вражды, о невозможности использования заведомо ложных сведений.

Однако есть в «Этическом кодексе» раздел, прямо-таки немислимый применительно к прежней, "чистой" журналистике. Он озаглавлен «Принципы взаимоотношений с клиентом, нанимателем, работодателем». И хоть его пункты вроде бы предполагают высоконравственный подход журналиста к своей деятельности, все же необычность возможных коллизий сравнительно с традиционными понятиями об информационно-публицистической сфере поначалу несколько шокирует. Например: «Если выполнение поставленного клиентом (нанимателем) задания связано с нарушением настоящего Кодекса, необходимо оповестить его об этом и действовать в соответствии с Кодексом даже вопреки желанию клиента (нанимателя)». Или: «Недопустимость нарушения профессиональной тайны и разглашения конфиденциальной информации, полученной от клиента (нанимателя) или партнера без их разрешения или решения суда». И еще: «При работе с несколькими клиентами необходимо избегать конфликта интересов этих клиентов, а при возникновении подобной ситуации — извещать об этом заинтересованные стороны и совместно с ними либо искать выход из создавшегося положения, либо прекратить работу с одной или несколькими сторонами, чьи интересы вошли в противоречие».

При всей путаности формулировок суть дела предельно об-

нажена: журналистика поступает в услужение к нанимателю (клиенту) и, конечно — пусть и с соблюдением приличий, — исполняет музыку, которую тот заказывает. Можно по этому поводу ликовать или сокрушаться, но факт остается фактом: процесс пошел.

Плохо это или хорошо? Ответить непросто. Для приверженцев взгляда на журналистику как профессию особую, исключительную (к коим автор, увы, относит и себя) подобный прагматический подход кажется беспардонным делячеством, попранием всех возвышенных принципов любимого ремесла. Новое же поколение выбирает... нет, не пепси, а основополагающие законы западной журналистики. Той самой, буржуазной, "желтой", которую мои коллеги-ровесники "проходили" по университетским программам.

Но давайте порассуждаем. А так ли уж идеально чисты были белые одежды публицистов в советский период? При всем трепетном отношении к газетной работе нельзя не признать, что журналисты и тогда находились в услужении. Правда, это называлось: служить народу, партии. Определением «подручные партии» мы даже гордились, вполне искренне. Сейчас от политической пестроты общества буквально рябит в глазах. Разве не является это причиной того, что столь бурно размножились формы и, главное, принципы (правила!) журналистского труда?

К Гильдии мы чуть позже вернемся, а теперь хотелось бы упомянуть еще несколько непривычных образований, где журналисты играют чрезвычайно важную роль. При Минтопэнерго России создан Совет по информации и сотрудничеству топливно-энергетического комплекса (СИСТЭК), имеющий региональные отделения — например, в Тюмени. Можно как угодно декларировать в Положении его задачи и функции, все равно ясно: могучее министерство обзавелось собственным инструментом по защите своих интересов и внедрению "в массы" своих идей. СИСТЭК имеет солидный штат, хорошую материальную базу,

Рефлексия лидера профессиональной ассоциации

квалифицированных специалистов. Красноречива деталь: в Тюмени руководитель отделения СИСТЭК и председатель правления областной журналистской организации — одно и то же лицо. Блестящий, кстати, публицист. Будут ли в таком случае у Министерства топлива и энергетики проблемы с формированием общественного мнения в сибирском регионе в собственных интересах? Вопрос риторический...

Все больший вес в решении экономических (да и политических) проблем приобретает образовавшаяся некоторое время назад Межрегиональная ассоциация «Сибирское соглашение», в состав которой вошла большая группа субъектов Российской Федерации (краев, областей, округов, республик) от Урала до Дальнего Востока. Вскоре выяснилось, что работа этого сложного организма немислима без информационно-публицистического обеспечения. Создается Координационный совет по информации и печати. Естественно, для «полноценного информационного обмена между территориями, полного информирования населения регионов о деятельности "Сибирского соглашения"».

Чтобы подтвердить, что журналисты, мобилизованные под эгидой ассоциации, призваны отражать исключительно региональные интересы новообразованной структуры, достаточно привести здесь лишь некоторые из функций и полномочий Координационного совета. Итак, он:

— организует регулярный обмен информацией через соответствующие центры и структуры;

— участвует в подготовке или по собственной инициативе разрабатывает проекты управленческих решений и рекомендаций, нормативно-правовых документов по совершенствованию организации информационного процесса, а также концепции программ и планов, содействует их реализации;

— разрабатывает концепцию освещения деятельности ассоциации;

Раздел 2

— организует проведение научных и социологических исследований, привлекает специалистов и экспертов;

— создает временные творческие коллективы для решения конкретных задач, соответствующих целям совета;

— развивает связь с партнерами в других регионах России и за рубежом...»

И т. д., и т. п. Нетрудно заметить, что и в «Сибирском соглашении» появился свой «отдел пропаганды и агитации», хоть в документе и делается упор на информационное обеспечение. Обмен производится, как сказано выше, «через соответствующие центры и структуры». То есть через пресс-центры или информагентства, подобные тому, где работаю я, при администрации Тюменской области. Да, обмен такой происходит, печатается специальный бюллетень, из которого регионы, члены Ассоциации, узнают обстановку друг у друга. Властные органы Алтая знакомятся с положением на Ямале, омичи читают о событиях в Иркутской области. Причем не только руководящие работники: часть сообщений публикуется в местных газетах (хотя, надо признаться, четко эта система еще не заработала), поэтому многое о перспективах и проблемах территорий — участников «Сибирского соглашения» — становится известно широкой аудитории.

Но и здесь могут быть свои правила игры. В публикациях, конечно, вполне возможны ошибки и неточности, однако заведомая неправда исключена. Просто если какие-то факты или явления «не работают» на общепринятый имидж региона, о них можно умолчать, «забыть». Трудно, почти невозможно официально уличить журналистов в недобросовестности, доказать их умышленное недоговаривание. А то, что благодатная почва для мелкого и вроде бы невинного лукавства имеется, вне всякого сомнения.

Авторы проекта, материалы которого и составляют данную

Рефлексия лидера профессиональной ассоциации

книгу, в своей «памятке для эксперта» совершенно справедливо подметили, что «в корпорациях малых групп не девальвировано честное слово профессионала... поэтому неписаность правил игры вполне естественна». Приведу в доказательство наблюдение из своей практики.

В доперестроечные годы в Тюмени была аккредитована солидная группа представителей центральных и региональных (межобластных) средств массовой информации. Число соборов колебалось от 12 до 16 человек. Я тогда представлял "Известия". У нас была своя первичная журналистская и профсоюзная организация (партийная тоже, но не все являлись коммунистами). Наша сравнительно небольшая группа свято блюла и защищала свои корпоративные интересы. Мы знали, что на каждого в отдельности областные власти могли оказать ощутимое давление, поэтому держались вместе. Если возникала необходимость, одновременно публиковали в разных центральных газетах материал по одной острой проблеме с одинаковой оценкой. Это производило сильный эффект. Или поступали иначе: текст печатали в одной газете, а подписывалось под ним несколько соборов разных изданий. Тоже впечатляло. Но тут имелось такое неперемное условие: не грешить против истины, громко заявлять лишь про то, в чем каждый был уверен стопроцентно.

Одним из негласных требований к любому из членов нашего соборовского сообщества было соблюдение элементарной человеческой порядочности и такта. И произошел случай. Молодой полпред одной центральной газеты опубликовал рассчитанную на скандал "разоблачительную" статью. Шла предвыборная кампания, мотивы той статьи были очевидны для каждого из нас. Понять действия коллеги мы могли, принять и оправдать — нет. Грязно была сделана работа, цинично и конъюнктурно.

Мы не имели возможности применить к автору какие-либо санкции. Мы не стали собирать собраний. Но представители почти всех СМИ — от ТАСС, "Правды" и "Известий" до «Лесной

газеты» и киножурнала «Советский Урал», по сути, объявили молодому, но не в меру самоуверенному человеку обструкцию. Так, с грузом осуждения товарищей, он и уехал из Тюмени. Впрочем, к сожалению, наш «воспитательный момент» особого воздействия на стиль и характер того журналиста, видимо, не оказал. В своей дальнейшей карьере он вновь прибегал к уже испытанному методу...

Существуют некие ярлыки, давно прилипшие к той или иной профессии. Журналистов, например, как это ни горько, в обывательской среде считают продажными и нечистоплотными. Писателей — горькими пьяницами. Артистов — развратниками. Приведенный выше пример подтверждает, что да, в журналистской семье не без уroda. Как, наверное, и в писательской или актерской. Но кто всерьез изучал эту закономерность, кто выводил точные проценты, чтобы можно было принять предположения за истину? Не окажется ли, что в среде, допустим, милиционеров или юристов уровень продажности куда выше, чем у газетчиков? Что сапожники или партийные функционеры пьют больше писателей? Что по аморальности образ жизни банкиров или спортсменов похлеще, чем у актеров?..

Но это так, к слову. Теперь хотел бы вернуться к Гильдии работников пресс-служб и служб «паблик рилейшнз» России. Точнее, к программе занятий в образованной там профессиональной мастерской. К деликатной теме: как должен относиться журналист (неважно, сотрудник он газеты или пресс-секретарь губернатора) к результату своего труда, информационно-публицистическому материалу? Как к художественному творчеству или как к товару на продажу? Прежде и рассуждать об этом было не принято. Разве можно сравнить лирическую зарисовку с пучком редиски? Но вот профессиональная мастерская Гильдии открывает учебу, состоящую из нескольких циклов. Первый посвящен изучению современных тенденций и освоению практических навыков работы в области «паблик рилейшнз». Второй — знакомству с эффективными технологиями изучения массового сознания. Третий же — «умению превращать информацию в товар и специфике работы на

региональном и столичном информационных рынках».

Вот так. В программе сказано, что «работа на современном рынке информации значительным образом отличается от традиционной журналистики и умение продать информацию является основой профессиональной состоятельности пресс-секретаря». Конечно, у пресс-секретаря и редакционного репортера разные производственные и творческие задачи, хоть эти люди, возможно, и окончили когда-то один и тот же факультет журналистики. И наверное, пора распрощаться с ханжеским отношением даже к самой выдающейся публицистике — ведь любое произведение (информация, статья, эссе, очерк) является в конечном итоге тем, за что автор получает гонорар, деньги. То есть товаром!

И все же, все же, все же... Меняется время. Меняется жизнь. Меняются критерии. Происходит переоценка ценностей. Современные условия требуют во всех сферах — и в журналистике тоже — практичности, деловитости, расчета. Иначе потеряешься, «не вступишь», отстанешь. Однако — с личных соображений начинал, ими же и закончу — никогда не соглашусь, что любимое мною ремесло всего лишь инструмент для создания товара, который надо суметь продать покупателю. Пусть я окажусь в стане неисправимых идеалистов, но мне кажется, эта профессия требует не только призвания, но и особого состояния души и особых этических предпосылок. С одной стороны, работа как работа, привычное дело, обыденность. А с другой — такая обыденность, в которой есть нечто исключительное. В общем, что бы там ни говорили, а журналистика — это чудо. Получается, правда, что довольно обыкновенное, но все-таки чудо.

Э.М.Сагалаев

МЕНЬШЕ ГРЕШИШЬ - БОЛЬШЕ ДЕЛАЕШЬ

Я считаю, что по самой своей природе журналистика носит либо сугубо индивидуальный характер, либо узко групповой — как, скажем, на телевидении, в коллективе газеты, журнала. Поэтому в принципе корпоративный дух очень сложно создать, вырастить, взлелеять. Тем более в такой стране, как наша — еще многие годы, наверное, мы будем переживать остаточные явления болезни, суть которой в том, что журналистика, журналисты считались подручными, слугами, бойцами партии и находились под жесткой цензурой и управлением со стороны властных структур и фактически являли собой наиболее протитуированную — в политическом смысле — часть общества.

С резкими изменениями в политической ситуации возникли иллюзии того, что наконец-то мы отбросим одежды, указывающие на нашу принадлежность ко второй древнейшей профессии. В эпоху гласности люди нашей профессии особенно расцвели и корпоративность проявлялась даже в несколько уродливых формах, потому что цех готов был биться за спасение и бездарного человека, и человека, который откровенно соврал в эфире или на страницах издания, — такая битва была как бы делом профессиональной чести.

С одной стороны, были чрезвычайно позитивные примеры корпоративности: ситуация с главным редактором еженедельника «Аргументы и факты» Владиславом Старковым или с отпором попыткам зажать рот Егору Яковлеву, тогда редактору «Московских новостей».

С другой стороны, не будем притворяться уж слишком наивными людьми, такими непорочными младенцами. Хорошо известно, что тот же Егор Владимирович Яковлев наиболее

острые свои публикации согласовывал с членом Политбюро Александром Николаевичем Яковлевым и что чудесное спасение Владислава Старкова от увольнения тоже было ловко использовано тогда партийными идеологами — как пример того, что «у нас такая демократия, что и президент не может уволить редактора газеты». А я убежден, что при желании Михаил Сергеевич мог на это пойти, потому что, несмотря на его натуру нерешительного политика, представления о его нерешительности далеко выходят за пределы представлений о необходимой для генсека и президента жесткой силовой установке. Она могла быть применена и применялась многократно к людям политически гораздо более весомым, чем Старков.

Разумеется, сказанное выше не умоляет профессионального и человеческого мужества таких людей, как Егор Яковлев или Владислав Старков, которые многократно показывали свои бойцовские качества на протяжении многих лет.

Это была, еще раз подчеркну, эпоха иллюзий, веры, надежд, в том числе и на корпоративность и возникновение новой журналистской этики. Однако превалировала именно корпоративность — в отстаивании конкретных передач, таких, как ТСН, или "Взгляд", или "7 дней", или "12-й этаж", которую я делал и на себе испытал все это. Превалировала над стремлением культивировать профессиональную этику. С открытием шлюзов, исчезновением цензуры и возникновением изданий, которые стали приобретать отчетливо бульварный характер (у нас раньше не было бульварной прессы), появилась мода журналистского эпатажа. И эта мода до сих пор продолжает жить и даже, может быть, находится в апогее популярности.

С удивлением, изумлением и даже настолько остро выраженными чувствами, что не хватает эмоций для проявления злости и негодования, я сталкиваюсь сегодня с тем, что молодые люди, которые, скажем, посади их писать диктант или сочинение — выше единицы не получают, тем не менее работают в центральных газетах, на центральном телевидении. И они не имеют ни представления о том, что необходимо проверять

факты, что чувством собственного достоинства располагает не только главный редактор газеты или политический лидер, на которого ориентируется данное издание, но и депутат Госдумы, член правительства или губернатор какой-нибудь области, люди, на которых для этих молодых журналистов вполне этично "выспаться" и совсем неэтично сказать доброе слово о попытках стабилизировать политическую ситуацию или экономику.

По своему многолетнему опыту, и жизненному, и журналистскому, я знаю, что как был, так и остается закон естественного отбора лидеров, и чем меньше сюда примешивается каких-то идеологических, жреческих соображений, тем эффективнее этот закон действует во все времена, в коммунистические и посткоммунистические.

Если говорить о вере или религии, или о верности идолу, то, я думаю, мы сегодня ничуть не в лучшем положении, чем 50 лет назад, в сталинские времена. У нас, может быть, только не столь жесткая система наказаний и не такая стальная рука на горле, но я прекрасно знаю, как "демократические" в кавычках — уже всем эти кавычки понятны — власти не терпят разномыслия, непокорности, особенно не терпят предательства внутри своих рядов.

Какие-то персоны наделяются языческими, так сказать, чертами духовных лидеров. Пытаются из Солженицына сделать Аятоллу Хомейни, бесспорно человека выдающегося, но также бесспорно неоднозначного. Часть общества, часть журналистов, например, обожает Никиту Михалкова просто до состояния истерии, в том числе выплеснутой на газетные поля; другая часть журналистов столь же бурно его ненавидит как друга Руцкого и сторонника монархии.

В общем, трудно говорить о корпоративной этике во всем этом море и мире журналистских страстей, окрашенных нередко безграмотным пафосом обличения или публикацией непроверенных и несоответствующих действительности сведений —

Рефлексия лидера профессиональной ассоциации

понятие образованщины в наибольшей степени подходит именно к средней интеллектуальной прослойке, прежде всего к учителям, журналистам, к сожалению, и к политикам тоже.

Как отнестись к активизации попыток внедрить общецеховой кодекс?

Я знаком с самыми разными кодексами журналистской этики, и, честно говоря, несмотря на свое положение председателя журналистской конфедерации, трудно себе представляю Кодекс журналистской этики, общий для всего журналистского сообщества, мирового или какого-то определенного геополитического пространства. Я сторонник кодексов конкретного издания, либо конкретного типа профессии. Например, журналистов, работающих в горячих точках и освещающих проблемы национальных конфликтов, либо работающих в политическом истеблишменте — парламентские журналисты и так далее.

В противном случае я бы просто напечатал Нагорную проповедь и в скобках указал: «Кодекс журналистской этики». Или 12 заповедей. Не может журналистский кодекс просто декларировать общечеловеческие ценности, общепринятые нормы, выработанные веками для законопослушного интеллигентного гражданина.

Для меня один из ярких образцов такого Кодекса — правила внутреннего распорядка, американской телекорпорации "Эн-би-си". В них расписано, например, что должен делать журналист, который оказался на улице, где идет столкновение, скажем, двух хулиганских группировок. Или что должен делать журналист, когда это группировки не хулиганские, а столкновение происходит на расовой почве. Далее: что должен делать и как должен вести себя журналист, когда столкновение происходит между криминальной группировкой и полицией или между политическими силами, допустим, бастующими, либо митингующими людьми, когда их разгоняет полиция. И что должен делать журналист, когда он сталкивается с проблемами частной жизни героя его материала, будь это президент США или вла-

делец слесарной мастерской.

В этих правилах четко сказано, что журналист не имеет права брать интервью у участников столкновений, он может брать интервью только у свидетелей или у полиции, потому что люди, которые участвуют в поножовщине, не дадут объективную информацию о происходящем. Значит, нужно искать независимых объективных свидетелей, зевак, может быть, задавать вопросы следственным органам, полиции. А если журналист все же будет спрашивать самих участников столкновения, то эта информация будет вырезаться, а сам журналист может быть уволен. Жесточайшие правила.

Сначала меня изумило такое количество ограничений, потом я вчитался и понял, что, наверное, если я буду писать кодекс для своей редакции, то что-то, возможно, смягчу, что-то ужесточу применительно к условиям своей редакции, но тем не менее именно так должен строиться Кодекс профессиональной этики.

Приживется ли такого рода Кодекс? Приживется. Более того, это в какой-то мере уже произошло. Ведь на основе этого Кодекса был выработан Кодекс Молодежной редакции союзного телевидения, на этой же основе разрабатывался Кодекс телекомпании "Вид". И самое главное: когда руководство печатного органа или какого-то другого средства массовой информации начинает жестко требовать выполнения Кодекса, на глазах меняется передача, меняется тон и характер статей. Нет, острота не теряется. Журналист тоже свидетель событий и может высказать свои впечатления — не судить, на чьей стороне истина, а высказать свои впечатления. Но исчезает внутреннее ощущение недоверия, подтасовки фактов, симпатии журналиста к той или иной стороне конфликта. Это уходит. И на экране или в газете появляется то, что трудно, может быть, сначала и уловить, достоверность и доверие.

Достоверность и доверие — это то, что, собственно говоря, и делает журналистику журналистикой, а не чем-то другим: не коммерческой профессией спекулянтов фактами, не проституцией и тем более просто подонком общества и уголовным преступником — когда за публикацию положительной или отрицательной статьи или какого-то сюжета в программе телевидения

он просто берет взятку.

Люди, которые давали взятки журналистам, говорили о суммах, о "кодексе" (я не оговорился, но, наверное, в кавычках), в соответствии с которым, например, в программе "Время" заказной сюжет стоит от 20 до 100 тысяч долларов. Когда речь идет о выдаче или отнятии незаконно выданной лицензии на продажу нефти или торговлю какими-то товарами, когда от решения неких властных структур или просто от доброжелательного или недоброжелательного взгляда сверху зависят многомиллионные прибыли, заинтересованный человек ни на секунду не задумывается над тем, чтобы поделиться с журналистом столь влиятельного органа, как программа "Время" или "Вести", и дать ему в конверте, точнее в кейсе, потому что в конверте не поместится, определенную сумму.

И как, в случае когда такого журналиста сажают на скамью подсудимых или преследуют, изгоняют из редакции, должен срабатывать дух корпоративности, выражающийся в том, что «не трогай наших»?.. А нечто похожее в журналистской среде существует.

Мне кажется, что грех кому-то особо жаловаться на то, что его не поддерживает журналистское сообщество. Я знаю массу примеров. Когда во Владивостоке избили мальчика-радиокорреспондента, как за него боролся и Алексей Симонов, и Фонд защиты гласности, и отдельные газеты, и телевидение, писали и говорили об этом достаточно настойчиво, упорно и очень много.

Другой риторический вопрос: до какой степени может протираться понятие корпоративности? Это не простой вопрос. Некоторые из достаточно разумных, здравомыслящих и неглупых людей говорили мне, что не нужно было на целый день прекращать эфир, когда погиб Влад Листьев, потому что это наказание кому? Это не наказание тому, кто заказал убийство Листьева, и это не наказание тому, кто его исполнил. Это наказание власти, — может быть, которая не в состоянии справиться с потоком заказных убийств. И это наказание миллионам

Раздел 2

людей, которые вообще ни в чем не виноваты. Стоило, наверное, подумать и порассуждать о том, насколько действительно правомочно в целях корпоративности останавливать выход газет и журналов, печатать газеты и журналы с белыми пятнами, причем не на месте изъятых цензурой статей. И писать: сегодня пошел 253-й день со дня убийства нашего коллеги...

Все это проявления журналистской солидарности, и, в общем-то, они имеют право на существование, но каждый раз это должно конкретно решаться и обсуждаться. Есть все возможности для встреч и обсуждений этих вопросов и нет какого-то единого рецепта на тот или иной случай, поскольку мы все-таки живем и работаем в беспрецедентных условиях. Это с одной стороны. А с другой — библейские заповеди, понимание благородства, духовности и т. п. в журналистской среде не очень пользуются почетом, прямо скажем. И человека, который об этом говорит, например, о том, что вот вы показываете в весьма неприглядном свете какую-то сторону частной жизни человека — неужели вас не беспокоит его дальнейшая судьба, как он будет смотреть в глаза детям, сослуживцам и так далее, скорее сочтут за сумасшедшего, чем прислушаются к нему.

Некоторые условия для становления корпоративности в журналистской среде, с моей точки зрения, присутствуют. Собираются руководители крупных изданий вместе с руководителями журналистских организаций, существует Фонд защиты гласности, работает Комитет по защите прав журналистов при Российском Союзе журналистов, есть отдельные люди, которые фанатически защищают интересы журналистов на страницах в том числе и профессиональной печати, в журнале "Журналист" и так далее. И всегда можно говорить, что это могло быть сделано лучше, регулярнее, и никогда это не достигнет какого-то совершенного состояния.

Моя точка зрения состоит в том, что мы должны делать все, что можем, для развития профессиональной солидарности, но в неменьшей степени, чем защита коллеги, несправедливо (я подчеркиваю) обиженного руководством газеты или

Рефлексия лидера профессиональной ассоциации

властными органами, помнить, что журналистов надо и обижать, нельзя их делать кастой неприкасаемых. А многие понимают корпоративную солидарность именно так.

Я бы очень серьезно подумал о каких-то фундаментальных изменениях в системе подготовки журналистов. Многие руководители средств массовой информации рассказывают мне с гордостью, как они взяли первый курс какого-то журфака (московского, нижегородского), весь курс пригласили на областное телевидение и кинули их, как щенят в море, и прошло 4 года, и они уже научились, стали «гиенами пера, шакалами ротационных машин». А я с ужасом думаю, чего же они наворотили за эти 4 года, пока научились, и как огрубела их душа за время безжалостного процесса выживания. Понятно ведь, что если ты не даешь рейтинга, особенно на коммерческом телевидении, на частном, то уже и неинтересен никому, никто не будет с тобой возиться. Рейтинг, рейтинг, рейтинг, реклама, деньги.

В ряде стран приняты иные принципы: на журналистскую работу берут людей с другим высшим образованием, протестировав их в целом на пригодность к этой профессии, к журналистской специфике, два года учат и потом выпускают в эфир, делают обозревателями газет и так далее. Я по своему опыту, более чем 20-летнему, убедился в эффективности такого подхода. В моей практике наиболее талантливыми были телевизионщики, пришедшие не из театра, не из ВГИКа, не с журфака, а из МАИ, МИИ, МИСИ и так далее.

Еще я верю в систему мастерских, когда журналист, доказавший свое право на это, собирает молодую поросль и работает с ней. В этом случае я нисколько не осуждаю журналиста, если он нещадно эксплуатирует этих людей, например, для своей работы. Я приветствую, если находятся спонсоры, которые платят этому журналисту вполне приличные деньги, чтоб он мог этим заниматься. Система мастерских не так часто, но себя оправдывает. Не так часто потому, что журналисту в расцвете сил просто некогда заниматься подготовкой молодежи,

передачей своего опыта и своей этической настроенности. Но если он будет этих людей беспощадно эксплуатировать, значит согласится на то, чтобы передать им что-то. И если он будет получать за это большие деньги, тогда, может быть, и выкроит какое-то время.

В этом смысле не надо быть наивными людьми и надеяться на «общественные начала». Есть, конечно, люди, святые люди, которые делают все на общественных началах, им просто нравится, допустим, обожание в глазах юного существа, которое тебе внимает. Но очень многие просто слишком трезвы, прагматичны и достаточно грамотно работают со своим жизненным расписанием, потому что не так много времени нам отпущено.

В моей жизни, например, просто не остается места для различного рода прегрешений перед журналистской этикой или человеческой этикой, которую я признаю в большей степени, чем журналистскую. Отмаливание в последующем этих грехов отнимает много времени. Надо стараться меньше грешить, и тогда больше успеешь сделать.

* * *

Серьезную эволюцию претерпели мои взгляды на цеховую корпоративность, когда судьба привела меня на пост, который не без доли иронии мои друзья называли должностью «главного журналиста страны». В 1990 году, вскоре после того, как Политбюро ЦК КПСС закрыло мою телепрограмму «7 дней» за правдивое освещение погромов в Баку, я ушел в отставку из «Останкино», где был главным редактором программы «Время», и остался без работы. Почти случайно оказался на съезде журналистов СССР, как потом выяснилось — последнем. И совершенно неожиданно не только для себя, но и для того же «П5», оказался председателем нашего профессионально-творческого Союза. События развивались стремительно. Август 91-го — я днюю и ночью в Белом доме, даю интервью японскому телевидению, стоя на танке у здания на Зубовском бульваре, 4... И вот уже нет ни СССР, ни Союза журналистов СССР, а я становлюсь председателем Конфедерации,

объединяющей 16 независимых, суверенных журналистских союзов.

Это был путь от попыток жесткой консолидации десятков тысяч коллег вокруг внятной демократической идеи и этического кодекса к пониманию того, что на шестой части суши фактически сосуществует несколько разных исторических эпох и социальных укладов, что мне приходится устанавливать диалог между воюющими журналистками, например, Армении и Азербайджана и было бы большой наивностью и глупостью с моей стороны даже пытаться привести их к одной "присяге"...

Так постепенно пришло понимание того, что нужно и должно предоставлять полную свободу выбора каждой стране, каждой редакции и каждому журналисту и лишь стремиться к выработке глобального гуманитарного базиса, позволяющего просто воспринимать друг друга как интеллигентных людей, исповедующих какие-то наднациональные, внегосударственные и внепартийные ценности...

Из руководящего и наставляющего органа наш журналистский союз превратился в международную организацию, осуществляющую контакты, дипломатию и поиск нравственного консенсуса в столь идеологизированной и даже агрессивной сфере культуры и коммуникаций, как журналистика.

Наверное, Конфедерацию за многое можно критиковать. Но меня иногда изумляет сам факт ее существования в полыхающем конфликтами и противоречиями постсоветском пространстве. Значит, мы нужны друг другу. Значит, все-таки есть та этика, та глубинная тяга друг к другу, что делает нас братьями по цеху, по судьбе. И когда очередной из нас гибнет, оказывается в тюремной камере, подвергается преследованиям, мы ищем в этом союзе солидарности, сочувствия, помощи. Возможно, мы доживем и до лучших дней, когда можно будет снова собраться за круглым столом, чтобы спокойно, свободно и уверенно дискутировать о понятиях, достойных журналистики XXI века...

А пока — на дворе война.

И. М. Дзялошинский

«ПРАВИЛА ИГРЫ» ИЛИ НРАВСТВЕННОЕ САМОСОЗНАНИЕ ЛИЧНОСТИ?

Обратившись к проблеме этической кодификации профессиональной деятельности журналистов, следует отчетливо поставить вопрос о взаимоотношениях между индивидуальным и корпоративным профессиональным сознанием. К этому побуждают учащающиеся попытки разработать некие кодексы профессионального поведения с явно авторитарными устремлениями и административно-регламентационными механизмами контроля за поведением журналиста.

Вряд ли нужно доказывать, что все эти попытки бессмысленны, если журналист не рассматривает профессиональную среду как лично значимое сообщество, все члены которого придерживаются примерно одинаковых профессионально-этических стандартов. Как только профессиональная среда расслаивается на несколько конкурирующих сообществ, эти стандарты из средства регуляции профессионального поведения становятся инструментом социально-психологической консолидации, способом заявить о себе: «А мы вот такие и отличаемся от всех прочих высокой нравственностью».

К сожалению, именно в такой ситуации находится российская журналистика. На сегодняшний день в рамках профессиональной журналистской культуры сосуществуют несколько альтернативных парадигм профессиональной деятельности, отличающихся друг от друга всеми компонентами, включая и нравственно-этический. Все они располагаются в своеобразном "пространстве", ограниченном тремя векторами, то есть некими фундаментальными социально-профессиональными установками, определяющими общий характер отношения журналиста к аудитории.

Первая из таких установок ставит журналиста над аудиторией,

определяя его право рассматривать своих читателей как объект управления (воспитания, формирования), а себя — как носителя и проводника управленческих программ разного типа и уровня. Эта установка связана с широко известными идеями В.И. Ленина о роли печати как средства агитации, пропаганды и организации масс. Если попытаться одним словом охватить конечный смысл деятельности журналиста, исповедующего управленческо-технократический подход, то этим словом будет "воздействие".

Подобного рода журналистская практика получила свое достаточно прочное обоснование в работах многих теоретиков и исследователей, создавших комплекс стройных концепций управляющего воздействия. Эти концепции опираются на представление об активной роли средств массовой информации, выступающих в качестве субъекта пропаганды, и пассивной (несмотря на многочисленные оговорки) роли аудитории, рассматривавшейся в качестве объекта идеологического, пропагандистского воздействия.

Так как в основе этих теорий лежит идея о человеке как об обучаемом и программируемом элементе социальной системы, а следовательно, объекте различных манипуляций, то все они могут быть объединены понятием «управленческо-технократический (или авторитарный) подход».

Одной из особенностей управленческо-технократической парадигмы является стремление к жесткой алгоритмизации, нормативизации всех сторон профессиональной деятельности, в том числе и нравственной. Следует еще раз отметить, что авторитарный подход вовсе не принадлежит печальному прошлому. И сейчас есть немало журналистов, которые, искренне считая себя демократами, в профессиональной области придерживаются авторитарно-технократической профессиональной идеологии.

Вторая фундаментальная установка — на "соратничество" — требует от журналиста находиться внутри определенного человеческого сообщества, рассматривать себя как заинтересованного участника совместного с аудиторией поиска решений сложных жизненных проблем.

В 60-х годах эта парадигма получила яркое воплощение в редакторской деятельности А.Аджубея и творчестве нескольких журналистов, среди которых наиболее известен А.Аграновский. Аналогичных взглядов придерживаются и другие журналисты, чье профессиональное становление происходило в те годы. И в нынешних российских средствах массовой информации есть сторонники гуманитарной идеологии. Отвечая на вопросы корреспондента «Независимой газеты» И.Петровской (НГ.20.03.93), Владислав Листьев так характеризовал свои представления: «Я работаю в жанре ток-шоу. Я так же, как и Донахью, интересуюсь жизнью людей. Темы могут быть самые разнообразные. Моя ошибка в том, что мы потихонечку в "Темах" стали уходить от человека к явлениям, событиям. Все равно во главе должен быть человек — с его слабостями, его страстями, плюсами и минусами. Не надо давать готовых рецептов — это мой ответ тем критикам, которые ждут от "Темы" решения той или иной проблемы. Нужно показать человеку варианты выхода из ситуации на примере другого человека».

Поскольку журналисты с подобной целевой ориентацией являются принципиальными противниками любых форм манипуляции людьми, стремятся быть честными партнерами, такую идеологию журналистской деятельности можно назвать гуманитарной. В качестве девиза этой группы журналистов может быть использовано понятие "сотворчество".

Третья установка ставит журналиста рядом с аудиторией и ориентирует его на отношения информирования. В этом случае журналист считает своей основной профессиональной обязанностью сообщать аудитории разнообразные интересующие ее сведения, данные, материалы, помогать в выражении мнений. Очень условно эту идеологию можно назвать коммуникативно-познавательной. В качестве примера можно привести ответ известного тележурналиста Л. Парфенова на упреки в отсутствии собственной позиции (НГ. 11.07.92):

«Я считаю высшей похвалой, если меня спрашивают: а как вы сами относитесь к Руцкому? Это значит, что за сорок минут я ни разу нигде не проговорился. Меня упрекают: «Не спорил с

Рефлексия лидера профессиональной ассоциации

Горбуновым, не возражал Руцкому», — предполагая, очевидно, что есть точка зрения Руцкого и есть правильная. Программа называется «Портрет на фоне» — портрет героя, а не мой. Кому нужны мои взгляды? Как немного пышно, но точно выразился Алан Куперман, корреспондент «Ассошиэйтед пресс»: «Журналист не Фемида, а грузчик у ее весов».

Эта профессиональная идеология принципиально ориентирована на отказ от лидерства журналиста в диалоге с читателем. В своем логическом развитии она приходит к идее анонимности журналистики.

Самоопределяясь в поле тяготения этих полюсов, российские журналисты выработали множество гибридных форм профессиональной идеологии, содержащих нравственно-этический компонент. Для того чтобы выяснить, каково реальное влияние трех обозначенных выше концепций, нами было проведено специальное исследование. В нем участвовали 688 журналистов, представляющих различные регионы России и различные группы журналистов. Принцип формирования выборки — случайный, и поэтому полученные результаты носят сугубо предварительный характер. Ответы распределились следующим образом.

Место работы журналиста	Разделяемая идеология (% к числу ответивших)		
	авторитарная	гуманитарная	информационно-познавательная
Многотиражная печать	7,1	57,1	35,7
Районная печать	-	41,8	58,2
Региональная печать	3,1	29,3	67,7
В целом по всем опрошенным	2,4	37,4	60,2

Таким образом, можно констатировать, что, во-первых, в профессиональном сознании опрошенных по случайной выборке журналистов управленческо-технократическая, авторитарная идеология занимает незначительное место. В основном журналисты придерживаются информационно-познавательной и гуманитарной познавательной концепций. Во-вторых, отношение журналиста к различным подходам профессиональной деятельности в значительной степени зависит от уровня средства массовой информации, где он работает. Чем ближе печатное издание к своей аудитории, чем конкретнее и многообразнее связи журналиста с читателями, тем более близка ему гуманитарная идеология. Чем дальше журналист от конкретных повседневных нужд людей, чем шире аудитория его издания, тем ближе ему информационно-познавательная (или авторитарная) идеология.

Таким образом, в настоящее время расширяется влияние идеологий журналистской деятельности, названных выше гуманитарной и коммуникативно-познавательной. Вместе с тем, несмотря на то, что они обе противостоят управленческо-технократической идеологии, отношения между ними складываются непростые. Вовлечение в социально-коммуникативный процесс широких масс, в течение длительного времени не имевших потребности (а зачастую и возможности) овладеть гуманитарной культурой, стимулирует развитие прежде всего такой журналистики, которая обеспечивает быструю циркуляцию актуальной информации, дающей возможность составить свое мнение по широкому кругу проблем и сравнить его с мнениями других индивидов. Литературное качество, изысканность профессионального "хода", новизна авторской мысли в этой аудитории особой цены пока не имеют. Можно предположить, что и в ближайшем будущем, если будут реализованы те возможности для плодотворного и хорошо оплачиваемого труда, которые открываются в нашем обществе, и миллионы людей попробуют этими возможностями воспользоваться, армия внимательных читателей, радиослушателей, телезрителей существенно уменьшится. Объемные статьи воспитательного характера на моральные темы, с такой охотой читаемые людьми, имевшими немало времени на потребление информации,

поставляемой журналистами, потеряют свою популярность.

И хотя традиции гуманитарной журналистики (которую иногда называют качественной, глубокой, авторской, личностной и т.п.) сохраняют свое влияние и реализуются в творчестве многих журналистов, все же ведущее значение сейчас приобретает коммуникативно-познавательная идеология журналистской деятельности.

В условиях существования множества профессионально-этических парадигм, конфликтующих друг с другом или плавно друг в друга перетекающих, влияние корпоративных кодексов, как об этом уже сказано выше, не очень велика. Зато значительно возрастает личностная ответственность за этическое самоопределение, требующая постоянного внимания журналиста как процессам и результатам своего творчества. Сознательное отношение к работе предполагает выделение себя из профессиональной среды как относительно самостоятельного субъекта деятельности, способного оценить свою деятельность и деятельность других субъектов сквозь призму собственных профессиональных критериев. Без преувеличения можно сказать, что профессиональное самосознание является одним из основных показателей зрелости журналиста.

Такое самосознание выступает, с одной стороны, средством самоопределения, а с другой — средством профессиональной саморегуляции.

Потребность в самопознании переживается журналистом тем острее, чем яснее он сознает противоречие между личными притязаниями и оценкой его действий со стороны профессиональной группы и потребителей информации, чем более он сам испытывает неудовлетворенность своей работой. Степень самопонимания определяется глубиной проникновения журналиста в свою профессиональную сущность, полнотой охвата многообразных проявлений профессиональной деятельности, упорядоченностью знаний о собственной деятельности и эффективностью применения этих знаний для саморегуляции профессиональных действий. Чем полнее журналист улавливает в себе закономерные черты профессии, тем достовернее автопортрет, в котором отражается не только уникальный мир профессиональных ориентаций индивида, но и мир исканий

всего журналистского сообщества.

Рефлексия, т.е. осознание журналистом законов своей деятельности, предполагает прежде всего определенный уровень развития личности и, что очень важно, развития самой деятельности. Выявление и осмысление объективных оснований деятельности невозможно до тех пор, пока она выступает для человека в отчужденной от него форме, не как самодеятельность, а как процесс функционирования.

Другим условием осуществления рефлексии является наличие средств, позволяющих объективно зафиксировать сам процесс деятельности и сделать его предметом специального анализа, а также наличие методов такого анализа.

Профессиональное самосознание неотделимо (как и сознание вообще) от оценочно-эмоционального отношения журналиста к себе. Поэтому фундаментальным структурным компонентом индивидуального самосознания является самооценка. Содержание профессиональной самооценки обусловлено, с одной стороны, оценкой данного журналиста в подходящей для него профессионально-творческой среде, а с другой — социальными, профессиональными и индивидуально-психологическими особенностями самого журналиста (его ценностными ориентациями, полнотой и точностью знаний о себе, установками по отношению к собственному "Я" и др.). Предметом профессиональной самооценки журналиста является и сам творческий процесс и различные — в том числе нравственные — моменты профессионального поведения — все, что является значимым для данного журналиста и его творческой среды с точки зрения эффективности осуществления профессиональной деятельности. Различаясь по уровню обобщения, полноте, глубине, стабильности, профессиональная самооценка выступает и как процесс развернутой автохарактеристики и как его конечный результат — профессиональный автопортрет; как отдельная оценка отдельных важных в профессиональном отношении качеств, и как целостная концепция профессионального "Я".

Эмоциональная сторона самооценки реализуется в понятии «профессиональная честь», то есть специфическом эмоциональном отношении журналиста к своей профессиональной

репутации среди коллег. Если глубинную основу чувства профессионального достоинства составляют потребности журналиста в реализации своих творческих возможностей и самоуважении, то в основании чувства профессиональной чести лежат потребности в утверждении ценности своей работы перед лицом мнения профессионального сообщества.

В свою очередь, профессиональная идеология, включающая комплекс этических регуляторов, входит в систему, которую можно обозначить понятием «профессиональная культура». Под этой системой мы понимаем всю совокупность материальных и духовных образований (являющихся результатом деятельности многих поколений), обеспечивающих эффективное функционирование журналистики. В этом — широком — значении слова понятие «журналистская профессиональная культура» охватывает и структуру журналистики, и организационные формы подготовки и переподготовки кадров, и профессиональный опыт, то есть совокупность различных норм, правил, стандартов деятельности, и формы передачи этого опыта, и набор целей и идеалов профессиональной деятельности, и многое другое.

Вместе с тем живой мир профессиональной культуры — это не только типичные формы деятельности, не только хранилище стандартов и стереотипов профессионального поведения, не только «память» журналистского сообщества, но и индивидуальное своеобразие, творческое воплощение и развитие норм профессиональной деятельности. Диалектика профессиональной культуры такова, что ее универсализация, типизация, обобщение форм и способов деятельности могут осуществляться только через индивидуальные достижения, поскольку в создании новых организационных и творческих форм профессиональной культуры всегда существенную роль играют своеобразие конкретных журналистов, нестандартность их мышления, чувств и действий.

Так же как внутренним источником развития общежурналистской профессиональной идеологии являются противоречия между профессиональными концепциями различных редакционных коллективов (что является отражением противоречивости самой социальной действительности), так

внутренним источником развития профессиональной идеологии отдельного редакционного коллектива являются противоречия между профессиональными подходами конкретных журналистов, входящих в его состав. Особенностью правил творческой деятельности является то, что их выполнение связано со свободным выбором личности, добровольностью принимаемых решений. Эти требования, эти регулятивы имеют высокую степень обобщенности: они выражают некую тенденцию, суть профессионального поведения, но не его конкретный рисунок. Тем более они не включают в себя детали, частности, составляющие стихию конкретных профессиональных действий. Их реализация и эффективное функционирование предполагают сотворчество журналистов. Поэтому и не следует переоценивать попытки разработать подробнее «технологические карты» профессионального творчества. Не только потому, что творчество невозможно втиснуть в организационно-технологические рамки, но и потому, что идея технологического регулирования в принципе противоречит природе творчества. В нем нет четкого разграничения субъекта и способа деятельности. Журналист руководствуется в своей работе теми профессиональными нормами, которые он признает наилучшими, он идентифицирует себя с этими правилами, видит в них выражение собственных принципов.

Таким образом, можно предположить, что корпоративный дух, понимаемый как некая «нравственность», не привнесенная в профессию извне, а извлеченная из требований профессионализма («призвание», «профессиональный этос», «профессиональные нравы» и т.п.), может развиваться только в условиях высокого уровня личной ответственности журналиста за свое профессиональное поведение.

С.А.Муратов

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПЕРЕД ОБЩЕСТВОМ

Содержание моей статьи, написанной по предложению инициаторов проекта, я разделил на две части, в первой из которых приводится фрагмент разработанного мною кодекса «Нравственные принципы тележурналистики», а во второй — комментарии к общей теме проекта.

I

Свобода информации — основное
право человека и критерий всех свобод
(из резолюции Генеральной Ассамблеи ООН)

Каждый гражданин имеет право на свободу выражения мысли. Это право распространяется на гражданские группы и любые меньшинства — национальные, религиозные, образовательные и прочие. Применительно к телевидению гражданское общество выступает в этих случаях как субъект вещания.

Общество имеет право на всю полноту информации о себе самом. Это включает в себя знание о многообразии мнений, составляющих сферу массового сознания. В интересах большинства, чтобы голос меньшинств был услышан. В этом смысле гражданское общество применительно к телевидению предстает как объект вещания.

Социальная миссия телевидения — обеспечить существование этих обоих прав (гражданского самовыражения и общественной потребности в информации).

Никакая правда не бывает опаснее тех последствий, к которым приводит ее незнание или — что хуже — нежелание ее знать. Тележурналист добывает информацию и доводит ее до

зрителя, несмотря на все препятствия и любые попытки помешать ее обнародовать.

Свобода журналистики — это свобода ставить вопросы, обсуждать наиболее острые социальные противоречия, критиковать действия правительства и других государственных или частных учреждений, когда эти действия угрожают общественным интересам, подвергать сомнению бездействие властей или злоупотребление властью.¹

Телевидение выражает не мировоззрение какого-то одного слоя общества, одной партии или движения (даже если эта партия является правящей). Оно предоставляет слово не только носителям власти или выдающимся личностям, чьи взгляды особенно интересны обычным зрителям. Для понимания массового сознания не менее важно мировосприятие самих зрителей. Задача телевидения в этом смысле — предложить аудитории целостную картину взглядов и общественных умонастроений во всем их разнообразии.

Поскольку "интересы" и потребности зрителей, а также участников и героев телепрограмм не только различны, но подчас противоположны, документалист изначально оказывается в положении, где любое его действие или слово чреваты непредвиденными и часто нежелательными последствиями (по меньшей мере для одной из сторон).

Между правом аудитории знать и долгом журналиста сообщать и показывать возникает ситуация выбора, а, необходимость принимать решения — этические, моральные, социальные.

Иными словами, там, где существует свобода выбора, существует и ответственность за свои решения. В отношении тележурналиста это означает ответственность:

- перед обществом в целом;
- перед аудиторией телезрителей;

¹ Права журналистов оговорены в Законе Российской Федерации о средствах массовой информации (статья 47). В соответствии с тем же законом свобода массовой информации не может использоваться для призыва к захвату власти, насильственному изменению конституционного строя и целостности государства, разжигания национальной, классовой, социальной, религиозной нетерпимости или розни, для пропаганды войны (статья 3).

Рефлексия разработчика профессиональных кодексов

- перед героями передач и фильмов;
- перед Гильдией журналистов, которую он представляет;
- перед телекомпанией, от имени которой обращается к зрителям;
- перед самим собой.

Ответственность журналиста еще более возрастает, если учитывать следующие обстоятельства:

- любая информация легко поддается пропагандистским манипуляциям;
- подобного рода манипуляции в нашем обществе десятилетиями были традиционными;
- самоценность факта как такового, исключая какие бы то ни было формы тенденциозности, — для советской журналистики понятие, считавшееся порочным (беспартийность факта еще недавно отрицалась, как и беспартийность литературы);
- современное общественное сознание находится у нас в поляризованном состоянии, и всякая очередная попытка политизации оборачивается обострением гражданского противостояния.

Телевидение по своей природе не орудие политической пропаганды, в которое мы сами нередко его превращаем, а уникальное, не имеющее аналогий средство человеческого общения. Его назначение — содействовать попыткам понять друг друга.

Подобный подход исключает инструктивное поведение.

Тем важнее те нравственные критерии, из которых исходит в своих действиях тележурналист (ведущий, режиссер, оператор).

ОТНОШЕНИЕ К МЕНЬШИНСТВАМ

Демократия гарантирует власть большинства при условии соблюдения прав меньшинств.

Уважение к праву каждого гражданина иметь и высказывать свою точку зрения обязывает телевидение отражать в своих программах максимально возможный спектр мнений, бытую-

щих в обществе.

Журналист не может позволить себе забыть, что аудитория состоит не только из людей, разделяющих его взгляды и моральные принципы, но представляет всю совокупность запросов и интересов зрителей, чьи права на электронные средства коммуникации не менее основательны, чем права журналистов. При этом каждое из меньшинств уязвимо как по отношению к бездоказательной критике в свой адрес, так и просто к недостаточному вниманию со стороны средств массовой информации. Такая уязвимость обязывает к предельной чуткости при упоминании о расовых признаках, цвете кожи, возрасте и других особенностях отдельных групп, а также при любом выступлении, в котором можно было бы заподозрить неодобрительное отношение или негативный смысл². Высказывания и сюжеты, задевающие (или производящие впечатление таковых) национальные, религиозные, возрастные представления, воспринимаются как форма дискриминации, даже если авторы высказываний и сюжетов ничего подобного не имели в виду.

Когда журналист, считающий своей обязанностью показывать «правду и только правду», не отдает себе отчета в том, что представления о правде у разных групп и меньшинств существенно различаются, эффект передачи нередко оказывается противоположен задуманному. Вот почему профессиональному документалисту, имеющему дело с фактами и суждениями героев репортажей и интервью, всякий раз приходится соизмерять значение полученной информации с ее вероятным воздействием на аудиторию, понимая, что для кого-то такое воздействие может оказаться и негативным. Ссылки на то, что «неадекватное» восприятие свойственно лишь отдельным груп-

² Закон Российской Федерации о средствах массовой информации запрещает использовать право журналиста на распространение информации с целью опорочить граждан или отдельные категории граждан исключительно по принципу пола, возраста, расы или национальной принадлежности, языка, отношения к религии, профессии, месту жительства и работы, а также в связи с их политическими убеждениями (статья 51). В еще большей мере это касается тех, кто не в силах сами себя защищать (инвалиды, беженцы и другие).

Рефлексия разработчика профессиональных кодексов

пам населения или меньшинствам — не оправдание, ибо подобного рода отдельные группы насчитывают миллионы зрителей.

ТЕЛЕВИДЕНИЕ И КУЛЬТУРА

Телевидение ориентирует зрителя в окружающем мире, не только информируя его, но и приобщая к художественным и нравственным обретениям человечества.

По своей природе культура двойственна. Она способна поднять человека до уровня высших духовных ценностей. Но она же способна и опустить его до элементарных потребностей, — тогда принято говорить о культуре массовой. Коммерческое вещание, предоставленное стихии рынка и тем самым рассчитанное на усредненные вкусы публики, предрасположено ко второму типу. Подлинная культура становится в этих случаях достоянием меньшинства, если даже не наименьшего из меньшинств. Государственная вещательная политика — это компромисс между вкусами преобладающей части аудитории и высокой культурой, призванной эти вкусы всячески развивать. Такая политика предоставляет зрителю возможность духовного и эстетического саморазвития.

Опираясь на коммуникативную роль искусства, телевидение объединяет общество. Великие произведения и авторы принадлежат не странам, а человечеству, независимо от их национальной принадлежности. В этом смысле культура примиряет людей и народы, содействуя их взаимопониманию (в отличие от полукультуры или ее отсутствия).

Само участие в подобного рода экранных акциях равнозначно наивысшему общественному признанию.

КУЛЬТУРА ТЕЛЕВИДЕНИЯ

Отсутствие профессиональной культуры у работников вещания — пробел гораздо менее значительный, чем отсутствие у них культуры как таковой.

Телевидение воспитывает не только когда выступает в роли наставника. Оно воздействует на аудиторию языком повседневно звучащей с экрана речи, манерой поведения в кадре ведущих и участников передач, присутствием в эфире людей, воплощающих наши представления об истинной интеллигентности. Помогая войти в пространство духовности, оно становится художественным посредником, формирующим — сознательно или безотчетно — культуру общества.

Такая роль позволяет говорить о духовном предназначении самого телевидения.

Эта нравственная миссия предопределяет не только степень терпимости к многообразию интересов и взглядов зрителей, но и меру нетерпимости к проявлениям пошлости, отсутствия вкуса, жестокосердию, цинизму и тривиальности. Она не допускает подмены подлинных общественных идеалов и интересов сиюминутными умонастроениями аудитории («народ мудр, публика глупа»). Вещательную политику формируют не индивидуальные предпочтения работников телевидения, отвечающих за отдельные передачи, но традиции национальной и мировой культуры с ее представлениями о нравственном долге.

Противники подобного понимания, которое они считают самообольщением и утопией, утверждают, что пошлость, жестокосердие и цинизм — неотъемлемые стороны нашей жизни и, избегая их, телевидение изменяет своей природе, искажая картину реального общества. Иными словами, каково общество — таково и телевидение.

Трудно отказать этой формуле в справедливости, если видеть в электронных коммуникациях в первую очередь средство массовой информации. Но природа вещания не исчерпывает себя информационной ролью, она отвечает самой природе человеческого общения, наивысший смысл которого — духовная солидарность. Вот почему не менее справедлива другая формула: каково телевидение — таково и общество.

II

Отечественное телевидение никогда не нуждалось в этических кодексах. Это кажется странным — о нерасторжимости телевидения и этики наш замечательный исследователь В.Саппак писал еще в начале 60-х. «Ни один, даже, казалось бы, самый что ни на есть профессиональный вопрос, — считал он, — нельзя на телевидении решать вне его этической основы». И хотя пронизательность авторских наблюдений в переизданной трижды книге Саппака «Телевидение и мы» поражает нас до сих пор, справедливость его суждений оставалась общепризнанной лишь в теории. На практике "нерасторжимое" расторгалось едва ли не ежедневно, превращая экранное чудо в чудовище.

Что такое культура информационной программы? В чем состоят критерии объективности в документальном вещании? Подобного рода вопросы по отношению к советскому телевидению звучали не иначе, как риторически. Наивно говорить об информационной роли Гостелерадио, задачей которого всегда была пропаганда. Понятию СМИ отечественная теория публицистики неизменно противопоставляла СМИП («средства массовой информации и пропаганды»), согласно которому пропаганда первична и информация — только средство.

Тоталитарное вещание относится к наиболее независимым в мире. Оно независимо от общества — в силу не только отсутствия гражданского общества при авторитарном режиме, но и каких бы то ни было механизмов обратной связи с аудиторией. Независимо от публики — руководство Гостелерадио никогда не останавливалось перед тем, чтоб изгнать с экрана (по идеологическим соображениям) любую программу, сколь популярной она ни была бы у зрителей (от «Эстафеты новостей» или "КВН" до "Семи дней" или "Взгляда").

Наши телевизионные новости были независимыми от фактов. Самоценность факта, согласно СМИПу, — понятие буржу-

азное, а значит, лживое. Проблема выбора того, что лучше — показывать ключевые выпуски новостей на разных каналах одновременно (как в США) или разводя их во времени (как в Великобритании), — для нас не существовала. Одна и та же мифологическая картина "Время" транслировалась одновременно по всем останкинским телеканалам на весь Союз, являя собой не столько информацию о событиях, происходящих в стране и мире, сколько представление о том, какими должны выглядеть на экране страна и мир. Известное сравнение Останкинской телебашни со шприцем для идеологических инъекций, хотя и принадлежало поэту, — не метафора, а диагноз. Объект номенклатурного телевидения — манипулируемое массовое сознание.

Перестройка на телевидении изменила многое, радикально преобразив жанровый спектр вещания, но меньше всего затронула примат идеологичности. На смену официозной фигуре "кремлевского" диктора пришло поколение "раскованных" журналистов, нисколько не сомневающих в том, что единственно верным взглядом на окружающую действительность наделены они сами и что их суждения о фактах гораздо важнее фактов. Нетрудно догадаться, что эволюция от государственных наставников к институту политических разъяснителей — обратная сторона все той же тенденциозности.

Сочетая наследие авторитаризма с абсолютной свободой журналистского самопроявления, наши ведущие чувствуют себя куда независимей, чем их коллеги на Западе. Их уста не связаны десятками этических кодексов — хартий, уставов, доктрин, законов. (Подобного рода регламентации не предусматривают карательных акций, но создают атмосферу, при которой несоблюдение нравственных принципов становится общественно осуждаемым.)

Попытки создать моральные правила поведения в последние годы предпринимались и в "Останкино". К сожалению, эти усилия всякий раз оборачивались чем-то вроде Кодекса строителя коммунизма с декларативными призывами к честности и

Рефлексия разработчика профессиональных кодексов

правдивости. Но честности перед кем?

Перед публикой, чье любопытство неисчерпаемо, или героем программы, стремящимся избежать чересчур назойливого внимания той же публики? А может быть, перед обществом с его понятием о достоинстве? Документалистика постоянно имеет дело с противоречием между правом аудитории знать все и правом личности, оказавшейся на экране, на неприкосновенность ее частной жизни. Между правом кандидата в период избирательной кампании изложить в эфире то, что он хочет, и так, как хочет, и правом зрителя получить возможность судить о подлинных намерениях кандидата в отличие от его экранной саморекомендации. До каких пределов простирается наше право знать? В каких случаях в жертву такому праву можно принести суверенность отдельной личности? Где границы той территории, которая именуется частной жизнью?

Составители этического кодекса всякий раз оказываются перед дилеммой. Считать ли достоинством подобного документа его предельную краткость и выразительность или же, напротив, его доскональность и обстоятельность. Излагая нравственные принципы в самой общей форме, мы рискуем вступить в безнадежное соревнование с заветами Моисея или наставлениями Нагорной проповеди. Но, с другой стороны, стараясь предусмотреть все частные случаи приложения этих принципов к журналистской практике, легко скатиться к элементарному занудству очередного назидательного учебника. К тому же многие противники каких бы то ни было регламентаций небезосновательно полагают, что воспитанный человек в дополнительных наставлениях не нуждается. С этим доводом безусловно стоило бы согласиться, если все журналисты действительно были бы таковыми. Но в том, что это не так, даже они сами не сомневаются.

И хотя предвидеть все конфликтные ситуации, возникающие в реальной практике (да что там все — даже большую часть из них) невозможно, Этический кодекс, чтобы быть эффективным, а не просто эффектным, обязан учитывать наиболее типичные ситуации, в которых оказывается документалист.

Это касается как стадии подготовки программы (сбора информации и ее проверки на достоверность, отбора участников, общения перед камерой), так и телевизионного амплуа самого документалиста — репортера, ведущего новостей или комментатора. Дотошностью подобного освещения привлекает, например, Профессионально-этический кодекс Би-би-си.

Разумеется, буквальный перенос на отечественную почву зарубежных эталонов абсурден, как табличка на лифте: «Лифт не работает. Ближайший лифт в соседнем доме». Общественное сознание, как и журналистское, само должно дорасти до необходимости этических норм, отступление от которых — моральное преступление, а немедленно такое не совершается. Реакция отторжения при усвоении цивилизованных норм происходит даже на терминологическом уровне. Требование западной «беспристрастности» несовместимо, по мнению многих критиков, с принципами отечественной документалистики, так как заставляет подозревать журналиста в отсутствии у него позиции. (Мысль о том, что у «кремлевского» диктора, персонифицировавшего указания «свыше», наличие своей позиции заведомо исключалось, в расчет почему-то не принимается). Напоминая о традициях великой русской литературы, критики беспристрастности готовы воспринимать любого интервьюера или репортера, не говоря уж о ведущем информационной рубрики, как «властителя дум».

Вот почему гораздо уместнее вместо столь пугающей беспристрастности оперировать понятием непредвзятости, без которой невозможны ни полнота информации, ни ее достоверность. Отсутствие позиции у сотрудника информационной службы (а это чаще всего позиция агитатора и пропагандиста) — не порок, а скорее достоинство. Порок журналиста — отсутствие нравственных ориентиров, позволяющих самостоятельно принимать решения в непредвиденных ситуациях и условиях морального выбора.

Рефлексия разработчика профессиональных кодексов

Трудности, с которыми сталкиваются составители этических кодексов, касаются таким образом не только их содержания, но и формы вплоть до языка и терминологии. Не уверен, что при нынешнем состоянии общественного сознания можно создать один-единственный эталон как некий универсальный императив. Вероятнее всего, таких регламентирующих документов должно быть много, чтобы в своей совокупности (а не в силу административного устрашения) они способствовали формированию общественной атмосферы, нетерпимой к любым проявлениям безнравственности. Общим знаменателем этих кодексов могло бы быть отношение к телевидению как средству достижения общественного согласия, а не политической конфронтации и безусловное понимание того что этическая безответственность телевидения — это безответственность социальная.

С.А. Бунтман

ЖУРНАЛИСТИКА НЕ "ЧЕТВЕРТАЯ ВЛАСТЬ". ОНА СТЕКЛЯННАЯ СТЕНА

Это всего лишь попытка осознать собственную профессию и реальность факта, что ты этой профессии принадлежишь. Журналистика, скопившая в своем доме невероятное количество хлама, достаточно смутно представляет себе, что она. Хлам заключается в до предела размытых, клишированных определениях профессии, путанице в определениях рамок деятельности, комплексе неполноценности по отношению ко всем окрестным занятиям: политике, искусству, литературе, — но одновременно и в комплексе сверхполноценности, самовидение как «четвертой власти» и т.п.

Естественно, журналистика принимает участие в формировании и изменении общественной ситуации. Вопрос только в том, насколько прямо и в каком качестве. Ответив — пускай приблизительно, но ответив — на этот вопрос, мы можем говорить и о моральной миссии журналиста, и о корпорации, свободной или подневольной, о правилах игры, о чести и совести.

Не ответив на вопрос, мы будем вечно или, как минимум, до прихода нового поколения рассуждать о своеобразии российской ситуации, о нужности и ненужности норм и рамок, о Боге и Дьяволе. Журналистика, как мне все-таки кажется, функционально проста. Это поиск информации и ее опубликование. Все остальное — гарнир, профессиональные приемы, мода, средства, которые ведут к единственной цели: воссозданию в сознании потребителя наиболее полной и адекватной картины реальности. Именно этим она, журналистика, отличается от иных сфер деятельности, связанных с воздействием на сознание человека: религии, искусства, политики. Естественно, в каждом отдельном случае эта стержневая модель усложняется, искажается и дробится, но сущность ее не меняется.

Рефлексия разработчика профессиональных кодексов

Не меняется точка отсчета — внешнее по отношению к журналисту явление или событие.

Подобное рассуждение можно считать редуцирующим, сводящим всю разветвленную и жанрово-богатую профессию к репортерству. Однако попробуем в попытке обнажить функциональную сущность этой многофигурной композиции вынуть из нее тот или иной элемент и зафиксировать, когда произойдет качественное изменение, и журналиста больше нельзя будет назвать журналистом, а журналистику журналистикой. Это можно сделать самостоятельно. Но, мне кажется, если мы вынем из конструкции добытый и воспроизведенный факт, она рухнет, а корпорация наша превратится в то, к чему она постоянно стремится: в объединение квазипрофессионалов, изгнанников из других сфер: недо-политиков, недо-писателей, недо-актеров. Недо-кашпировских в конце концов.

Итак, информация; итак, событие, факт. Исходя из этого примитивного постулата (первичности факта) мы и можем составить представление о «миссии журналиста», об этических нормах, о «кодексе чести», если угодно.

Но как быть с СВОЕОБРАЗИЕМ РОССИЙСКОЙ СИТУАЦИИ? Один французский поэт сказал другому, внезапно ставшему (ненадолго) на христианский путь: «Ты только запомни, что нет двух религий: одной для поэтов, другой для остального человечества». Если мы с ним согласимся, то пойдем дальше и заключим, что нет особых журналистских принципов для «одной, отдельно взятой страны».

Почему столько разговоров о своеобразии российской ситуации? Чем принципиально отличается российский гражданин от потребителя информации в другой стране, именно принципиально? Да, конечно, несколько поколений соотечественников привыкли видеть в газете «не только..., но и...», привыкли, что якобы комментарий обозревателя NN*** есть не что иное, как вариация на тему политической установки, что, наоборот, очерк ХХ*** содержит ряд намеков на факты, скрытые пропагандой и

одновременно протест против этого сокрытия, а заодно и против вышеупомянутой политической установки. Несколько поколений привыкли к информации как пропаганде, к рецензии как выдвижению на соискание премии или как доносу в органы, к заведомому разделению вооруженных формирований на "банды" и "партизанские отряды", и т.д., и т.п. Однако истребление стереотипов начинается не с декретирования принципов, а с личной практики потребителя информации как функции личной практики журналиста.

Принципы информационной журналистики крайне просты. Журналист не может задаваться философским вопросом о существовании реальности как таковой. Он не может подвергнуть сомнению адекватность восприятия действительности органами чувств, он должен, подобно навигатору, для точности и удобства расчетов представлять себе Землю неподвижной, а звездное небо обращающимся вокруг нее.

Журналист не может представить себе факт, зависимым от особенностей собственного восприятия. Однако именно он должен быть крайне недоверчивым к косвенному источнику информации. «Кому мы доверяем?» — задается вопросом условный продюсер Би-би-си в замечательном сборнике внутренних принципов действия корпорации (BBC Producers' Guidelines). Ответ: двум независимым друг от друга источникам и нашему корреспонденту. Журналист защищает право потребителя на неопосредованный факт собственной подписью, перепроверкой и ссылкой на источник.

Реальное своеобразие российской ситуации состоит в еще не завершившейся переоценке информационных ценностей. Наш читатель-зритель-слушатель постоянно колеблется между полюсами тотального доверия «радио-газете-телевидению» и тотального отторжения «вранья журналистов». Причем переход от полюса к полюсу очень резкий: стоило появиться явственной трещине в СМИ как рупоре власти, потребитель ответил всеобщим отказом верить какой-либо информации. Поняв, как это делалось при советской власти, он спроецировал свое

Рефлексия разработчика профессиональных кодексов

знание на современные СМИ, не разделяя их по жанрам, принадлежности и, что самое главное, продолжая путать источник с медиумом.

В этой ситуации нам необходимо быть предельно и подчеркнута ясными. Необходимо занудливо и скрупулезно выработать и исполнять правила личной журналистской гигиены, действующие не для цеха или корпуса во многом мифического, но для конкретного коллектива, конкретного, простите, органа или средства.

Такова была цель группы журналистов из парламентского пула, разработавших, подписавших и опубликовавших Московскую хартию. Стихийно объединившись в некое подобие Всешутейного Собора — «Клуб любителей съезда», отходя от бесконечных витиеватых и редко плодотворных дискуссий, проходивших на заседаниях высшего (до 1993 года) органа российской законодательной власти, представители российских газет, отечественных и неотечественных радиостанций постепенно решили придать форму тем принципам информационной журналистики, на основе которых они и нашли общий язык. Некоторые положения появившейся таким образом Хартии мне и хотелось бы прокомментировать. Полный текст вы найдете в приложении.

Есть пункты абсолютно хрестоматийные и понятные даже тому, кто их никогда не выполнял и выполнять не собирается. Эти положения касаются распространения, комментирования и критики только той информации, в достоверности которой журналист убежден. Это пункт о злонамеренном искажении фактов и клевете, о журналистском плагиате... Но в той же, например, статье седьмой есть пункт о получении платы за искажение фактов, а в следующем, восьмом, — платы от источника информации. Это уже не всегда понятно, так как подкуп журналиста, во-первых, принимает иногда весьма изощренные формы, а, во-вторых, может не восприниматься как подкуп ни одной из сторон.

Не стоит пить шампанское, заказанное бизнесменом, героем репортажа, пусть даже он сделался твоим приятелем. Рубашка от директора трикотажной фабрики, с которым ты

делаешь интервью, не может быть на тебя надета и т.д. Не стоит появляться на экране с бутылкой прохладительного или горячительного напитка на столе не потому, что это портит план, а потому, что на бутылке есть этикетка. Любимые часы лучше убрать подальше в рукав. Плохо, когда в твоей статье указывается, что ты записал бессмертные слова собеседника на диктофон той или иной фирмы. Это азбука, но все мы видим, что наша безграмотность чаще, чем продажность, позволяет слишком легко и беззаботно жить предпринимателям, а также питать иллюзии всевластия. Я не говорю о более серьезных случаях зависимости от денег той или иной фирмы, но, если инвестор вмешивается напрямую в содержание финансируемого им телевидения, радио или газеты, это свидетельствует о его собственной недалекости. Кстати, политики больше, чем бизнесмены, грешат попытками прямого воздействия на прессу. Причем любого толка политики. Власти не нравится, что в государственных СМИ появляются не только удобные ей факты, оппозиции не нравится все, кроме ее собственных органов.

Примечательно в этом отношении нежелание принять принцип политической неангажированности журналиста. Поэтому пункт шестой Хартии несколько уменьшил количество подписавших документ. Несовместимость профессионального статуса с занятием должности в органах государственного управления, законодательной или судебной власти, а также политических партий и других организаций политической направленности была не очевидна для многих коллег. «Разве не может депутат быть честным человеком?» — звучал вопрос... «Разве искажает факты замминистра X или член руководства ***ской партии Y?»... Нет, возможно, не искажает. Но они не журналисты. Они элементы нежурналистской иерархии, которые в своей профессиональной и общественной деятельности преследуют нежурналистские цели. Конечно, журналист тоже может и, вообще-то, должен стремиться к некоему политическому и общественному идеалу — он же человек и гражданин. Но депутат, например, ограничен в распространении известной ему

Рефлексия разработчика профессиональных кодексов

информации, так же как и министр. Работник государственного аппарата во имя его — аппарата — стабильности тоже не может публиковать все, что знает. Выборный или нанятый член руководства партии не может не хотеть, например, победы своего движения на выборах и при всей возможной честности и объективности неизбежно ведет пропаганду, занимаясь журналистикой.

Подобные же дискуссии вызвало положение Хартии, согласно которому профессиональная деятельность журналиста прекращается в тот момент, когда он берет в руки оружие. Однако если мы не рассматриваем ситуацию, подобную Великой Отечественной войне, в которой исчезает журналистика как таковая, все достаточно очевидно. Журналист, берущий в руки кусок трубы, чтобы обезвредить бандита, не может об этом написать репортаж. Теперь он участник конфликта, и с каким бы христианским или толстовским смирением не писал о своем противнике, он по положению своему не может претендовать на объективность. То же и в любом вооруженном конфликте. Поэтому, кстати, одна из первых программ, предусмотренных Хартией не как символом нашей журналистской веры, а как организацией, был заказ специально маркированных жилетов для коллег, освещающих локальные войны, которыми, к сожалению, богаты Россия и ее окрестности.

Есть еще один пункт, требующий комментария. Необходимость пояснений показала и недавняя конференция по вопросам журналистской этики. Статья вторая Хартии гласит, что «журналист сохраняет профессиональную тайну в отношении источника информации, полученной конфиденциальным путем. Никто не вправе принудить его к раскрытию этого источника». Это единственный пункт, в котором мы предусматриваем противоречие с законом, регламентирующим деятельность СМИ в России. Только по решению суда мы можем выдать своего информатора. Причем здесь нам вроде бы гарантируется неразглашение. Но, если мы сомневаемся в герметичности суда и его документов, тем более если наш источник

принадлежит государственным органам, если мы тревожимся за безопасность информатора (коли дело дошло до суда — все достаточно серьезно), лучше понести наказание, чем потерять доверие к конфиденциальности СМИ. Так что, подписывая этот пункт, мы сознательно выдвигаем на первый план профессиональные и человеческие интересы, ставим «личное выше общественного».

По сравнению со многими сферами общественной деятельности, в которых ангажированность и эксплицитное изложение собственных взглядов главные добродетели, информационная журналистика кажется холодной, циничной и всеядной. С другой стороны, трудно представить себе общество, лишенное полной, разносторонней, беспристрастной информации. Такое общество, как не раз бывало, более удобный полигон для спекуляции, обмана, тоталитаризма. Экстремисты побеждают на выборах не потому, что информацию об их съездах передают СМИ. Журналистика не «четвертая власть». Она стеклянная стена, сквозь которую должно быть видно все, что творится в обществе. А стекло не может быть идеально ровным, идеально прозрачным.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ДЕКЛАРАЦИЯ «Московская хартия журналистов»

Подтверждая общность в понимании нашего гражданского и профессионального долга, мы скрепляем своими подписями настоящую Хартию, и тем принимаем на себя взаимные обязательства способствовать укоренению, распространению и защите в России нижеследующих принципов, уважение которых мы полагаем неременной неоспоримой основой развития честной, свободной, профессиональной журналистики:

1. Журналист распространяет, комментирует и критикует только ту информацию, в достоверности которой он убежден, и источник которой ему хорошо известен. Он прилагает все силы к тому, чтобы избежать нанесения ущерба кому-либо

ее неполнотой или неточностью, намеренным сокрытием общественно значимой истинной информации или распространением ложных сведений.

2. Журналист сохраняет профессиональную тайну в отношении источника информации, полученной конфиденциальным путем. Никто не вправе принудить его к раскрытию этого источника.

3. Журналист отвечает собственным именем и репутацией за достоверность всякого сообщения и справедливость всякого суждения, распространенного за его подписью, под его псевдонимом, либо анонимно, но с его ведома и согласия. Никто не вправе запретить ему снять свою подпись под сообщением или суждением, которое было хотя бы частично искажено помимо его воли.

4. Журналист полностью осознает опасность ограничений, преследований и насилия, которые могут быть спровоцированы его деятельностью. Выполняя свои профессиональные обязанности, он противодействует экстремизму и ограничению гражданских прав по любым признакам, включая признаки пола, расы, языка, религии, политических или иных взглядов, равно как социального и национального происхождения.

5. Журналист сознает, что его профессиональная деятельность прекращается в тот момент, когда он берет в руки оружие.

6. Журналист полагает свой профессиональный статус несовместимым с занятием должности в органах государственного управления, законодательной или судебной власти, а также политических партий и других организаций политической направленности.

7. Журналист рассматривает как тяжкие профессиональные преступления злонамеренное искажение фактов, клевету. Получение при любых обстоятельствах платы за распространение ложной или сокрытие истинной информации, а также плагиат: используя каким-либо образом работу своего коллеги, он ссылается на имя автора.

8. Журналист считает недостойным использовать свою репутацию, свой авторитет, а также свои профессиональные права и возможности для распространения информации рекламного

или иного коммерческого характера, если о таком характере не свидетельствует явно и однозначно сама форма этого сообщения. Журналист не принимает платы за свой труд от источников информации, лиц и организаций, заинтересованных в обнародовании либо сокрытии его сообщения.

9. Журналист уважает и отстаивает профессиональные права своих коллег, соблюдает законы честной конкуренции, добивается максимальной информационной открытости государственных структур. Журналист избегает ситуаций, когда он мог бы нанести ущерб личным или профессиональным интересам своего коллеги, соглашаясь выполнять его обязанности на условиях, заведомо менее благоприятных в социальном, материальном или моральном плане.

10. Журналист отказывается от задания, если его выполнение связано с нарушением одного из упомянутых выше принципов.

11. Журналист пользуется и отстаивает свое право пользоваться всеми предусмотренными гражданским и уголовным законодательством гарантиями защиты в судебном и ином порядке от насилия или угрозы насилием, оскорблений, морального ущерба, диффамации.

Совершено в Москве, 4 февраля 1994 года.

Алек Батчан, Михаил Бергер, Лев Бруни, Сергей Бунтман, Ольга Бычкова, Алексей Венедиктов, Анатолий Вербин, Дмитрий Волков, Наталья Геворкян, Александр Гольц, Владимир Гуревич, Аркадий Дубнов, Равиль Зарипов, Алексей Зуйченко, Ирина Иновели, Сергей Корзун, Владимир Корсунский, Вера Кузнецова, Вероника Куцылло, Анна Мельникова, Сергей Мостовщиков, Леонид Парфенов, Сергей Пархоменко, Маша Слоним, Михаил Соколов, Лев Тимофеев, Юлия Хайтина.

Д. С. Авраамов

**ПОКА НЕ ПЕРЕБОЛЕЕМ
ПРОЛЕТАРСКОЙ КОРЬЮ, ПРИДЕТСЯ
ПУТАТЬСЯ МЕЖДУ ПРАВЫМ И НЕПРАВЫМ**

Эти заметки появились в московских газетах почти одновременно. О разбойном нападении на квартиру режиссера Л.Хейфеца и об избиении в собственном доме, как выразился «Московский комсомолец», «в прошлом популярной телеведущей». Режиссера, который мешал превратить театр в ночной клуб, покалечили и пригрозили убить, если он еще переступит театральный порог. После первых коротких сообщений многие издания продолжали держать возмущенных читателей в курсе событий.

Круг читателей, встревоженных второй заметкой, был, конечно, уже. Женщина была избита неизвестно кем, неизвестно почему. В больницу попала из дому. Скандал вкупе с именем, которое у многих было на слуху, — это любопытно. Какого-либо иного смысла, кроме эпатажа обывателя, в этой заметке усмотреть трудно.

Не хочется верить, будто молодые газетчики сознательно хотели обидеть коллегу, обнародовав ее имя, фамилию, возраст и случай ее горького унижения. Но эдакая подростковая бездумность, с которой подобные заметки публикуются, если не обращать на них внимания, со временем может обернуться не размышляющей жестокостью и профессиональным цинизмом.

Конечно, журналист живет предстоящей встречей с читателем, хочет его привлечь, привязать. Но делать это можно и не нанося ущерба третьим лицам. Ведь уже почти сто лет существуют нормы цивилизованной журналистики (первый кодекс был принят в 1896 году!). Они выработаны коллективным опытом и

поддерживаются профессиональными объединениями в большинстве стран. Может, стоит все-таки к этому опыту присмотреться?

Известно, что любая революция — это сначала отрицание всего и вся. Французы замахнулись даже на календарь. Придумали новые названия месяцам. После октябрьского переворота были охотники не только рушить храмы, но и выбросить на свалку Достоевского с Толстым. А на мораль смотрели как на хитрую выдумку эксплуататоров, на путы, связывающие революционера.

Исторический сдвиг, свидетелями и участниками которого мы являемся, это тоже, видимо, революция. И потому, наверное, у нынешних революционеров случаются рецидивы полного неприятия прошлого опыта, психологии пролеткульта двадцатых годов.

От кого этого совсем не ожидал, так от глубокого и остроумного Дмитрия Быкова из "Собеседника". Но прочитал его «Лечь, суд ползет» и удивился. Автор критикует Закон о средствах массовой информации, подготовленный М.Федотовым, за «две роковые статьи: о защите чести и достоинства и распространении заведомо ложных измышлений». Но ведь на самом-то деле М.Федотов здесь ни при чем. Те статьи, которые Быков называет роковыми, были сформулированы задолго до рождения бывшего министра печати и присутствуют одна в гражданском, а другая в уголовном законодательстве практически всех цивилизованных стран. И журналисты, равно как и остальные граждане, с ними считаются. Сказывается вековая традиция уважать интересы себе подобных.

Если основу нынешней российской Конституции составляют права и свободы личности — любой, а не по выбору публициста, то согласимся, что ее честь и достоинство тоже должны быть защищены законом. Это и предусмотрено Гражданским кодексом. Причем в его седьмой статье (теперь это ст. 152) речь идет не только о печати. "Федотовский" же закон в статье 62 лишь конкретизирует требования Гражданского кодекса.

Рефлексия разработчика профессиональных кодексов

Предусматривает возмещение по суду морального вреда, причиненного распространением «не соответствующих действительности сведений, порочащих честь и достоинство гражданина».

Теперь о второй "роковой" статье, которую не приемлет Д. Быков. Распространение заведомо ложных измышлений называется на русском языке клеветой. Это преступление уголовное. Наказание за него предусмотрено статьей 130 УК, а вовсе не Законом о печати, в котором такой статьи попросту нет. И дел о клевете против газет возбуждается, к счастью, вовсе не так много, как утверждает публицист.

Не буду касаться судебной практики применения Закона о средствах массовой информации. Здесь Д.Быков прав. К рассмотрению часто принимаются совершенно безосновательные иски. Журналистов затаскали по судам. Но на этом основании никак не могу согласиться с ним, будто профессиональная принадлежность освобождает нас от каких-либо обязанностей, соблюдать которые должен обычный гражданин.

Я понимаю желание Дмитрия Львовича открыто и прямо назвать дураком «политического деятеля Н.», но не согласен с ним, будто это «его неотъемлемое право». Желание — да, а права такого у журналиста нет. Напротив, закон (опять уголовный, статья 131) карает за оскорбление, ведь "дурак"-то — слово бранное. Если хочешь представить "Н." в его истинном свете, ругаться незачем. Придется поискать другие определения, а главное — убедительные доводы, чтобы надлежащий вывод читатель сделал сам.

В своей статье Д. Быков обосновывает неприятие тех статей Закона, может, в чем-то другом и устаревшего, которые защищают права личности и без реализации которых свобода печати легко превращается в произвол.

Обо всем этом я уже писал в январской книжке "Журналиста" за 1995 год. И не было бы нужды возвращаться к прошлому, если бы Дмитрий Быков ограничился декларацией своих экстравагантных принципов. Подождал бы и призадумался, почему их не приемлют люди с опытом. Может, не только из априорно приписываемого им консерватизма?

Но нет, молодость нетерпелива. Дмитрий, не мешкая, стал реализовывать свои принципы как публицист и как редактор. Приложение к первоапрельскому номеру "Собеседника", которое он редактировал, состоит из сплошной матерщины. Будто решил выплеснуть на газетные полосы все то, чего в детстве не позволяла писать на заборах интеллигентная бабушка, ограничивая свободу его самовыражения.

Беда нашей журналистики в том, что в условиях тоталитаризма, а потом острейшего политического противостояния было почти невозможно научиться свободному и одновременно ответственному обращению со словом.

Если во всем цивилизованном мире профессиональные корпорации сами регулируют свою деятельность и сами освобождаются от тех, кто нарушает корпоративные нормы, то мы пока оказались неспособны к такому самоочищению. Правда, когда на последнем съезде российских журналистов была предложена резолюция в защиту Д.Быкова, которого привлекли к уголовной ответственности, большинство делегатов ее отвергло. Но не потому, что мы всегда строго блюдем нравственные принципы. Просто случай уж больно вызывающий.

Сейчас нарушениями профессиональной этики у нас, как в Древней Индии, где существовала должность министра морали, вынужден заниматься государственный, а не общественный орган — Судебная палата по информационным спорам аж при самом Президенте. Это, конечно, непорядок, мера, вынужденная бессилием журналистских организаций, растерявшихся от свалившихся на их головы бед.

И дело тут не только в утрате ориентиров. Когда под угрозой существование редакции и сама возможность жить и работать по специальности, то в судорожных попытках выбраться из нищеты уже мало задумываешься над средствами. Не до высших материй, если речь идет о выживании.

Рефлексия разработчика профессиональных кодексов

Поэтому мне понятен скептицизм, с которым многие коллеги прочитали Кодекс профессиональной этики, принятый в июне прошлого года Конгрессом российских журналистов. Вот, к примеру, категорический его императив: «Само сочетание журналистской и рекламной деятельности считается этически недопустимым» Если отнестись к нему на полном серьезе, замечает Алексей Косульников в «Новой ежедневной газете», некоторые редакции придется либо закрыть, либо хотя бы запретить людям, в них работающим, называться журналистами.

Выходит, документ, без признания которого нельзя стать членом Союза журналистов, содержит требования хоть и благородные, но из-за нашей общей неустроенности явно невыполнимые. Создавая видимость активной деятельности Союза по улучшению нравов, но ничего, по существу, не меняя, новый Кодекс служит лишь наглядной иллюстрацией все разрастающейся пропасти между вербальной нравственностью и реальными нравами профессиональной среды.

Как быть, например, с его категорическим запретом журналисту состоять в руководстве политических партий и других организаций политической направленности? Ведь в нынешних условиях жесткой борьбы за власть соблюдение этого запрета отлучает от журналистского Союза по политическим мотивам ярких публицистов. Никого не обманет и компромиссное словечко "в руководстве", вписанное в Кодекс в самый последний момент. Оно только подчеркивает бессмысленность механического переноса норм и правил цивилизованной журналистики в нашу разорванную грубым противоборством прессу.

А ведь этих несуразностей можно было избежать, отказавшись от простого копирования документов, принятых в совсем иных условиях, и не распространять на каждого члена Союза жесткие обязательства, которые человек вправе вменять себе только сам. Но тогда Кодекс не поспел бы к очередному конгрессу журналистов, который нужно было эффектно завершить одобрением основополагающего документа. И не беда, что в зале тогда присутствовало всего человек шестьдесят.

Пусть эти замечания не покажутся брюзжанием одного из авторов первого в нашей стране Кодекса профессиональной этики, принятого еще Союзом журналистов СССР. Но хочу напомнить, что тогдашний проект обсуждался во всех местных организациях, на страницах "Журналиста", прошел международную экспертизу. В него было внесено более 40 поправок.

Вместе с уже упоминавшимся М.Федотовым, в ту пору скромным доцентом заочного юридического института, нам приходилось отбивать атаки и справа и слева. Партийные бонзы обвиняли нас в проповеди абстрактного гуманизма, никак не вязавшегося с принципом партийности, а потому вредоносного. Прорабы же перестройки опасались, как бы Кодекс не ограничил их свободу критиковать все и вся, и потому тоже сомневались, нужен ли он.

В отличие от нынешнего прежний Кодекс не носит характер личного обязательства, кредо, которое обязан подписать каждый желающий быть членом Союза. Это скорее подробный реестр принципов поведения и перечень проступков, которые совершать недопустимо. Несмотря на юридическую сухость формулировок он апеллирует к совести пишущего, потому что при характеристике нарушений обращает внимание на мотивы и побуждения журналиста, которые ведомы лишь ему самому. Главная задача прежнего Кодекса — определение основных ориентиров, которыми сам журналист должен руководствоваться при выполнении своих профессиональных обязанностей. В отличие от нынешнего он не предполагал отлучения от Союза "неподписантов", ибо в такой интимной сфере, как мораль, категоричность и нажим со стороны вызывают чаще всего внутреннее сопротивление.

Возможно, прежний Кодекс в чем-то устарел, он громоздок, сух, слишком подробен. Однако у него есть одно несомненное преимущество перед нынешним, он не содержит невыполнимых требований.

Рефлексия разработчика профессиональных кодексов

Кого-то, вероятно, отпугивает и употребленное в нем (единожды) понятие "советский". Но зачем зажмуриваться и делать вид, будто у нас вовсе нет прошлого. Полагать, будто все, что было прежде, плохо, а история начинается только с нас самих, свойственно, наверное, всем молодым. Десять лет я преподаю на факультете журналистики МГУ. И нередко студент, обогащенный гигантским опытом летней практики, бывает искренне убежден, что его наблюдений и переживаний вполне достаточно, чтобы компенсировать элементарное неведение тех нравственных основ, которые выработаны многими поколениями журналистов и осмыслены этической наукой. Обычно после пересдачи зачета студент все-таки начинает понимать, что его личные наблюдения нуждаются в дополнении знанием. Но такое понимание приходит, видимо, не ко всем, и иные до седых волос полагают, будто чей-то индивидуальный, пусть и богатый, опыт может стать основой всеобщей нравственности.

Составители Российского кодекса не скрывают, что взяли за основу Московскую хартию журналистов. И действительно, документы похожи как две капли. Но на деле разница между ними грандиозная. Московскую хартию подписали двадцать семь человек, которые определили принципы поведения, приемлемые для них самих. В частности, они решили обойтись без членства в политических партиях, отказались не только распространять, но даже комментировать и критиковать ту информацию, в достоверности которой они не убеждены и источник которой им не известен. Эти требования могут быть неприемлемы для других, но подписавшие Московскую хартию их никому и не навязывают.

Этого, к сожалению, не скажешь об участниках Конгресса журналистов России. Там шестьдесят конгрессменов взяли на себя ответственность предложить принципы поведения, обязательные для шестидесяти тысяч человек, не слишком озаботившись, все ли из них выполнимы.

Между тем формальное одобрение нового Кодекса и его ритуальное массовое подписание вряд ли как-нибудь отразятся

Раздел 2

на состоянии нравов журналистской среды. Это, видимо, почувствовали и делегаты съезда Союза журналистов России, который проходил в конце 1995 года. Принимать или не принимать уже одобренный конгрессом Кодекс? Тем более что проведенная незадолго до съезда конференция по профессиональной этике решительно высказалась против навязывания сверху всем и вся единого нравственного шаблона.

Эта конференция была организована Российско - американским информационным пресс-центром и организацией «Фридом Форум». Ее участники, журналисты из самых разных регионов, попытались не только осмыслить нравственный опыт зарубежной прессы, но и найти приемлемые формы его применения на российской почве, которая окаменела за годы тоталитаризма, и пока над нашим "я" нет внутреннего сторожа, пока мы не переболеем пролетарской корью, нам, к сожалению, еще придется путаться между правым и неправым и совершать поступки, навязывающие ощущение вины.

Формальным способом не получится, чтобы в душе каждого из нас заговорил представитель общества, этокое фрейдовское "сверх-Я". Более действенным мне кажется путь иной, не сверху вниз, а снизу, когда сотрудники одной редакции или просто группа коллег принимает на себя некие обязательства, за соблюдением которых сами же и следят. Подобные правила, я знаю, существуют в редакции "Известий", в межгосударственной телерадиокомпании "Мир". Наконец, в проекте федерального закона «О телевидении и радиовещании» предусмотрено, что каждая телерадиокомпания разрабатывает для своих сотрудников специальный кодекс вещания, в котором, в частности, будут оговорены правила журналистской этики и профессиональной ответственности сотрудников компании.

Плохо, конечно, что подобные предписания диктует нам не чувство долга, а закон. Однако грех к нему не прислушаться, если нравственное чувство молчит, а закон все же подсказывает какой-то выход из кризиса. Главная язва этого кризиса даже не многократные нарушения профессиональной этики. Такое

Рефлексия разработчика профессиональных кодексов

случается во всех странах. Страшны не они. Страшно, когда своего поведения люди не стыдятся, когда нравственными нормами пренебрегают демонстративно, а окружающие делают вид, будто ничего не произошло.

Только когда мы сами перестанем присаживаться с этими людьми на одном поле, когда не Судебная палата накажет, а коллеги отвернутся от наглеца и тот, почувствовав себя неуютно, грешить станет уже с оглядкой, только тогда страх, а потом, может быть, и стыд заставят его считаться с нормами цивилизованного поведения.

Однако такого коллективного отпора цинизму для нравственного оздоровления корпорации все-таки недостаточно. Оно произойдет, когда мы избавимся от страха за будущее. Когда не нужно будет выбирать между правдой и банкротством редакции. Разрешение моральных проблем всегда лежит вне самой морали.

Если мы не на словах, а на самом деле признаем себя «четвертой властью» в обществе, то нам должно быть под силу лоббировать такое законодательство, которое обеспечит прессе возможность честно выполнять свое предназначение, а обществу получать от нее правдивую информацию о том, что его ожидает.

О.В.Дикарева, А.А.Игнатъев, В.А.Смехов

КОРПОРАТИВНЫЙ ЭТОС ЖУРНАЛИСТСКОГО СООБЩЕСТВА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ И ДИАГНОЗ СИТУАЦИИ

ВВЕДЕНИЕ. В наше время глубоких экономических и социально-психологических преобразований, духовного и нравственного перерождения, в условиях кризиса, хаоса и нестабильности, особое значение приобретает профессиональный этос, который бытует или вновь формируется в различных корпоративных группах российского общества.

Практически во всех общественных сферах (политической, экономической, академической, правоохранительной, криминальной и т.д.), существует необходимость формирования профессионального этоса различных корпоративных социальных групп, декларированных и не декларированных норм и правил, которые смогут регулировать некоторые взаимодействия и взаимоотношения внутри и вне этой группы. Такие правила и нормы помогают данной социальной группе самосохраниться и вписаться на определенных условиях в социальную структуру общества. Чем легальнее конкретная социальная группа в демократическом обществе, чем больше она нуждается в позитивном образе в глазах общественности и чем больше для решения своих социальных задач она нуждается в корпоративном единстве, тем больше такая группа нуждается в социализации и декларации своих норм и ценностей. В результате этого процесса возникает профессиональная этика, т. е. социализированная и кодифицированная часть профессионального этоса.

Настоящая работа посвящена проблемам, возникающим при социализации профессионального этоса одного из россий-

Рефлексия разработчика профессиональных кодексов

ских сообществ. Это профессиональное сообщество состоит из представителей средств массовой информации (далее СМИ) и, следовательно, призвано осуществлять так называемую «четвертую власть». В странах с развитыми традициями гласности и свободы слова, со сформированным гражданским и ментальным этическим пространством подобная задача решается принятием системы профессиональных этических кодексов. Как правило, Кодекс содержит описание миссии, ценностей и добровольных социальных ограничений и самоограничений, которые принимают и которыми руководствуются члены определенного сообщества, будь то профессиональное сообщество, конкретная организация или социальная группа.

В нашей стране подобная практика кодификации корпоративных профессиональных этических норм только зарождается. Одним из шагов в этом направлении стал Кодекс профессиональной этики российского журналиста, который был предложен и одобрен на Конгрессе журналистов России в июне 1994 года. Для того чтобы оценить готовность всего профессионального сообщества к принятию каких бы то ни было кодексов вообще и собрать рекомендации для доработки и усовершенствования уже одобренного Кодекса, была приглашена группа специалистов по организационному развитию, в составе психологов-консультантов и социолога. Им было предложено провести серию встреч в нескольких регионах России с представителями различных СМИ для интенсивного обсуждения указанной проблематики, сбора материалов и их дальнейшего анализа.

Заказчиками такой работы стали Российско-Американский информационный пресс-центр (организатор и координатор работ), Союз журналистов России, фонд "Гласность", Комитет защиты прав журналиста, «Фридом Форум» (спонсор работ). В общем виде цели проводимой работы заключались в выявлении того, как осознаются широким кругом российских журналистов проблемы профессионального этоса, в прояснении их отношения к задачам кодификации, декларации и внедрения в повседневную практику профессиональных этических норм. Для участия в рабочих семинарах в регионах были приглашены корреспонденты, обозреватели, редакторы, пресс-секретари,

преподаватели и студенты факультетов журналистики (всего 110 участников).

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ. Первоначальная инициатива проведения выездных сессий в различных регионах России была связана с необходимостью, во-первых, выяснить реакцию широкого круга журналистов на Кодекс профессиональной этики российского журналиста, разработанный в Союзе журналистов и одобренный Конгрессом журналистов России в июне 1994 года, во-вторых, собрать мнения, предложения, уточнения и дополнения для его доработки. Смысл этой акции заключался в том, чтобы Кодекс был проработан не только "сверху", но и "снизу".

В ходе предварительных переговоров по прояснению запроса авторы предложили расширить первоначально поставленную задачу, с тем чтобы выявить отношение журналистов к идее кодификации профессиональных этических норм. Людям нужна причина для работы над Кодексом. Для того чтобы появился мотив совершенствовать Кодекс, должна существовать потребность в кодификации правил профессионального взаимодействия и ощущение своевременности и реалистичности этой работы. Необходимо было выяснить, есть ли вообще такая потребность в журналистской среде и как ее актуализировать.

В связи с изложенными соображениями авторы в ходе работы постарались ответить на следующий круг вопросов:

1. Существуют ли согласованные правила и нормы профессионального поведения журналистов в ситуациях, связанных с этической проблематикой? Отлажены ли внутренние механизмы действия норм или они действуют стихийно, существуя как нравы сообщества СМИ? Какие моральные стандарты существуют в типовых профессиональных ситуациях журналистов? В каком отношении к реально существующему профессиональному этосу (своду не оговоренных и не прописанных, но реально действующих норм и правил) находится предложенный на обсуждение Кодекс профессиональной этики Российского журналиста? В какой степени он отражает действующие на

Рефлексия разработчика профессиональных кодексов

практике правила и нормы этического регулирования профессионального поведения журналистов, а в какой задают новые?

2. Как общая ситуация, сложившаяся в российском обществе в целом, отражается в тех этических профессиональных нормах, которым реально следуют журналисты? Кто является "источником" профессиональной этики журналистов: корпоративные структуры власти, публика, различного рода «заинтересованные группы», профессиональное сообщество журналистов? Является ли эта этика устойчивой и хорошо артикулированной или противоречивой и не отрефлектированной?

3. Какие существуют перспективы превращения СМИ в «четвертую власть» с присущей ей этикой независимой прессы? Что может мешать развитию журналистского сообщества в этом направлении?

4. Какова перспектива кодификации норм в российских средствах массовой информации? Поддается ли существующий этос кодификации в принципе или он носит латентный, маргинальный или даже криминальный характер?

Авторы исходили из того, что по типу профессиональной этики средства массовой информации могут быть классифицированы в соответствии с тремя "моделями" прессы: официальной, партийной и независимой (свободной).

В случае официальной (государственной) модели прессы источником профессиональной этики являются органы государственной власти, а сами журналисты — должностными лицами, находящимися на государственной службе.

В случае партийной модели прессы источник этических норм и правил — различные заинтересованные группы общества; журналисты же видят себя работниками наемного труда.

Независимая или свободная пресса источником этического регулирования предполагает профессиональное сообщество, в котором журналисты — это лица свободных профессий.

В настоящей публикации авторы сосредоточились на тех

выводах, тема которых вынесена в заголовок этой статьи.

ДИАГНОЗ ПРОБЛЕМНОЙ СИТУАЦИИ. В ходе работы, проведенной с группами журналистов пяти региональных центров России, получены результаты, которые (с известной уверенностью) позволяют утверждать, что комплекс проблем, связанных с разработкой и приведением в действие Кодекса профессиональной этики российского журналиста, обусловлен не столько содержанием или текстуальным оформлением конкретного документа, предложенного к обсуждению Союзом журналистов России, сколько общим состоянием корпоративного сообщества средств массовой информации в постсоветской России, отношениями этого сообщества с другими социальными группами (прежде всего с публикой и властью), а также той культурой коммуникативного действия, которая унаследована этим сообществом из советского прошлого и поддерживается не только чисто психологической инерцией (привычными, ставшими традицией стереотипами действия или моральной рефлексии), но и теми «правилами игры», по которым реально живет нынешнее российское общество как целое.

Профессиональный этос (набор неформальных и неcodифицированных норм и правил), фактически действующий в журналистской практике, безусловно существует. Об этом свидетельствуют как прямые высказывания участников семинаров о неписаных правилах, которые знает любой сотрудник СМИ, так и промежуточные результаты некоторых этапов групповой работы, в ходе которых участники, моделируя игровую ситуацию, оказывались перед необходимостью придумывать нормы, регулирующие профессиональную деятельность. Наличие таких неформальных, однако достаточно жестких «правил игры» превращает усилия по разработке и встраиванию в повседневную профессиональную практику Этического кодекса журналистов (каково бы ни было его содержание или текстуальное оформление и какая бы инстанция не выступала с соответствующей инициативой) в достаточно сложное социальное нововведение, требующее не только основательной предварительной проработки самого документа, но и целого комплекса мер

Рефлексия разработчика профессиональных кодексов

по его информационной и организационной поддержке,

которые в данном случае, судя по всему, не предполагались.

Анализ высказываний участников дискуссий позволяет предположить, что предъявляемый профессиональный этический Кодекс ни прямо, ни даже косвенно не соотносится с этими реальными «правилами игры» («этот Кодекс сейчас соблюдать невозможно», «Кодекс никогда не будет работать в журналистской практике», «если ввести Кодекс, то 80% журналистов вылетят из профессионального сообщества»), вследствие чего рассматривается как не слишком продуманный, чисто авторитарный акт, чреватый эффектами «раскачивания лодки», обострения структурных конфликтов как внутри сообщества средств массовой информации, так и за его пределами (в сфере отношений между СМИ и другими подсистемами общества или его социальными группами). В подобной ситуации Кодекс может быть принят в той степени, в какой отражает реально действующие нормы профессиональной этики или предлагает эффективную альтернативу этой этике, поддерживаемую достаточно действенными механизмами социального контроля. Предложенный на обсуждение проект Кодекса, с одной стороны, не кодифицирует существующих на практике норм (о чем было сказано выше), с другой — не конституирует никакого нового профессионального этоса (для этого он слишком расплывчат, что в качестве его существенного недостатка отмечали участники, и не предусматривает конкретных дифференцированных процедур контроля за его соблюдением). Отсюда естественное сопротивление журналистов попыткам «нормотворчества сверху».

Описанная ситуация дополнительно обостряется тем, что, судя по характеру выполнения участниками групп игровых заданий на профессиональные действия в условиях «антиэтики», для сообщества журналистов характерна так называемая «негативная идентификация» с нормами профессиональной этики, реально сложившимися в российских СМИ, вследствие чего отношение к самой идее кодификации этой этики приобретает

отчетливо-амбивалентный характер («Кодекс нужен, но не такой»). Эта оценка, по-видимому, отражает сосуществование общей позитивной установки по отношению к самой идее Кодекса с негативной по отношению к любым ее конкретным реализациям.

Кроме того, «негативная идентификация» с существующим корпоративным этосом, в частности, может означать, что для журналиста профессиональная ситуация в этическом смысле распадается на два плана: план непосредственного выполнения своей профессиональной работы и план ее оценки, в которых действуют «кодексы», находящиеся в «зеркальных» отношениях друг к другу, и прерогатива этической оценки деятельности журналиста принадлежит не самому журналисту, а делегирована вовне.

В дополнение к этому систематизация предъявленных участниками этически трудных для них ситуаций, предложение о необходимости введения в Кодекс раздела о внутриредакционной этике позволяют предположить, что сообщество журналистов и сообщество главных редакторов представляют собой две достаточно дифференцированные профессиональные группы с различающейся корпоративной этикой, а, следовательно, проблемы этического регулирования отношений, возникающие внутри журналистского сообщества, нуждаются в раздельном рассмотрении и в рамках единого документа решены быть не могут. Представляется целесообразным разработку и принятие этических нормативных документов для руководств изданий, составляющих очень влиятельную часть профессионального журналистского сообщества.

В более общем плане текущую проблемную ситуацию существенно осложняет разрыв между структурами политической и экономической власти, характерный для нынешнего российского общества в целом.

В то время как институты государства сохраняют достаточ-

но серьезные ресурсы юридического и административного принуждения, "авторитет" легитимной власти, основным источником экономических ресурсов (а также в значительной степени и ресурсов, обеспечивающих мотивацию в чисто профессиональной сфере, включая и перспективу карьеры) являются различного рода «заинтересованные группы» общества, что придает реальным «правилам игры», по которым приходится действовать российским журналистам, очевидную двойственность и противоречивость. Эта ситуация дополнительно подкрепляется чисто психологической зависимостью от стереотипов уходящей культуры коммуникативного действия, что порождает множество конфликтов как внутренних, так и внешних, достаточно хорошо артикулированных в процессе работы, в равной степени как в Москве, так и в регионах. Кроме того, по видимому, журналистам не хватает стратегий личного профессионального выбора, отсутствует навык принятия автономных решений в этически трудных профессиональных ситуациях, то есть решений под личную ответственность и, соответственно, личный риск. Мышление «должностного лица», находящегося на государственной службе, и постепенное осознание своей социальной миссии как представителя независимой «четвертой власти» порождает внутренне противоречивую конфликтную ситуацию в сознании участников, которая, в частности, проявляется во взаимоисключающих требованиях к этическому профессиональному Кодексу. С одной стороны, настойчиво проявляется потребность в получении авторитарных инструкций «что можно, что нельзя», выполнение которых гарантирует "правильное" поведение в ситуациях этического выбора и, соответственно, избавляет от необходимости принятия на себя моральной ответственности за собственные действия, с другой — постепенно складывается понимание, что этическое профессиональное поведение журналиста неразрывно связано со способностью и умением осознанно совершать личный выбор в ситуациях, не поддающихся правовому регулированию. Острота описанного внутреннего конфликта обусловлена, в частности, размытостью, неопределенностью нормативной этической ориентации.

В сознании журналистов одновременно отражены как фрагменты этики "официозной" прессы (где государству отводится роль привилегированного источника материальной и юридической поддержки, публика рассматривается как пассивный объект информационного и пропагандистского воздействия, которому нужно объяснять, формировать представление и т.п., а сам журналист свою текущую статусную позицию в обществе сравнивает со статусом политиков, представителей "аппарата"), так и этики независимой прессы, в которой источником корпоративных норм является само сообщество журналистов, которое «создает профессиональное общественное мнение по этическим проблемам» и «следит за соблюдением этического Кодекса».

Наличие двух этик делает невозможной нормальную профессиональную деятельность в рамках любой из этих моделей (официозной и независимой) и требует какого-то компромиссного варианта. "Интегрированная" профессиональная этика возникает и приобретает относительную устойчивость только на базе так называемой партийной модели прессы, этика которой характеризуется амбивалентным отношением к институту государственной власти («...государство должно заботиться об установлении налоговых льгот...» и «...финансовая независимость от властей» и т.п.) размытостью, неопределенностью, непониманием своей социальной миссии как представителей «четвертой власти»; отношением к различным социальным группам, которое описывается широко распространенной метафорой «кто платит деньги, тот и заказывает музыку».

Этот компромисс, однако, остается внутренне конфликтным и неустойчивым, что, с одной стороны, открывает достаточно широкую перспективу для различного рода инициатив, связанных с превращением СМИ в институт гражданского общества (чему, по-видимому, и должен содействовать Кодекс), а с другой — провоцирует и органы государственной власти, и соответствующие «заинтересованные группы», реально находящиеся у власти, к установлению достаточно жесткого контроля

над СМИ, т.е. к реанимации «официозной прессы» с ее специфической этикой; в том же направлении журналистов подталкивают как собственные социальные рефлексии, так и вполне реальная тенденция к превращению СМИ в инструмент психологической и пропагандистской («холодной») войны между отдельными «заинтересованными группами» общества — ситуация, которая превращает журналиста в заложника коллизий, возникающих в процессе борьбы за власть.

Как известно, подобная ситуация остается за пределами какой бы то ни было корпоративной этики и может быть преодолена лишь инициативами в чисто юридической сфере, путем принятия пакета нормативных документов, уточняющих и детализирующих положения Закона о СМИ, тогда как любые этические Кодексы остаются пустой декларацией.

Такая проблемная ситуация (естественная и даже неизбежная в любом обществе, переживающем достаточно радикальную трансформацию) дополнительно осложняется тем, что «правила игры», реально действующие в российских СМИ, сохраняют по большей части диффузный и латентный характер (т.е. существуют и воплощены главным образом в частичных и фрагментарных психологических стереотипах или чисто групповых социальных рефлексиях). Вследствие этого их реальная согласованность на уровне корпоративного сообщества СМИ обеспечивается не столько наличием некоторых единообразных (пусть не вполне осознаваемых или тем более кодифицированных) норм, сколько текущим и весьма изменчивым «балансом» межличностных и межгрупповых связей (отношений влияния, зависимости, чисто ситуационной солидарности или конкуренции). В свою очередь они не поддаются кодификации в принципе; побуждают (в том числе и самих журналистов) поддерживать саму идею установления известных и достаточно жестких, но при этом чисто правовых, юридических рамок, защищающих государство, общество или индивида от корпоративного эгоизма или сугубо личного произвола, но не предпо-

лагают никакой другой профессиональной этики, кроме чисто мафиозной. Это открывает достаточно широкие (пусть и не всегда реализуемые) возможности для коррупции средств массовой информации или даже формирования на их основе различного рода "теневых" структур власти, стратификации и социального контроля (ожидания, которые в полной мере обнаружилось в период вооруженного конфликта в Чечне). (Существование мафиозной этики не оправдывает, но объясняет подозрения, высказывающиеся в адрес некоторых российских СМИ в связи с их позицией относительно чеченских событий.)

В подобной проблемной ситуации любая попытка ввести Кодекс (каким бы ни было его содержание) неизбежно оборачивается актом корпоративного эгоизма, защитой интересов какой-то конкретной заинтересованной группы, мерой по установлению ее контроля над СМИ.

Такая общая оценка ситуации, сложившейся сегодня в российских средствах массовой информации, безусловно, требует куда более развернутого и детализированного обоснования, чем то, которое обеспечивает результаты проведенной работы (в частности, указывая на актуальность дополнительных исследований, социологических и психологических). Однако она естественным образом вытекает даже из достаточно поверхностного и сугубо предварительного анализа полученных нами ограниченных результатов. Вследствие этого такая оценка может рассматриваться как вполне продуктивная «рабочая гипотеза» относительно характера той проблемной ситуации, которую артикулируют и с разрешением которой сопряжены усилия по разработке и приведению в действие Кодекса профессиональной этики российского журналиста. Как, впрочем, и любых других документов, нацеленных на формирование эффективной и кодифицированной профессиональной этики СМИ в постсоветской России.

Л. В. Поляков

ЖУРНАЛИСТСКАЯ КОРПОРАЦИЯ: ВЫЖИВАНИЕ В ДУХЕ ЧЕСТИ

Размышления о профессиональном этосе журналистской корпорации, о специфическом корпоративном духе, о формах и способах кодификации этических норм, присущих (или вменяемых?) журналистской профессии, относятся к разряду в той или иной степени "сильных" идеализаций. Модус долженствования неизбежен в такого типа дискурсе и предполагает некоторую оторванность, дистанцированность от реальной практики современной российской журналистики. Однако определение этой "дистанции" едва ли возможно без первичного погружения в контекст, без попытки понять сущность этой практики в ее формах, далеко не всегда до конца осознаваемых самими "актерами".

На мой взгляд, наиболее удобную стартовую площадку для исследования представляет рубеж 1994—1995 годов. Этот период вернул в нашу жизнь, казалось бы, давно позабытую черту: почти тотальное противостояние власти и прессы. Непосредственной причиной этого оказалась военная операция по восстановлению конституционного порядка в Чеченской республике, по защите суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации. Но при внимательном рассмотрении проблемы появляются серьезные основания полагать, что «Чеченский кризис» — лишь повод для давно назревавшего и наконец происшедшего выяснения отношений между властью и прессой.

Конфликт между недавними союзниками, совместно противостоявшими в течение 1992—1993 годов "краснокоричневому" альянсу, разразился с эффектом полномасштабной смены декораций, и наблюдателю, который каким-то образом сумел бы, скажем, из сентября 1993 года перенестись сразу в декабрь

1994 года, наверняка показалось бы, что он присутствует при последних днях «антинародного временного оккупационного режима», против которого восстала «совесть нации» в лице одной «ново-независимой обще-ежедневной» газеты комсомольско-духовной оппозиции с многообещающим названием «Завтра». Разумеется, в такой картинке есть известная доля преувеличения. Но в то же время, как известно, «тон делает музыку», а то, что пресса и власть уже несколько месяцев сожительствуют в тональности мрачного минора, чувствует каждый, имеющий самое обычное, а отнюдь не музыкальное ухо.

Противостояние на слуху и на виду. Обвинения в продажности, в предательстве интересов России перебрасываются со стороны на сторону со скоростью теннисного мяча в матче профессионалов первой десятки рейтинга АТР. Ко многому привыкшее население, все же несколько ошарашенно наблюдая альянсы Невзорова с Ельциным, а Гайдара — с Анпиловым, узнает как бы между прочим, что то ли в России уже установилась полицейско-авторитарная диктатура, то ли еще устанавливается, то ли непременно установится со следующего понедельника. Кандидаты и претенденты в диктаторы называются в прессе под слегка измененными или своими собственными именами. Методы осуществления также представлены в полном наборе: от пресловутой табакерки до импичмента и частей регулярной армии.

В общем, как заметил кто-то из журналистов, мы имеем в России не столкновение «первой» и «четвертой» властей, а просто власти, давно и хорошо нам знакомой, а сейчас сбрасывающей неудобный, маскарадный «демократический» наряд, и антивласти — свободной, демократической прессы (печатной и электронной), сохраняющей верность тем идеалам и ценностям, под которые, собственно говоря, власть нынешняя (т.е. Президент в конечном счете) и избиралась.

Что же привело к такому финалу?

Есть версия председателя думского комитета по информационной политике и связи М.Н.Полторанина, которую он изложил в интервью «Российской газете» (21 января 1995 г.)

По его мысли: «Всем ходом посткоммунистического развития России мы должны были сползти в такую ситуацию. Причина — в несовместимости темпов реформирования системы средств массовой информации с темпами реформирования иных политических и экономических институтов государства... С откатом нынешней политики государства от демократических ориентиров этот разрыв постоянно увеличивается. А раз так, то возрастает и степень конфронтации».

С первого взгляда версия выглядит вполне убедительно. Действительно, власть с памятных августовских дней 1991 года изрядно трансформировалась — и в кадровом, и в институциональном смысле. Институциональна Россия сегодня — страна, где только ленивый не берется «на два прихлопа, три притопа» доказать, что «народ безвластен», «Дума бессильна», а конституционный статус главы государства содержит все признаки авторитарного режима или даже конституционной монархии. Кадры — не совсем те, что повели Россию в модернизационный прорыв, и унылая песня о «номенклатурной демократии» убаюкивает наш разум, готовый «вскипеть возмущением» при виде отнюдь не поражающих благообразием и интеллектом физиономий «правительствующих лиц».

Но странное дело. Тот же Полторанин, в том же интервью утверждает: «Понимания России — вот чего подчас не хватает даже порядочным журналистам». А уж «непорядочные» — совсем народ пропащий: «Для таких нестабильность в государстве — лучший способ половить рыбку в мутной воде. Как только стабильность начинает восстанавливаться, они тут же принимают трясти Россию через свои СМИ». А есть еще и просто «недалекие». О них нижеследующее: «Независимые СМИ постоянным стравливанием политиков сами участвуют в развале демократического движения. А угроза опасного перерождения режима в России действительно налицо».

Вот так и выходит: вроде бы СМИ и превзошли в реформаторстве другие отрасли и институты государства, но от этого России и россиянам — никакой пользы, кроме вреда.

Во-первых, никто сегодняшнюю Россию не понимает; во-вторых, те, кто понимают, специально ее "трясут"; в-третьих, те же "независимые" своими же руками пилят «сук демократии», на котором хоть с грехом пополам, но все еще сидят. Тогда становится понятной основная мысль полторанинского проекта по окончательному "освобождению" СМИ: «действительно независимым сегодня может быть только государственное издание»! Стало быть, в конфликте «власть — пресса» выбор делается в пользу первой, пусть отошедшей от «демократических ориентиров», но все же более основательной и надежной.

Есть еще одна версия, предложенная помощником Президента РФ Г.Сатаровым. По его мнению, конфликт между властью и прессой никогда не прекращался, а лишь перешел на время в латентную фазу. «Чеченский капкан» активизировал этот конфликт, и «либеральная пресса, выполняя со времен перестройки функцию политической оппозиции и не перестав выполнять эту функцию сейчас, играет по правилам политики» (Литературная газета, 25 января, 1995). А это — запрещено. «Политика по своей сущности — черно-белая. Я не могу победить своего политического оппонента, если не скажу, что правда только одна и моя, а правда противника — ложь». С этой точки зрения вполне закономерен общий вывод, сделанный Г.Сатаровым: «Наша пресса к демократии не имеет отношения. Не нужно путать свободу слова как возможность говорить, с осуществлением, обеспечением конституционных прав граждан на информацию».

После всего сказанного странно услышать от Г.Сатарева следующее: «Я искренне считаю, что в сложившихся взаимоотношениях власти и прессы первична вина власти. Но считаю также, что в этой вине есть доля, так сказать, объективная. Навивно ожидать, что власть с учетом всех кадровых нюансов, может переделаться за несколько лет, так же как и люди вообще!» В чем же эта мистическая "вина" власти, если пресса нарушила «запрет на политику» и вступила в «черно-белый»

мир, где действует логика «либо — либо»? Могла ли власть — и, самое главное, должна ли была — воспрепятствовать такому "грехопадению" прессы? Неужели Г.Сатаров допускает, что весьма двусмысленный принцип формирования правительства «Нам не нужны политики — нам нужны профессионалы» можно распространить и на СМИ? Впрочем, неважно, что допускает помощник Президента, важно, что в этой привычной аббревиатуре — СМИ — как раз и «зарыта собака».

По всему судя, романтический период посткоммунистического сожительства власти и СМИ закончился. Это значит, что принципиально изменились сами субъекты этого конкубината. Власть из разрушительного антикоммунистического тарана, пробивающего стены тоталитарной казармы и крушащего «советский интерьер», превращается в опорный каркас российской государственности. Это — единственное и достаточное ее, так сказать, "оправдание", ее *raison d'être*, ее "идеология". И люди, наполняющие этот каркас, обязаны информировать общество о своей деятельности и — во многих случаях — о своих намерениях что-то делать или, наоборот, не делать.

В этом смысле власть и есть единственно нужное «средство массовой информации» (СМИ), через свой официозы (прессу, теле-, радиоканалы) снабжающее граждан России и остальной мир необходимыми для цивилизованного существования знаниями о себе. А так называемые СМИ должны, наконец, превратиться в то, что именуется торжественно-латинским «*mass media*», то есть «всеобщим посредником», «духовным телом» (ни в коем случае не путать с духовностью!) гражданского общества.

Госчиновник, сетующий на то, что пресса занялась политикой вместо того, чтобы объективно-профессионально поставлять обществу информацию, или лукавит, или основательно "очарован" той самой властью, которую со всей искренностью винит. Думец, депутат, представитель интересов своих избирателей, утверждающий, что независимой может быть только

”государственная” пресса, очевидно, имеет в виду знаменитый девиз Луи XIV.

Но и представителям «mass media» невредно кое- что понять. Удобное время ”кухонной”, ”площадной” и другой ”вообще” - оппозиции должно же когда-нибудь кончиться. Вечная война с фантомом власти — занятие мазохистски увлекательное, но малодостойное людей граждански ответственных. Хотя, прав Полторанин, во времена, подобные нашему, могущее принести приличные дивиденды.

Но тут-то и должен проявиться наш — власти и гражданского общества — общий интерес (не тот ли самый до сих пор необнаруженный национальный интерес России?) в том, чтобы российская государственность строилась не по принципу казино и даже не по принципу биржи. По справедливому напоминанию другого помощника Президента — А.Лившица, знаменитый меценат и филантроп Дьердь Сорос ”тряс” английский фунт, играя все-таки на нью-йоркской бирже и пользуясь — вполне легально — ”прискорбными” обстоятельствами, способствовавшими опусканию британской национальной валюты.

Похоже, что сегодня мы стоим на развилке, обозначенной еще Петром Столыпиным: или «великая Россия», или «великие потрясения». Выбор зависит от того, насколько власть освоит не привычную для себя роль СМИ, а бывшие СМИ превратятся в суперструктуру российского гражданского общества, способную не просто выдержать давление государственной конструкции, но и придать ей ту легкость, которая отличает государственность цивилизованных стран.

Выдвигая такую версию журналистики, как, выражаясь по-веберовски, «профессии и призвания», я достаточно ясно сознаю, если не просто ее утопичность, то, по крайней мере, сомнительную пригодность в качестве регулятивной идеи. Сомнительную потому, что — опять - таки возвращаясь к реальности — те зримые и незримые ”регуляторы”, которые определяют сегодняшний журналистский этос и, косвенно — «дух кор-

порации», устроены (пока или уже — вот в чем вопрос!) отнюдь не так, как предполагает вышеописанная идеальная конструкция.

Чтобы понять это "устройство" предположим, что деятельность журналиста разворачивается в пространстве, маркированном альтернативными знаками "информация" — "дезинформация". Искомый дух, кодекс чести журналистского сообщества внешне (что не всегда значит "ханжески") ориентирован на информацию, т.е. объективность, беспристрастность (вспомним хотя бы часть девиза одной московской газеты), фактичность. Это подразумевает сама сакраментальная аббревиатура "СМИ", ставшая практически "родной" (как в свое время в Советской Армии аббревиатура "ЧМО") как для начальственных инстанций, так и самого пишущего "поголовья". Однако язык повседневности выговаривает лишь то, что имеется за душой у его носителей. А имеется, да простится мне лишь одно философское наблюдение, прискорбный эпистемологический провинциализм, который можно территориально определить примерно так — после марксизма-ленинизма, но до К.Манхейма.

Именно этот провинциализм, подкорково верящий в самую возможность объективной информации или ставящий знак равенства между объективностью и информацией, заряжает власть (или отдельных ее носителей) праведным гневом по поводу ловко придуманных (точнее, переведенных с английского) каким-то из горбачевских советников «жареных фактов». Но он же (провинциализм) составляет саму текстуру массового журналистского морального пафоса в противостоянии не то с Голиафом, не то Левиафаном, у которого принципиально важно узнать (выкрасть, купить, подслушать и т.п.) информацию-факт.

Провинциальная драма борьбы за объективность информации по принципу тyani-толкай существенно потеряла бы в своей остроте, если бы основная посылка социологии знания хотя бы на мгновение озарила интеллектуальный аппарат борющихся. Воистину, лучше поздно, чем никогда, признать, что в межгруп-

повом человеческом общении "правдой" может быть только газета, а в реальности есть лишь многоликость лжи ("субъективности", выражаясь академически) — множество идеологий и утопий, от имени которых и вещает в пространство социума любой конкретный индивид вообще, а журналист — по долгу службы. Из этого признания и следует тот вывод об "эпистемологической" монополии власти на информацию, в рамках которого журналистской корпорации отводилась роль суперструктуры гражданского общества.

Добавить к сказанному выше можно лишь то, что "информация" (или то, что под ней следует подразумевать, если освоить "столичный" подход социологии знания) — единственно возможный язык власти в цивилизованном обществе. Всякий отход властной инстанции (или лица) от этого языка в момент общественно значимой коммуникации (*ex officio*) сам по себе может служить шкалой для измерения степени цивилизованности данного общества. Однако это язык, а как известно со времен Витгенштейна, языковые игры принципиально неформализуемы. Значит, даже в идеальной ситуации информационной чистоты данного дискурса власти остается некий иррациональный осадок, предполагающий хотя бы минимальные искажения на выходе — то есть в сознании потребителя. А если еще добавить обстоятельства времени, места и действия, порядок слов, интонацию, выражение лица и т.д., то идеально задуманный чисто информационный властный дискурс обрастает такими "довесками", что у "посредника" — передатчика информации — открывается широкое поле для самой неожиданной аранжировки. И тогда простая дихотомия «информация — дезинформация» начинает наполняться теми конкретными "регулятивами", о которых лучше знать, если само журналистское сообщество хочет понять свой корпоративный дух и выразить его в виде «кодекса чести».

Суровая реальность нынешнего журналистского бытия — конкуренция, борьба за тираж, за собственное физиологическое выживание. Обходиться функцией транслятора

информации — достаточно хорошо освоенной специализированными информационными агентствами — в такой ситуации просто невозможно. Информация должна иметь не просто «товарный вид», а действительно быть товаром, принуждающим потребителя ее купить. Это значит, что информация (любая!) должна быть по крайней мере запакована в броскую обертку сенсации. Технология изготовления сенсации из информационного полуфабриката — часть журналистского профессионализма и, видимо, основной компонент успешности. Предположу даже, что это и квинтэссенция если не «духа», то во всяком случае «аромата» корпорации.

Вот тут и начинается зона возможного действия искомого «кодекса чести», поскольку приходится констатировать, что, увы, наиболее распространенные способы изготовления сенсационного «товара» — это провокация (если ставится цель вызвать широкий общественно-политический или экономический резонанс) и инсинуация (если имеется намерение произвести «локальный эффект» дискредитации одного или нескольких лиц). Классический пример первого варианта — публикация в «Независимой газете» интервью с А.Веденкиным, а затем демонстрация по каналу РТВ фильма о нем. Второй вариант в наиболее совершенном виде был отработан летом 1994 года на С.Мавроди. Хочу подчеркнуть: оба эти варианта находятся «по эту сторону» закона, и речь не может идти об уголовной или административной ответственности за такого рода применения журналистского мастерства.

По обстоятельствам своего времени поэт мечтал о том, «чтоб к штыку приравняли перо». Сегодня «перо» (микрофон, видеокамера) — оружие массового поражения, и без сомнения, журналистская корпорация остро нуждается в выработке конвенций о хранении, распространении и, главное, использовании этого оружия. Вопрос стоит нешуточный: либо чаемая суперструктура гражданского общества России окажется генератором всевозможных потрясений, либо журналистская корпорация станет воплощением свободы (а именно в этом практи-

чески все согласны видеть одно из бесспорных достижений российской реформы) как прежде всего нравственной автономии.

Но опять взяты две крайности. В жизни же мы имеем трудно разделяемую смесь того и другого, и предстоит основательно потрудиться, чтобы, во-первых, определить саму технологию процесса отделения "зерен" от "плевел", а во-вторых, тех, кто в состоянии этим профессионально заниматься.

И здесь я бы хотел обратить внимание на еще одну важную особенность сегодняшней ситуации, определяющую возможности создания корпорации и ее кодекса. Это — нарастающее разрушение основы основ советской журналистики (да и всей советской жизни) — принципа централизации. Возможно, я заблуждаюсь, но мне ситуация видится как отнюдь не фронтальный, но все же выход из-под контроля столично-центральных СМИ в становящийся все более добротным провинциализм «mass media». Сеть локальных газет, радио и телеканалов начинают перекрывать Россию, связывая ее не обязательно через Центр, но все более и более в горизонтах свободных интересов. Централизм в перспективе должен смениться "общенациональностью", но за этот статус придется еще побороться — и не только газетам, а радио и телеканалам.

Похоже, что здесь и пересекутся дух и честь журналистской корпорации, поскольку одно без другого все же немыслимо.

В.М.Вильчек

**МИССИЯ ЖУРНАЛИСТА В ОБЩЕСТВЕ
(По материалам исследования
Фонда защиты гласности)**

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

В ноябре 1994 года Фондом защиты гласности при поддержке Международного Фонда Евразия был осуществлен опрос журналистов восьми крупных центров РФ: Архангельска, Воронежа, Екатеринбурга, Казани, Нижнего Новгорода, Новосибирска, Ростова, Самары. Руководители исследовательского проекта: А.Симонов, И.Дзялошинский, В.Вильчек.

Цель исследования: нарисовать социологический портрет журналистского корпуса российской провинции, дать ответ на следующие вопросы:

— каково сегодняшнее профессиональное самосознание журналистов, их представления о роли, миссии журналиста в обществе, способности влиять на него?

— насколько свободны или несвободны журналисты в своей профессиональной деятельности, в какой мере подвержены тому или иному давлению, с какими факторами вынуждены считаться?

— каковы профессиональные проблемы СМИ и степень их остроты, в какой помощи нуждаются журналисты?

— насколько хорошо журналисты знают своего читателя, слушателя, зрителя, его настроения, информационные интересы?

— каково социальное самочувствие работников СМИ, насколько удовлетворены или не удовлетворены они своей деятельностью, в чем причины неудовлетворенности?

— каково политическое мировоззрение журналистов провинции, каковы их представления о происшедшем за последние годы, происходящем сегодня и перспективах развития постсоветской России?

Раздел 2

Всего было опрошено 1230 человек (роздано: 1500 анкет, но около 100 потеряно, а 176 отбраковано после логического контроля из-за низкого качества заполнения или нарушения опросными службами квот, параметров выборки).

Состав опрошенных:

По полу:	Мужчин	56 %
	Женщин	44 %
По возрасту:	20 – 29 лет	35,4 %
	30 – 39 лет	28,4 %
	40 - 55 лет	28,5 %
	Старше 55 лет	7,7 %

(Половозрастной состав опрошенных не представляет генеральную совокупность, но полностью соответствует заданным квотам, определенным с учетом цели исследования: нас интересовали особенности поколений, и прежде всего тех поколений, которым принадлежит будущее).

По стажу работы в журналистике:

До 5 лет	37, 2 %
От 5 до 10 лет	21,6 %
От 10 до 20 лет	19,8 %
Более 20 лет	21,4 %

По образованию:

Высшее специальное	40,0 %
Высшее гуманитарное (историк, филолог и т.д.)	32,1 %
Высшее техническое, естественнонаучное	10,4 %
Высшее экономическое	2,1 %
Неоконченное высшее, среднее	40,0% 15,4 %

ПОЗИЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

По сфере деятельности:

Районная газета	3,5 %
Городская, областная газета	57,2 %
Центральная пресса (соб.корреспонденты)	3,4 %
Местное гос. радио	7,3 %
Местное независимое радио	3,7 %
Центральное радио	0,2 %
Местное гос.ТВ	14,3 %
Местное независимое ТВ	12,7 %
Центральное ТВ	0,7 %

По специализации:

Репортеры	48,0 %
Очеркисты, сценаристы	12,7 %
Обозреватели, комментаторы	26,5 %
Редакторы ТВ, радио	16,1 %
"Расследователи"	5,8 %
Другие	8,0 %

(Поскольку опрошенные имели право выбрать более одного ответа, сумма процентов может превышать 100)

По учредителям издания:

Федеральные власти	14,2 %
Региональные власти	17,3 %
Ведомства, предприятия	8,5 %
Общественные организации	1,5 %
Редакционный коллектив	18,9 %
Частное лицо	17,8 %
Смешанный состав учредителей	19,8 %
Не дали ответа	2,0 %

Практически все интересующие нас группы (журналисты прессы и электронных СМИ, работающие в государственных и негосударственных изданиях, компаниях) достаточно представлены для статистически достоверного анализа. Сложнее проблема анализа и сравнимости данных по регионам в силу больших различий в структуре СМИ, обусловивших отличия выборок, а также из-за малочисленности тех или иных групп журналистов. При рассмотрении региональных особенностей можно говорить лишь об отдельных, наиболее выраженных тенденциях, но сравнивать ситуацию в регионах по всем обозначенным в анкете параметрам было бы некорректно.

Одновременно с опросом журналистов печатных и электронных СМИ был проведен опрос их аудитории — читателей, зрителей и слушателей тех же восьми регионов. Целью опроса было выяснить, насколько совпадают или не совпадают представления аудитории о популярности и влиятельности тех или иных СМИ с представлениями журналистов, насколько соответствуют действительности представления журналистов об информационных потребностях аудитории и политических настроениях в регионе. Во всех регионах опрос проводился методом интервьюирования (анкетирования) по городским репрезентативным выборкам (объем выборки в каждом регионе — 400 респондентов).

Наконец была опрошена локальная группа известных журналистов ведущих московских изданий демократической ориентации ("Известия", "Московские новости", "Общая газета", "Московский комсомолец", ТРК "Останкино" и "НТВ"). Можно не считать эту группу каким-либо эталоном качества, но опрос ее ценен как дополнительная возможность для сравнения и интерпретации данных. В результате исследования был получен весьма обширный и содержательный материал, гораздо более богатый и сложный, чем это предполагалось на стадии разработки проекта. В этом тексте мы вынуждены ограничиться минимумом, обусловленным исследовательским проектом, далеко не исчерпывающим возможности материала: систематизированным изложением данных и краткими комментариями, помогающими точнее понять смысл приводимых цифр, увидеть стоящие за ними проблемы. Все данные округлены до полови-

ПОЗИЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

ны процента.

В настоящей публикации мы выделяем результаты исследования, связанные с темой «Профессиональное самосознание журналиста провинции».

Наиболее существенные его черты, на наш взгляд, проявляют ответы на следующие вопросы:

Таблица 1

- Считаете ли вы, что определение «четвертая власть»	
... отражает действительную роль СМИ в нашем обществе?	Да: 17,5 %
... является преувеличением	Да: 56,5 %
... звучит издевкой?	Да: 21,0 %
5 % затруднились или отказались ответить	

Меньше всего журналистов, считающих, что пресса действительно стала властью, в Воронеже и Самаре (по 14%); там же чаще считают, что образ «четвертая власть» — издевка (36,5 и 27,0%).

Есть заметные различия в представлениях о влиятельности СМИ у журналистов газет и ТВ, государственных и независимых изданий, руководящих и рядовых сотрудников.

Таблица 2

	«Четвертая власть» — ре- альность %	«Четвертая власть» — издевка %
Журналисты газет	14,5	26,5
Журналисты ТВ	22,5	18,5
В гос.изданиях	16,5	23,5
В независимых СМИ	19,5	18,5
Руководящие сотрудни- ки	16,0	18,5
Рядовые сотрудники	18,5	23,0

Раздел 2

Какое конкретное содержание отражается в представлениях журналистов о роли СМИ, помогают понять следующие таблицы.

— **Считаете ли вы, что выступления вашего издания (компании) способны оказать существенное влияние на:**

Таблица 3

	Да %	Нет %	Затрудн. ответить %
Действия властей	29,0	35,0	36,0
Исход выборов, референдумов	38,5	27,0	34,5
Мир бизнеса, рынка	26,5	35,5	38,0
Состояние нравов, культуры	43,0	23,5	33,5

Распределение положительных ответов на те же вопросы в печатных и электронных, государственных и независимых СМИ.

Таблица 4

	На власть %	На вы- боры %	На рынок %	На нравы %
В гос. СМИ	31,0	41,5	19,5	45,0
В независимых СМИ	26,0	35,0	38,0	39,0
В прессе	30,0	33,5	23,0	38,0
На ТВ и радио	26,0	48,0	33,0	50,0

ПОЗИЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

В представлениях журналистов отражается их реальный опыт плюс некоторые стереотипы сознания. Работники гос.СМИ выше оценивают (или — по традиции — сильнее переоценивают) свои возможности влиять на действия власти, поведение избирателей, нравы, но не на рынок, хотя, как мы ниже увидим, не многим меньше независимых СМИ занимаются коммерческой, рекламной деятельностью. Впрочем, и в этих последних рекламная деятельность пока не вполне осознается как средство влияния на экономику, и за этим фактом скрывается большая проблема. (Достаточно сказать, что 71% зрителей, читателей считает СМИ соучастниками аферы МММ, "Тибета" и.т.д.; представления о тотальной коррумпированности журналистов подрывают престиж профессии и само доверие к СМИ. Культура рекламной деятельности, всякие представления о ее этике, нормах, возможностях у нас пока отсутствуют, и особенно в государственных СМИ.)

В электронных СМИ меньше, чем в прессе, уповают на прямое влияние на власть, больше — на косвенное, демократическое — через воздействие на политическую ориентацию избирателей, на нравственное состояние общества.

Независимые СМИ — в отличие от государственных — менее политизированы и более реалистичны в оценке своих возможностей влиять на деятельность властей, поведение электората, нравы и культуру народа.

В целом описанные представления журналистов следует, нам кажется, оценить как тревожно пессимистические. Во всяком случае, едва ли можно считать нормальным, что абсолютное большинство журналистов не верят в возможность влияния СМИ на весьма существенные стороны жизни общества или сомневаются в этом. Эмоциональным выражением обсуждаемого состояния журналистов могут служить их ответы на вопрос о престиже профессии.

Раздел 2

- Когда, на ваш взгляд, престиж профессии журналиста был выше? %

Таблица 5

До перестройки	26,5
В первые годы гласности	42,0
Думаю, что сейчас	14,5
Затрудняюсь ответить	15,0

Эти ответы — при всей их субъективности — многое объясняют.

СМИ утратили влияние демагогических и фискальных органов — «коллективных пропагандистов-организаторов», какими они являлись в советский период, а со спадом демократической эйфории перестроечного периода, когда успех приносили политизированность и критический пафос, не только утратили свою ведущую роль, но и оказались в определенном конфликте с обществом. Значительная часть общества — заметим опять-таки априори — разуверилась в ценностях и идеях, которые принесли успех «перестроечной» прессе, поэтому журналистам остается либо избрать легкий, но очень сомнительный, своего рода мазохистский путь к успеху: стать выразителями социального недовольства, сохраняя при этом демократический имидж, либо радикально переосмыслить само представление о влиятельности, о власти СМИ. Скажем, влиять на электоральное поведение — вовсе не обязательно означает убедить, заставить проголосовать за того, а не иного кандидата, но обязательно означает: помочь избирателям сделать действительно свободный, то есть зрячий и осмысленный, выбор. Этот трудный, болезненный переход от авторитарной к демократической парадигме деятельности проявляется и в се-

ПОЗИЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

годняшнем моральном кризисе в СМИ, и в представлениях журналистов о смысле своей профессии, о своей роли в обществе.

— Какое (какие) из представлений о профессии журналиста вам ближе? %

Таблица 6

	В целом	В гос. СМИ	В незав. СМИ
Журналист — это политический деятель, достигающий поставленной цели путем влияния на общественное сознание	7,0		
Журналист — это полпред общества, призванный контролировать деятельность властей, добиваться торжества справедливости	19,5	22,0	16,5
Журналист — это объективный наблюдатель и аналитик, обязанный, насколько это возможно, стоять "над схваткой"	55,0		
Журналист — это производитель товара под названием "информация", его главная цель делать пользующийся спросом товар	29,0	21,0	34,0

Раздел 2

Журналист — художник, его цель — самовыраже- ние	21,5	20,0	24,5
--	------	------	------

(Существуют значительные региональные различия. Например, в Самаре политическими деятелями мыслят себя 15,0% журналистов в гос.СМИ и лишь 4% в негосударственных. В Н.Новгороде — наоборот: 4,5 и 9,5%. Политиками и полпредами общества чаще мыслят себя журналисты прессы, но эта особенность легко объяснима.)

Все перечисленные журналистские "роли" в принципе имеют право на существование, суть лишь в соотношении "ролевых представлений". У нас нет сопоставимых опросов 70—80 годов (их не было), но, зная традиции страны, где со времен Пушкина журналисты — «сословие людей государственных», и сопоставив ответы журналистов старшего и младшего поколений, можно предположить, как стремительно произошла радикальная деполитизация профессионального самосознания журналистов, сдвиг представлений в среднюю и нижнюю части нашего спектра.

Вероятно, сегодняшнее профессионально-ролевое самосознание журналистов России (за исключением последней строки, очень, как нам кажется, специфически русской, свойственной нашей ментальности и культурной традиции) внешне мало чем отличается от представлений журналистов развитых демократических стран. Но дело, однако, в том, что эта демократическая парадигма профессионального самосознания не естественна, а глубоко драматична, она отражает еще и наше разочарование, бессилие, пессимизм, граничащий с апатией и цинизмом; задача заключается в том, чтобы неволью наступившую трезвость представлений о роли СМИ журналисты скорее осознали как нормальное состояние, имеющее свои законы, возможности, преимущества, а не как тягостное похмелье.

Пока мы наблюдаем поразительную раздвоенность, большинство журналистов уже не мыслит себя пропагандистами и организаторами, но ориентировано на тот результат своей деятельности, который более свойствен СМИ отнюдь не в демократическом обществе.

ПОЗИЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

— **Что вы считаете основным критерием успеха своего выступления? %**

Таблица 7

Практический результат	62,5
То, что о нем говорили в трамваях, курилках и т.д.	18,0
То, что его обсуждали на авторитетных собраниях	9,5
Похвалу коллег	22,5
Другое	7,5

Основные ответы: "рейтинг" — 2,5; "собственная оценка" — 3,5; письма, звонки и т.д., в том числе угрозы — 1,0%.

Итог показанной коллизии: лишь 36,5% журналистов считают свою деятельность успешной, и едва ли такую "температуру" можно считать нормальной для профессионального самочувствия. (В независимых изданиях число удовлетворенных своей деятельностью несколько выше — 40,5%. В контрольной московской группе — около 50%, но при этом:

— очень резок перепад между журналистами государственных и независимых СМИ: в последних уровень удовлетворенности — около 70%;

— вдвое меньше опрошенных считают главным критерием практический результат, хотя шкала представлений о функциях журналиста примерно та же, то есть представления эти у москвичей уже более или менее органичны. Корреляции и выводы очевидны.

Г. В. Лазутина

...И САМАЯ НАДЕЖНАЯ ГАРАНТИЯ СВОБОДЫ

Еще пять лет назад журналисты одной из крупнейших держав мира, объединенные в корпорацию — Союз журналистов СССР, — были едва ли не единственным отрядом в мировом сообществе коллег, который не имел официально признанной, кодифицированной системы профессионально-этических регуляторов деятельности. На факультете журналистики Московского государственного университета курс «Профессиональная этика журналиста» впервые был прочитан в конце семидесятых годов, да и то не как общий для всех, а как специальный, по выбору. Помню, когда в 1980 году была выдвинута на обсуждение идея ввести его в учебную программу в качестве дисциплины общеобязательной, в ответ прозвучало весьма занятное возражение: «А как увязывать нормы этики с партийностью журналиста, с партийной дисциплиной?..» (К чести факультета, в начале восьмидесятых годов учебный план все-таки включил в себя общеобязательный курс по профессиональной этике еще задолго до отмены VI статьи Конституции СССР, до отказа от руководящей роли Компартии.)

Сегодня создание документов, воплощающих результаты морального нормотворчества журналистов нашей страны, стало в некотором роде непрерывным процессом. В историю отечественной журналистики войдут и «Кодекс профессиональной этики журналиста» (1991 г.), и «Декларация» Московской хартии журналистов, (1994 г.), и «Кодекс профессиональной этики российского журналиста» (1994 г.), и «Нравственные принципы тележурналиста» (1994 г., авторская разработка С.А.Муратова), и... Ряд продолжается. Мы как бы спешим догнать мировое профессиональное сообщество, начавшее кодифицировать складывающиеся нормы морали и профессионально-этические

ПОЗИЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

представления еще на рубеже XIX и XX веков:

1900 год — Кодекс шведских журналистов, 1918-й — «Хартия поведения» Национального синдиката журналистов Франции, 1923-й — «Каноны журнализма» американского общества газетных редакторов... Что стояло за этим тогда? Почему столь бурно «процесс пошел» у нас сейчас?

Думается, и в том, и в другом случаях работают объективные обстоятельства, имеющие общую природу.

Прежде всего надо учесть тот факт, что хотим мы того или нет, осознаем или нет, верно или неверно трактуем, но журналистика включена в механизмы саморегуляции общества как кибернетической системы. И не просто включена, а занимает в их структуре столь существенное место, что оказывается непосредственно связана с устойчивостью системы сохранением ее гомеостазиса, как говорят кибернетики. Питая общество необходимой информацией (и не только оперативной!) или создавая вместо нее "шумы", она либо обеспечивает его оптимальное функционирование, либо оборачивается вредоносной силой, осложняющей социальные процессы. Это усугубляется тем, что институты управления, институты политической деятельности, также представляющие собой важные звенья механизмов общественной саморегуляции, постоянно стремятся использовать ее как средство достижения своих целей, пренебрегая ее собственными функциями, и тем самым серьезно влияют не лучшим образом на реализацию этих функций, то есть снижают качество информации, жизненно необходимой общественному организму.

Поэтому естественно, что общество пытается обезопасить себя, предъявляя к представителям журналистики определенные требования — через право, через общественное мнение, через властные структуры. Характер этих требований достаточно произволен, поскольку варьируется в зависимости от множества объективных и субъективных причин, в силу чего они нередко вступают в противоречие с самой сутью журналистики, с той необходимостью, которая и вызвала ее к жизни.

Потому столь же естественно, что профессиональная общность журналистов, осуществляя свою деятельность, неизбежно начинает вырабатывать некую внутрикорпоративную систему регуляторов профессионального поведения, с помощью которых можно согласовать интересы общества и особенности труда журналистов, противопоставив ее тем самым «внешнему давлению». Эта система медленно, исподволь вызревает в структуре способа творческой деятельности журналиста как ее особое звено на базе общечеловеческих нравственных ценностей под влиянием условий деятельности, которые определяют ее (деятельности) успех или неуспех.

Поначалу она проявляет себя на обыденном уровне профессионального сознания и поведения как поощряемые или осуждаемые профессиональной общностью тенденции, то есть как формирующаяся профессиональная мораль. И нужен достаточно высокий уровень развития деятельности и ее самопознания, чтобы элементы этой системы стали отчетливо осознаваться, обретать словесную оболочку, передаваться в профессиональной среде не только по горизонтали (среди современников), но и по вертикали (от поколения к поколению), все более заметно выявляя свой надличностный характер. Начало процесса кодификации моральных норм профессии есть не что иное, как знак ее взросления, знак обретения ею устойчивого социального статуса, отмеченного самостоятельностью ее роли.

Как ни досадно, но приходится признать, что в нашей стране журналистика переживает этот момент с изрядным отставанием по отношению к мировому сообществу, поскольку большая часть XX века прошла для нее как период насилия над ее природой, подавления тех сущностных свойств, которые связаны как раз с ее местом в структуре механизмов саморегуляции общества. И в творческом плане, и в организации практики она трактовалась как средство управления, средство политической деятельности, не выходящее самостоятельно на отношения общественного бытия и общественного сознания. Были попытки расширить рамки такого видения, однако они либо

ПОЗИЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

отвергались, либо не поощрялись, а иногда и карались. Во всяком случае, от журналистов требовались поистине героические усилия, если они решали работать так, как диктовал им властный голос спонтанно вызревшего профессионального долга, звучащий в глубине души. Его повеления кардинальным образом расходились с теми произвольно созданными догматами, которые были записаны в официальных документах корпорации (см., например, Устав Союза журналистов СССР), и это рождало множество причудливых и острых коллизий. Их еще предстоит изучать историкам журналистики, психологам, социальным психологам, политологам.

Но в данном случае требуется подчеркнуть другое: такого рода конфликты были уделом немногих. В большинстве своем представители журналистского цеха страны приспособлялись к обстоятельствам, иронизируя по поводу расхождений с практикой мирового сообщества коллег и отнюдь не заботясь о том, чтобы соответствовать высоким образцам профессионального достоинства и чести. Надо полагать, это и стало причиной того нравственного кризиса, который возник в отечественной журналистике в период, казалось бы, самый для нее благоприятный — когда она почувствовала себя «четвертой властью».

Как известно, 1985 год принес резкое изменение социально-политической ситуации в Советском Союзе, и журналистика ощутила его в первую очередь. Ориентация на гласность и плюрализм, заявленная как доминанта новой политической линии властных структур, открывшаяся наконец свобода слова, свобода творчества. Объективно это было возвращением журналистике ее права быть самой собой. В современных условиях оно означало такое расширение ее возможностей, при котором как гарант качества деятельности СМИ необходим был достаточный уровень профессионально-этической зрелости журналистского корпуса — хотя бы настолько, чтобы можно было опираться в поведении на главные нравственные ориентиры: профессиональный долг, профессиональную

ответственность, профессиональные честь и достоинство. Но откуда было взяться такому уровню?..

Вырвавшись из тоталитаризма, журналистская братия, утомленная необходимостью подчиняться, кинулась во все тяжкие править «бал независимости». Ошеломляя аудиторию беспредельной смелостью разоблачений и беспардонным вторжением в личную жизнь людей, боясь пропустить какое-либо кровавое происшествие или сильное сексуальное ощущение, журналисты и не заметили, как средства массовой информации все чаще стали напоминать бабушек на лавочке у подъезда и ораторов в очереди, выкрикивающих свое мнение с полной уверенностью в том, что оно-то и есть мнение общественное.

Однако постепенно довольно отчетливо обозначились «качественные издания» и «качественные программы», успех которых (далеко не всегда закрепленный экономически) весьма примечателен с интересующей нас точки зрения: при внимательном рассмотрении он оказывается сопряжен с ориентацией на творческое поведение в границах определенного этического коридора, задаваемого позитивным опытом профессии. И совсем не случаен такой факт: формируя программу своей будущей деятельности, журналистский коллектив сегодняшнего НТВ, уходя из «Останкино», начал с выработки профессионально-этической позиции. Именно с выработки, а не просто с договоренности о «правилах честной игры». Это был процесс коллективной рефлексии, коллективного осмысления того «багажа», который накопила теория и практика журналистики.

Можно было бы уповать на то, что рано или поздно такая ориентация станет доминирующей в корпорации российских журналистов, если б... Если б такая корпорация была. Но в том-то и соль, что сегодня формально журналистское объединение существует (даже съезд журналистов России недавно проводился!), а на самом деле журналисты разобщены, как никогда. Основная причина тому — политическое размежевание. Лет пять назад на традиционной научно-практической конферен-

ции, ежегодно проводимой в феврале факультетом журналистики МГУ, в секции профессиональной этики и права впервые зашла речь о том, что журналистское сообщество у нас расколосось по политическим мотивам. В этом году участники конференции с тревогой говорили уже не просто о расколе, но о политической поляризации, проявляющейся подчас на местах как острая политическая борьба внутри журналистского цеха с признаками ожесточения.

Казалось бы, ну и что? Политический плюрализм в обществе — норма, и журналист, как любой гражданин, имеет право на свою политическую позицию, на то, чтобы ее защищать. Верно, как гражданин. А как профессионал?.. Не налагает ли на него профессия определенных обязательств и ограничений? Ведь хирург никогда не уйдет от операционного стола, на котором лежит больной, чтобы влиться в ряды политических демонстрантов, и не откажется оказать помощь своему политическому противнику: законы профессии сильнее политических пристрастий. Разве у журналистов не так? Или стоит посмотреть с другой стороны: не является ли азарт политической борьбы синдромом уже известной журналистике болезни — ухода от себя, от своей сути?

Сколько бы мы ни говорили о неизбежности различий в представлениях о миссии журналистики в обществе и как бы рельефны эти различия ни были, — есть то, что отражается в таких представлениях, есть объективная реальность, имя которой — деятельность журналиста в ее определенных связях. Не писателя, не инженера, не композитора, а именно журналиста, производящего для общества один и тот же продукт, независимо от того, где журналист живет: в России или Франции, в Китае или Соединенных Штатах Америки. Этот продукт — журналистская информация, составляющая сердцевину массовых информационных потоков, и он не может не иметь общих параметров, общих признаков, — иначе с чего бы было вести разговор о журналистике как профессии? Вот почему и в представлениях о социальной роли журналистики важнее всего искать общее — то, в чем отражается ее природа.

Здесь — ключ к укреплению здоровья профессии, к усилению корпоративных связей. В этом смысле целесообразно приглядеться к тем профессионально-этическим кодексам и хартиям, которые накопились за столетие.

Финский исследователь Ларе Бруун сделал тщательный анализ 59 кодексов, принятых журналистами разных стран, и сгруппировал излагаемые в них этические положения по частоте обращения к ним. Картина получилась любопытная. На первое место вышло требование правдивого и честного распространения новостей (присутствует в 53 из 59 кодексов!). Второе и третье место принадлежит требованиям:

- признавать и обеспечивать право людей на свободное выражение мнений и свободное получение информации;
- соблюдать конфиденциальность источника информации (профессиональная тайна!).

Они звучат в 42 кодексах. В 39 кодексах есть положения, ограничивающие вмешательство прессы в личную жизнь граждан общественной необходимостью. 37 кодексов содержат запрет использовать свое служебное положение (общественное положение) для получения личной выгоды; 33 — осуждают плагиат, клевету, оскорбление личности и другие уголовно наказуемые деяния. В 31 кодексе содержится категорическое требование обязательно исправлять ошибки и предоставлять право на ответ критикуемому лицу. 27 кодексов подчеркивают нормы, которые регулируют поведение журналиста в ходе сбора информации, и предусматривают ответственность, которая налагается за ущерб, наносимый престижу профессиональной корпорации дурным поведением ее членов. В 26 кодексах мы находим положения, касающиеся отношений между коллегами, и осуждение скрытой рекламы. 23 кодекса включают характеристику статуса кодекса как такового. В 22 есть правила, которые регулируют содержание публикаций или определяют, какие сведения нельзя обнародовать. 19 кодексов обращают внимание на необходимость компетентности журналистов в статьях

ПОЗИЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

на международные темы, выделяя тем самым их особую важность. 13 требуют четкого разграничения между новостью и комментарием. В 10 регламентируются нравственные отношения журналиста с руководителями и работодателями. 9 кодексов обязывают к строгому соблюдению соответствия заголовка журналистского материала его содержанию.

Как видим, доминирующими в профессиональном сознании мирового сообщества журналистов оказываются представления, отражающие объективно сложившиеся обязанности журналистики в социуме: обеспечивать правдивое и честное распространение новостей, свободное получение людьми информации, свободное выражение мнений. Это — сердцевина профессии, ее существо. Остальные положения кодексов фактически есть не что иное, как отражение условий, определяющих успешное осуществление дела.

И вот ведь что важно: кодексы принимались в разных странах, в разное время, при разной степени развитости системы средств массовой информации, а «в осадок выпала» самая суть журналистики, откристаллизовавшись в виде представлений об основном содержании профессионального долга.

Так при чем в таком случае политическая поляризация в нашей журналистской среде? Только при том, что российская журналистика, как ни парадоксально, устойчивого социального статуса еще не обрела, самостоятельности своей социальной роли пока в массе своей не осознала. Отсюда тот широкий разброс представлений о «миссии журналиста», который бытует, отсюда и многочисленные попытки создания кодексов. Нет, у нас создание кодексов — еще не знак взросления, это лишь приметы его начала. И очень важно, чтобы шел этот процесс в контексте тех тенденций, которые сегодня существуют в мировом журналистском сообществе. Три из них представляются наиболее заметными.

Первая тенденция состоит в том, что все определеннее в современных кодексах проявляется единство профессиональных правил и нравственных норм, регламентирующих

творческое поведение журналиста, — идет своеобразная синкретизация системы регуляторов, что вполне закономерно.

Вторая тенденция весьма симптоматична: она связана с интернационализацией требований к журналистам. В этом плане стоит обратить внимание на «Международные принципы журналистской этики», принятые в 1983 году на IV консультативной встрече международных и региональных журналистских организаций, которые объединяли к тому времени 400 тысяч профессионалов. Разработанные на базе Декларации ЮНЕСКО об основных принципах вклада органов информации в дело мира и прогресса, они образовали собой своего рода «демократический минимум современного журнализма».

Третья тенденция выступает как проявление необходимости учитывать особенности условий деятельности журналистов разных средств массовой информации, разных каналов и конкретизировать положения общекорпоративных кодексов применительно к такой специфике. Это выступает основанием специализации кодексов, придавая им детальную ориентацию на особые черты теле-, радио-, фото-, киножурналистики. Причем далеко не всегда решающим фактором при принятии подобных документов является конвенциональность. Скажем, едва ли правомерно рассматривать профессиональный кодекс информационной службы американской телекомпании «NBC NEWS» как результат чистой конвенции. Скорее он воспринимается как управленческий текст, подготовленный на базе серьезных данных специальных исследований. Другое дело, что эти исследования совсем не обязательно были делом ученых. Их можно получить и в ходе ряда хорошо организованных планомерных дискуссий профессионалов, таких, например, как дискуссия о роли средств массовой информации, проведенная журналом «Диалог — США» в 1991 году.

Такие дискуссии — весьма современная форма самопознания профессии, наилучшим образом уравнивающая академизм научных исследований. Нам подобных дискуссий сегодня недостает, особенно в периодике.

Они могли бы проявить те проблемы профессионального сознания российских журналистов, которые издержками выливаются и в практику СМИ, и в практику общества в целом. Они могли бы привлечь внимание к зависимости, существующей между результатами работы журналиста и его нравственным потенциалом. Наконец, они могли бы подтолкнуть к восстановлению корпоративных связей через сопереживание смысла и счастья журналистской судьбы. Только так возможно создать основу для конвенционального, по общему разумению и согласию, выхода на кодекс профессиональной этики, способный стать компасом самостоятельной нравственной ориентации для каждого конкретного журналиста, средством внутрикорпоративного контроля за качеством деятельности для профессиональной общности в целом и — гарантом свободы. Потому что нет более надежной гарантии свободы журналистики, чем способность журналиста самостоятельно ограничивать свой творческий произвол, предотвращая тем самым ответную реакцию произвола со стороны институтов власти.

Джульетто Кьеза

КОРПОРАТИВНЫЙ ДУХ МОЖЕТ СТАТЬ ЛОВУШКОЙ

Я полагаю, что усиление корпоративного духа в российской печати может быть опасным и его следует избегать. На мой взгляд, не на этом пути можно сделать СМИ более профессиональными и приспособленными к рыночным отношениям. Наоборот, особенно в нынешних условиях чрезвычайно ограниченной экономической и культурной автономии СМИ, корпоративный дух может стать ловушкой, в которой все журналисты могут оказаться в тот момент, когда центры, где принимаются решения, руководство газет станут окончательно подчиненными политической власти. А это уже не опасение, а все более реальная перспектива.

Кроме того, даже само определение «корпоративный дух» подчеркивает обособленность одной профессиональной категории от всего остального общества. А нет категории, которая больше должна была бы опасаться такой обособленности, чем операторы СМИ. Прежде всего потому, что эта категория (разумеется, речь идет о демократическом обществе) существует только в силу того, что она несет социальную функцию и призвана нести ответственность за то, что она делает, и за последствия, которые ее деятельность имеет для общества в целом. И не только и не столько по причинам нравственного характера.

Эти соображения играют, несомненно, свою роль, но есть и более конкретные и неизбежные (в позитивном плане) причины: законы рынка информации. Корпоративная печать по определению не является конкурентной. Завоевание читателя и зрителя, расширение аудитории достижимы только при условии хорошей информации, то есть необходимо превзойти конкурентов в полноте, разнообразии и объективности

предлагаемой информации. Если защита прерогатив отдельной группы станет самоцелью, то есть риск создать «индейскую резервацию», в которой отдельные личности будут пребывать в убеждении, что так они лучше защищены. В действительности единственная защита — это, напротив, переплетение с сетью общественных интересов и укоренение в обществе. Без этого категория журналистов будет постоянно подвержена посягательствам со стороны власти.

В настоящее время конкурентный характер присутствует в российских СМИ только в спорадических формах и мизерных количествах. Это можно объяснить тем, что еще не существует настоящего рынка информации. Достаточно посмотреть на поведение газет и телевидения в любой, произвольно выбранный день. Вы сразу увидите, что очень редко газеты (и в особенности их первые полосы) пишут на одни и те же темы. Каждый льет воду на свою мельницу, не обращая внимания на новости дня. Сравните это положение вещей с тем, что имеет место в Германии, Италии, США, и вы увидите, что повсюду СМИ обязаны заниматься прежде всего новостями дня. То есть существуют обязательные темы, которые нельзя не освещать (каждый, разумеется, делает это так, как считает нужным). Если СМИ не занимаются какой-то конкретной темой, то теряют свою публику и в конце концов вынуждены уйти с рынка.

В России понятие «новости дня» пока что не утвердилось. Это естественно, но само по себе много говорит о положении вещей. СМИ, по сути, действуют как партийные газеты, каждая из которых пытается предложить вниманию читателей не то, что их интересует (или должно интересовать), а то, что удобно в данный момент владельцу газеты или телеканала. А в ситуации, когда политическая власть применяет реальное давление (как это и происходит в России), СМИ зачастую вынуждены исполнять роль пропагандистского бюллетеня. Плоть слаба, а личное мужество — не самый распространенный товар. В такой ситуации подкуп, угрозы и шантаж становятся самыми распространенными методами.

Тем не менее, продолжая считать «корпоративный принцип» неадекватным (и даже опасным для самостоятельности журналистов), я полагаю, что организация журналистов (подчеркиваю, что имею в виду профсоюзную организацию) является одной из самых эффективных форм защиты от политической власти и от лобби, более того, это единственная реально возможная форма для начала любых проектов, связанных с влиянием на события.

Учитывая сегодняшний острейший политический раскол в стране и то, что СМИ отражают и акцентируют его, найти минимальный общий знаменатель концептуального, этического или идеологического характера будет затруднительно. Проблемы же защиты прав журналистов как работников представляются более конкретными. Здесь решаются одновременно две проблемы: защита журналистов от конкретных работодателей (частных собственников СМИ) и защита от произвола власти. Дело в том, что ситуация в России сохраняет немало особенностей, уже не существующих (или никогда не существовавших) в западных странах. Среди этих особенностей наиболее значимыми мне кажутся две: а) самым крупным собственником, почти монополистом в некоторых областях является государство; б) частные владельцы наиболее влиятельных СМИ сами являются частью правящей элиты или же представляют оппозиционные партии и движения.

Итак, дискуссию можно было бы направить в русло создания «платформы прав» профессиональной категории, обращенной к вышеуказанным сторонам с конкретными требованиями реформирования сложившейся ситуации, независимо от политических пристрастий отдельных членов корпорации. Не СМИ как таковые должны бороться за свою самостоятельность и независимость, а их работники. В каких-то случаях (например, борьба против давления правительства) их союзниками могут стать частные владельцы, в других же случаях (вопросы зарплаты, пенсий, контрактных норм и общих принципов) те неизбежно станут противниками.

ПОЗИЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

К примеру, предложение, которое было бы полезно вставить в "платформу": признание редакционных комитетов независимыми от руководства газеты и присвоение им права высказываться голосованием по кандидатуре главного редактора, предложенной владельцами (государством или частным лицом).

Дело в том, что сегодня в России бессмысленно говорить о «четвертой власти» по той простой причине, что едва-едва существует власть "вторая" (после президентской, первой и единственной). «Третья власть» пока еще не зародилась, первые же попытки ее создать привели к тому, что она была стерта с институциональной арены страны. «Четвертая власть» пока не существует и потому, что отсутствует развитое, организованное гражданское общество, где групповые интересы имеют структурное выражение, признанное законом и институциональной практикой.

В разделении властей, типичном для правового государства, все зиждется на правилах. Сама демократия — по сути не что иное, как система правил, уважаемая всеми силами, действующими в данной стране. Роль свободной печати в демократическом обществе определяется (или должна определяться) правилами, согласованными с остальными политическими или общественными институтами, а не внутри данной корпорации или категории, в рамках которой можно выработать только лишь деонтологические, моральные и профессиональные критерии. Но решение проблемы существования свободной печати находится в контексте создания правового государства. И не нужно жить иллюзиями: чем медленнее создается правовое государство, тем менее свободными будут СМИ, какие бы усилия они не предпринимали для того, чтобы поддерживать информирование на приличном уровне. Приблизительно так и обстоят дела сегодня в России.

Правда и то, что, чем менее активным и независимым от властей будет поведение СМИ, тем медленнее общество

будет продвигаться вперед к правовому государству. Необходимо понять, что развитие будет протекать именно в такой диалектике, и не заблуждаться, полагая, что проблемы можно решить изобретением внутренних правил функционирования. Российская журналистика нуждается не в «корпоративной инженерии», а в более четком осознании своих прав и обязанностей и в критическом духе, необходимом для того, чтобы не стать зависимыми от властей.

Кодексы поведения всегда полезны и даже желательны. Но их невозможно применять в ситуации, похожей на ту, которую переживают сегодня российские СМИ. Кодексы соответствуют более поздним этапам общественного развития, когда «общественные правила» и формы собственности уже установились и в основном соблюдаются. Первой целью корпорации журналистов должно стать принятие парламентом Закона «О печати», который кратко, но полно очерчивал бы функции, права и обязанности всех заинтересованных субъектов.

А. Ю. Цитовский

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ И КОРПОРАТИВНОСТЬ ТЕЛЕВИДЕНИЯ И РАДИОВЕЩАНИЯ

Манифестация морального нормотворчества в теле-радиовещательном "цехе" произошла практически на закате так называемого "романтического" периода бывшего Центрального телевидения и радиовещания, который длился с конца августа 1991 года (т.е. после поражения ГКЧП) и примерно до середины осени 1992 года. Феномен "романтического" периода обусловлен тем, что механизмы селективного понуждения со стороны непосредственно управляющих — политически и, частично, административно — структур (соответствующий сектор ЦК КПСС и подразделения администрации Президента СССР) отключились из-за ухода с арены одних и значительной при-давленности других. Новые российские властные структуры либо не имели еще опыта и технологического навыка понудительного воздействия на телевидение и радиовещание, либо уповали на "правильную" их самонаправленность.

Чем же была обусловлена манифестация попыток морального нормотворчества в сфере отечественного телевидения и радиовещания? Прежде всего тем, что образ телевидения и радиовещания "романтического" периода оказался, мягко говоря, не совсем соответствующим тем идиллическим представлениям (в самых различных вариантах), которые питали представители разнообразных сил, желавших устранения единого управляющего центра, вынесенного за пределы собственно телерадиоструктур (аппарат ЦК КПСС и то, что на разных этапах воспринимало его функции).

Почему именно инициация некоего всеобщего, то есть рассчитанного на любые формы организации производства и распространения телевидения и радиовещания, морального нор-

мотворчества оказалась столь активной в этой сфере и опережающей законодательное нормотворчество? На наш взгляд, это была довольно успешная попытка опережающего пресечения разработки и установления четких, ясных и конкретных норм и правил профессионального поведения телевизионных, радиовещательных и телерадиовещательных компаний. Профессиональный журналистский инстинкт, практически на уровне ощущения тенденций возможного изменения организационно-правовой среды собственной деятельности, подсказывал, что, по логике, должно произойти становление нормализованных компаний — корпораций — в телерадиовещательной сфере.

Одним из важнейших компонентов становления телерадиокомпаний является устранение возможного конфликта интересов этих компаний (корпораций) с деятельностью журналистской и иной категорией персонала. Конфликт интересов в компаниях телерадиовещательной сферы, по идее, превентивно опережается через признание их полноценными предприятиями (а не организациями на правах предприятия), действующими на основе Устава (а не положений), и принятие, в развитие этого, через процедуры, устанавливаемые Уставом, Кодекса персонала компании. Всякий сотрудник компании в этом случае оказывается в естественном для любого нормального профессионала состоянии, признающего необходимость "игры" по тем или иным достаточно явно установленным правилам выбора: признать или не признать как осознанную необходимость конкретный вариант Кодекса персонала.

Но именно этой ситуации однозначного выбора и хотелось избежать тем, кто практически приватизировал или признавал себе принадлежащим на определенно долгое время «эфирное окно» либо в виде теле- или радиопрограммы, либо даже в форме «канала в канале». Бывший в 1989—1990 годы председателем Гостелерадио СССР М.Ф.Ненашев в своей книге «Заложник времени» называет в качестве одной из основных причин неудавшихся реформ Гостелерадио того периода именно противодействие тех телевизионных имен, чьи передачи

ПОЗИЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

годами, если не десятилетиями, присутствовали в регулярной эфирной сетке телерадиовещания. Фактически лишь отечественная телерадиовещательная практика поставляет в книгу рекордов Гиннеса пример столь долго живущих телерадиопрограмм.

Другое явление, против которого должно быть направлено содержание Кодекса персонала телерадиокомпаний, — это совмещение производственной деятельности в рамках государственных телерадиокомпаний с отдельной от этого коммерческой деятельностью, доходящей до завершенных форм частнопредпринимательской деятельности, или неофициальное неафишируемое включение творческопроизводственной работы в государственные компании — прямо и опосредованно, как компоненты — в негосударственные коммерческие проекты.

Почему эта проблема более остро стоит в отношении именно персонала телевидения и радиовещания? Связано это с принципиальными экономическими и технологическими отличиями вещательной электронной "прессы" от печатной. Даже если печатное издание выходит 5 раз в неделю в большом 16-полосном формате, главный редактор сам или тем более вместе со своими заместителями в принципе способен просмотреть все содержание номеров ежедневной газеты, чтобы находить факты конфликта интересов. В этом случае скрытая реклама может оставаться скрытой практически только от налоговой инспекции.

В режиме круглосуточного или почти круглосуточного телевидения и радиовещания, особенно в случае, когда компания ведет вещание сразу по нескольким каналам, собственно руководство компании физически не способно с той же целью проверить (не говоря уж о вещании с поясными дублями программ, как у ВГТРК или РГТРК "Останкино") весь объем информации в разнообразных формах. Кроме того, рынок аудиовидеосообщений представляет собой в значительной степени естественную монополию, поскольку ареал телерадионесущих эфирных частот ограничен, а число печатных средств массовой информа-

ции, пусть и чисто теоретически, может быть всевозрастающим.

Из этого возникает соблазн использования естественной монополии в частных или групповых коммерческих интересах, особенно на телевидении. Кроме того, творческо-производственная технология радиовещания и тем более телевидения является гораздо более людной, ибо телерадиовещание — это прежде всего производство, концентрирующее большие трудовые коллективы. Само по себе наличие больших производственных коллективов, задействованных для постоянной выдачи в эфир по одному или нескольким вещательным каналам собственных или приобретенных аудиовидеосообщений, изначально явно отличающихся потребительскими характеристиками от продукции конкурентов, требует существования признанных писаных правил профессиональной игры в рамках телерадиокомпаний. Особенно если нельзя собрать вместе творческо-производственный коллектив без прекращения собственной вещательной деятельности.

Телевидение, поскольку оно несет в себе разнообразную видеoinформацию, обладает значительно большими потенциальными возможностями размещения рекламы в более или менее закамуфлированном виде, чем радиовещание и пресса. Отсюда проистекает особая необходимость установления этических правил профессионально-корректной игры.

Если признать, что становление духа корпорации происходит через принятие правил честной игры, то в отношении телевидения и радиовещания необходимо определиться — какую профессиональную общность считать корпорацией? В отношении прессы рамки компании (издания) и обособленность профессиональной корпорации не всегда совпадают, ибо совокупность профессионального персонала печатного издания с очень немногочисленной редакцией не может быть профессиональной корпорацией, испытывающей необходимость, и тем более способной к выработке своего коллективного духа. В отношении радиовещания и особенно телевидения так сказать

нельзя, поскольку при полноценном осуществлении вещания (когда станция не представляет собой музыкальный автомат, аудиовидеоплеер или кинобудку) с выпуском программ собственного производства, концентрация постоянного профессионального персонала всегда столь высока, что рамки профессиональной корпорации практически всегда совпадают с границами организационно-правовой формы телерадиовещательной структуры. В этом случае профессиональная корпорация персонала телерадиовещательных организаций просто обязана осознать необходимость и способность выработки и принятия допустимых правил игры.

Те, кто по тем или иным причинам был и остается противником существования этических правил профессиональной игры в рамках государственных телерадиовещательных организаций, использовали аргумент, согласно которому принятие внутриорганизационных профессиональных регламентов — наследие тоталитарности в телерадиовещании. В силу того, что "романтический" период телевидения и радиовещания в значительной мере совпал с периодом начала либерализующих реформ в экономике (и даже опережал их на несколько месяцев), в профессиональной среде в основном бытовали настроения невосприятия идеи самого факта существования проблемы конфликта интересов. Эти настроения исходили из того, что наступает эпоха первичного накопления, которая, согласно ряду Марксовых идеологических тезисов, характеризуется отсутствием щепетильности в вопросах источников возникновения капитализованных средств. Кроме того, эти настроения усиливали неопределенность условий дальнейшего существования для бывших всесоюзных телерадиовещательных организаций.

Ввиду этого противники внедрения этических правил профессиональной "игры" в рамках государственных телерадиоорганизаций использовали данные умонастроения в свою пользу. С очень большим трудом в РГТРК "Останкино" шло, например, формирование и утверждение внутреннего регламента собст-

венной рекламной деятельности, основывающегося на Страсбургской конвенции трансграничного телерадиовещания. С большим трудом, несмотря на то, что это совпало с началом выделения в сентябре 1991 года суверенных государств Балтии из состава Советского Союза, вещание из Останкино превратилось в официально полноценно трансграничное.

Возражения встречали ограничение объема рекламных сообщений в расчете на 1 час вещания, регламентация размещения рекламы в информационных программах, запрет на скрытую рекламу и спонсорство информационных программ. Особенно упорным был спор вокруг сложившейся практики наложения фирменных логотипов (на возмездных условиях) на видеоряды сообщений о погоде, что по экономической сути является спонсированием информационных программ. Встречало сопротивление и требование включить обозначаемые рекламные материалы в информационные программы лишь продолжительностью более 20 минут. Аргументировалось это тем, что мы живем и работаем в России, которая вряд ли подпадает и в обозримом будущем вряд ли подпадет под требования универсальных международных стандартов; а также — ярчайшим проявлением экономического кризиса, когда явную и скрытую инфляцию издержек в телерадиовещательном производстве допустимо покрывать за счет внебюджетных источников финансирования любого происхождения.

Уже тогдашняя ситуация ставила вопрос: о честной профессиональной "игре" какой именно временной длительности идет речь? Выражаясь теннисной терминологией, о розыгрыше чего идет речь: очка, гейма, сета или матча в целом? Было достаточно понятно, что, чем более длительная предполагается игра, тем более этичными должны быть профессиональные правила. Расчет на то, что даже в переходный период стоит создавать телерадиокомпанию, которая будет соответствовать требованиям длительной перспективы, включая устоявшиеся международные профессиональные критерии, не позволяет использовать подход, по которому трудности переходного

периода разрешают списывать любые нормативные прегрешения. Кроме того, очень высока вероятность, что сложившиеся в этот момент стереотипы хозяйственных решений по привлечению внебюджетных источников покрытия производственных затрат в дефицитарный переходный период очень сложно будет устранить уже в благополучном периоде экономического подъема.

Невосприятие профессиональной игры, рассчитанной на длительную перспективу, оправдывалось тезисом, что «нам не по карману» соблюдение требований, например, Страсбургской конвенции трансграничного телерадиовещания, под которыми стоят подписи представителей «экономически благополучных стран».

Названные элементы складывавшегося на тот период времени в среде телевидения и радиовещания профессионального корпоративного сознания не способствовали выработке адекватного корпоративного духа, могущего противостоять действиям, направленным против формирования и становления нормализованных телерадиокомпаний. Речь идет о действительно нормализованных теле-, радио- и телерадиокомпаниях, коими ни в коем случае не являются телекомпании, производящие два-три цикла телевизионных программ — им можно именоваться не более чем продюсерскими фирмами или независимыми производителями программ.

Можно говорить о том, что совокупность профессионального персонала Всесоюзной государственной телерадиовещательной компании в период необходимости легитимизации в рамках Российского законодательного поля не сумела осознать себя профессиональной корпорацией, чувствующей потребность выработки духа и стратегии корпоративного выживания в изменяющихся условиях. Практически лишь одна точка зрения объединяла абсолютное большинство профессионального персонала компании: что телерадиовещание и впредь будет таким же вечно необходимым продуктом, как и пища, а государство, действуя «в интересах населения», обязано содержать государственные телерадиовещательные ка-

налы. Причем содержать таким образом, чтобы не налагать ограничительных параметров на параллельную коммерческую деятельность создателя и производителей программ. Оправдывалось это тем, что организационно обособленные производители промежуточных услуг давно стали требовать оплаты по договорным тарифам и хотя бы частично в наличной форме.

Если и присутствовали элементы выработки приемов игры на выживание, то они ни в коей мере не были ни общекорпоративными — в рамках Гостелерадиокомпании, — ни тем более стратегическими. Они были не более чем групповыми решениями и содержали в себе лишь тактические подходы, которые не могли подниматься до уровня корпоративного духа. Сформированная десятилетиями привычка достаточности бюджетного финансирования телевидения и радиовещания объективно препятствовала необходимости выработки общекорпоративной стратегии выживания как одного из основных компонентов корпоративного духа.

Тактика выживания и, соответственно, производные от нее правила игры исходили из того, что основой выживания является сохранение или получение любыми доступными путями постоянного места (желательно в прайм-тайм или возможно ближе к нему) в эфирной сетке вещания. Под некие гарантии выхода в телерадиоэфир в назначенное время становилось возможным получить и реализовать самим ресурс рекламного времени, привлечь спонсоров, получить кредитный ресурс и пр. Проблемы базы производства телерадиопрограмм в этом случае как бы уже не существовало, поскольку при наличии финансового ресурса трудности договоренностей с Телевизионным техническим центром и Государственным Домом радиовещания и звукозаписи упирались лишь в размер финансовых ресурсов.

Нормальная стратегия корпоративного выживания (как профессиональной корпорации, так и корпорации-телерадиокомпании) в условиях либеральной ценовой среды исходит прежде всего из снижения издержек и производственных затрат, а не увеличения доходности.

ПОЗИЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

Симптомом отсутствия стратегии выживания у профессиональной корпорации персонала ВГТРК Гостелерадио — РГТРК "Останкино" явилась неадекватная реакция на действия в 1992—1993 годах руководства среднего звена управления ТТЦ и ГДРЗ по полному организационно-правовому их обособлению от телерадиокомпании.

Такое организационно-правовое полное обособление позволило, например, НТВ во второй половине 1993 года с меньшими, чем могли бы быть, издержками разместить и начать производство и выпуск телепередач из ТТЦ. Однако полное их обособление резко обострило и без того не простые проблемы финансового покрытия деятельности РГТРК "Останкино" в форме все более возрастающей задолженности за услуги по производству телерадиопрограмм. Растущая задолженность, с которой все хуже, пусть и с задержкой, справлялся федеральный государственный бюджет, явилась серьезным аргументом в руках тех сил, в чьи планы не входило становление нормализованной телерадиокомпании "Останкино". Становление должно было произойти на основе объединения собственности на едином балансе путем ее реконфигурации и санации производственно-хозяйственного механизма с оптимизацией финансовых потоков.

Но предпринимавшиеся усилия части высшего руководства РГТРК "Останкино" по решению данных вопросов не были даже поддержаны большинством профессиональной корпорации компании. Так и не возобладала корпоративная точка зрения в пользу становления организационно-экономически сильной государственной (или преобразованной на ее основе) телерадиокомпании, которая с использованием механизмов разумной регламентации профессиональной деятельности позволила бы сделавшему свой выбор профессионалу достаточно полно реализовать собственные интересы. Это было обусловлено отсутствием механизмов адекватной защитной реакции, поскольку Гостелерадио СССР являлось таким ведомством, которое не нуждалось в защите через формирование профессионального

корпоративного духа.

Кроме того, отказ от корпоративной точки зрения на укрепление организационно-экономической основы телерадиокомпания "Останкино" был обусловлен действиями руководства ВГТРК (Гостелерадио СССР) во главе с Л.П.Кравченко весной 1991 года — непринятием мер по созданию принципиальной основы телерадиокомпания в виде ее единой собственности. Имея абсолютно все необходимые на тот период времени (март—апрель 1991 года) права и полномочия, а также решение Правительства СССР, предписывающее прямое действие, Л.П.Кравченко не ликвидировал подведомственные Гостелерадио СССР предприятия и не создал консолидированного баланса Всесоюзной гостелерадиокомпания.

На наш взгляд, тем самым он нанес практике отечественного телерадиовещания значительно больший ущерб, чем всеми иными действиями по выполнению воли Президента. Л.П.Кравченко лишил творческо-производственный персонал ВГТРК Гостелерадио реального отношения к собственности, оставив ее в ТТЦ и ГДРЗ, Телерадиофонде и других предприятиях. Лишенность творческо-производственного персонала, формирующего своим трудом потребительские характеристики аудиовидеосообщений (т.е. интеллектуальную собственность и иные "мягкие" компоненты собственности), реального отношения к капитализированной собственности в телерадиопроизводстве определила неадекватность реакции компания корпоративным интересам.

Во многом упрощая, можно сказать, что оказалось, не на чем корректно капитализировать создаваемую интеллектуальную собственность, и это послужило оправданием случаев вхождения в зону конфликта интересов. Конфигурация отношений собственности обуславливала упор на профессиональную игру без достаточно длительной перспективы — когда получаемый любым способом доход максимально направляется на непроизводственное потребление, а воспроизводство производственного аппарата не происходит. После этого накопленную десятилетиями собственность следует определить

ПОЗИЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

термином из русской классической литературы как «выморочное имущество» — со всем вытекающим из него деловым отношением.

Описанная и сохраняющаяся до настоящего времени конфигурация отношений собственности, несмотря на вхождение ТТЦ в состав акционеров-учредителей ОРТ, непреодолимой организационно-правовой обособленностью разделила профессиональную корпорацию создателей интеллектуальной собственности. Телеоператоры, инженеры видеомонтажа и некоторые другие категории творческого персонала остались в ТТЦ, а радиооператоры — в ТТЦ и ГДРЗ. Формирования единой профессиональной корпорации на неразделимом производственном пространстве телерадиовещания РГТРК "Останкино" не произошло и это помешало установлению единых правил профессиональной игры на этом пространстве. Вспомним, что в практике стран с развитой рыночной экономикой, как правило, отсутствует организационноэкономическая обособленность (самостоятельность) производственно-технической базы телерадиовещания.

В силу этого перенос из зарубежной практики примеров морального нормотворчества, рассчитанного на корпоративную общность, в действительность российского телевидения и радиовещания не совсем корректен. За рубежом к выработке явно выраженной сути духа корпорации через принятие правил честной профессиональной игры пришли только в результате устранения деформированных отношений собственности в процессе телерадиовещания, способствующих лишь сохранению проблемы конфликта интересов.

В.А. Лепехин

ЖУРНАЛИСТСКАЯ КОРПОРАТИВНОСТЬ КАК ПЛОД ВООБРАЖЕНИЯ

В последнее время журналисты, и еще больше — редакторы, и еще больше — политики так много говорят о журналистской "корпоративности" и даже нечто совершают как будто для того, чтобы укрепить эту "корпоративность", что нам не остается ничего иного, кроме как высказаться по этому поводу.

Замечу, что волею судьбы мне посчастливилось побывать во всех шкурах: и журналиста, и главного редактора («Новая ежедневная газета», журнал «Представительная власть»), и политика. Однако в данном случае я вовсе не собираюсь представить здесь некую синтезированную точку зрения. Давайте посмотрим на проблему "корпоративности" под аналитическим углом зрения, то есть объективно.

Прежде всего нужно уяснить, что такое корпоративность.

Корпорациями, как правило, называют такие структуры, предприятия или организации, в которых единое, централизованное управление сочетается с наличием общего интереса, позволяющего членам данной корпорации ощущать себя одним целым, неким коллективом. Все члены корпорации соблюдают определенные правила и даже, возможно, традиции, не только в силу директивности управления и единоначалия, но и добровольно — разделяя идеи организации (корпорации) и признавая ее правила и традиции.

Стало быть, ключевым понятием применительно к такому типу предприятий и организаций как корпорация является понятие "интерес". Словом, прежде чем вести разговор о журналистской корпоративности, нужно прежде всего разобраться в том, что же такое интерес, какие интересы руководят сегодня журналистами России и что в них общего. (Подобный анализ

ПОЗИЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

был совершен нами в свое время применительно

к предпринимателям — новой социальной среде, которая давно и тоже безуспешно пытается определить, что же такое корпоративность предпринимателей. Анализ завершился выводом, что сегодня в России существует по меньшей мере шесть основных групп, типов так называемых промышленников и предпринимателей, интересы которых принципиально различны.)

Современная российская журналистика совсем иная, чем советская. Советская пресса была гомогенной. Наверное, журналисты были более или менее единым сословием. Все занимались одним и тем же делом — служили государству, производя разного рода тексты и информацию.

В чем был коренной интерес советского журналиста? Пожалуй, он состоял в стандартном наборе потребностей: продвигаться по служебной лестнице, быть частью корпоративной среды (членом Союза журналистов со всеми вытекающими отсюда распределительными последствиями, а также членом редакционного коллектива со всеми вытекающими отсюда "творческими" последствиями). У части журналистов были творческие амбиции, что подчас приходило в противоречие с возможностью самовыражения и самореализации, однако это противоречие, на мой взгляд, было неразрешимым для единиц.

Помимо собственно журналистов (я веду речь в основном о печатной прессе) журналистский цех состоял также из редакторов — таких же государственных служащих, но более привилегированных и, соответственно, более "служивых". Их отличие от журналистов состояло, в сущности, лишь в том, что если первые стремились творить в неких спущенных сверху рамках, то вторые были обязаны не только сами действовать в этих рамках, но и обеспечивать соблюдение принятых правил своими подчиненными. То есть, в сущности, у редакторов была всего-навсего более высокая мера ответственности...

Какова была психология журналистов, их менталитет —

Раздел 2

производные неосознаваемых интересов? Журналисты не были собственниками СМИ и издательства. Они никоим образом не участвовали в управлении СМИ. Они были служащими, работниками по найму. Правда, работодатель у них был специфический — государство, которое можно было как бы не замечать.

Какова была психология и менталитет редакторов? Они также не были собственниками руководимых ими изданий, они не обязаны были думать о развитии издания, как предприятия. Над ними не висел дамоклов меч банкротства или груз организации подписной кампании. Главреды были администраторами — еще одной категорией советских трудящихся — работников по найму.

Существовала ли в советское время корпоративность? Безусловно, да: специфическая, но существовала. Точнее, имела место корпоративность двух типов — журналистская и редакторская — хотя и мало отличных друг от друга.

Существует ли корпоративность сегодня? Безусловно, нет. Старая корпоративность разрушена, новой пока не сложилось.

Общество пришло в движение. Пришли в движение и СМИ. Началась дифференциация информационного пространства — так же, как и дифференциация иных пространств. Разумеется, это связано со становлением рыночных отношений. Заработало понятие "собственность", а вместе с приватизацией, то есть с процессом оформления статуса каждого конкретного работника по отношению к той или иной собственности, возникло несколько категорий работников, отличающихся друг от друга по своим постепенно осознаваемым интересам в зависимости от того, какое отношение они имеют к собственности.

Появились собственники изданий, типографий, редакционных помещений, полиграфкомбинатов. Наряду с ними обозначилась и такая категория работников, как менеджер масс-медиа. Причем различные типы менеджеров: редакторы — как менеджеры творческого процесса, директора — как менеджеры технологического процесса и т.п.

Точно так же дифференцировались и журналисты. Одни стали совладельцами СМИ, другие — содиректорами, третьи — работниками по найму в государственных изданиях, четвертые — работниками по найму в частных изданиях, пятые (хотя таких немного) — работниками по найму в изданиях с коллективной формой собственности.

Разумеется, в таких условиях стало возникать множество самых различных интересов. В силу чего стало невозможным, просто абсурдным говорить о какой-то редакторской или журналистской корпоративности. Более того, дифференциация информационного пространства происходит не только по "вертикали", то есть по оси "собственности", но и по "горизонтали", поскольку различные издания стали реально конкурировать друг с другом на рынке. То есть стали складываться корпорации не только государственных изданий, частных, независимых (самодостаточных) изданий, но и московских "корпораций" с одной стороны и провинциальных — с другой, различных информационно-издательских концернов (перерастающих по мере своего развития в корпорации) внутри новой — частной или старой — государственной прессы.

Кстати, концерн — очень точный термин для обозначения складывающихся в СМИ пулов. Концерн — это группа предприятий, управляемых из единого центра. Отличие концерна от корпорации состоит в том, что в концерне нет единых интересов. Словом, то, что сегодня в СМИ пока создаются концерны, а вовсе не корпорации, говорит о том, что корпоративность пока что — не более чем плод воображения. Это перспектива, причем перспектива далекая, а не реальность.

Какова психология журналиста сегодня? В чем он заинтересован? Конечно, он заинтересован в том, чтобы писать то, что думает. Хотя все больше то, что хорошо оплачивается (уже два разных интереса). Чаще всего он не является собственником газеты и потому не собирается нести какую-либо ответственность за финансовое состояние издания. При этом в силу сложившегося в годы перестройки представления о демократии, он стремится участвовать в принятии решений, в выборах ре-

Раздел 2

дктора, например, имея достаточно высокий уровень амбиций.

Собственники стремятся приватизировать СМИ, обеспечить прибыль... Менеджеры обеспокоены функционированием СМИ как бизнес-проектов, и их более всего интересует реклама, источники дохода и спонсоры... Главные редакторы озабочены отработкой линии спонсоров и "крыши" и т.п.

Профессионалы хотят перевести телевидение на самокупаемый, коммерческий режим, руководители старой закалки хотят все оставить как есть — по-прежнему существовать за государственный счет, продавая эфирное время и деля "левый" доход. Одни стремятся приватизировать издательские комплексы, чтобы их перепродать, другие для того, чтобы на их базе развернуть производство. У всех многочисленных типов работников, имеющих отношение к СМИ, с началом возникновения рыночных отношений стали формироваться разные, подчас прямо противоположные интересы. А раз нет единства, то нет и корпоративности.

В информационном пространстве идет жесткая конкурентная борьба, передел собственности, раздел сфер влияния, прикрытые призывами к солидарным действиям и как бы поиском корпоративных интересов. На деле поиска нет, есть попытка одних, более "крутых", собственников информационных ресурсов навязать свои интересы другим, может быть, не менее "крутым" участникам информационно-издательского рынка.

Борьба интересов становится все ожесточеннее. Она становится все более борьбой на уничтожение, точнее, борьбой за выживание одной части прессы за счет ее другой части.

Главные редакторы борются с журналистскими "коллективами", пытаясь преодолеть сопротивление не способного работать в условиях рынка большинства. Наиболее активные выразители интересов этого большинства, играя роль мелких профбоссов, гонят популистскую волну "корпоративности" и защиты интересов "трудового коллектива" (еще один постсоветский фантом: нет никаких "трудовых коллективов", а есть просто совокупности людей с различными

ПОЗИЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

интересами, способностями, перспективой и судьбой, со своими болями и болячками, которых нужно слышать, но это не имеет никакого отношения к маркетизации СМИ, к их профессионализации как основном условии выживания), не давая менеджерам создавать полноценные предприятия, тем самым усугубляя и без того сложное положение масс-медиа. Самый яркий пример столкновения различных и прямо противоположных интересов — это ОПТ. Какая здесь может быть корпоративность?

Корпоративный интерес появляется пока исключительно в рамках концернов. Причем устойчивых концернов, существование которых зависит не от внешних факторов, например, — спонсоров, а от слаженной работы всего коллектива — и менеджеров, и работников по найму. Таких концернов сегодня еще нет. Но на пути к нему — издательский дом "Коммерсантъ", отчасти — телекомпания "НТВ". Наверное, на пути к концернам находятся крупные рекламные агентства. Вот, пожалуй и все. Можно ли в такой ситуации говорить о корпоративности, как о чем-то уже существующем? Можно ли призывать журналистов (каких?) объединиться под какую-то идею? Можно ли говорить сегодня о каких-то акциях солидарности? Нет и еще раз нет. Корпоративность СМИ сегодня в России — плод воображения людей, которые просто не осознают своих собственных интересов.

У работников СМИ лишь в одном случае появляется общность интересов — когда по отношению к масс-медиа вдруг активизируется государство: либо в виде намеков на цензуру, либо в виде попыток национализировать те или иные СМИ или обеспечить идеологический контроль. Тогда во многих средствах массовой информации начинается реакция сопротивления, принимаемая со стороны за солидарное действие. Но это лишь реакция, не больше.

Словом, журналистская корпоративность сегодня — миф, что, впрочем, не означает необходимости закрыть данную тему.

Н.В. Мириманова

ЭССЕ О СВОБОДЕ СЛОВА, ЖУРНАЛИСТСКОЙ ЭТИКЕ И МИССИИ ЖУРНАЛИСТА

В этом году перестройке исполняется десять лет. И гласность тоже отмечает свой десятилетний юбилей. Десять лет назад газеты, журналы, телевидение стали свободными. Десять лет свободы спустя перед журналистским миром России встал вопрос об ограничении этой свободы.

Можно ли так расценить принятие или подготовку к принятию Кодекса журналистской этики? Думаю, такая точка зрения имеет право на существование. Однако можно расценивать принятие Кодекса журналистской этики и как попытку, возможно что и первую, журналистам стать по-настоящему свободными. Попробую объяснить.

Грузинский философ Мераб Мамардашвили в «Картезианских размышлениях», посвященных философии и феномену свободы Декарта, писал: «Есть ли вообще такая сила, благодаря которой в этом мире мог бы быть хоть какой-то порядок, хоть какое-то добро, хоть какая-то красота — по закону? То есть эксперимент состоит в попытке держать вместе свободу и закон... Станным образом — свобода несется и лежит на вершине волны необходимости. Только в мире, который полон, то есть заполнен причинными связями, возможна свобода». В своем эссе о журналистской этике мне бы хотелось остановиться на двух моментах этого тезиса: свобода и закон; причинные связи, взаимозависимость в мире и между людьми. Я попытаюсь объяснить, почему эти два момента представляются мне ключевыми применительно к журналистике, ее миссии, роли в обществе и этике.

Итак, свобода и закон. Возможно ли такое сочетание, в принципе?

ПОЗИЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

Если следовать теории о том, что в каждой случайности есть закономерность и события происходят именно тогда, когда им надлежит произойти, возможно, настал тот кризис в мире российской журналистики, когда он должен разрешиться. Война в Чечне, реальная и информационная, до предела обострила дебаты по поводу журналистской этики, которая в этом трагическом контексте перестала быть абстракцией, а очень болезненно и жестоко превратилась в насущную проблему.

Китайский иероглиф, соответствующий слову "кризис", является составным и складывается из двух других иероглифов — "опасность" и "возможности". Символично. Как избежать или уменьшить опасность, которая таится в принятии Кодекса, и как развить заложенные в нем возможности, если подойти к этой дилемме грамотно, Кодекс журналистской этики будет жить.

Ни один, даже самый расчудесный Этический кодекс не приживется и, соответственно, не будет выполняться, если он будет "чужеродным" для той среды, где ему предназначено работать. А уж тем более в такой бунтарской среде, как журналисты, и в такой незаконопослушной стране, как Россия конца 90-х.

Отвлекусь и приведу пример Соединенных Штатов Америки, где сейчас идут напряженные споры и даже судебные процессы вокруг соблюдения или несоблюдения этического принципа «политической корректности» и употребления соответствующего языка. Принцип политической корректности предполагает подчинение свободы слова, узаконенной Первой поправкой к Конституции США, принципу равенства и равноправия.

На полках американских книжных магазинов можно встретить пародии на «политически корректный» язык. Это действительно очень смешно и абсурдно. Многие из «политически корректных» высказываний на русский язык перевести совершенно невозможно, да и не всякий в меру образованный американец их поймет. Ну, скажем, вместо "белый" нужно говорить «обделенный меланином», вместо "толстый" — «имеющий другое телосложение» и так далее. Конечно, это шутка. Но не так уж и

Раздел 2

далека она от того, что происходит в определенных "продвинутых" кругах, взявших на себя миссию сделать американское общество этичным.

Ярые сторонники принципа политической корректности, не смотря на самые благие намерения оградить меньшинства (кстати, не только расовые или сексуальные, а и все остальные мыслимые и немыслимые — женщин, пожилых людей, некрасивых людей, инвалидов и т.д.) от дискриминации большинством, явно перебарщивают в насаждении этого принципа. Именно в насаждении. Ну, какому здравомыслящему человеку придет в голову говорить, что расизм — это хорошо? Но когда терпимость вводится в приказном порядке, а не воспитывается, не культивируется, то "средство" перечеркивает "цель".

Повторю еще раз — сама идея продвижения к соблюдению этики в отношениях между людьми, в законах, в средствах массовой информации достойна всяческой поддержки. Вопрос состоит в том, как эту этику прививать. «Некоторые признают, что "политическая корректность" по своей сути тиранична, но считают это издержками переходного периода, утверждая, что все уладится, когда принцип терпимости станет внутренним убеждением каждого. Не правда ли, звучит знакомо? Это же диктатура пролетариата, за которой должно последовать отмирание государства», — пишет американский журналист Джерри Адлер ("Америка", №442, 1993).

Очень хотелось бы избежать подобного элемента насаждения и принуждения в принятии Кодекса журналистской этики в России.

Принципиально важным, на мой взгляд, является принятие Кодекса "снизу". А чтобы этот процесс не напоминал вызывающее зевоту «всемирное обсуждение проекта Конституции», умные люди придумали новые интересные формы работы над Кодексом, которые, с одной стороны, продвигают к непосредственной цели — тексту Кодекса, а с другой — позволяют делать это эффективно и демократично, при непосредственном участии рядовых журналистов.

Итоги серии деловых игр и тренингов в разных городах России удивили — журналисты-участники этих игр впервые по-настоящему задумались о своей журналистской миссии, об этике, об объективности... Это ли не шаг вперед? Без осознания (которое, конечно же, не является однократным актом, а скорее, процессом) никакие кодексы не спасут. Если пометчать — может быть, российским журналистам на примере принятия и обсуждения Кодекса журналистской этики удастся создать общественную и политическую модель принятия законов в демократическом обществе.

Теоретики и практики демократического принятия решений в группах утверждают, что решения не выполняются или, по крайней мере, выполняются неохотно и без должного старания, если эти решения принимаются за тех, кому предписывается их выполнять. Для того чтобы следовать тому или иному закону или решению, человек должен "обладать" им, считать этот закон "своим". Мне такая точка зрения представляется очень разумной и имеющей под собой основания.

Именно поэтому в том, что касается Кодекса журналистской этики, позитивным является уже сам процесс инициации дискуссии по этому поводу. Хотя бы в рамках журналистского и околожурналистского сообщества эта тема стала public issue, предметом публичного обсуждения. И если все-таки сознание определяет бытие, то это «брожение умов» должно принести свои плоды.

И тем не менее мне представляется, что факт принятия или не принятия Кодекса журналистской этики в долгосрочном плане является менее ключевым, чем воспитание журналистов в духе этики. И здесь мне бы хотелось перейти от первой проблемы — сочетаемости свободы и закона, ко второй, выделенной мною из тезиса Мераба Мамардашвили — причинные связи и взаимозависимость в аспекте воспитания этичной и свободной журналистики.

Физик Дэвид Бом, ученик Эйнштейна и Кришнамути, говорил, что каждый из нас содержит в себе целое. А это, в свою очередь, означает, что изменения одного индивидуального

поля неизбежно должно вызвать изменения других индивидуальных полей, других людей, иными словами. Но другие совершенно не обязательно при этом захотят изменяться, по крайней мере, тогда и так, как этого бы хотелось. Потому что помимо взаимопереплетений в мире существует бесконечное разнообразие. Нет двух одинаковых людей, групп, наций. Но, обреченные (или благословенные) жить вместе, люди и народы неизбежно вступают в конфликты друг с другом. Итак, мы добрались к пугающему и интригующему понятию "конфликт".

После десятилетий советского владычества в бесконфликтном умиротворенном обществе (советских людей мир волновал во всем мире, но не у себя дома) вдруг прорвался Нагорный Карабах, став первым в трагической цепи международных конфликтов; забастовали шахтеры — появилось понятие трудового конфликта; прошла череда путчей — конфликт между политическими силами и ветвями власти. Конфликт ворвался в нашу жизнь. И конечно же, журналистам в первую очередь пришлось освещать все эти многообразные конфликты, которые — не будет преувеличением, если я так скажу, — стали и продолжают быть основным материалом информационных, аналитических и прочих газетных и журнальных публикаций, телевизионных и радиопередач. Вот, собственно, где в полный рост перед журналистами встали этические проблемы. А поскольку постсоветские журналисты, как и все постсоветское общество, были застигнуты лавиной социальных, политических, международных и иных конфликтов врасплох, этические проблемы при освещении и анализе всех этих конфликтов каждый журналист решал исходя из собственного опыта, степени ангажированности, моральных ценностей, понимания того, «как будет лучше», эмоционального настроения и прочих факторов, которые достаточно стихийно формировали неписанные и часто сугубо индивидуальные этические кодексы.

На первых порах журналисты бывшего Советского Союза сыграли одну из главных ролей в обострении, обнажении и демонстрации того конфликта между «старой гвардией» и «новым мышлением», который назрел и стал прорываться там и сям, несмотря на тугие повязки и маскирующие кремы (простите за чрезмерно медицинскую метафору). И роль эта была уникальна — потому что она была активна. Журналисты не просто освещали события, но анализировали, предсказывали, клеймили, высмеивали, возносили, покупали и продавали информацию — словом, журналисты делали все то, что, как выяснилось позже, никак не соотносится ни с одной журналистской этикой, из принятых в цивилизованных странах.

Парадоксальным образом гражданская миссия журналистов в первые годы перестройки как раз и заключалась в том, чтобы обострить политический конфликт, чтобы кричать во всю мочь своим ошарашенным и нерешительным согражданам, что так дальше жить нельзя, что нас обманывали, что «империя зла» существовала на самом деле, что с этим злом надо бороться, чтобы вывести страну и умы из состояния застоя. Наверное, сами того не сознавая, средства массовой информации раскачали то позитивное, что присутствует в каждом конфликте, а именно — потенциал роста и развития, прогресса.

Таковым было требование времени. У демократической прессы появился враг, которого нужно было уничтожить, или погибнуть самим — так казалось. Прошло десять лет. И стало ясно, что не все так однозначно, как в старых советских фильмах — есть «красные» и «белые», та сторона баррикады и эта. Сначала все журналистское сообщество расколосось на две половины — условно, демократы и коммунисты («независимые» журналисты автоматически причислялись к демократам, поскольку само понятие независимости было явно некоммунистическим). И пошло оно дробиться дальше, стали появляться новые слои журналистского общества, прежние соратники и единомышленники становились оппонентами,

менялись взгляды, в силу вступили законы рынка, которые в достаточной степени корректировали политические пристрастия некоторых журналистов, газет и программ.

Конфликты разного уровня ставили и ставят журналистов в ситуацию этического выбора, который порой бывает сделать просто невозможно. И здесь на помощь может прийти знание о конфликтах, методах их разрешения, практические навыки общения и решения проблем, наработки вариантов урегулирования конфликтов, поиска взаимовыгодных решений. Эта сфера теоретического и практического знания во всем мире, и в России, все еще является *terra incognita*. Одним из первых шагов на пути к этичной журналистике, на мой взгляд, является обучение журналистов со студенческой скамьи методам и практике управления конфликтами и их разрешения.

Средства массовой информации являются мощным средством воздействия на настроения и взгляды людей. Но мне кажется, что сегодня в России этот потенциал редко используется для стимулирования позитивных перемен, конструктивного подхода к конфликтам. Специалисты из Сети Разрешения Конфликтов в Австралии, например, учредили ежегодную премию за миротворческие усилия средств массовой информации для тех журналистов или журналистских команд, чьи репортажи, передачи или статьи внесли существенный вклад в разрешение того или иного политического, социального, межэтнического конфликта. По их мнению, недостаточно только лишь критиковать СМИ за разжигание страстей, эскалацию существующих в обществе противоречий, важно отмечать то позитивное, что делается журналистами для урегулирования конфликтов. Цифры впечатляют — в 1994 году было 150! претендентов на эту награду. Австралийские конфликтологи и журналисты видят свободу средств массовой информации как свободу участвовать и вносить свой вклад в разрешение конфликтов. Владельцы, управляющие и сотрудники газет и телевидения считают, что этот новый миротворческий жанр

ПОЗИЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

значительно повысит интерес читателей и зрителей, а соответственно, и тиражи массовых изданий и зрительские аудитории телевизионных и радиопередач. Так быть этичным для журналиста в этих условиях означает «быть успешным».

Конечно, не все так просто. Конечно, по степени конфликтности обстановка в нынешней России и бывшем Советском Союзе почти уникальна. Кровь, смерть, разоренные города и села, заказные убийства, ксенофобия, политические баталии — попробуй, подступишь к разрешению таких конфликтов. У меня нет иллюзий на тот счет, что все противоречия можно устранить. Но если умеючи, то некоторые можно. А другие можно предотвратить. И значение средств массовой информации в этом трудно переоценить. Но это если умеючи.

Разрешение конфликтов вовсе не является наукой для посвященных. Более того, это практическое руководство к действию. Этому можно научиться. И тогда с этическими проблемами при освещении конфликтов станет легче.

Чтобы не быть голословной, проиллюстрирую все выше сказанное о разрешении конфликтов некоторыми материалами, которые я использую при проведении практических семинаров-тренингов по этой проблеме для журналистов.

Средства массовой информации могут играть роль посредника в урегулировании конфликтов:

— посредник и журналист задают одни и те же вопросы. Вопросы, задаваемые журналистами, могут стать инструментом позитивных перемен и превратить оппонентов в партнеров;

— подобно посреднику, журналист может обеспечить трибуну для равной представленности всех сторон и узаконить их потребности и права;

— журналист выполняет роль посредника, когда он видит свою задачу в продвижении к примирению, и устанавливает реальные пределы своему желанию выпустить сенсационный материал.

Ключевые моменты для журналистов как посредников:

Поясняйте:	Факты, стороны, участвующие в конфликте, позиции, предмет конфликта.
Исследуйте варианты решений:	Разработанные и предложенные всеми сторонами конфликта и самими журналистами по мере раскручивания полной картины конфликта
Смещайте в сторону позитива:	Задавайте вопросы, такие как: «Чего потребует решение этой проблемы?» «Чего вы действительно хотите?» «Что могло бы улучшить ситуацию?» «Что могло бы подвинуть вас в сторону урегулирования конфликта?»
Возвращайтесь к законным потребностям и опасениям	Спрашивайте: «Что нужно вам?» «Почему это важно для вас?» «Расскажите, почему такой вариант решения вы считаете наилучшим для себя?» «Если вы получите то, чего хотите, что это будет значить для вас?» «Существуют ли альтернативные решения, которые были бы также приемлемы для вас?»

(По материалам Conflict Resolution Network, P.O. Box 1016, CHATSWOOD NSW 2057, AUSTRALIA)

Как и какие вопросы задавать, чтобы:

- вызвать в людях доверие и желание говорить;
- лучше разобраться в ситуации;
- выявить дезинформацию и миссинтерпретацию ситуации, событий и т.д.;
- направить в сторону разрешения конфликта.

ПОЗИЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

1. Постарайтесь не слишком использовать вопросы, предполагающие ответы "да", "нет", "возможно". Перефразируйте закрытые вопросы так, чтобы люди рассказали о своих чувствах, надеждах и опасениях, а не просто отвечали "да" или "нет".

2. Не спрашивайте «Знали ли вы...?». Если человек не знает, он/она может смутиться.

3. Начинать интервью лучше с простых вопросов, не касающихся существа конфликта, даже если вы и не включите эту информацию в репортаж/статью/передачу. Это поможет человеку понять, что вы действительно готовы слушать и он/она вам не безразличен. Например, вы можете спросить: «Как давно вы здесь живете?», «Что вам здесь нравится?», для обществ с традиционным укладом особенно располагающими к беседе являются вопросы о традициях, семье, предках.

4. Когда вы задаете вопросы о сути конфликта, о том, что происходит, о проблемах региона/страны/трудового коллектива, старайтесь каждый такой вопрос сопровождать вопросом о возможных альтернативных решениях. Используйте любой удобный момент, чтобы направить беседу в русло поиска новых идей и решений.

5. Вопросы, проясняющие информационные потребности. Например, «Что вы слышали о...?» или «Что у вас говорят о...?». В особо деликатных или взрывоопасных ситуациях такие вопросы также дают возможность получить ответ, не заставляя человека под ним подписываться.

6. Вопросы, дающие фактическую информацию, после чего интервьюируемому предлагается отреагировать на эту информацию. В случае межнациональных конфликтов, например, полезно бывает рассказать о миротворческих усилиях "противоположной" стороны. Это может изменить тон всей беседы и направить ее в русло примирения.

7. Один или несколько вопросов, построенных таким образом, чтобы человек поделился своими чувствами и эмоциями. Например, «Опасаетесь ли вы, что противостояние перерастет в вооруженный конфликт?» или «Что вы чувствуете по поводу того, что отношения с противоположной стороной прерваны?». Людям нечасто предоставляется возможность

Раздел 2

открыто говорить о своих чувствах. Такие вопросы могут помочь им раскрыться и посмотреть на человеческое измерение конфликта.

Возможно, кому-то все это покажется прописными истинами. Не спорю. Но вот с применением этих прописных истин на практике у нас по-прежнему неважно.

Это методы — техническая, так сказать, сторона, которая может помочь журналистам в решении этических проблем. Но есть еще одна сторона, которая едва ли не самая важная во всем, что касается этики — это сторона внутренняя, моральная, которая требует ежедневной и ежечасной душевной работы, работы над собой, как личностью.

Единственная свобода, которая абсолютна и которую нельзя отнять у человека — это свобода внутренняя. Этика для меня является внешним выражением внутренней свободы, соединенной с ответственностью за свои действия. Ответственностью добровольной и осознанной. Если журналист обладает этими качествами, то вероятность того, что с этикой у него все будет в порядке, очень высока. Без всяких кодексов. Но внутреннее совершенствование и освобождение, так же, как и споры по поводу журналистской этики, — бесконечны. И в этом — залог прогресса. Стремление к идеалу ценнее, чем сам идеал, потому что оно означает движение, а значит, жизнь.

...Декарт говорил: можешь только ты. Хотелось бы, чтобы каждый журналист жил по этой формуле.

ДУХ СВОБОДНОЙ КОРПОРАЦИИ

Послесловия бывают разные. Казалось бы, самый очевидный вариант мог бы выразиться в аналитическом разборе опубликованных в книге текстов. Что ж, такого соблазна дать соответствующие обобщения избежать нелегко. Но как же тогда быть с декларированной в обращении и к экспертам, и к читателям диалогичностью? Инициаторам проекта о правилах честной игры самим и нарушать такие правила?

С нашей точки зрения экспертные тексты, во-первых, самоценны. Не без известной доли иронии мы все же рассчитываем, что в своей совокупности эти тексты могут получить статус «свидетельства эпохи» — после того как сойдет поверхностная актуальность проблематики. Во-вторых, предметом аналитики они могут стать, но в режиме своеобразной экспертизы экспертизы, то есть второго этапа реализации проекта, когда сами участники первого этапа смогут отрефлексировать его итоги и когда в число экспертов второго тура опроса будут вовлечены и новые авторы.

С расчетом на этот, второй, этап мы и решились представить в послесловии свою собственную позицию, которая в отличие от того, как она дана экспертам и читателям предисловия, здесь обретает признаки теоретического подхода. Подхода, который, как нам бы хотелось, лег в основу этапа экспертизы экспертизы.

Итак, после того как по предложенной проектом рабочей гипотезе («диагностический эскиз») представлены суждения экспертов во всем их разнообразии, мы считаем возможным предложить собственную версию («апологетический прогноз») относительно одной из миссий журналистского сообщества — систему этических принципов, которую можно было бы назвать Духом свободной корпорации. На наш взгляд, именно на этом пути открываются наилучшие возможности для

противостояния, с одной стороны, принудительному собиранию цеха административно-бюрократическими методами, а с другой — его дальнейшему дроблению, атомизации сообщества. И вместе с тем на таком пути представляется шанс наиболее полно удовлетворить назревающую потребность в консолидации журналистов на действительно демократических и нравственных основаниях.

А теперь — наши тезисы об основных чертах системы принципов «Дух свободной корпорации».

КОРПОРАТИВНЫЙ ДУХ: ПРЕЗУМПЦИЯ НРАВСТВЕННОГО ДОСТОИНСТВА. Современное общество не может не быть корпоративным. Вопрос лишь в принятии или отторжении корпорациями этического измерения. Наша страна только начала продвигаться в направлении к независимым, добровольным корпорациям как в бизнесе, так и в профессиональных сообществах, и потому состояние корпоративного духа как "клея" общества и рычага его обновления может быть понято лишь в цивилизационной перспективе с максимальным учетом национальной специфики.

Исходный тезис «апологетического прогноза» заключается в осознании назначения этики свободных профессий. Его суть — выражение коренных интересов двух взаимодействующих сторон. Прежде всего, это убережение интересов ассоциированных членов корпорации (не они принадлежат корпорации, а напротив, она им принадлежит), защита их социального и профессионального статусов, свободы и достоинства. Вместе с тем не менее существенно и обеспечение заинтересованности всего общества в наиболее эффективном осуществлении корпорацией своей социальной миссии.

Позитивный потенциал корпоративного духа заключен в способности обеспечить удовлетворение материальных и социальных интересов журналистов и, главным образом, их профессиональную свободу именно за счет включенности отдельных лиц и малых групп в большую корпорацию, способную уберечь своих членов от давления государственно-бюрократических и финансовых структур, от жесткости профессиональной конкуренции на информационном рынке.

ПОСЛЕСЛОВИЕ РЕДАКТОРОВ

Вместе с Тем необходимо отчетливо понимать двойственную природу всякой корпорации.

При определенных условиях она способна и ограничивать личную свободу журналиста, и обострить конкурентную борьбу — уже не на открытом информационном рынке, а внутри профессиональной ассоциации (или компании), где коммерческие калькуляции смогли взять верх над духом корпоративности. Все это провоцирует возвращение «бюрократических добродетелей» (сервиллизм, карьерные предпочтения, бездумное исполнительство и т.п.) и приспособленчество, «прокрусторизацию» творческой индивидуальности журналиста. Нередко в подобных ситуациях мы имеем дело просто со «спайкой», групповщиной, слегка прикрытой словесами относительно сплоченности и солидарности (по принципу «вы помалкивайте о наших грешках, мы же — о ваших!»).

Позитивный потенциал корпоративизма выявляется не сам по себе, в виде некоего гарантированного итога, а лишь в результате преодоления сообществом собственных мучительных нравственных противоречий, возникающих как плата за защищенность статуса, за то, что критерием делового успеха становятся обретение влияния и/или денежных средств, за признание приоритетности принципа объективности информации над личными ценностными или же политико-идеологическими пристрастиями журналиста.

Позитивный потенциал корпоративного духа реализуется через права корпоранта на свободный вход в корпорацию и, соответственно, на такой же выход из нее, на моральное равенство членов корпорации, на достигательную ориентацию (корпорация — не убежище для убогих и сирых). Он осуществляется через притязательное право требовать от других, а не только от самого себя действовать, руководствуясь правилами честной игры.

Позитивный потенциал корпоративности осуществляется через неформальное общение и санкции, которые в профессионально-нравственном кодексе должны быть вероятностными (могут осуществляться, но могут и

ПОСЛЕСЛОВИЕ РЕДАКТОРОВ

не произойти) и неопределенными по объему. Такие санкции-реакции корпорантов предполагают свободу выбора в ситуации конфликта не только между добром и злом, соответствием или несоответствием нормам, между добром и наименьшим злом, но и между положительными нравственными ценностями, особенно — в различных контекстах культурных значений, например, в культурах достоинства и стыда и т.п. Так возникает моральная ответственность самого профессионала, за которого никто не в силах совершить выбор, не покушаясь при этом на его демократические прерогативы и его нравственную свободу.

КОНВЕНЦИОНАЛЬНАЯ ПРИРОДА ПРАВИЛ ЧЕСТНОЙ ИГРЫ. Мораль гражданского общества в целом, корпоративная мораль сообщества журналистов в том числе являются не только итогом естественно-культурного отбора, но и плодом соглашения равноправных моральных субъектов; она возникает и эволюционным путем, но в то же время и в результате договора.

Конвенциональность не означает, будто формулирование норм, их обсуждение и принятие сообществом осуществляется на каком-то, условно говоря, селекторном совещании всех членов цеха или же на собрании специально делегированных представителей сообщества, его организаций. Эти нормы рождаются скорее стихийно, в результате длительного отбора методом проб и ошибок, с последующей их кристаллизацией. Субъекты такого отбора — прежде всего, продвинутые группы сообщества, успевшие раньше других прожить как болевые точки, так и точки роста при становлении журналистской корпорации. При этом включаются не просто механизмы мимесиса, социального подражания, но весь процесс креации сопровождается и стимулируется организационными усилиями по формулированию норм и по их кодификации. Не случайно говорят о скромной этике контракта, подчеркивая тем самым договорный характер, способ возникновения ее установлений, методов нормотворчества и вместе с тем минимальный характер требований, которые не могут не опираться на значи-

ПОСЛЕСЛОВИЕ РЕДАКТОРОВ

тельно более широкие и глубокие нравственные основоположения, на мировоззренческие принципы.

Природа корпоративного духа предполагает добровольное объединение профессионалов на основании принятия ими правил честной игры, но, конечно, не общего мировоззрения (культурный плюрализм). При этом обоснован и вопрос о выборе базовых ценностей для предпочтения тех или иных правил или же для их последующих изменений.

Профессионально-нравственная конвенция — это прежде всего соглашение по поводу нравственных оснований кодекса, хартии, декларации, нормативного манифеста и т.п. Узаконенные конвенцией правила игры представляют собой не только чисто моральные императивы (которые, как известно, не обладают никакой властной силой, кроме силы авторитета их предъявителя, корпорации в целом или отдельных коллег, предполагая осуждение отклоняющихся поступков духовными средствами и самоосуждение). Эти правила образуют некий симбиоз этического-правовых нормативов, организационных норм, при условии, конечно, если последние не диссонируют с моральными нормами, содействуя строительству и саморазвитию корпорации в заданном ее основателями направлении. При этом важно, этическую функцию кодекса не подавлять, не маргинализировать, не оттеснить административно-правовой "составляющей" кодекса.

О ПОЛЬЗЕ И ВРЕДЕ КОДЕКСОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ. Нам не раз приходилось слушать аргументы против самой кодификации поведенческих норм для профессиональных сообществ. Мораль, утверждают критики кодификации, возникла как специфический способ регуляции и ориентации поведения людей во всех сферах их жизнедеятельности. Ее требования поэтому не могут не быть универсальными. Они не специализируются по родам и видам деятельности или по их сферам. В то же время любой человек всегда следует ее непрерываемым велениям в каких-то всякий раз различных обстоятельствах. Разве необходимо ввиду этого

ПОСЛЕСЛОВИЕ РЕДАКТОРОВ

очевидного и банального факта создавать какие-то ситуативные этики, какую-то мораль adhoc?

Универсальность морали заключается и в том, что она обязывает человека (сейчас модно писать — актора) самому определять, каким именно нормам и требованиям, в каком объеме и в каком сочетании следует руководствоваться в каждом конкретном случае. Поэтому он и несет всю полноту ответственности за принимаемые моральные решения, за содеянное. Мораль стоит над конкретными обстоятельствами, их бесконечным многообразием, в том числе над обстоятельствами профессиональной деятельности. Стало быть, надлежит отказаться от намерений создать для каждой профессии (пусть только для некоторых профессий) свод норм и правил, систему оценочных суждений. Мораль сама по себе — гибкая, самая пластичная форма организации и регуляции человеческого поведения. И то, что конструкторы различных клятв, сводов, хартий и им подобных документов, называют их этическими, на самом деле имеет к этике весьма отдаленное отношение, по существу приближаясь к документам, призванным административно регулировать поведение людей в организациях и около них.

Разумеется, нельзя не признать известную правоту данной критики по отношению к кодификаторской деятельности профессиональных сообществ. Однако не составит большого труда привести и веские возражения приведенным доводам. Дело в том, что кодексы позволяют сообществу глубже и разносторонне осознать свою профессию, ее значение, этос, миссию, связанную с ней меру ответственности как перед столь трудно нарождающимся гражданским обществом в России в целом, так и перед отдельными группами и гражданами страны. Кодексы дают возможность сделать профессиональное сообщество более организованным, способным к самоопределению и преобразованию из групп, пребывающих на службе в конторах, либо под присмотром власти, в автономную профессиональную корпорацию. Одним из условий такой трансформации как раз и является приня-

ПОСЛЕСЛОВИЕ РЕДАКТОРОВ

тие этического кодекса как всего сообщества, так и отдельных его звеньев (редакций, издательств, телекомпаний, региональных ассоциаций, клубов и т.п.), и следование его предписаниям.

Однако сама по себе приверженность идее создания и внедрения профессионально-нравственных кодексов не гарантирует понимания собственно этической природы таких кодексов. Дело в том, что корпоративный дух сообщества журналистов прежде всего характеризуется отношением этой профессии к числу свободных. Таковыми эти профессии делает специфический "объект" профессиональной деятельности — человек, его права, свободы, гуманистические ценности. И требования универсальной морали при этом вовсе не отменяются (это просто немисливо сделать!), но, напротив, развиваются, обогащаются за счет конкретных моральных требований и оценок, их новой иерархизации и рационализации. Оставаясь этическими по своей квалификации, нормы профессиональной морали в силу данного обстоятельства должны быть предметом морального творчества профессионалов в процессе их сопряжения с очень специфическими ситуациями выбора и риска.

Впрочем, не должно быть упущено из вида, что те, кто справедливо концентрирует внимание на собственной природе морали, могут забыть поставить заслоны тенденции к морализаторству. Ее коварство заключается в перенасыщении не только быденного языка, но даже и профессиональных коммуникаций моральными интенциями. Проще говоря, склонности к постоянному морализаторству, к которому располагают сами свойства повседневной речи. Морализаторство вполне может создать видимость того, что разработчики профессиональных кодексов полностью учли природу моральной регуляции, тогда как на деле учтены лишь фантомы моральности.

Для соответствия кодекса и рекомендуемых им поступков природе морали важно не просто зафиксировать в кодексе долг журналиста, расписать его обязанности и ролевые соответствия. Самое важное заключается в том, чтобы

ПОСЛЕСЛОВИЕ РЕДАКТОРОВ

нравственные основания, на которых только и может воздвигаться кодекс, побуждали журналиста не поддаваться лишь ограничивающим моральным ориентациям и выбираться из горловины между повинностями обязательств, с одной стороны, и запретными правилами игры, с другой. А это предполагает творческий поиск в поле созидательных поступков, самонахождение и самовозложение долга, когда свобода, самораскрытие, спонтанность не противостоят социальным предназначениям и корпоративной дисциплине.

УСПЕШНЫЕ ПРОФЕССИОНАЛЫ: НРАВСТВЕННО — СТАЛО БЫТЬ, ЭФФЕКТИВНО. Как нам представляется, корпоративный дух — не некая абстрактная нравственность, неведомо откуда взявшаяся, привнесенная в профессиональную жизнь извне и укореняемая в ней, но нравственность, извлеченная из требований профессионализма в качестве обязательного условия эффективности, стратегически выверенной успешности такой деятельности. Успешно действующий журналист не располагает сертификатом нравственности автоматически, во всех своих поступках и отношениях. Но при массовых и серьезных нарушениях требований профессиональной этики подлинная миссия журнализма в «открытом обществе» оказывается подорванной. Этические требования нельзя трактовать в качестве незатейливых и, по сути дела, пошлых «сервоприводов» профессиональной деятельности или же рассматривать в роли своеобразных духовных «смазочных материалов», которые позволяют бойчее, веселее крутиться колесикам огромной информационной машины, обеспечивая ее ритмичность, бесперебойность, эффективность. Но так или иначе, эта не осененная этическими началами машина чревата различными негативными процессами, пеленает саму себя, препятствует мобилизации собственных динамизирующих факторов, реализации своих социальных функций и потенциалов.

Однако нравится нам это или нет, но процесс становления корпоративного духа не может начинаться с «Большого скачка»

прямоком в мир ценностей гражданского общества. Те, кто так или иначе озабочены настоящим и будущим своей профессии, собираются в локальные образования по принципу взаимного интереса и взаимного доверия: «Мы вместе потому, что профессия в нашем понимании начинается с соблюдения безусловных норм честной игры, в которых выражены базовые ценности нашей профессии».

Группы журналистов, "пассионарно" значимые для становления большой журналистской корпорации — это профессионалы, добивающиеся успеха, действуя по правилам честной игры, независимо от того, оказывается ли соблюдение этих правил полезным для них лично в каждом конкретном случае. Кодексы, хартии, манифесты и т.п. изначально не будут противоречить природе журналистской этики только тогда, когда окажутся точно сориентированными на ценности профессионального успеха — индивидуального, группового, общекорпоративного. Собственно говоря, любая профессиональная мораль (врачебная, педагогическая, юридическая, предпринимательская, научная, политическая и т.п.) не может не быть нацеленной на успех во всех его ипостасях, ибо кому нужен провальный профессионал любой специальности?!

Личный пример успешных профессионалов — достижение успеха именно благодаря соблюдению правил честной игры — лучшее «наглядное пособие» для утверждения корпоративного духа с его как бы парадоксальным девизом: «Нравственно — стало быть, эффективно!» Но не наоборот!

ЭТИЧЕСКИЕ КОМИТЕТЫ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОРПОРАЦИИ. Мы предпочитаем занять скептическую, сдержанную позицию относительно трактовки роли этических комитетов и комиссий профессионального сообщества как — подчеркиваем! — дисциплинарных институций, как подобия журналистских судов над провинившимися, тем более — как разновидности унижительной полиции нравов.

Но тем самым отнюдь не подрывается сама идея (и уже реальная практика, хотя бы отчасти) создания этических

ПОСЛЕСЛОВИЕ РЕДАКТОРОВ

комитетов. Не исключено, что со временем возникнет потребность не только в создании таких комитетов, но и в координации их деятельности с помощью общепрофессионального этического комитета корпорации с совещательно-рекомендательными функциями.

Скорее всего важнейшими задачами этических комитетов и комиссий, там, где они уже созданы, и там, где их еще предстоит создать, были бы следующие:

— этическая экспертиза и консультирование принимаемых решений в сложных, нестереотипных, неопределенно-рискованных нравственно-конфликтных ситуациях, когда сталкиваются нравственные ценности различного достоинства и различного значения в поликультурном пространстве страны, а выбор одной из ценностей не увеличивает этического достоинства других и даже попирает его;

— распространение точных в профессиональном и адекватных в этическом смысле представлений об основах и нормах кодекса, признанного корпорацией "своим";

— культивирование ценностей, норм и оценочных шаблонов этого кодекса и наблюдение за тем, как эти ценности, нормы, правила честной игры, системы оценок работают в реальной жизни сообщества;

— реформирование кодекса по мере накопления практического опыта существования корпорации и "мини-корпораций", ее составляющих (они могут совпадать с различными организациями средств массовой информации);

— подготовка и принятие рекомендаций, укореняющих отдельные положения кодекса в виде подкрепляемых авторитетом сообщества повседневных норм поведения в той или иной стандартной ситуации, представляющей собой не всегда замечаемую моральную "развилку", способную создать узел напряжения во взаимоотношениях отдельных журналистов или всего сообщества с потенциальным пользователем информации или как-то обойти его, опираясь на уже известный способ действия «по прецеденту» и «по этическому канону».

ПОСЛЕСЛОВИЕ РЕДАКТОРОВ

* * *

В заключение необходимо еще раз подчеркнуть, что задачей экспертов, взявших на себя труд участия в проекте, не являлось полное или не полное удовлетворение поставленных вопросов. И вообще, не ответы, а рефлексия — запланированный продукт проекта.

Вместе с тем хочется выразить надежду на то, что на следующих этапах проекта его задачи будут реализованы полнее, вопросы будут, скорее всего, уточнены, а уже полученный опыт окажется плодотворным.

СОДЕРЖАНИЕ

МИССИЯ И КОДЕКС ЖУРНАЛИСТИКИ:
ИГРА ПО ПРАВИЛАМ ИЛИ ЧЕСТНАЯ ИГРА?
(Предисловие редакторов) 3

Раздел 1 ЖУРНАЛИСТСКОЕ СООБЩЕСТВО
ВНУТРЕННЯЯ ЭКСПЕРТИЗА

Рефлексия главного редактора

Р.С.Гольдберг («Тюменский курьер»):
О ЧЕМ СКАЖЕТ ЦВЕТ КОШКИ НА СТОЛЕ 17

С.Л.Корзун (радио «Эхо Москвы»):
МЕЖДУ ИСТОЧНИКОМ И ПОТРЕБИТЕЛЕМ 27

В.Т.Третьяков («Независимая газета»):
ГАЗЕТА — «СОВЕТНИК ПРИ ЧИНГИСХАНЕ»,
ДАЖЕ ЕСЛИ ЭТО ЕЙ ОЧЕНЬ ПРОТИВНО 32

И.Н.Голембиовский ("Известия"):
РУССКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА ВСЕГДА ОТЛИЧАЛАСЬ
НРАВСТВЕННЫМ НАЧАЛОМ 43

В.Г.Лошак («Московские новости»):
ТО ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР, ТО — ПРЕЗИДЕНТ
КОМПАНИИ 56

Е.В.Яковлев («Общая газета»):
ПЛЯСКА СВЯТОГО ВИТТА 65

А.К.Омельчук (телерадиокомпания «Регион-Тюмень»):
КАЖДАЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КАСТА
СОЗДАЕТ О СЕБЕ МИФ 77

И.Я.Гецевич (региональный еженедельник
"Возрождение", Тюмень):
ПРЕССУ, КАК И ОБЩЕСТВО, СПАСЕТ
НЕ КОРПОРАТИВНОСТЬ,
А РАБОТА ДО СЕДЬМОГО ПОТА 87

СОДЕРЖАНИЕ

И.Б.Абакумов («Крестьянские ведомости»).
ЧТОБЫ ИГРАТЬ ПО ПРАВИЛАМ
«ЧЕСТНОЙ ИГРЫ», НАДО ИМЕТЬ ИГРОКОВ,
ПОНИМАЮЩИХ ПРАВИЛА 94

Ю.И.Белявский («Утро России»).
ОБЩЕСТВО КАК ОБЪЕКТ И СУБЪЕКТ
ИНФОРМИРОВАНИЯ 98

О.Б.Добродеев (НТВ).
ПОКА КОРПОРАЦИЯ НЕ СЛОЖИЛАСЬ 100

Рефлексия журналиста

Ю.И.Пахотин («Тюменские известия»).
НА ПРИЗЫВ «ЖУРНАЛИСТЫ ВСЕХ ИЗДАНИЙ —
ОБЪЕДИНЯЙТЕСЬ!» Я СПРАШИВАЮ: "ЗАЧЕМ" . 116

А.В.Минкин («Московский комсомолец»).
О КОРПОРАЦИИ ЖУРНАЛИСТОВ МОЖНО СУДИТЬ
ПО КРИТЕРИЮ СОЛИДАРНОСТИ 123

О.Г.Лобызова («Красный Север»,
Ямало-Ненецкий автономный округ).
ГОТОВЫ ИГРАТЬ ПО ПРАВИЛАМ 134

Л.А.Радзиховский (независимый журналист).
КОРПОРАТИВНАЯ ЭТИКА СООБЩЕСТВА
ЖУРНАЛИСТОВ 145

Ю.А.Сальникова ("Сегодня").
МОЖНО ЛИ НАШУ ЖУРНАЛИСТИКУ ДЕЛАТЬ
ПО ПРАВИЛАМ ЧЕСТНОЙ ИГРЫ? 152

А.С.Политковская («Общая газета»).
СНАЧАЛА ЭТИЧНОЕ ГОСУДАРСТВО,
ПОТОМ ЭТИЧНАЯ ЖУРНАЛИСТИКА 160

Е.Н.Полякова («Радио России»).
НАДЕЖДА НА ОБЩУЮ ИГРУ
И ВЫРАБОТКУ ЧЕСТНЫХ ПРАВИЛ ЕСТЬ 168

СОДЕРЖАНИЕ

В.С.Гуревич («Московские новости»). СОВРЕМЕННАЯ ЖУРНАЛИСТИКА И ПОИСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ.....	172
Я.Б.Юферова («Известия»). КАЖДЫЙ ПИШЕТ, КАК ОН ДЫШИТ	180
Н.В.Вайнонен («Российские вести»). СТЫДЛИВОЕ СЛОВО ЛУЧШЕ БЕССТЫДНОГО .	190
Д.А.Юрьев («Утро России»). НОВАЯ КОРПОРАТИВНОСТЬ КАК ФОРМА СТАРОЙ НОМЕНКПАТУРНОСТИ	200
Раздел 2 ЖУРНАЛИСТСКОЕ СООБЩЕСТВО: ДИСТАНЦИРОВАННАЯ ЭКСПЕРТИЗА	
Рефлексия лидера профессиональной ассоциации	
В.Л.Богданов (Союз журналистов России). КОРПОРАЦИЯ ЗАЩИЩАЕТ ИНТЕРЕСЫ ЦЕХА И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА	211
А.К.Симонов (Фонд защиты гласности). ПРАВИЛА ЧЕСТНОЙ ИГРЫ — ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ	222
Ю.И.Переплеткин (Информагентство администрации Тюменской области). ОБЫКНОВЕННОЕ ЧУДО	228
Э.М.Сагалаев (Международная конфедерация журналистов). МЕНЬШЕ ГРЕШИШЬ — БОЛЬШЕ ДЕЛАЕШЬ	238
И.М.Дзялошинский (Российская ассоциация независимой прессы). «ПРАВИЛА ИГРЫ» ИЛИ НРАВСТВЕННОЕ САМОСОЗНАНИЕ ЛИЧНОСТИ?	248

СОДЕРЖАНИЕ

Рефлексия разработчика профессиональных кодексов

С.А.Муратов (Московский госуниверситет).
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПЕРЕД ОБЩЕСТВОМ..... 257

С.А.Бунтман («Московская хартия»).
ЖУРНАЛИСТИКА НЕ «ЧЕТВЕРТАЯ ВЛАСТЬ».
ОНА СТЕКЛЯННАЯ СТЕНА..... 268

Д.С.Авраамов ("Журналист").
ПОКА НЕ ПЕРЕБОЛЕЕМ ПРОЛЕТАРСКОЙ КОРЬЮ,
ПРИДЕТСЯ ПУТАТЬСЯ МЕЖДУ
ПРАВЫМ И НЕПРАВЫМ 277

О.В.Дикарева (Центр инноваций
и развития ИННОТЭК),
А.А.Игнатьев (Институт США и Канады РАН),
В.А.Смехов (Центр обучения и развития ЭДЮКОН).
КОРПОРАТИВНЫЙ ЭТОС ЖУРНАЛИСТСКОГО
СООБЩЕСТВА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ
И ДИАГНОЗ СИТУАЦИИ 286

Позиция исследователя

Л.В.Поляков (Институт философии РАН).
ЖУРНАЛИСТСКАЯ КОРПОРАЦИЯ:
ВЫЖИВАНИЕ В ДУХЕ ЧЕСТИ 297

В.М.Вильчек (независимый социолог).
МИССИЯ ЖУРНАЛИСТА В ОБЩЕСТВЕ
(По материалам исследования
Фонда защиты гласности) 307

Г.В.Лазутина (МГУ). ...И САМАЯ
НАДЕЖНАЯ ГАРАНТИЯ СВОБОДЫ 318

Д.Кьеза («Ла Stampa»). КОРПОРАТИВНЫЙ
ДУХ МОЖЕТ СТАТЬ ЛОВУШКОЙ 328

А.Ю.Цитовский («Вестник недвижимости»).
КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ И КОРПОРАТИВНОСТЬ
ТЕЛЕВИДЕНИЯ И РАДИОВЕЩАНИЯ 333

СОДЕРЖАНИЕ

В.А.Лепехин (депутат Госдумы). ЖУРНАЛИСТСКАЯ КОРПОРАТИВНОСТЬ КАК ПЛОД ВООБРАЖЕНИЯ	344
Н.В.Мириманова («Партнеры за демократические перемены») ЭССЕ О СВОБОДЕ СЛОВА, ЖУРНАЛИСТСКОЙ ЭТИКЕ И МИССИИ ЖУРНАЛИСТА	350

* * *

ДУХ СВОБОДНОЙ КОРПОРАЦИИ. Послесловие редакторов	361
---	-----

СТАНОВЛЕНИЕ ДУХА КОРПОРАЦИИ:
правила честной игры в сообществе журналистов

Редактор И.М.Розман
Корректор Л.М.Агафонова
Верстка В.В.Титов
Художник В.Я.Янов

Формат 60x90¹/i6
Объем 20 п.л.
Тираж 1000

НАЧАЛА-ПРЕСС
Лицензия ЛР №063510 от 07.07.94

Отпечатано на ордена Трудового Красного Знамени
Чеховском полиграфическом комбинате
Комитета Российской Федерации по печати. Заказ 1016.
142300, г. Чехов Московской области
тел. (272) 71-336 факс (272) 62-536